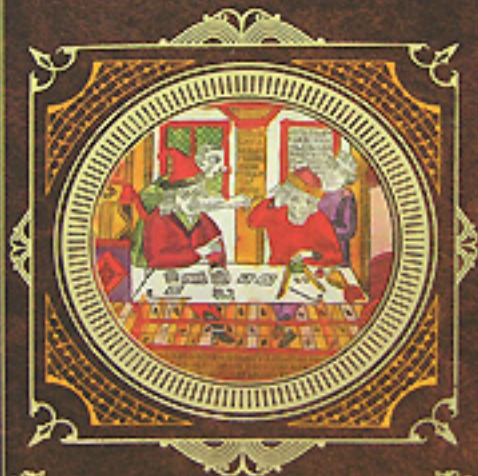

Скоморошны

Сборник Скоморошины

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174923
Скоморошины / Антология: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-25348-7*

Аннотация

Юмор и сатира занимали значительное место в жизни русских людей во все времена: скоморошины, театр Петрушки, медвежья потеха, раёк, народные сатирические спектакли, анекдоты, докучные сказки – все эти фольклорные произведения на протяжении веков развлекали и стар и млад. Выдающиеся исследователи народного творчества сохранили его образцы, благодаря чему мы имеем возможность познакомиться с ними.

В книге собраны произведения сатирического фольклора, а также загадки, припевки и бывальщины про персонажей славянской мифологии – домовых, леших, кикимор, записанные в XIX веке такими известнейшими фольклористами, как А. Афанасьев, С. Максимов, А. Гильфердинг, и другими.

Содержание

Загадки	7
Дразнилки, докучные сказки, припевки	21
Имена мальчиков	21
Имена девочек	36
Внешность	39
Недостатки. Проступки	45
Различные ситуации, обстоятельства	46
Профессия. Сословие. Занятие	49
Ответы в рифму. Остроты	54
Докучные сказки	61
Припевки	67
Цепные песенки	87
Прибаутки	92
Народные анекдоты	99
Скоморошины	134
Усы	135
Дурень	138
Птицы	148
Из монастыря Боголюбова старец Игренище	151
Чурилья-игуменья и Стафида Давыдовна	156
Гость Терентище	160
Хмель себя выхваляет	168
Агафонушка	170

Народный театр	173
Народная драма	174
Мнимый барин	174
Кедрил-обжора	183
Лодка	189
Маврух	202
Параша	206
Театр петрушки	212
Петрушка. Народная кукольная комедия	212
Петрушка. Д. А. Ровинский	215
Петрушка.[216] Лубок	218
Петербургские шарманщики. Д. В. Григорович	229
Вертепные представления	234
Вертеп в Иркутске. Н. А. Полевой	234
Кукольное представление в Торопце. М. И. Семевский	236
Царь Ирод	250
Барыня и доктор	256
Раек[217]	259
Медвежья потеха	263
Прибаутки ярмарочных зазывал	277
I	277
II	287
Былички и бывальщины	289
Про лешего	290

Про водяного	332
Про русалку	352
Про домового	362
Про кикимору	367
Про банника	375
Про овинника	380
Про черта	383
Про покойников	464
Про клады	468
Про святых и библейских персонажей	472
Приложения	484
О повериях, суевериях и предрассудках русского народа. В.И.Даль	484
I. Домовой	491
II. Знахарь и знахарка	498
III. Кликушество и гаданье	505
IV. Заговоры	511
V. Водяной	529
VI. Моряны	531
VII.оборотень	532
VIII. Русалка	534
IX. Ведьма	536
X. Порчи и заговоры	541
XI. Симпатические средства	556
XII. Приметы	565
XIII. Басни, притчи и сказки	597

XIV. Привидения	605
XV. Клады	619
Русская демонология	625
Очерк демонологии крестьян Шенкурковского уезда.[238] А. Харитонов	625
Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. [255] П. С. Ефименко	659
Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии. [257] Н. Н. Харузин	677
Материалы по народным верованиям великорусов.[264] Д.Н.Ушаков	722

Скоморошины

Загадки

*Приводятся загадки из фольклорных сборников
конца XIX века.*

Бежать, бежать – не добежать, лететь, лететь – не долететь.¹

Бежит из котелка, а выбежать не может.²

Без него плачемся, а как появится – от него прячемся.³

Без ног, а бежит, не кончается, никогда назад не возвращается.⁴

Без огня горит, без крыл летит, без ног бежит.⁵

Без окон, без дверей, полна горница людей.⁶

Весной веселит, летом холодит, осенью умирает, весной оживает.⁷

Без рук, без ног, а дерево гнёт.⁸

---

¹ Горизонт

² Ручей

³ Солнце

⁴ Время

⁵ Туча грозовая

⁶ Огурец

⁷ Дерево

⁸ Ветер

Без рук, без ног, а рисовать умеет.⁹

Без рук, без ног, на брюхе ползёт.¹⁰

Без языка, а говорит, без ног, а бежит.¹¹

Бел, да не сахар; нет ног, а идет.¹²

Белый Тихон с неба спихан, где пробегает – ковром устилает.¹³

В болоте плачет, а из болота не идёт.¹⁴

В воде купался, а сух остался.¹⁵

В огне не горит, в воде не тонет.¹⁶

В печь положишь – размокнет, в воду положишь – высохнет.¹⁷

В поле серёжки на тоненьких ножках.¹⁸

Вёрст не считала, по дорогам не ездила, а за морем бывала.¹⁹

Во лугах сестрички – золотой глазок, белые реснички.²⁰

---

⁹ Мороз

¹⁰ Червяк

¹¹ Ручей

¹² Снег

¹³ Снег

¹⁴ Кулик

¹⁵ Гусь

¹⁶ Лед

¹⁷ Воск

¹⁸ Овес

¹⁹ Птица

²⁰ Ромашки

Всегда во рту, а не проглотишь.²¹

Всем, кто придёт, всем, кто уйдёт, руку подаёт.²²

Выше лошади, ниже собаки.²³

Вьётся верёвка, на конце головка.²⁴

Глаза на рогах, а домик на спине.²⁵

Голубое поле серебром усыпано.²⁶

Голубой платок, красный колобок по платку катается, людям усмехается.²⁷

Горшок умён, да семь дырок в нём.²⁸

Грамоту не знаю, а весь день пишу.²⁹

Гребень имею – не пользуюсь им, шпоры имею – не езжу верхом.³⁰

Гуляет в поле, да не конь, летает на воле, да не птица.³¹

Два бодаста, четыре ходаста, один хлестун.³²

---

²¹ Язык

²² Дверная ручка

²³ Седло

²⁴ Змея

²⁵ Улитка

²⁶ Небо и звезды

²⁷ Небо и солнце

²⁸ Голова человека

²⁹ Карандаш

³⁰ Петух

³¹ Ветер

³² Бык

Два братца под одной крышей стоят.³³

Два брюшка, четыре ушка.³⁴

Два кольца, два конца, посередине гвоздик.³⁵

Два рога, а не бык, шесть ног – без копыт.³⁶

Двадцать красных, сорок умных, сто безумных.³⁷

Две головы, шесть ног, две руки, один хвост.³⁸

Две сестрицы пошли в воду купаться, а братец на берегу ждёт.³⁹

Ждали, звали, а оказался – все прочь побежали.⁴⁰

Жевать не жую, а все поедаю.⁴¹

Желанный гость из далёкого края под окном живёт.⁴²

За леском, леском кипит гора с песком.⁴³

Зимой беленький, а летом серенький.⁴⁴

Зимой греет, весной тлеет, летом умирает, осенью ожива-

---

³³ Ворота

³⁴ Подушка

³⁵ Ножницы

³⁶ Жук

³⁷ Годы жизни

³⁸ Всадник

³⁹ Ведра и коромысло

⁴⁰ Дождь

⁴¹ Огонь

⁴² Ласточка

⁴³ Муравейник

⁴⁴ Заяц

ет.⁴⁵

Зимой и летом одним цветом.⁴⁶

Зимой спит, а летом шумит.⁴⁷

Золотое решето чёрных домиков полно.⁴⁸

Зубато, серовато, по полю рыщет, овец ищет.⁴⁹

Зубов много, а ничего не ест.⁵⁰

И тонок, и долог, а сядет – в траве не видать.⁵¹

И языка нет, а правду скажет.⁵²

Из земли вырастаю – весь мир одеваю.⁵³

Из окна в окно – золотое веретено.⁵⁴

Из-под кустика хватыш.⁵⁵

Имеет гнездо на дереве, прыгает и летает по сучьям, а не птица.⁵⁶

К вечеру умирает, поутру оживает.⁵⁷

---

⁴⁵ Снег

⁴⁶ Ель

⁴⁷ Вода

⁴⁸ Подсолнух

⁴⁹ Волк

⁵⁰ Пила

⁵¹ Дождь

⁵² Зеркало

⁵³ Лен

⁵⁴ Луч солнца

⁵⁵ Волк

⁵⁶ Белка

⁵⁷ День

Какое дитя мать не воспитывает?⁵⁸

Кланяется, кланяется, придёт домой – растянется.⁵⁹

Косой бес поскакал в лес.⁶⁰

Красная девица в зеркало глядится.⁶¹

Красное коромысло через реку повисло.⁶²

Кругла, а не месяц, желта, а не масло, с хвостом, а не
мышь.⁶³

Кругом вода, а с питьём беда.⁶⁴

Кто говорит молча?⁶⁵

Кто два раза родился: в первый раз гладкий, во второй раз
мягкий?⁶⁶

Кто двенадцать раз в году рождается?⁶⁷

Кто на себе свой дом носит?⁶⁸

Кто рождается с усами?⁶⁹

---

⁵⁸ Кукушонок

⁵⁹ Топор

⁶⁰ Заяц

⁶¹ Заря

⁶² Радуга

⁶³ Репа

⁶⁴ Море

⁶⁵ Книга

⁶⁶ Птица

⁶⁷ Месяц

⁶⁸ Улитка

⁶⁹ Котенок

Кто со всеми говорит, а его не видно?⁷⁰

Куда ни пойдёшь, всё на них взглянешь.⁷¹

Лапка мягонька, а коготок востёр.⁷²

Летит – кричит, сядет – молчит, кто его уьёт – кровь свою прольёт.⁷³

Летит орлица по синему небу: крылья распластала, солнышко застлала.⁷⁴

Летом вырастают, осенью опадают.⁷⁵

Летом гуляет, зимой отдыхает.⁷⁶

Мал малышок сквозь землю прошёл, синю шапочку на- шёл.⁷⁷

Маленькая, кругленькая – из кармана в карман скачет.⁷⁸

Маленький шарик под лавкой шарит.⁷⁹

Маленький, лёгонький, а за хвост не подынешь.⁸⁰

Маленький, пузатенький – весь дом стережёт.⁸¹

---

⁷⁰ Эхо

⁷¹ Ноги

⁷² Кошка

⁷³ Комар

⁷⁴ Туча

⁷⁵ Листья

⁷⁶ Медведь

⁷⁷ Лен

⁷⁸ Монета

⁷⁹ Мышка

⁸⁰ Ящерица

⁸¹ Замок

Мастер шубу себе сшил, а иголки вынуть забыл.⁸²

Мету, мету – не вымету, несу, несу – не вынесу, пора придёт – само уйдёт.⁸³

Мешано, квашено, валяно, на стол поставлено.⁸⁴

Мохнатенька, усатенька, сядет – песенку поет.⁸⁵

Мягок, а не пух, зелен, а не трава.⁸⁶

На дворе горой, а в избе водой.⁸⁷

На десятерых братьев двух шуб хватает.⁸⁸

На сене лежит, сама не ест и другим не даёт.⁸⁹

На шесте дворец, во дворце певец.⁹⁰

Над бабушкиной избушкой висит хлеба краюшка, собаки лают – достать не могут.⁹¹

Не бьёт, не ругает, а от него плачут.⁹²

Не говорит, не поёт, а кто к хозяину идёт, она знать даёт.⁹³

---

⁸² Еж

⁸³ Лучи солнца

⁸⁴ Хлеб

⁸⁵ Кошка

⁸⁶ Мох

⁸⁷ Снег

⁸⁸ Рукавицы

⁸⁹ Собака

⁹⁰ Скворец

⁹¹ Месяц

⁹² Лук

⁹³ Собака

Не драгоценный камень, а светится.⁹⁴

Не зверь, не птица, а нос – как спица.⁹⁵

Не колода и не пень, а лежит целый день, не жнёт, не косит, а обедать просит.⁹⁶

Не кузнец, а с клещами.⁹⁷

Не кузнец, не плотник, а первый на селе работник.⁹⁸

Не на меру, не на вес, а у всех людей есть.⁹⁹

Не огонь, а жжётся.¹⁰⁰

Не портной, а всю жизнь с иголками ходит.¹⁰¹

Не прядёт, не ткёт, а людей одевает.¹⁰²

Не солнце, не огонь, а светит.¹⁰³

Не стукнет, не брякнет, а в окно войдёт.¹⁰⁴

Не часы, а время сказывает.¹⁰⁵

Не часы, а тикает.¹⁰⁶

---

⁹⁴ Лед

⁹⁵ Комар

⁹⁶ Лодырь

⁹⁷ Рак

⁹⁸ Лошадь

⁹⁹ Ум

¹⁰⁰ Мороз

¹⁰¹ Ежик

¹⁰² Овца

¹⁰³ Светлячок

¹⁰⁴ Рассвет

¹⁰⁵ Петух

¹⁰⁶ Сердце

Не человек, а рубашку просит.¹⁰⁷
Не человек, не зверь, а с усами.¹⁰⁸
Ни хвоста, ни головы, а четыре ноги.¹⁰⁹
Новая посудина – вся в дырах.¹¹⁰
Ноги тонки, бока звонки, а хвост закорючкой.¹¹¹
Ночь спит на земле, а утром убегает.¹¹²
Ночью ходит по небу, а днём спит.¹¹³
Огонь да вода, посередке труба.¹¹⁴
Один пастух тысячи овец пасёт.¹¹⁵
Одна нога и шапка, а головы нет.¹¹⁶
Пёстрая крякушка ловит лягушат.¹¹⁷
По горам, по долам ходит шуба да кафтан.¹¹⁸
По какой дороге полгода ездят и полгода ходят?¹¹⁹

---

¹⁰⁷ Подушка

¹⁰⁸ Сом

¹⁰⁹ Стол

¹¹⁰ Решето

¹¹¹ Собака

¹¹² Роса

¹¹³ Месяц

¹¹⁴ Самовар

¹¹⁵ Месяц и звезда

¹¹⁶ Гриб

¹¹⁷ Утка

¹¹⁸ Овца

¹¹⁹ Река

По поднебесью верёвка тянется.¹²⁰

По синему морю белые гуси плывут.¹²¹

Поверх деревьев свечи светятся.¹²²

Под кустами, под ёлками катится клубок с иголками.¹²³

Поднялись врата, всему миру красота.¹²⁴

Ползёт, ползёт, иголки везёт.¹²⁵

Полон подпечек белых овечек.¹²⁶

Посмотрю я в окошко: идёт длинный Антошка.¹²⁷

Посреди поля лежит зеркало: стекло голубое, рама зелёная.¹²⁸

Поутру на четырёх, в полдень – на двух, а к вечеру – на трех.¹²⁹

Рук нет, а строить умеет.¹³⁰

С бородой родится – никто не дивится.¹³¹

---

¹²⁰ Журавлиный клин

¹²¹ Облака

¹²² Звезды

¹²³ Еж

¹²⁴ Радуга

¹²⁵ Еж

¹²⁶ Рот и зубы

¹²⁷ Дождь

¹²⁸ Озеро

¹²⁹ Человек

¹³⁰ Птица

¹³¹ Коза

С грузом идут, а без груза не идут.¹³²

С хвостом, а не зверь, с перьями, а не птица.¹³³

Сам алый, сахарный, кафтан зелёный, бархатный.¹³⁴

Сам дубовый, пояс вязовый, нос липовый.¹³⁵

Самого чуть видно, а голос слышно.¹³⁶

Светит, а не греет.¹³⁷

Сер, но не волк, длинноух, да не заяц, с копытами, да не лошадь.¹³⁸

Серое суконце лезет в оконце.¹³⁹

Сестра на сестру смотрит, а вместе не сходятся.¹⁴⁰

Сидит девица в темнице, а коса на улице.¹⁴¹

Сидит шутка в семи шубках, кто её тронет, сам заплачет.¹⁴²

Синенькая шубёнка весь мир покрыла.¹⁴³

---

¹³² Часы с гирями

¹³³ Рыба

¹³⁴ Арбуз

¹³⁵ Бочонок

¹³⁶ Комар

¹³⁷ Луна

¹³⁸ Осел

¹³⁹ Дым

¹⁴⁰ Береза

¹⁴¹ Морковь

¹⁴² Луковица

¹⁴³ Небо

Синие потолочины золотыми гвоздями приколочены. ¹⁴⁴

Скатерть бела весь свет одела. ¹⁴⁵

Старик – шутник: на улице стоять не велит, за нос домой тянет. ¹⁴⁶

Старый дед, во сто шуб одет. Кто его одевает, тот слёзы проливает. ¹⁴⁷

Сто одежек и все без застёжек. ¹⁴⁸

Стоит Егорка в красной ермолке, кто ни пройдёт, всяк поклон подаёт. ¹⁴⁹

Стоит Егорка на пригорке, его ищу, а он молчит. ¹⁵⁰

Стоит над водою, трясёт бородою. ¹⁵¹

Тебе дано, а люди пользуются. ¹⁵²

Текло, текло – и легло под стекло. ¹⁵³

Тит на работу вышел – каждый услышал. ¹⁵⁴

То блин, то полблина; то та, то эта сторона. ¹⁵⁵

---

¹⁴⁴ Небо и звезды

¹⁴⁵ Снег

¹⁴⁶ Мороз

¹⁴⁷ Лук

¹⁴⁸ Капуста

¹⁴⁹ Земляника

¹⁵⁰ Гриб

¹⁵¹ Тростник

¹⁵² Имя

¹⁵³ Река и лед

¹⁵⁴ Молоток

¹⁵⁵ Луна

Тянется нитка, а клубок не смотать.¹⁵⁶

У двух матерей по пяти сыновей, одно имя всем.¹⁵⁷

У кого одна нога, да и та без башмака?¹⁵⁸

У кого усы длиннее ног?¹⁵⁹

У маленькой скотинки сто серебряных монеток на спинке.¹⁶⁰

Хорошо видит, а слепой.¹⁶¹

Хоть весь день за ней гоняйся – не поймаешь.¹⁶²

Хотя не огонь, а жжётся.¹⁶³

Чего в комнате не видно?¹⁶⁴

Чего в сундук не запереть?¹⁶⁵

Чему на свете нет ни меры, ни весу, ни цены?¹⁶⁶

---

¹⁵⁶ Паутина

¹⁵⁷ Пальцы

¹⁵⁸ Гриб

¹⁵⁹ Таракан

¹⁶⁰ Рыба

¹⁶¹ Неграмотный

¹⁶² Тень

¹⁶³ Крапива

¹⁶⁴ Воздух

¹⁶⁵ Свет

¹⁶⁶ Огонь

Дразнилки, докучные сказки, припевки

*Приводятся произведения фольклора, собранные
в конце XIX века А. Афанасьевым,
Г.Потаниным, А.Баловым, П.Ивановым,
А.Можаровским, И.Нечаевым, П.Шейном,
К.Рябинским, П.Бессоновым, В.Варенцовым,
В.Кудрявцевым, И.Мамакиным, Д.Садовниковым,
И.Гольшиевым, В.Магнитским.*

Имена мальчиков

* * *

Алешка – лепешка!

* * *

Алеша – три гроша,

Шейка – копейка,
Алтын – голова,
По три денежки – нога,
Спина да брюшина —
Четыре алтына.

* * *

Алексей – не бей гусей!

* * *

Андрей, не робей.

* * *

Андрей – воробей,
Не клюй конопель:
Конопли трещат,
Воробьи пищат.
Не клюй песка,

Не марай носка.

* * *

Андрей – воробей,
Не клюй песок.
Не тупи носок.

* * *

Антошка – картошка!

* * *

Антон – еж!
Куда ползешь?
Заползешь в яму
Не выползешь.

* * *

Афанасий – беспоясый.

* * *

Борька – Борис
На ниточке повис!
Ниточка трещит,
А Боречка пищит!

* * *

Иван-болван
Молоко болтал,
Не выболтал,
А все выхлебал.
Жена пышку пекла,
Ему шиш подала.

* * *

Иван-болван
Молоко болтал,
В печь поставил,
Нам не оставил:
Жена крива
Молоко пролила.

* * *

Иван-болван
С колокольни упал,
Три года катился,
Пылью подавился.

* * *

Васька – Васюк,
Полетай на сук,
Там кошку дерут,

Тебе лапку дадут.

* * *

Васька – Васенок,
Худой поросенок,
Завяз в траву,
Кричит: «Мяу!
Не вылезу!»

* * *

Чирий – Василий,
Раздайся пошире!

* * *

Гришка – чупрыжка!

* * *

Гришка – расстрижка.

* * *

Гришка – ярыжка,
Голая лодыжка.

* * *

Гришка, Гришка
Украл топоришко,
Побег на ярышко;
Побег к брату,
Украл хату;
Побег к отцу,
Украл овцу.

* * *

Гришенька-дурачок
Повадился в кабачок,
Там его били,
Его колотили
В четыре дубины,
Пята – осина —
По бокам возила.

* * *

Ехал наш Данила
На сивой кобыле;
Кобыла упала,
Шкура не пропала:
Из шкуры – сапожки,
Из копыт – гребешки,
Из хвоста дергало,
В скрипочку играло.

* * *

У Егора
Спина гола.

* * *

Егор,
Подай багор —
Точило плывет.

* * *

Из-за лесу, из-за гор
Идет дедушка Егор.
Его девушки любили,
Кашей масляной кормили;
Каша масляная,
Ложка крашеная,
Ложка гнется,
Нос трясется,

Душа радуется.

* * *

Никошка,
Посмотри в окошко:
Побежала кошка.

* * *

Миколенька, Микулай,
Сиди дома, не гуляй.
Твоя жена прытка —
Напряла мотушку.
Одну-то украла,
Кота поклепала.
Кот-то побожился,
К стене приложился.

* * *

Костюшка косой,
Не ходи полосой,
Там кошку дерут,
Тебе лапку дадут.

* * *

Лев, Лёвка,
Дурацкая головка.

* * *

Мироновы дети
Сидят на повети,
Плетут лапоточки.
Кому лапоточки?
Барину толстому —
Миرونу Краснову.

* * *

Мишка – кольшка,
Мишка – еловая шишка.

* * *

Никита-хлопота
Все яйца прокатал.

* * *

Петька – петух
На курице протух!

* * *

Сашка – олашка,
Бык толстой,
Каравай густой.

* * *

Сеня-везеня,
Вези бабу на санках,
Сам пешком,
Перевертышком.

* * *

Сеня-безеня,
Вез бабу на санках,
Санки – скок,
Сеньке – в лоб!

* * *

Тимоша —
Два гроша.

* * *

Федя – редя
Съел медведя,
Кошка драна,
Мышь погана.

* * *

Федул
Губы надул.

* * *

Фома – большая крома.

* * *

Хорь, хорь, хорьки,
Харитон-борки,
Вилки,
Затылки,
Крест на аркане,
Пояс на гайтане.

Имена девочек

* * *

Агашка —
Грязная рубашка.

* * *

Акулина с висока
Задушила гусака.
Гусак пищит,
Сто рублей тащит.

* * *

Анна – банна,
Нога деревянна,
Трубна затычка,
Швейка,

Копейка,
Голова алтын.

* * *

Катерина – лепеха,
Задавила петуха,
Петух пищит,
Катюшку за юбку тащит.

* * *

Катерина – котенок,
Жирный поросенок,
С горки катился,
Салом подавился.

* * *

Тетушка Маланья —
Голова баранья,

Блин толстой,
Каравай пресной.

* * *

Настя – плястя.

* * *

Таня – сметана,
Кошечка бежала,
Сметану слизала.

* * *

Фекла смолкла.

Внешность

* * *

Пузырь.
Колокольня.
Коломенская верста.
Стылыпинская сосна.

* * *

Рыжий, красный —
Человек опасный,
Рыжий пламенный
Сожег дом каменный,
Рыжий палящий —
Вор настоящий.

* * *

Печеный рак,
Полезай сюда в колпак.

* * *

На роже черти горох молотили!

* * *

Кривой камбал!

* * *

Косой заяц
Нанес яиц,
Вывел детей,
Косых чертей.

* * *

Лихо одноглазое.

* * *

Косой заяц,
Кос, кос —
Три яичка снес,
Пощупали косога —
Он опять с яйцом.

* * *

Косой бес
Пошел в лес,
Срубил палку.
Убил галку.
Галка плачет,
Косой скачет.

* * *

Крив-кривца
Наварил пивца,
Назвал гостей
Кривых чертей:
Пиво попили,
Кривого прибили,
Срубили палку,
Убили галку.
Галчата кричат,
За мать драться хотят.

* * *

Кобыла ногайская.

* * *

Корова осановская.

* * *

Где «хром», тут и праздник!

* * *

Утячы лапки.

* * *

Козы лапки.

* * *

Губошлеп.

* * *

Не гремит, а отсвечивает (о сопливом).

Недостатки. Проступки

* * *

Вор, вор,
Не ходи ко мне на двор:
Тебя кони залягают,
А коровы забодают.

* * *

До носу крюком не достанешь.

Различные ситуации, обстоятельства

Ребята очень не любят, когда их дразнят: мальчиков – жеманом, а девочек – невестой, таким поддразниванием многих можно довести до слез. Такое поддразнивание ребята учиняют иногда целым хором. Заставив плакать одного, принимаются за другого. Для таковой цели существуют особые песенки...

* * *

Мята, мята —
Вся она примята.
Во мяте-то елха,
Во елхе – светелка.
Во светелке любчик —
(имя) голубчик.
У него есть любка —
(имя) голубка.

* * *

Овин горит

Со пшеницею.
(Имя) бежит
Со девицею.
Со которою?
Со (имя).

* * *

Машенька – невеста,
Съела горшок теста,
Вася – женишок,
Убрался под шесток.

* * *

Тили, тили, тилишок,
Иванушка – женишок,
Тили, тили, тесто,
Машенька – невеста.

* * *

Бесштаный рак
Покатился под овраг.
Там кошку дерут,
Тебе лапку дадут.

«Бесштанниками» называют в насмешку маленьких, и если они хотят увязаться со старшими в поле, или лес, или реку, то их прогоняют этими стишками.

* * *

Пойманному на чужом огороде кричат:

Чок, чок, мачок —
Огородни-чок.

Профессия. Сословие. Занятие

Мельник

Мелю, мелю, засыпаю
И в мешочек набиваю,
На стороны поглядаю.

Мясник

Головы роняем,
Хвосты задираем,
Глаза ковыряем.

Столяр

Столяр – сосногрыз.

Извозчик

Гужеед.

Сапожник

Сапожник – безбожник.

Лакей

Лизоблюд.

Портной

Портной – швец,
Не хочешь ли щец?
Портной – портняшка,
Не хошь ли кашки?

Половой

Шестерка.

Живописец

Мазилка. Богомаз.

Чиновник

Приказная строка.

* * *

Крапивное семя.

Солдат

Солдат бравый
Хвост расправил,
На макушке —
Три лягушки.

Баре

Баре – по грошу пара.

Духовенство

Кутейники. Кутья прокислая.

* * *

Жеребьячья порода.

* * *

Поп – толоконный лоб.

* * *

Дьякон – вякал.

* * *

Монах – в гарнитуровых штанах.

Ответы в рифму. Остроты

* * *

«А?» —
«Ворона кума,
Галка крестница,
Тебе ровесница».

* * *

«А?» —
«Слушай ухом, а не брюхом».

* * *

«А?» —
«Про глухого поп двух обеден не служит».

* * *

«Что?» —

«Семеро на одном колесе проехали».

* * *

«Как зовут?» —

«Зовут зовуткой,
Величают уткой».

* * *

Зовут летом-то

Филаретом,

А зимой – Кузьмой.

* * *

«Где был?» —
«Где был, отсюда не видно».

* * *

«Для чего?» —
«Для дурацкого спросу».

* * *

«Когда?» —
«После дождичка в четверг,
После снега в пятницу».

* * *

«Когда?» —
«На ту осень,
Годов через восемь».

* * *

«Иди прямо». —
«Прямо-то одни только вороны летают».

* * *

«Мне это подаришь?» —
«Подаришь-то уехал в Париж,
А остался один купишь».

* * *

«Брюхо у меня болит». —
«Брюхо болит,
На краюху глядит».

* * *

«Дай кваску». —
«Пьешь и воду,
Не боярского роду».

* * *

«Дай мне горошку!» —
«Побегай по дорожке,
Так и дам тебе горошку».

* * *

«Дай пирожка!» —
«Не загнуты рожка!»

* * *

Желательно поозорничать, но так, чтобы не было ни истцов, ни ответчиков (...), зажмурит глаза и размахивает палкою, предупреждая:

На слепого не пенять.

* * *

Попалась бумажка, «гвамотка» – по-деревенски, и резвый уже «читает»:
Писано-переписано,
После Ивана Денисова.
Не поп писал – Ермошка,
Коротенька ножка.

* * *

Лежащий на постели с краю говорит:
С краю – в раю,
Мед колупаю,

А находящийся в середине говорит:
В середках —
В золотых пеленках.
К стенке —
В золотой пенке.

* * *

(...) Собралась группа детей: один из них ест что-нибудь, у других возникает аппетит. Кто пошустрее, зажмурив глаза, протянул к едящему руку и просит:

Крива рука
Пить-есть хочет.
Кто подаст —
Золотой глаз,
Кто не подаст —
Коровий глаз.

Кому же охота иметь коровий глаз – лучше поделиться.

Докучные сказки

(...) Докучные сказочки начинаются обыкновенно предварительным обманом ребенка. Рассказчик скажет желающему слушать сказку: «Слушай, я расскажу тебе сказку хоро-о-о-шую, д-о-о-лгую». Ребенок, думая, что в самом деле ему хотят рассказать сказку хорошую и долгую, наостряет свои уши и весь превращается в слух, а между тем обманывается: рассказчик начинает рассказывать сказку докучную.

* * *

Жил-был царь Ватуга,
И вся сказка тута.

* * *

Жил-был царь Додон,
Замарал себе ладонь.

* * *

Сказать тебе сказочку?
Связать тебя в связочку,
Положить под лавочку:
Лежать тебе три дни,
Съедят тебя свиньи.

* * *

Жили-были два брата журавля.
Скосили стожок сенца;
Положили среди кольца...
Не начать ли опять с конца?

* * *

Вокруг польца ходили журавль да овца;
Сметали они стожок сенца.
Не сказать ли с конца?

* * *

Жил Кутырь да Мутырь,
Жил посереди степца,
Накопил себе стожок сенца;
Пришли к нему баран да овца,
Подъели стожок сенца.
Не сказать ли опять с конца?

* * *

Жили-были два гуся,
Вот и сказка вся!

* * *

В некотором царстве,
В некотором государстве
Жила-была ворона,
И вздумала она лететь
В тридевятое царство,

В тридесятое государство.
Полетела,
Летела, летела, летела —
Да села,
Сидела, сидела, сидела —
Да полетела;
Летела, летела, летела —
Да села;
Сидела, сидела, сидела, сидела —
Да полетела...

* * *

В одном болоте жила-была лягушка

По имени по отчеству квакушка.

Вздумала лягушка вспрыгнуть на мост,

Присела да и .....

Завязила в тину хвост: дергала, дергала, дергала, дергала —

выдернула хвост. Да занизила нос: дергала, дергала, дергала,
дергала —

Выдернула нос,

Да завязила хвост: дергала, дергала, дергала, дергала — вы-

дернула хвост,

Да завязила нос и т. д.

* * *

Жили-были два братца, два братца – кулик да журавль. Накосили они стожок сенца, поставили среди польца. Не сказать ли сказку опять с конца?

* * *

Жил-был старик, у старика был колодец, а в колодце-то елец; тут и сказке конец.

* * *

Жил-был царь, у царя был двор, на дворе был кол, на колу мочало; не сказать ли с начала?

* * *

– Сказать ли тебе сказку про белого бычка?

– Скажи.

– Ты скажи, да я скажи, да сказать ли тебе сказку про белого бычка?

– Скажи.

– Ты скажи, да я скажи, да чего у нас будет, да докуль это

будет! Сказать ли тебе сказку про белого бычка?

Припевки

* * *

Журавль долгоногий
На мельницу ездил,
Диковинку видел:
Козел мелет,
Коза засыпает,
Маленьки козлятки
В амбарах гуляют,
Муку насыпают,
Сами согревают,
А барашки – круты рожки
По улице ходят,
В дудочки играют,
А вороны – стары жены
Пошли танцевати,
А сороки-белобоки
Пошли примечати:
Ногами топ-топ,
Глазами хлоп-хлоп.

* * *

Скачет галка
По ельничку,
Бьет хвостом
По березничку.
Наехали на галку
Разбойнички,
Сняли они с галки
Синь кафтан.
Не в чем галочке
По городу гулять.
Плачет галка,
Да негде взять.

* * *

Курочка-тараторочка
По двору ходит,
Цыплят выводит,
Хохолок раздувает,
Бояр утешает.

Уж как наша попадья
Зарождала воробья,
Совсем воробей,
Совсем молодой,
Остроносенький, долгоносенький.
По-под гребницей красная девица.
Повели воробья
Во боярский двор
К воеводе в дом.
Воевода, сын господский,
Не секи его кнутом,
Обстриги его кругом.
При дорожке, при долинке стой.
Кто нейдет, нейдет,
Назовет его попом.
Уж ты батюшка попок,
Зачем служишь без порток?
Я не ездил во полки,
Не завел себе портки,
Портки строченые,
Позолоченные.

Курочка-тараторочка
Снесла яичко
В углу на полочке,
На овсяной соломочке.
Пришла мышка,
Хвостиком вильнула,
Яичко столкнула,
Яичко покатилося
Под тын в огород.
Тын подломился,
Сороке ногу переломил.
Она стала прыгать:
«Чики, чики, сорока!
Где ты была?» —
«Далеко:
Я у бабушки
На попрыдушке». —
«Что ела?» —
«Кашку». —
«Что пила?» —
«Бражку.
Кашка масленька,
Бабушка добренька,
А бражка сладенька».

* * *

Куручка ряба
Через улицу брела,
Перешиблена нога.
«Кто ей перешиб?» —
«Торопыжка».
Торопыжка-мужичок
Торопится в кабачок.
Коротеньки ножки,
Новеньки сапожки.
Куручка по двору
Похаживает,
Цыпляток своих
Поваживает,
Хохолок подымает.
Бояр утешает,
Бояры-то смеются,
У них бороды трясутся.

* * *

Кукареку! Петушок

Подает голосок
На боярский дворок.
Там бояре сидят,
Они кройки кроят,
Не докраивают,
Они пушки пушат,
Не допушивают.

* * *

«Гулю, гулю, голубок,
Кто тебя зарезал?» —
«Тятенька зарезал,
Маменька щипала,
Бабушка варила,
Вся семья хлебала,
Одна дочка не хлебала,
Под столом сидела,
Косточки сбирала,
В платочек вязала;
Она вышла на речку,
Косточки помыла,
В крут берег зарыла.
Тут шли скоморошки,
Срезали по пруточку,
Они сделали по гудочку.

Вы, гудки, не гудите,
Моего батюшку не будите,
Мой батюшка старенек,
Моя матушка молоденька,
Все братья по службам,
Все сестры по замужьям,
Брата Романа убили...» —
«Где его схоронили?» —
«У Петра, у Павла,
Под тремя колоколами.
Кто по нем потужит,
Кто по нем поплачет,—
Два волка мохнатых,
Куточка хохлата,
Коза в сарафане».

* * *

Тень, тень потетень!
Выше городу плетень.
На полице трубица,
Гороховица.
На печи звезда
Калачи пекла.
Тетка богатка,
Сшей мне рубашку!

Я поеду жениться —
На стенке, на бурке,
На вечной каурке.
Сенька-вязенька,
Вези меня на палке,
А сам пешком,
Перевертушком.

* * *

Тень, тень, потетень!
Выше городу плетень.
У Спаса бьют,
У Николы звонят,
У старого Егорья
Часы говорят.
Братцы-казанцы,
Поедемте на зайца!
Зайца уъемте,
Попа привеземте:
Попа за стол,
Попадью под стол.
Кикимора на печке
Ширинку шьет,
Петух в сарафане
Овес толчет,

Куручка в сапожках
Избушку метет,
Блоха на пороге —
Отри ноги.

* * *

Иванушка-простота
Купил лошадь без хвоста.
Поехал жениться,
Привязал корытце,
Корыто мотается,
Жена улыбается.

* * *

Иванушка-рачек
По бережку скачет,
Белу рыбку ловит,
Аннушке носит:
«Аннушка сердце!
Свари уху с перцем,
А я приду с хлебцем:
Я приду хлебати,

Тебя целовати».
Наварила, напекла
Три аршина киселя,
Пять пудов пирогов,
А к этим пирогам
Выбирался женишок
Иванушка-дурачок.

* * *

«Уж ты бабушка Арина,
Ты куда, куда ходила?» —
«На базар ходила,
Себе ведерки купила». —
«Что дала?» — «Рубль дала,
Коромысел-полтора».

* * *

«Что на улице шумят?» —
«Сарафан бабы делят:
Кому клин, кому стан,
Кому весь сарафан».

* * *

Чики, чики, чикалочки,
Едет мужик на палочке,
Жена на тележке
Щелкает орешки.

* * *

Поповы ребята
Горох молотили,
Цепы поломали,
В овин побросали,
Косой загляделся,
Овин загорелся.
Поп испугался,
Попадья с печки, Дьякон из-под лавки —
Перебил все склянки,
Кочет с поллицы —
Поломал косицы.

****

Бубен, бубен!
Сядь на бочку,
Отдай свою дочку
За нашего князя:
У нашего князя
Семеро саней,
Лубьями крыты,
Гвоздями биты;
Трои сеновалы,
Стоги на подвале,
Коза не подскочит,
Сено не развалит.
Коза подскочила,
Сено развалила.

* * *

«Туру, туру, пастушок.
Далеко ли отошел?» —
«От моря до моря,
До Киева города». —
«Что там царь делает?» —

«Туру ногу пишет
На золотом блюде,
Серебряном стуле.
Стул подломился,
Царь покатился.
Его жена Марья
Породила сына». —
«Как его имя?» —
«Царя Константина». —
«Бубен ты, бубен!
Сядь на бочку,
Отдай свою дочку
За нашего князя:
У нашего князя
Собаки борзые,
Холопы босые».

* * *

«Туру, туру, пастушок,
Калиновый батожок!
Далеко ли отошел?» —
«От моря до моря,
До Киева города;
Там наша родина.
На родине дуб стоит,

На дубу сова сидит,
Сова-то мне теща,
Воробей-то шурин,
Глазом щурит.
Некарька-сорока
По берегу скакала,
Коренья копала,
Косарь потеряла».

* * *

«Туру, туру, пастушок,
Осиновый листышок!
Для чего ты трубишь
От моря до моря,
До Киева города?» —
«В чистом поле дуб стоит,
На дубу сова сидит.
Сова, сова – теща,
Синичка – сестричка,
Сходи за водичкой». —
«Я волка боюсь, Медведя страшуся.
Волк на болоте
Считает озороды,
Свою жену кричит.
Своя жена Марья

Спородила сына,
Сына Максима,
В четыре аршина».

* * *

Ай шувы, шувы, шувы.
Поперек Москвы
Промощенные мосты
Ехал барин-господин,
Таракана задавил,
Семь рубликов заплатил.

* * *

Не метелица метет вдоль по улице,
Вдоль по улице, вплоть до кузницы.
В этой кузнице два кузнечика куют,
Куют, куют, принаваривают,
Меня, Дуню, приговаривают:
«Вот тебе, Дуня, замок с ключом». —
«Не надо мне замок с ключом,
А надо мне пистолет с ружьем.
Убила бы я свово мужа-дурака.

Мой муж-дурак – таракан.
Проел он Дуне сарафан,
Все пуговики проглотил».

* * *

Кроме музыки инструментальной, которой дети сопровождают свое пение, они в количестве трех-пяти человек составляют иногда еще такой замысловатый концерт. Возьмут, разделят песенку на известные части и назначат каждому петь только одну какую-нибудь часть в два или три слова. Так, прибаутку:

В Казани на базаре
Сани, дровни
Дешевы, дешевы! —

дети поют таким образом: один мальчик первый стих «В Казани на базаре» дискантом, другой второй стих: «сани, дровни» – тенором, третий – третий стих: «дешевы, дешевы» – басом, и каждый тростит свои слова до тех пор, пока не устанет. Все стихи поются в одно время, а не по очереди. Так же дети поют следующую песенку:

Сам дуду, сам дуду!
Сам игумен идет,

Свою братью ведет
Через тын-монастырь.
Блины мазаные.

* * *

Бабушка Ульяна!
Голова твоя кудрява.
Садись-ко в сани,
Поедем-ко с нами.
Там на базаре
Коза в сарафане,
Утка в юбке,
Куручка в сапожках,
Корова в рогоже,
Нет ее дороже.

* * *

Танцевала рыба с раком,
А петрушка – с пастернаком,
А цибуля – с чесноком,
Красна девка – с казаком,
А морковка не хотела,

Потому что не умела.

* * *

А и дон-дон-дон,
Загорелся жучий дом;
Бежит жук с ведром
Заливать свой дом.

* * *

Гуси-лебеди летели,
В поле банюшку доспели.
Коростель полки мостил,
Таракан дрова рубил,
Комар по воду ходил,
В грязи ноги увязил,
Он не вытащил,
Глаза вытаращил;
Блоха поднимала,
Живот надорвала.
Муха банюшку топила,
Пчелка воду наносила,
Оса щелок щелочила,

Блошка парилася
Да запарилася,
С полка грянулася,
Об пол вдарилася:
На ушат ребром попала,
Изувечилася,
Изуродовалась,
Что без пальца рука,
Без мизинца нога.
«Охи, охи, не могу,
Потяните за ногу!»
Муха подскочила,
Ножку подломила,
В передбанник понесла,
На рогожку поклала;
Завопила тут блоха:
«Вы подайте мне дьячка
Да запечного сверчка
Отпевать грешну рабу,
Черну блоху во гробу!»
Жучки ямку рыли,
На погост носили,
Блоху хоронили,
Сверчки отпевали,
Блоху провожали.

* * *

Тень, тень, потетень!
Как у Спаса звонят,
Как у старого Егора
Часы говорят:
«Бабушка, старушка,
Бей в доску.
Вспоминай Москву:
Как у нас в Москве вино —
По три денежки ведро:
Хоть пей, хоть лей.
Хоть окачивайся.
Пряники пекутся,
В руки не даются.
Мальчик резвый
В руку плюнул».

Цепные песенки

* * *

Тень, тень, потетень,
Выше города плетень,
На полице гороховица.
У Спаса бьют,
У Николы бьют,
У старого Никиты
Часы говорят.
«Ах ты, козонька-коза,
Уж и где же ты была?»
«Я коней пасла». —
«А где кони?» —
«Никола увел». —
«А где Никола?» —
«В клетку ушел». —
«А где клетка?» —
«Вода поняла». —
«А где вода?» —
«Быки выпили». —
«А где быки?» —
«В круты горы ушли». —
«А где круты горы?» —

«Черви выточили». —
«А где черви?» —
«Гуси выклевали». —
«А где гуси?» —
«В тростник ушли». —
«А где тростник?» —
«Девки выломали». —
«А где девки?» —
«За мужьями ушли». —
«А где мужья?» —
«Мужья примерли,
Один остался».

* * *

«Ворона, ворона,
Куда ты летала?» —
«К матушке, к батюшке». —
«Что они тебе дали?» —
«Ступу, лопату,
Корову горбату,
Помело с хвостом».

Бубен ты, бубен!
Отдай свою дочку
За нашего князя:
У нашего князя
Трое саней с козырями —
Шелком обшиты,
Серебром покрыты;
Сени новые.
Курица взлетела,
Сени обломила;
Пришла коза,
Подняла на рога.
«Ох ты, козынька, коза,
Где же ты была?» —
«У попа я на дворе». —
«Что там делала?» —
«Коней пасла». —
«Что же ты выпасла?» —
«Жеребеночка
В золотой узде,
Позолоченной». —
«Где же жеребеночек?» —
«В клетку ушел». —
«Где же клетка?» —

«Вода потопила». —
«Где же вода?» —
«Быки выпили» (и так далее).

* * *

Нишни, нишни,
Женихи пришли!
«А где женихи?» —
«За воротами стоят». —
«А где ворота?» —
«Водой снесло». —
«А где вода?» —
«Быки выпили». —
«А где быки?» —
«За горы ушли». —
«А где горы?» —
«Черви выточили». —
«А где черви?» —
«Гуси выклевали». —
«А где гуси?» —
«В тростник ушли». —
«А где тростник?» —
«Девки выломали». —
«А где девки?» —
«За мужья ушли». —

«А где мужья?»—
«Траву косят».—
«На что трава?»—
«Коров кормить».—
«На что коровы?»—
«Молоко доить».—
«На что доить?»—
«Ребят поить».—
«А на что ребят поить?»—
«По грибы ходить».

Прибаутки

* * *

«Разбуди меня, мама, завтра пораньше!» – «Что так?» – «Да вот хлебушка-то ломоть доесть: теперя уж не смогу».

* * *

«Сладки гусиные лапки». – «А ты едал?» – «Нет, а отец видал, как воевода едал».

* * *

«Куда, миленький, снаряжаешься?» – «Не скажу». – «Скажи, мой дорогой, куда снаряжаешься?» – «В город на ярмарку». – «Миленький, возьми меня с собой!» – «Не возьму». – «Возьми, мой дорогой, меня с собой». – «Садись на самый краешек». – «Что у тебя, миленький, в возу?» – «Не скажу». – «Что, мой дорогой, в возу?» – «Яблоки». – «Дай мне, миленький, яблочко». – «Не дам». – «Дай, дорогой, яблочко». – «Возьми одно». – «Где мы, миленький, ночуем с тобой?» – «Не скажу». – «Скажи, мой дорогой, где ночуем с

тобой?» – «В большой деревне, у попа в пелевне¹⁶⁷».

* * *

«Коза, коза, лубяные глаза, где ты была?» – «Коней пасла». – «А кони-то где?» – «Николка увел». – «А Николка-то где?» – «В клеть ушел». – «А клеть-то где?» – «Водой унесло». – «А вода-то где?» – «Быки выпили». – «А быки-то где?» – «В гору ушли». – «А гора-то где?» – «Черви сточили». – «А черви-то где?» – «Гуси выклевали». – «А гуси-то где?» – «В вересняк ушли». – «А вересняк-то где?» – «Девки выломали». – «А девки-то где?» – «Замуж выскакали». – «А мужья-то где?» – «Все примерли».

* * *

Гуси-лебеди летели, в чисто поле залетели, в поле банюшку доспели. Воробей дрова колол, таракан баню топил, мышка водушку носила, вошка парилася, приушмарилася,¹⁶⁸ белла гнида подхватила, на рогожку повалила; сера блошка подскочила, ножку подломила, в передбанок вошку выносила...

---

¹⁶⁷ Пелевня – сарай для соломы.

¹⁶⁸ Уморилась.

* * *

Кот на печи сухари толчет, кошка в окошке ширинку шьет, свинья в огороде овес толчет, курочка в сапожках избушку метет; вымела избушку, положила голичок под порожек.

* * *

Ходит курочка в сапожках, выронила перышко, из перышка-то ядрышко; укатилось оно на Иваново село. На Ивановом селе-то собачка на лычке потявкивает, медведь на цепочке порывается, господин на печке обувается, госпожа за печкой оладьи печет, сухари толчет.

* * *

Лежит зайка под кустом; охотники за ним взорят, зверя малого ловят. Скочил зайка на ноги: «Вы, охотнички, идите – на мой хвостик посмотрите!»

* * *

«Зайка серенький, где ты был-спобывал?» – «Был я, по-

бывал в огороде-ельничке, в амбарчике-спальничке». – «Кого видел-сповидал?» – «Видел я, повидал три девчины хороши, три любчины пригожи; Анюшенька черноброва, черноглаза лучше всех». – «Заинька серенький, они звали ли тебя?» – «Звали-звали, позывали: Катюша на часок, Марьюша на денек; Анюшенька удала на недельку позвала». – «Заинька серенький, кормили ли тебя?» – «Катюша-то блинами, Марьюша-то пирогами; Анюшенька удала кашу с маслом поднесла». – «Заинька серенький, поили ли тебя?» – «Катюшка-то пивцом, Марьюша-то винцом; Анюшенька удала стакан меду налила». – «Заинька серенький, положили ли тебя?» – «Катюша-то на лавку, а Марьюша на другую; Анюшенька удала подушечку подала». – «Заинька серенький, не били ли тебя?» – «Катюша-то клюкой, а Марьюша кочергой; Анюшенька удала за ушеньки подрала». – «Заинька серенький, провожали ли тебя?» – «Катюша-то на сенец, а Марьюша на крылец; Анюшенька удала за ворота провела».

* * *

Тень-потетень, выше города плетень; на полице трубица гороховая, на печи калачи, как огонь горячи, с печки упали, в горшочек попали. Кушайте, бояре, поварных щей. Тетка-божатка, Крестная мать, сошей-ка рубашку, тоненьку, беленьку, косой вороток. Поеду я жениться, на сивке, на бурке, на соловой кобылке. Кобылка, кобылка, не сдерни овина; в ови-

не Арина ткёт полотно, перетыки-то¹⁶⁹ кладет, да недотыкивает. Шапка-татарка поехала по лавкам; бей в доску да поминай Москву. Как на Вологде вино по три денежки ведро, хоть пей, хоть лей, хоть окачивайся! Куколка, куколка, для ча долго не жила? Я боялась типуна. А типун-то не судья, а судья-то лодыга. Лодыгины дети хотят улетети за Иванов город. Они по грамотке пишут, на девицу дышут. Девица, девица, поди по водицу! На дороге-то волки горох молотили, поповы ребята попу-то сказали, попадья-то с печи обломала плечи. Сем-пересем на лопатке испечен; мужик песню спел, на капустник сел, съел три короба блинов, три костра пирогов, заулок рогулк, заход калачей, макинницу сулою,¹⁷⁰ овин киселя, поваренку щей!

* * *

Ну-тка, дядюшка Корнило, запрягай-ка ты кобылу, у Макарья на песку приразмычь горе-тоску: стоит бражка в туеску,¹⁷¹ бражка пьяная-пьяна, весела хмельная голова! Бражку порняй¹⁷² выпивай!..

---

¹⁶⁹ Перетыки – особенного рода нить, затканная в полотно.

¹⁷⁰ Сулои – мутный квас и густое сусло, из которого варят ржаной кисель.

¹⁷¹ Туес – берестяной бурак.

¹⁷² Порно – крепко, скоро, прытко.

* * *

Пошел полковник погулять, поймал птичку-перепелочку; птичка-перепелочка пить похотела, поднялась-полетела, па-ла-пропала, под лед попала, попа поймала, попа-поповича, Петра Петровича.

* * *

Однажды говорила о себе репа: «Я, репа, с медом хороша!» – «Поди прочь, хвастунья! – отвечал ей мед. – Я и без тебя хорош».

* * *

Была репа важная, дивилась старуха кажная; одним-днем кругом не обойдешь; у той репы половину мы с семьей целую неделю ели, а другую половину другую неделю; корку навалили да кобылу надсадили и телегу обломили. Вот какая была мудрость недавно утресь!¹⁷³

---

¹⁷³ Утром.

* * *

Стоит град пуст, а во граде куст; в кусте сидит старец да варит изварец; и прибежал к нему косо́й заяц и просит изварец. И приказал старец безно́гому бежать, а безру́кому хватать, а голо́му в пазуху класть.

Народные анекдоты

Приводятся народные анекдоты, собранные в конце XIX века А. Афанасьевым.

* * *

Был в одной помещичьей деревне управляющий-немец, праздников наших не почитал и завсегда заставлял мужиков работать. Приходит к нему однажды староста и говорит: «Завтра у нас праздник, работать нельзя». – «Какой там праздник выдумал?» – «Да святого Николы, батюшка!» – «А где он? Покажь мне его!» Староста принес образ. «Ну, это доска! – говорит немец. – Мне она ничего не сделает, и сам буду работать, и вы не ленитесь». Вот мужики и придумали сыграть с немцем шутку; опять приходит к нему староста: «У нас, батюшка, завтра праздник». – «Какой праздник?» – «Да преподобного шерстня». – «А где он? Покажь!» Староста привел его к старому дуплу, где шерстни водились: «Вот он!» Немец стал заглядывать в щели, а шерстни так и гудят! «Ишь, – говорит немец, – как песни-то распевает! Али водочки хлебнул? Ну, да я его не боюсь, все-таки прикажу работать». Пока немец рассуждал, шерстни вылетели и давай его жалить. «Ай-ай! – закричал он во всю мочь. – Право сло-

во – не велю работать, и сам не стану; пускай мужики хоть всю неделю гуляют».

* * *

В некоем царстве поехал король по столичному городу покататься и в то время обронил с своей руки именной перстень. Тотчас же приказал он опубликовать в газетах: кто найдет и доставит к нему перстень, тому будет большая награда деньгами. И посчастливилось найти тот перстень одному простому солдату. «Как теперь быть? – думает солдат. – Коли в полку объявить, то дело пойдет по начальству – от фельдфебеля к ротному, от ротного к батальонному, от батальонного командира к полковнику, а тот к бригадному: этак не скоро конца дождешься! Дай-ка я лучше пойду прямо к королю». Приходит во дворец; увидел его дежурный. «Ты зачем?» – «Я, – говорит, – королевский перстень нашел». – «Хорошо, братец! Я об тебе доложу королю, только с тем уговором: какую тебе даст король награду, из той награды половину мне». Солдат задумался: «Вот в кои-то веки счастье попало, да и тем поделись! – Хорошо, – говорит дежурному, – только дайте расписку, что вам половина и мне половина». Дежурный дал расписку и доложил про него королю. Король похвалил солдата за находку: «Спасибо тебе, молодец! Я тебе пожалую за это две тысячи!» – «Нет, ваше королевское величество, это не солдатская награда; солдатская

награда – двести палок». – «Дурак же ты!» – сказал король и велел принести палок. Стал солдат раздеваться, расстегнул пуговицы, и выпала у него расписка. «Это что за бумага?» – спросил король. «А это, государь, расписка, что из теперешней награды только половина моя, а другая следует дежурному». Король засмеялся, позвал дежурного и велел отсчитать ему сто палок. Вот по тому приказу и принялись угощать его палками; как скоро начали отсчитывать последний десяток, солдат подошел к королю и сказал: «Ваше величество, когда он такой жадный, что ему много надобно, то я, так и быть, жертвую ему и свою половину». – «Вишь, какой добрый!» – сказал король и велел дать дежурному и другую сотню. С той награды дежурный еле на карачках домой дополз; а солдата отпустил король в чистую отставку и при отпуске пожаловал ему на жить-бытье три тысячи рублей.

* * *

Орал мужик в поле, выорал самоцветный камень. Идет домой, а навстречу ему сосед, такой стародревний. Показал ему камень: «Кому гож?» – «Неси, – говорит, – к царю». По-нес; приходит во дворец и повстречал генерала. Поклонился ему до земли: «Батюшка! Доведи до царя». – «Зачем тебе нужно?» – «Несу из деревни подарок». – «Ну, мужичок, чем царь тебя наградит, отдай мне половину; а не хочешь – вовек не дойти тебе до царя». Мужик согласился. Вот гене-

рал довел его до самого царя. «Благодарю, мужичок! – говорит царь. – Вот тебе в награду за то две тысячи рублей». Мужик пал на колени: «Не надо мне, царь-государь, иной награды, кроме пятидесяти стежей в спину». Возжалел его царь и приказал дать ему пятьдесят стежей легонько. А мужик начал считать; как дали двадцать пять, он и закричал: «Полно, будет с меня; другая половина посулена тому, что довел меня до вашего царского величества». Ну, того позвали и сполна отсчитали половину награды, как следовало; только он не рад был такой награде! Царь поблагодарил мужичка и подарил ему целых три тысячи.

* * *

Одна баба, ставя по праздникам свечку перед образом Георгия Победоносца, завсегда показывала змию кукиш: «Вот тебе, Егорий, свечка; а тебе шиш, окаянному!»

Этим она так рассердила нечистого, что он не вытерпел; явился к ней во сне и стал страшать: «Ну уж попадись ты только ко мне в ад, натерпишься муки!»

После того баба ставила по свечке и Егорию, и змию. Люди и спрашивают, зачем она это делает? «Да как же, родимые! Ведь незнамо еще куда попадешь: либо в рай, либо в ад!»

* * *

Одна глупая баба приехала на ярмарку купить образ Временной Пятницы.¹⁷⁴ Приходит в балаган к разносчику: «Дядюшка, покажи-ка мне образ Временной Пятницы!» Вместо того показывает он ей Егория Храброго. «Дядюшка! Да отчего же она, матушка, на коне?» – «Экая ты, баба, дура! Оттого она и называется Временною, что иной раз пешком ходит, а временем на коне ездит. Вишь, конь-то так копытища и задирает!»

* * *

Шел солдат домой на побывку и забрел к одному мужику ночь ночевать. «Здравствуй, хозяин! Накорми и обогрей прохожего!» – «Ну что ж, садись за стол, гость будешь!» Солдат снял тесак да ранец, помолился образам и уселся за стол; а хозяин налил стакан горького и говорит: «Отгадай, служба, загадку – стакан вина поднесу; не отгадаешь – оплеуха тебе!» – «Изволь, сказывай загадку». – «А что значит чистота?» Солдат подумал-подумал и вымолвил: «Хлеб чист, значит, он и чистота». Мужик хлоп его по щеке. «Что ж ты

---

¹⁷⁴ «Пятница именуется Временною, потому что день св. Параскевы, 28 октября, временно приходится в пятое» («Русские простонародные праздники» И. Снегирева, I, 188).

дерешься? Нас бьют да вину сказывают». – «Чистота, брат, кошка: завсегда умывается! А что значит благодать?» Солдат опять подумал-подумал и говорит: «Знамое дело, хлеб – благодать!» Мужик хлоп его в другой раз: «Врешь, брат, служба! Благодать – вода. Ну, вот тебе последняя загадка. что такое красота?» Солдат опять свое: «Хлеб, – говорит, – красота!» – «Врешь, служба; красота – огонь; вот тебе и еще оплеуха! Теперь полно, давай ужинать». Солдат ест да про себя думает: «Сроду таких оплеух не видал, и на службе царской того не было; постой же, я тебе и сам удружу; будешь меня помнить!»

Пужинали и легли спать. Солдат выждал ни много ни мало времечка; видит, что хозяева заснули, слез с полатей, поймал кошку, навязал ей на хвост пакли, паклю-то зажег да кошку на чердак погнал: бросилась она туда со всех четырех ног и заронила огонь в солому; вмиг загорелась изба, и пошло драть! Солдат наскоро оделся, подошел к хозяину и давай в спину толкать. «Что ты, служивый?» – «Прощай, хозяин! Иду в поход». – «Ступай с богом!» – «Да вот тебе на прощанье загадка: взяла чистота красоту, понесла на высоту: коли не ухватишь благодати, не будешь жить в хате! Отгадывай!» – сказал солдат и пошел со двора. Пока мужик ломал себе голову, что бы такое значили солдатские речи, загорелся потолок. «Воды! Воды!» – кричит хозяин, а воды-то в доме ни капли нет; так все и сгнуло. «Ну, правду солдат загадал: коли не ухватишь благодати, не будешь жить в хате!»

Отольются кошке мышинные слезки!

* * *

В одном селе жил-был старик, да такой скупой, прижмитый! Как сядет за стол, нарежет хлеба, сидит да на снох поглядывает: то на ту, то на другую, а сам ничего не ест. Вот, глядя на него, и снохи тоже поглазеют-поглазеют, да и полезут вон из-за стола голодные. А старик опосля, только что уйдут они по работам, втихомолку наестся, напьется и разляжется на печи сытехонек. Вот одна отпросилась меньшая сноха и пошла к своему отцу, к матери и стала жаловаться на свекра: «Такой-де лютый, ненавистный! Жить нельзя! Со всем есть не дает, все ругается: ненаеды вы этакие!» – «Хорошо, – говорит ей отец, – я приду к вам в гости, сам посмотрю ваши порядки». И погода денек-другой пришел он к старику вечером. «Здорово, сват!» – «Здорово!» – «Я к тебе в гости; рад ли мне?» – «Рад не рад, делать нечего; садись, так и гость будешь!» – «Как моя дочушка живет, хорошо ли хлеб жует?» – «Ништо, живет себе!» – «Ну-ка, сватушка, соловья баснями не кормят; давай-ка поужинаем, легче говорить будет». Сели за стол; старик нарезал хлеба, сам не ест – сидит, все на снох глядит. «Эх, сват! – говорит гость. – Это не по-нашему; у нас нарезал хлеба да поел, еще нарезал – и то поел. Ну вы, бабы молодые, больше хлеба ешьте, здоровее будете!» После ужина стали спать укладываться. «Ты, сват,

где ляжешь?» – спрашивает хозяин. «Я лягу на кутничке». – «Что ты! Я тут всегда сплю», – говорит старик; вишь, в куте у него спрятаны были яйца, хлеб и молоко; ночью, как заснут в избе, он украдкой встанет и наестся вдоволь. Сват это дело заметил. «Как хочешь, – говорит, – а я лягу на кутничке». Вот улеглись все спать. В самую как есть полночь старик ползком-ползком да прямо в залавок – скрип! А гость еще с вечера припас про него большой ременный кнут; как вытянет свата раз, другой, третий – сам бьет да приговаривает: «Брысь, окаянный, брысь!» Пришлось старику не евши спать. Вот так-то прогостил сват у свата целых три дня и заставил надолго себя помнить. Проводил его старик, и с тех пор полно – перестал у снох во рту куски считать.

* * *

Доселева одинокий был Мартынка, задумал жениться и пошел свататься к попу; вот и сватает девку Устинью. Поп ему и бает: «Ой, Мартынка, отдал бы, да как станешь жить-то? Ведь Устя уросливая¹⁷⁵ такая!» Мартынка отвечает ему: «Батюшка! Я один, а с ней будем двое, не на кого будет сердиться, не с кем будет браниться». Поп согласился отдать Устю за Мартынка. Вот они и свенчались. Мартынка увез Устю к себе домой; она спрашивает: «Коли ты осердишься,

---

¹⁷⁵ Капризная.

что делаешь?» Он сказал: «Когда осержусь, с воды пьян бываю!» Потом спросил Устю: «А ты, Устя, когда осердишься, что делаешь?» – «Коли я сердита, тогда стану сидеть на печи к углу лицом и у кокошника козырек назад сделаю». На другой день утром уехал наш Мартынка на своей пегой кобыле пахать под вешну.¹⁷⁶ Устя после его настряпала шанег,¹⁷⁷ понесла к нему, кричит: «Мужик, иди есть!» Он как будто не слышит, пашет себе. Устя рассердилась, ушла домой, стряпню свою съела и села на печь к углу лицом. Мартынка как приехал домой, выпил два ковша воды, кадушку разбил; начал ползать на печь к жене, оборвался, пал к дверям избы на пол и захрапел. Жена тихонько слезла с печи, дверей отпереть не посмела, в окошко дров натаскала, истопила печку и настряпала для Мартынка. Он проснулся, она его напотчевала и созвала в гости к отцу. Вот Мартынка запряг свою пегую кобылу в сани – нужды нет, что весной! Поехали; дорогою кобыла-то у них не пошла, Мартынка прогнал ее и запряг свою Устю. Подъезжает к дому тестя: увидела попадьа с дочерьми, что Устя Мартынка везет, выскочила встречать, взяли кто за гужи, кто за оглобли, пособляют Усте; а поп благодарит Мартынка, что так учит уросливых. Пришли в избу, Устя заказывает своим, чтобы воды нигде не было, а поили бы вином да пивом; сказывала: когда Мартынка воды напьется – беда сердит! На другой день как-то одна стряпка

---

¹⁷⁶ Под яровую.

¹⁷⁷ Ватрушек, сладких хлебов.

оставила в сенях ведро с водою; он и напился воды, задурел как пьяный, приказывает Усте запрягаться, а она дрожит да все попа просит, чтобы дал им своего бурка. Поп подарил им лошадь; Мартышко уехал с Устей домой, и теперь они живут да хлеб жуют, а Устя поди-кось какая послушная стала!

* * *

Жил-был мужик Иван да жена Арина. Послал он ее в поле рожь жать. Вот Арина пришла на полосу, выжала такое местечко, чтоб можно было одной улечься; улеглась, выпалась хорошенько и отправилась домой, будто и впрямь потрудились-поработала. «Что, жена, – спрашивает муж, – много ли сегодня выжала?» – «Слава тебе господи, одно местечко выжала». – «Ну, это хорошо! – думает мужик. – Одна полоса, значит, покончена». На другой день опять пошла Арина в поле, выжала местечко и проспала до вечера; и на третий день – то же самое, и на четвертый – то же самое; так всю неделю и проволочила. Пора, думает мужик, за снопами в поле ехать; приезжает – а рожь стоит вся нежатая; кое-где выжато местечками, да и то такими, что только человеку улечься. Стал жену искать и видит: лежит она на одном местечке да так-то храпит! Мужик сейчас домой, захватил ножницы, патоки и пуху; воротился на жниву, остриг свою бабу наголо, вымазал ей голову патокой и осыпал пухом; сделал все это и воротился на деревню. Вот Арина спала-спала, да, наконец,

и проснулась; хватилась рукой за голову и говорит сама себе: «Чтой-то попритчилось! Кажись, я – Арина, а голова не моя! Пойду домой: коли собака залает, так я, значит, – не Арина». Пришла на деревню прямо к своей избе и спрашивает под окошком: «Что, ваша Арина дома?» Муж смекнул и говорит ей: «Дома!» Тут вылезла из-под ворот собака, не признала хозяйки и бросилась на нее, словно на чужую; так за полы и хватает. Арина бегом да бегом, как бы только живой от своего дома уйти! И пошла она бродить по полю; целые сутки ничего не пила, не ела. После того мужик сжалился, простил ее, и с той поры стала Арина жать бесхитростно.

* * *

Повез мужик в город три четверти ржи продавать. Подъезжает к заставе. Обступили его мошенники: «Стой! Как тебя зовут?» – «Егором, родимые!» – «Эх, брат! Недавно у нас четыре Егора церковь обокрали; троих-то нашли, а четвертого все ищут! Смотри ж, коли где тебя спросят: как зовут? – говори: без четверти Егор; а не то свяжут да в тюрьму посадят». – «Спасибо, родимые, спасибо, что научили!» Приехал мужик на подворье, хватился, а четверти ржи как не бывало! На заставе стащили.

* * *

Давно было. Не стало на селе попа. Согласились мужики избрать попа миром, выбрали и пошли к дяде Пахому. «Пахом, – говорят ему, – а Пахом! Будь ты у нас на селе попом». Пахом и стал попом, да то беда: ни службы не знает, ни петь, ни читать не умеет. Вот однажды собрались миряне в церковь, а в тот день был большой у бога праздник. Пахом выносит книгу и спрашивает: «Православные! Знаете ли вы эту книгу?» – «Знаем, батька, знаем. Еще покойный поп все, бывало, ее читал». – «Ну, коли знаете, нечего вам ее и читать». Выносит другую: «Православные! А эту книгу знаете?» – «Нет, батька, этой не знаем». – «Ну, так что ж вам ее и читать!»

* * *

У одной бабы был муж глухой. Раз как-то вздумалось ей приласкаться к мужу. Вот она и говорит ему: «Ох ты, моя защита и оборона!» – «Как, я ошипана ворона? Ах ты, такая-сякая!» – и отколотил жену. «Что ты, глухой черт! – закричала баба. – Разбойник, обидчик этакой!» – «Вот давно бы так!» – сказал муж.

* * *

Пришла в кабак баба и спрашивает о своем муже: «Не был ли здесь мой пьяница?» – «Был». – «Ах, подлец, ах, разбойник! На сколько он выпил?» – «На пятак». – «Ну так давай мне на гривну».

* * *

«Куда, добрый человек, идешь?» – «Да вон в соседнюю деревню». – «Что ж, там родня у тебя?» – «Да из нашей деревни отдана туда девка замуж». – «Так зачем же ты идешь?» – «Да либо пива напиться, либо подраться».

* * *

Мужик стащил в лавке куль пшеничной муки; захотелось к празднику гостей позвать, пирогами попотчевать. Принес домой муку, да и задумался: «Жена! – говорит он своей бабе. – Муки-то я украл, да боюсь – узнают, спросят: отколь ты взял такую белую муку?» – «Не кручинься, мой кормилец, я испеку из нее такие пироги, что гости ни за что не отличат от аржаных».

* * *

Бедный мужик, идучи по чистому полю, увидел под кустом зайца, обрадовался и говорит: «Вот когда заживу домком-то! Возьму этого зайца, убью плетью да продам за четыре алтына, на те деньги куплю свинушку, она принесет мне двенадцать поросеночков; поросятки вырастут, принесут еще по двенадцати; я всех приколю, амбар мяса накоплю; мясо продам, а на денежки дом заведу да сам оженюсь; жена-то родит мне двух сыновей – Ваську да Ваньку. Детки станут пашню пахать, а я буду под окном сидеть да порядки давать: эй вы, ребятки, крикну, Васька да Ванька, шибко людей на работу не туганьте,¹⁷⁸ видно, сами бедно не живали!» Да так-то громко крикнул мужик, что заяц испугался и убежал, а дом со всем богатством, с женой и с детьми пропал!

* * *

Сидели старик со старухой на печи. Старуха смотрит в окошечко на поле и говорит: «Что, старик, кабы был у нас сынок Иванушка, да была дочка Аленушка, вот бы сынок вспахал тут да посеял хлеба, хлеб-то бы вырос, а дочка сжала; нарастила бы я солоду, наварила бы пива, всю родню свою

---

¹⁷⁸ Не понуждайте.

созвала бы, а твоих не позвала б!» – «Нет, моих позови, а своих не надо!» – говорит старик. «Нет, своих позову, а твоих не надо!» Старик вскочил и ну таскать старуху за косу; таскал-таскал и с печи столкнул.

Старик поехал в лес за дровами, а старуха бежать собралась; напекла пирогов да хлебов, уложила в большой мешок и пошла к соседке прощаться. Узнал как-то про это старик, воротился домой, повынул из мешка все, что баба на дорогу заготовила, отнес пироги да хлебы в клеть, а сам сел в мешок. Старуха пришла домой, подняла мешок на спину и ударилась в бега. Сделала верст пять или шесть, остановилась и говорит: «Сесть, было, на пенек, съесть, было, пирожок!» А старик из мешка кричит: «Вижу-вижу, слышу-слышу!» – «Ах, проклятый, он, пожалуй, догонит!» – думает старуха и пустилась дальше. Опять верст шесть отошла и говорит: «Сесть, было, на пенек, съесть, было, пирожок!» – «Вижу-вижу, слышу-слышу!» – кричит старик. Она опять бежать; много верст отсчитала и так-то приустила, не пивши, не евши, что и сил больше не хватает. «Что будет – не будет, остановлюся здесь, – думает старуха, – отдохну маленько да закушу». Глядь – а в мешке-то муж. Взмолилась старуха старику: «Батюшка, помилуй! Николи вперед не стану бегать». Старик ее простил, и пошли вместе домой.

Пошел солдат в отпуск; шел-шел, много верст ногами измерил, и добрался к вечеру до одной деревушки. Время было осеннее: то дождем поливало, а тут изморозь пошла. Солдат крепко измочился и весь иззяб; остановился у одной избы, постучался в окно и просится ночевать. «Кто там?» – спрашивает хозяин. «Солдат». – «Откуда тебя черти принесли? Ступай туда, откуда пришел». Постучался солдат у другой и у третьей избы, всю деревню обошел – нигде не пускают; приходится на улице мерзнуть! Увидал он – на другом краю стоит еще избышка, пошел туда и говорит: «Эй, хозяин, пусти на ночь кости обогреть!» – «Пожалуй, пуцу, только с тем уговором, чтобы ты всю ночь сказывал нам сказки». – «Хорошо, – говорит солдат, – я стану сказывать, только чтоб никто мне не поперечил; а коли кто хоть едино слово промолвит, так уж не погневись – тому и сказки рассказывать до белого дня». – «Ладно, ладно, служивый!» Вот поужинали и улеглись на ночь: хозяин с солдатом на лавках, хозяйка на печке, а работник под печкою. «Ну, – сказал солдат, – теперь слушайте, начинается моя сказка: как у вас, хозяин, на деревне мужики всё живут дураки! Как у вас, хозяин, на деревне мужики всё живут дураки!» И пошел твердить одно и то же, разов сто уж повторил! Мужик слушал-слушал, разобиделся и не вытерпел: «Послушай, служивый! Ведь ты и меня

заодно ругаешь, не я ль тебя в избу пустил?» Солдат вскочил с лавки, хлоп хозяина по уху: «Мое дело было сказывать, твое – слушать да молчать!» Пристал к нему вплотную; ничем не отвяжешься! «Полно, служивый! – говорит хозяин. – Ложись с богом. Я сам тебе стану сказку сказывать». Солдат улегся, а мужик начал: «Дурак будет тот, кто тебя, служивый, вперед пустит к себе ночевать; а я больше никогда не пущу! Дурак будет тот, кто тебя, служивый, вперед пустит к себе ночевать; а я больше никогда не пущу!» Разов сто повторил он эти речи; на ту пору проснулась на печи хозяйка, слышит, что в избе все еще бормочут, и говорит: «Полно вам болтать, скоро свет, а вы все не спите!» Мужик с солдатом вскочили и пристали к старухе: «Как ты смела перебить нашу сказку? Теперь сама рассказывай!» Нечего делать, начала старуха: «Какой, – говорит, – хозяин подлец, такого ж подлеца и ночлежника пустил! Какой хозяин подлец, такого ж подлеца и ночлежника пустил!» Твердила, твердила; вот услышал работник и отозвался под печкою: «Будет вам толковать; из пустого в порожнее переливать; добрые люди давно спят!» Тут все трое, и солдат, и хозяин с хозяйкою, уцепились за работника: говори-де нам сказку! Работник начал: «Как не спали мы с вечера, так и не спать нам и до свету; скоро надо на работу идти! Как не спали мы с вечера, так не спать нам и до свету; скоро надо на работу идти!» И говорил он эти речи до самого света. Поутру собрался солдат в дорогу: «Прощай, хозяин!» – «Ну те к бесу!»

* * *

У бабы в сенях висел кусок сала. Один солдат взобрался на чердак; другой вошел в избу: «Здравствуй, бабушка! Скажи, пожалуйста, как у вас звонят?» – «Неужли ж ты не слыхивал?» – «Не доводилось, бабушка!» – «У нас звонят: тень-бом! тень-бом!» – «А у нас: тини-тини, по-тя-ги-вай, на сторо-ну поглядывай!» – «Хорошо и этак!» – говорит баба. Ну, пока один звонил, другой (солдат) сало стащил.

* * *

Дело было весною. Вынесли бабы холсты белить. «Ну, – говорят, – теперь надо смотреть да смотреть, как бы кто холстов не стибрил!» – «У меня все будет цело! – стала похваляться одна старушка. – Кто к моим холстам только руку протянет, тот с места не встанет!» Похвальные речи завсегда гнили; старуха-то выдавала себя за колдунью, а какая колдунья! Бывало, у людей кровь заговаривает, а у себя и соплей утереть не сможет. Вот разостлала она по полю холсты и уселась сторожить. Проходили мимо двое солдат и вздумали поживиться чужим добром. «Слушай, товарищ! – говорит один. – Ты залезь в кусты, да смотри не зевай, а я пойду, стану с бабой лясы точить». Сказано – сделано. Подошел

солдат к старухе: «Здравствуй, баушка!» – «Здорово, батюшка! Куда тебя господь несет?» – «Иду к начальству за тем, за сем, больше незачем». – «И-и, родимый, служба-то ваша куды мудрена!» – «А я, баушка, к тебе с запросом; вижу: ты – человек бывалый! Разреши-ка наш солдатский спор. Товарищи мои говорят, что в вашей стороне совсем не так звонят, как у нас; а я говорю, что все равно». – «Вестимо, все равно; небось и у вас колокола-то медные!» – «То-то! Прозвони-ка, баушка, по-вашему». – «По-нашему: тинь-тинь-тинь! дон-дон! тинь-тинь-тинь! дон-дон!» – «Не много разницы! У нас, баушка, звонят пореже». Тут солдат махнул своему товарищу рукою и зазвонил: «Тини-тини, потягивай, тини-тини, потягивай!» Старуха и рот разинула; пока она слушала, другой солдат стянул холст – и был таков! «Ну, служивый, – говорит старуха, а сама так и заливается со смеху, – звоны-то ваши куда чудны! Досыта насмеешься!» – «А вот ужо – так досыта наплачешься! Прощай, баушка!» – «С богом, родимый!» Вечером стали бабы холсты считать; у старухи нет одного. Заплакала она горькими слезами, и наплакалась досыта: правду сказал солдат!

* * *

Купил мужик гуся к празднику и повесил в сенях. Проведали про то двое солдат; один взобрался на крышу гуся добывать, а другой вошел в избу. «Здорово, хозяин!» – «Здорово,

во, служба!» – «Благослови колядовать!» – «Колядуй, добрый человек!» Солдат начал:

А в лесе, в лесе
Солдат на стреси,¹⁷⁹
Стреху продрал,
Гуся забрал.
Святой вечер!

А хозяину и невдогад, что солдат прямо в глаза ему смеется. «Спасибо тебе, служивый! Я, – говорит, – такой коляды отроду не слыхивал». – «Ничего, хозяин, завтра сам ее увидишь». Наутро полезла хозяйка за гусем, а гусем и не пахнет давно!

* * *

Пришел солдат с походу на квартиру и говорит хозяйке: «Здравствуй, божья старушка! Дай-ка мне чего-нибудь поесть». А старуха в ответ: «Вот там на гвоздике повесь». – «Аль ты совсем глуха, что не чувствуешь?» – «Где хошь, там и заночуешь». – «Ах ты, старая ведьма, я те глухоту-то вылечу!» И полез было с кулаками: «Подавай на стол!» – «Да нечего, родимый!» – «Вари кашу!» – «Да не из чего, родимый!» – «Давай топор; я из топора сварю». – «Что за диво! – дума-

---

¹⁷⁹ Стреха – крыша, кровля.

ет баба. – Дай посмотрю, как из топора солдат кашницу сварит». Принесла ему топор; солдат взял, положил его в горшок, налил воды и давай варить. Варил, варил, попробовал и говорит: «Всем бы кашница взяла, только б малую толику круп подсыпать!» Баба принесла ему круп. Опять варил-варил, попробовал и говорит: «Совсем бы готово, только б маслом сдобрить!» Баба принесла ему масла. Солдат сварил кашницу: «Ну, старуха, теперь подавай хлеба да соли, да принимайся за ложку; станем кашницу есть». Похлебали вдвоем кашницу. Старуха спрашивает: «Служивый! Когда же топор будем есть?» – «Да вишь, он еще не уварился, – отвечал солдат, – где-нибудь на дороге доварю да позавтракаю». Тотчас припрятал топор в ранец, распростился с хозяйкою и пошел в иную деревню. Вот так-то солдат и кашницы поел, и топор унес!

* * *

Повезла баба в город кринку масла продавать; время-то шло к масленой. Нагоняют ее два солдата: один позади остался, а другой вперед забежал и просит бабу: «Эй, тетка, подпояшь меня, пожалуйста». Баба слезла с воза и принялась подпоясывать. «Да покрепче подтяни!» Баба подтянула покрепче. «Нет, это туго; ослабь маленько». Отпустила послабже. «Уж это больно слабо будет: закрепи потуже». Пока завязывала баба пояс то крепче, то слабже, другой солдат

успел утащить кринку с маслом и убрался себе подобру-поздорову. «Ну, спасибо тебе, тетка! Подпоясала ты меня на всю Масленицу», – говорит солдат. «На здоровье, служба!» Приехала баба в город, хватъ – а масла как не бывало!

* * *

Шли проселком нищие – старик да старуха; стали подходить к деревне. Старик говорит: «Я здесь молока попрошу!» Старуха в ответ: «А я в молоко хлеба крошу!» Старик ухватил старуху и давай бить да приговаривать: «Не кроши в молоко хлеба, не то прокиснет, не кроши в молоко хлеба, не то прокиснет!» Пришли в деревню, а молока никто не дал.

* * *

Повез бедный мужичок дрова продавать. Встречает его богатый да чванный. «Эй, постой! Что на базар везешь?» – «Солому». – «Врешь, дурак! Какая солома – это дрова!» – «Ну, коли сам видишь, так неча и спрашивать! У тебя глаза не вылезли!» Сказал бедный и поехал своей дорогой. На другой день идет богатый да чванный по улице с приятелем. «Так и так, – рассказывает ему, – разобидел меня бедный мужичишка!» А бедный как тут – едет опять навстречу. «Вот он – вчерашний мужик-то!» – говорит богатый. «Нет, врешь! –

отвечает ему бедный. – Я не вчерашний: скоро сорок лет стукнет, как я живу на белом свете».

* * *

Жил-был бедный мужик; детей много, а добра – всего один гусь. Долго берег он этого гуся, да голод не тетка: до того дошло, что есть нечего: вот мужик и зарезал гуся; зарезал, зажарил и на стол поставил. Все бы хорошо, да хлеба нет, а соли не бывало. Говорит хозяин своей жене: «Как станем мы есть без хлеба, без соли? Лучше я отнесу гуся-то к барину на поклон да попрошу у него хлеба». – «Ну что ж, с богом!» Приходит к барину: «Принес вашей милости гуся на поклон; чем богат, тем и рад. Не побрезгуй, родимый!» – «Спасибо, мужичок, спасибо! Раздели же ты гуся промеж нас без обиды!» А у того барина была жена, да два сына, да две дочери – всего было шестеро. Подали мужику нож; стал он кроить, гуся делить. Отрезал голову и дает барину: «Ты, – говорит, – всему в доме голова, так тебе голова и следует». Отрезал гузку, дает барыне: «Тебе дома сидеть, за домом смотреть; вот тебе гузка!» Отрезал ноги, дает сыновьям: «А вам по ножке, топтать отцовские дорожки!» Дочерям дал по крылышку: «Вам с отцом, с матерью недолго жить; вырастете – прочь улетите. А я, – говорит, – мужик глуп, мне глодать

хлуп!¹⁸⁰» Так всего гуся и выгадал себе. Барин засмеялся, напоил мужика вином, наградил хлебом и отпустил домой.

Услыхал про то богатый мужик, позавидовал бедному, взял – зажарил целых пять гусей и понес к барину. «Что тебе, мужичок?» – спрашивает барин. «Да вот принес вашей милости на поклон пять гуськов». – «Спасибо, братец! Ну-ка раздели промеж нас без обиды». Мужик и так и сяк; нет, не поделишь поровну! Стоит да в затылке почесывает. Послал барин за бедным мужиком, велел ему делить. Тот взял одного гуся, отдал барину с барыней и говорит: «Вы теперь, сударь, сам-третей!» Отдал другого гуся двум сыновьям, а третьего – двум дочерям: «И вы теперь сам-третей!» Остальную пару гусей взял себе: «Вот и я сам-третей!» Барин говорит: «Вот молодец так молодец! Сумел всем поровну разделить и себя не забыл». Тут наградил он бедного мужика своею казною, а богатого выгнал вон.

* * *

Жил-был купец; у него был сын. Вот однажды посылает он сына в нижние города товары закупать и на прощанье наказывает: «Смотри же, сынок, будь умен да рассудлив, с рыжим да с красным не связывайся!» Поехал купеческий сын в путь-дорогу. День-то был морозный; вот он прозяб и заехал в ка-

---

¹⁸⁰ Птичье туловище.

бак обогреться; входит – за стойкою сидит рыжий целовальник. «Налей-ка мне, – говорит ему купеческий сын, – стакан доброй наливки». Выпил стакан наливки, и больно пришлась она ему по вкусу: «Вот наливка, так наливка! Сто рублей стоит! Налей-ка еще». Выпил в другой раз – еще лучше показалась: «Ну, брат, этот стакан двух сот стоит». – А целовальник себе на уме: какую цену сказывал купеческий сын, ту и на стенку записывал. Пришло дело до расчета. «Сколько тебе?» – спрашивает купеческий сын. «Триста рублей». – «Что ты, белены объелся? Экую цену заломил!» – «Не я заломил, ты же сам назначил, да теперь назад пятишься. Только, брат, от меня не отвертишься; коли не заплатишь – с двора не спу-щуй!» Нечего делать, заплатил купеческий сын триста рублей, поехал дальше и думает сам с собою: «Вот она, правда-то! Водись после того с рыжими да с красными! Недаром отец наказывал; родительское слово пустяшное не бывает».

На ту самую пору попадается навстречу рыжий мужик с возом. Как увидал его купеческий сын, тотчас выскочил из кибитки и сунулся ничком в снег, ажно дрожит с испугу! «Что с ним случилось? Не попритчилось ли?» – подумал встречный мужик, подошел к купеческому сыну и стал подымать его на ноги: «Вставай, брат!» – «Отвяжись от меня! Уж один рыжий надул меня, и ты надуешь». – «Полно, брат! Рыжий да красный всякий бывает: бывает плут, бывает и добрый человек. Да кто тебя обманул-то?» – «Так и так, рыжий целовальник из соседнего села». – «Воротись со мной; я с

ним сделаюсь». Вот приехали они в кабак, мужик тотчас окинул глазом всю избу, увидал: под матицей баранья лопатка висит, подошел к целовальнику, спросил рюмку водки, да тут же бьет его по плечу и говорит: «Продай-ка мне эту лопаточку!» – «Купи». – «Что возьмешь?» – «Рубль серебра». Мужик выкинул целковый; после вынул из-за пазухи широкий нож и дает купеческому сыну в руки: «На, брат, вырежь у него лопатку – мне на закуску». – «Что ты! – говорит целовальник. – Я тебе баранью лопатку продал, а не эту». – «Рассказывай! Меня, брат, не проведешь, как этого купеческого сына; не на таковского напал!» Целовальник просить да молить, чуть не в ноги кланяется. «Ну, так и быть! – сказал мужик. – Отпущу тебя, коли воротишь купеческому сыну все деньги сполна». Целовальник отдал назад триста рублей; а мужик того и добивался. «Вот видишь, – говорит купеческому сыну, – рыжий да красный всякий бывает: бывает и плут, бывает и добрый человек. Поезжай теперь с богом!» А купеческий сын только и думает, как бы скорее убраться; сел в кибитку, погоняет лошадей и говорит сам с собой об мужике: «Слава богу, вырвался! Целовальник рыжий плутоват, а этот еще плутоватей; коли б с ним связался, кажись, он с меня с живого бы кожу снял!»

* * *

Жил-был барин; вышел однажды на базар и купил себе ка-

нарейку за пятьдесят рублей. Случилось быть при этом мужику; пришел мужик домой и говорит своей бабе: «Знаешь ли что, жена?» – «А что?» – «Ходил я сегодня на базар; там был и барин, и купил он себе малую пташку – пятьдесят рублей заплатил. Дай-ка я понесу к нему своего гусака: не купишь ли?» – «Понеси!» Вот взял мужик гусака и понес к барину. Приносит: «Купи, барин, гусака». – «А что стоит?» – спросил барин. «Сто рублей». – «Ах ты, болван!» – «Да коли ты за малую пташку не пожалел пятидесяти, так за эту и сотня дешево!» Барин рассердился, прибил мужика и отобрал у него гуся даром. «Ну, ладно, – сказал мужик, – попомнишь ты этого гусака!» Воротился домой, снарядился плотником, взял в руки пилу и топор и опять пошел; идет мимо барского дома и кричит: «Кому теплы сени работать?» Барин услышал, зовет его к себе: «Да сумеешь ли ты сделать?» – «Отчего не сделать; вот тут неподалечку растет теплый лес: коли из того лесу да выстроить сени, то и зимой топить не надо». – «Ах, братец, – сказал барин, – покажи мне этот лес поскорее». – «Изволь, покажу». Поехали они вдвоем в лес. В лесу мужик срубил огромную сосну и стал ее пластать на две половины; расколол дерево с одного конца и ну клин вбивать, а барин смотрел, смотрел, да спроста и положил руку в щель. Только он это сделал, как мужик вытащил клин назад и накрепко защемил ему руку. Потом взял ременную плетку и начал его дуть да приговаривать: «Не бей мужика, не бери гусака! Не бей мужика, не бери гусака!» Уж он его дул, дул! Вво-

лю натешился и сказал: «Ну, барин, бил я тебя раз, прибью и в другой, коли не отдашь гусака да сотню рублей в придачу». Сказал и ушел, а барин так и пробыл до вечера: дома-то поздно хватились его, да пока нашли, да из тисков высвободили – времени и многонько ушло!

Вот барин захворал, лежит на постели да охает; а мужик нарвал трав, цветов, обтыкался ими кругом, обрядился дохтуром и опять идет мимо барского двора и кричит: «Кого полечить?» Барин услышал, зовет его: «Ты что за человек?» – «Я дохтур; всякую болезнь снимаю». – «Ах, братец, пожалуйста, вылечи меня!» – «Отчего не вылечить? Прикажи истопить баню». Тотчас вытопили баню. «Ну, – говорит мужик барину, – пойдем лечиться; только никого не бери с собой в баню, бойся дурного глаза!» Пошли они вдвоем в баню; барин разделся. «А что, сударь, – спрашивает дохтур, – стерпишь ли, коли в этаком жару начну тебя мазью пачкать?» – «Нет, не стерпеть мне!» – говорит барин. – «Как же быть? Не велишь связать тебя?» – «Пожалуй, свяжи». Мужик связал его бечевою, взял нагайку и давай валять на обе корки. Уж он валял-валял, а сам приговаривал: «Не бей мужика, не бери гусака! Не бей мужика, не бери гусака!» После, уходя, сказал: «Ну, барин, бил я тебя два раза; прибью и в третий, коли не отдашь гусака да двух сотен рублей на придачу». Барин еле жив из бани вылез, не захотел ожидать третьего раза и отослал мужику и гусака, и двести рублей.

Один мужичок охотник был драться; зазвал к себе в гости мужика, велел хозяйке собрать на стол, велит гостю садиться за стол. Тот отговаривается: «Что ты, Демьян Ильич, беспокоишься напрасно?» Демьян Ильич ему плюху,¹⁸¹ да и по щеке, и говорит: «В чужом доме хозяина слушай!» Тому нечего делать, сел за стол, потчует его; он ест. Хозяин начал рушать¹⁸² хлеба много. Мужик и говорит: «Куда ты, Демьян Ильич, столько хлеба нарушиваешь?» Демьян Ильич и другу ему чикну:¹⁸³ «Не указывай, – говорит, – в чужом доме! Делай то, чего хозяин велит». Мужик не рад стал: ежели потчует – не ест, не слушает Демьяна. Тот его бьет да приговаривает: «В чужом дому хозяина слушай!»

На эту пору ниоткуда возмись – другой детина, только в невзрачной лопотине,¹⁸⁴ а парень бойкий, без спросу отворяет ворота, заезжает в ограду; а Демьян вышел на крыльцо, кланяется: «Милости просим, милости просим!» – охота и этого побить! Детина – неробкий, снимает шапку и говорит: «Извини, Демьян Ильич, я не спросился – заехал». – «Ничего, ничего! Милости просим в избу». Детина вошел. Хо-

---

¹⁸¹ Затрещину.

¹⁸² Резать.

¹⁸³ Чикать – бить, ударить

¹⁸⁴ Лопотина – мужская и женская одежда.

зьяин и его садит за стол, жене велит ставить ество, нести хлеба, так и потчует! А детина ест да ест, не перечит. Демьян сколько ни бился – детина ни в чем не перечит: не удалось ему ударить. Он и пошел на проделки, вынес хорошее, самое лучшее платье, говорит детине: «Скидай то, надевай вот это!» Думает сам: «Ужо-де отпираться станет, я его выколочу». Детина не прекословит, надевает. Демьян то, другое подсунет; детина все не спорит. Вывел хорошую лошадь, обседлал в лучшее седло, надел добру узду и говорит детине: «Садись на мою лошадь; твоя-то худая!» – ужо да не станет ли перечить? Детина сел. Демьян велит ехать; тот молчит, понужнул¹⁸⁵ лошадь, выехал из ограды и говорит: «Прощай, Демьян! Не черт пихал, сам попал!» И уехал – поминай как звали: только и было! Демьян посмотрел вслед, хлопнул руками, да и сказал: «Ну, видно, нашла коса на камень! Дурак же я – хотел побить, да лошадь и пробил!» Может, лошадь-то со сбруей-то сот полоторых стоила.

* * *

Богатый купец часто зазывал к себе всяких людей, поил, кормил, угощал: только коли кто скажет ему противное – того непременно поколотит. Раз зазвал он к себе ямщика. Тот отпряг лошадей, вошел в хоромы и после долгого угощения

---

¹⁸⁵ Понукать, нудить.

сказал: «Довольно, хозяин! Мне пора ехать». Купец давай его бить, так что ямщик едва вырвался и стал запрягать лошадей. Купец за ним. Ямщик нарочно начал дугу вкладывать кольцом назад. Купец закричал: «Не так вкладываешь!» А ямщик давай его бить да приговаривать: «Не твое дело указывать! Не твое дело указывать!»

* * *

Овдовел мужик, пришлось самому хлеба ставить. Вот он замесил в деже¹⁸⁶ тесто и вышел куда-то. В сумерках ворочился, хотел было вздуть огонь, как услышал, что кто-то пыхтит; а это хлеба кисли. «Недавно, – думает себе, – ушел, а кто-то уж забрался в избу!» – и впотьмах наступил на кочергу. Она ударила его в лоб, он закричал: «Сделай милость, не дерись, ведь я тебе ничего не сделал!» – а сам ну пятиться вон из избы. На беду нога разулась, и мужик при выходе прихлопнул оборку¹⁸⁷ дверью и упал. «Батюшка, отпусти! Не держи меня, право слово – ничего тебе не сделаю!»

* * *

Трое прохожих пообедали на постоялом дворе и отпра-

---

¹⁸⁶ Квашне.

¹⁸⁷ Веревку от лаптя.

вились в путь. «А что, ребята, ведь мы, кажется, дорого за обед заплатили?» – «Ну, я хоть и дорого заплатил, – сказал один, – зато недаром!» – «А что?» – «А разве вы не заметили? Только хозяин засмотрится, я сейчас схвачу из солоницы горсть соли, да в рот, да в рот!»»

* * *

Прибили одного дурня ночью и стали ему на другой день смеяться. «Ну, – говорит он, – молитесь богу, что ночь была светлая, а то я выкинул бы вам штуку!» – «Какую, скажи, пожалуйста!» – «Я бы спрятался!»

* * *

Заприметил солдат, что у хохла в сенях висело под коньком пуда два свиного сала в мешке: прорыл ночью крышу, стал отвязывать мешок, да как-то осклизнулся и упал вместе с салом в сени. Хозяин услышал шум и вышел с огнем: «Чого тобі треба?» – «Не надо ли тебе сала?» – спрашивает солдат. «Ни, у мене свого богацько!» – «Ну так потрудись, навали мне мешок на спину». Хохол навалил ему мешок на спину, и солдат ушел.

* * *

Поехал молодой мужик на промыслы, а жена пошла его провожать; прошла с версту и заплакала. «Не плачь, жена, я скоро приеду». – «Да разве я о том плачу? У меня ноги озябли!»

* * *

Старуха-мать ругала мальчишку, чтоб он не ходил на реку купаться: «Ну, курвин сын, смотри, коль утонешь, так и домой не ходи!»

* * *

Два солдата шли домой на побывку; шли, шли – дело-то было зимою – и набрали на мерзлого человека. Один говорит: «Вот беда!» Другой ему: «Что за беда? Это бог клад даст!» Отрубил у мертвого ногу и положил ее в ранец со всем сапогом. Пришли они в большое село, сговорились промежду себя и выпросились один у богатого мужика на ночь, другой – у его соседа. Тот, что ночевал у богатого мужика, собрался рано-рано, только светать начинало, подбросил на полати отрубленную ногу и ушел потихоньку. Погодя немного

приходит его товарищ, стучится в избу и кричит: «Вставай! Солдату долго спать не приходится; пора в поход идти». – «Да его здесь нету, – говорит хозяйка, – видно спозаранку ушел». – «Вот те на, что выдумала, как же он про меня-то забыл?» Тотчас вошел солдат в избу, бросился на полаты, искал-искал и нашел отрубленную ногу, вытащил ее. «А это что?» – говорит. Хозяин с хозяйкою перепугались: «Батюшка! Знать не знаем, ведать не ведаем; ни душою, ни телом не виноваты». – «Врете вы, воры! Польстились на солдатские деньги, да и зарезали: вот так-то вы нашего брата прохожего обираете да свои карманы набиваете – с того и богатеете! Да что с вами много разговаривать! Пойду к сотскому и заявлю; пускай это дело суд разбирает». Мужик чуть не в ноги кланяется солдату: «Служивый! Батюшка! Нельзя ли как помириться?» Принес ему штоф водки, потчует, а сам все упрощивает. Солдат как выпил, еще пуще зашумел. «Не погуби, родимый! – просит мужик. – Хочешь полсотни взять?» – «Как бы не так! С убитого ты, чай, целую тысячу заграбил; давай пятьсот, в убытке не будешь! Коли дашь – все шито да крыто, а не дашь – на себя пеняй!» Нечего делать, заплатил ему мужик пятьсот рублей. «Давай еще на придачу лошадь с телегой». Мужик и на том не постоял. Вот солдат сел в повозку и поехал в путь-дорогу; нагнал своего товарища, что вперед-то ушел, и говорит: «Здорово, земляк! Не подвезти ли?» – «Что, как дело?» – «Да ведь я ж тебе говорил, что бог клад дает».

* * *

Мужик позвал соседа на обед и поставил на стол щи с говядиной. Гость захватил себе весь кусок говядины и говорит: «Ну, брат, что зацепил – то и бог дал!» А хозяин похлебал, похлебал щей, да потом ухватил гостя за волосы и давай таскать: «Ну, брат, что зацепил – то и бог дал!»

* * *

Какой-то мужик купил полуштоф вина, выпил зараз – ничего; купил еще косушку – все не пьян; выпил еще шкалик – и опьянел. И начал тужить: «Зачем покупал я полуштоф да косушку? Лучше б прямо купил шкалик – с него б меня и так разобрало!»

Скоморошины

*Приводятся тексты из сборников К.Данилова,
А.Гильфердинга, М.Чулкова, А.Соболевского,
собранные в XVIII и XIX веках.*

Усы

Эй усы, усы проявились на Руси,
Проявляйся усы за Москвою за рекой,
За Москвою за рекой, за Смородиною.
У них усики малы, колпачки на них белы,
На них шапочки собольи, верхи бархатные,
Ой смурые, кафтаны, полы стеганные,
Пестрединные рубашки, золотны воротники,
С напуском чулки, с раструбами сапоги,
Ой шильцом пятки, остры носки,
Еще окол каблучка хоть яичком покати.
Собирались усы во единый круг,
Ой один из них усища-атаманища,
Атаманища он в озямище,
Еще крикнул ус громким голосом своим:
«Ой нуте-тка, усы, за свои промыслы!
Вы берите топоры, вы рубите верей.¹⁸⁸
За Москвою за рекою что богат мужик живет,
Он хлеба не сеет, завсегда рожь продает,
Он пшеницы не пашет, всё калачики ест,
Он солоду не ростит, завсегда пиво варит,
Он денежки собирает да в кубышечку кладет.
Мы пойдёмте, усы, разобьёмте мужика.
И вы по полю идите не гаркайте,

---

¹⁸⁸ Верей – здесь: легкие лодки.

По широкому идите не шумаркайте,
На забор лезьте не стучайте.
По соломушке идите не хрястайте,
Вы во сенички идите не скрывайте,
Во избушку идите, всё молитовку творите».

Ой тот ли усища-атаманища
Он входит в избу, сам садится в переду,
Ничего не говорит, только усом шевелит,
По сторонушкам он посматривает.
Наныряться, нашвыряться полна изба усов —
Ой на печи усы и под печью усы,
На полатях усы, на кроватушке усы.
Ой крикнул ус громким голосом своим:
«Ой ну-ка, хозяин, поворачивайся,
Поворачивайся, раскошеливайся.
Ты давай нам, хозяин, позавтрикати».

Ой хозяин тот несет пять пуд толокна,
А хозяйюшка несет пять ведр молока.
И мы попили, поели, мы позавтракали.
«Ой ну-ка, хозяин, поворачивайся,
Поворачивайся, раскошеливайся.
Ты давай там, хозяин, деньжоночки свои».

Ой хозяин тот божится: «Нет у денег у меня»;
А хозяйюшка ратится: «Нет ни денежки у нас»;
Одна девка за квашней: «Нет полушки за душой»;
А дурак сын на печи он свое говорит:
«Ах как-то у батьки будто денег нет,—
На сарае сундук во пшеничной во муке».

Ой крикнул ус громким голосом своим:

«Ой нуте-ко, усы, за свои промыслы!
Ой кому стало кручинно, нащепай скоро лучины,
Вы берите уголек, раскладывайте огонек,
Вы кладите хозяина с хозяйюшкой».
Ой хозяин на огне изгибается,
А огонь около его увивается.
А хозяин-от дрожит, за кубышечкой бежит,
А хозяйюшка трясется да с яндовочкой несется.
Ой мы денежки взяли и спасибо не сказали,
Мы мошоночки пошили, кошельки поплели,
Сами вниз поплыли, воровать еще пошли.

Дурень

А жил-был дурень,
А жил-был бабин,¹⁸⁹
Вздумал он, дурень,
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Отшедши дурень
Версту, другу,
Нашел он, дурень,
Две избы пусты,
В третьей людей нет.
Заглянет в подполье,
В подполье черти
Востроголовы,
Глаза, что часы,
Усы, что вилы,
Руки, что грабли,
В карты играют,
Костью бросают,
Деньги считают,
Груды переводят.
Он им молвил:
«Бог вам в помочь,

---

¹⁸⁹ Бабин сын – шуточно-бранное выражение.

Добрым людям».
А черти не любят,—
Схватили дурня,
Зачали бити,
Зачали давити,
Едва его, дурня,
Жива отпустили.
Пришедши дурень
Домой-то, плачет,
Голосом воеет,
А мать – бранити,
Жена – пеняти,
Сестра та – также:
«Ты глупый дурень,
Неразумный бабин!
То же бы ты слово
Не так же бы молвил,—
А ты бы молвил:
«Будь, враг, проклят
Именем господним,
Во веки веков, аминь».
Черти б убежали,
Тебе бы, дурню,
Деньги достались
Вместо кладу».
«Добро ты, баба,
Баба-бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!

Потом я, дурень,
Таков не буду».
Пошел он, дурень,
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Увидел дурень
Четырех братьев,—
Ячмень молотят,
Он им молвил:
«Будь, враг, проклят,
Именем господним».
Бросилися к дурню
Четыре брата,
Стали его бити,
Стали колотити,
Едва его, дурня,
Жива отпустили.
Пришедши дурень
Домой-то, плачет,
Голосом воет,
А мать – бранити,
Жена – пеняти,
Сестра та – также:
«А глупый дурень,
Неразумный бабин!
То же бы ты слово
Не так же бы молвил,—
Ты бы молвил

Четырем братьям,
Крестьянским детям:
“Дай вам боже
По сту на день,
По тысячу на неделю”».
«Добро ты, баба,
Баба-бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потом я, дурень,
Таков не буду».
Пошел же дурень,
Пошел же бабин
На Русь гуляти,
Себя казати.
Увидел дурень —
Семь братьев
Мать хоронят,
Отца поминают,
Все тут плачут,
Голосом воют,
Он им молвил:
«Бог вам в помочь,
Семь вас братьев,
Мать хоронити,
Отца поминати.
Дай господь бог вам
По сту на день,
По тысячу на неделю».

Схватили его, дурня,
Семь-то братьев,
Зачали его бити,
По земле таскати,
В г... валяти,
Едва его, дурня,
Жива отпустили.
Идет-то дурень
Домой-то, плачет,
Голосом воеет,
Мать – бранити,
Жена – пеняти,
Сестра та – также:
«А глупый дурень,
Неразумный бабин!
То же бы ты слово
Не так же бы молвил,—
Ты бы молвил:
“Прости, боже,
Благослови,
Дай, боже, им
Царство небесное,
В земли упокой,
Пресветлый рай всем”.
Тебе бы, дурня,
Блинами накормили,
Кутьей напитали».
«Добро ты, баба,
Баба-бабариха,

Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потом я, дурень,
Таков не буду».
Пошел он, дурень,
На Русь гуляти, Себя казати,
Людей видати.
Встречу ему свадьба,
Он им молвил:
«Прости, боже,
Бласлови,
Дай вам, господь бог,
Царство небесно,
В земле упокой,
Пресветлый рай всем».
Наехали дружки,
Наехали бояра,¹⁹⁰
Стали дурня
Плетьми стегати,
По ушам хлестати.
Пошел, заплакал,
Идет да воет,
Мать – его бранити,
Жена – пеняти,
Сестра та – также:
«Ты глупый дурень,
Неразумный бабин!
То же бы слово

---

¹⁹⁰ Дружки, бояра – участники свадебного обряда.

Не так же бы молвил,—

Ты бы молвил:

«Дай господь бог

Новобрачному князю

Сужено поняти,¹⁹¹

Под злат венец стати,

Закон божий прияти,

Любовно жити,

Детей сводити»».

«Потом я, дурень,

Таков не буду».

Пошел он, дурень,

На Русь гуляти,

Людей видати,

Себя казати.

Встречу дурню

Идет старец,

Он ему молвил:

«Дай господь бог

Тебе же, старцу,

Сужено поняти,

Под злат венец стати,

Любовно жити,

Детей сводити».

Бросился старец,

Схватил его, дурня,

Стал его бити,

Костылем коверкать,

---

¹⁹¹ Сужено поняти – взять назначенную невесту.

И костыль изломал весь:
Не жаль старцу
Дурака-то,
Но жаль ему, старцу,
Костыля-то.
Идет-то дурень
Домой-то, плачет,
Голосом воет,
Матери расскажет,
Мать – его бранити,
Жена – журити,
Сестра та – также:
«Ты глупый дурень,
Неразумный бабин!
То ж бы ты слово
Не так же бы молвил,—
Ты бы молвил:
“Благослови меня, отче,
Святы игумен!”
А сам бы мимо».
«Добро ты, баба,
Баба-бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потом я, дурень,
Впредь таков не буду».
Пошел он, дурень,
На Русь гуляти,
В лесу ходити,

Увидел дурень
Медведя за сосной —
Кочку роет,
Корову коверкат,
Он ему молвил:
«Благослови мя, отче,
Святы игумен,
А от тебя дух дурен».
Схватал его медведь-от,
Зачал драти
И всего ломати,
И смертно коверкать,
И ж... выел,
Едва его, дурня,
Жива оставил.
Пришедчи дурень
Домой-то, плачет,
Голосом воет,
Матери расскажет,
Мать – его бранити,
Жена – пеняти,
Сестра та – также:
«Ты глупый дурень,
Неразумный бабин!
То же бы слово
Не так же бы молвил,—
Ты бы зауськал,
Ты бы загайкал,
Ты бы заулюкал».

«Добро ты, баба,
Баба-бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потом я, дурень,
Таков не буду».
Пошел же дурень
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Будет дурень¹⁹²
В чистом поле,
Встречу дурню
Шишков-полковник.
Он зауськал,
Он загайкал,
Он заулюкал,—
Наехали на дурня Солдаты,
Набежали драгуны,
Стали дурня бити,
Стали колотити,
Тут ему, дурню,
Голову сломили
И под кокору бросили,
Тут ему, дурню,
И смерть случилась.

---

¹⁹² Будет дурень – здесь в значении: когда оказался.

Птицы

Ди-ди-ди-ди, отчего же зима становилась?
Становилась зима да от морозов.
От зимы становилась весна красна,
От весны становилось лето тепло,
А от лета становилась богатая осень.
Из-за синего Дунайского моря
Налетала малая птица-певица,
Садилася птица-певица
Во зеленой да во садочек,
Ко тому ли ко белому шатрочку.
Налетали малые птицы стадами,
Садилися птички рядами,
И в одну сторону да головами;
И начали птицу пытати:
«Ай же ты малая птица-певица!
И кто у нас за морем больший,
Кто за Дунайским меньший?»
«На море колпик¹⁹³ -от царик,
Белая колпица царица.
На море гуси бояра,
А лебедушки были княгини.
На море рябчик стряпчий,

---

¹⁹³ Колпик – птица из разряда цапель.

На море жерав¹⁹⁴ перевозчик —
Ножки беленьки тоненьки,
Штаники синеньки узеньки.
По морю ходит и бродит,
Штаничков не омочит,
Кажную птицу перевозит,
Тем свою голову кормит.
На море дятел-от плотник,
Кажное дерево пытается,
С того ради сыт пребывает,
А ластушки были девицы,
Утушки молодицы,
Чаюшки водоплавки,
Гагары были рыболовки,
Много-то рыбы наловили;
Рыба на горы не бывала,
Крестьяны рыбы не едали,
Всё она крестьян разоряет,
С того ради сыта пребывает.
А синочка¹⁹⁵ – она худая,
Часто, милая, она хворает,
Долго она не умирает,
Работы работать не умеет,
Казakov¹⁹⁶ нанимать она не смыслит.
А ворона – богатая птица —

---

¹⁹⁴ Жерав – журавль.

¹⁹⁵ Синочка – синичка.

¹⁹⁶ Казаки – здесь: батраки.

В летнюю пору по суслонам,
А в зимнюю пору по ометам
Всё она крестьян разоряет,
С того ради сыта пребывает.
А воробьи были царские холопы —
Кольё-жердьё подбирают
И загороды подпирают,
Всё они крестьян разоряют,
С того ради сыты пребывают.
А голубь-от на море попик,
А голубушки попадюшки,
А сорока кабацкая женка,
С ножки на ножку ступает,
Черные чеботы топтает,
Высоко чеботы топтает,
Удалых молодцов прельщает.
Петушки – казачки были донские,
Имеют по хозяйке и по две,
По целому да по десятку,
И не так, как на Руси крестьянин,—
Одну-то он женку имеет,
И той нарядить не умеет,
А бить-то ей, бедной, не смеет.
Курица – победная птица,
По улице ходит и бродит,
Кто ведь ей изымает,¹⁹⁷
Всяк яйца у ней пыгает».

---

¹⁹⁷ Изымать – ловить.

Из монастыря Боголюбова старец Игренище

Из монастыря да из Боголюбова
Идет старец Игренище,
Игренище-Кологренище.
А и ходит он по монастырю,
Просил честныя милостыни,
А чем бы старцу душа спасти,
Душа спасти, душа спасти,
Ее в рай спусти.
Пришел-от старец под окошечко
Человеку к тому богатому,
Просил честную он милостыню,
Просил редечки горькия,
Просил он капусты белыя,
А третьи – свеклы красныя.
А тот удалой господин добре
Сослал редечки горькия,
И той капусты он белыя,
А и той свеклы красныя
А с тою ли девушкой поваренною.
Сошла та девка со двора она
И за те за ворота за широкие,
Посмотрит старец Игренище-Кологренище
Во все четыре он во стороны,

Не увидел старец он, Игренище,
Во всех четырех во сторонушках
Никаких людей не шатаются, не мотаются.
А не рад-то старец Игренище
А и тое ли редечки горькия,
А и той капусты белыя,
А трети – свеклы красныя,
А и рад-то девушке-чернаушке.
Ухватил он девушку-чернаушку,
Ухватил он, посадил в мешок
Со тою-то редькою горькою,
И со той капустой белою,
И со той со свеклой со красною.
Пошел он, старец, по монастырю,
И увидели его ребята десятильниковы,
И бросалися ребята они ко старцу,
Хватали они шилья сапожные,
А и тыкали у старца во шелковый мешок:
Горька редька рыхнула,
Белая капуста крикнула,
Из красной свеклы рассол пошел.
А и тута ребята десятильниковы,
Они тута со старцом заздорили,
А и молится старец Игренище,
А Игренище-Кологренище:
«А и гой вы еси, ребята десятильниковы!
К чему старца меня обидите?
А меня вам обидеть – не корысть получитьь.
Будьте-тко вы ко мне в Боголюбов монастырь,

А и я молодцов вас пожалую:
А и первому дам я пухов колпак,
А и век-то носить да не износить;
А другому дам камчат кафтан,
Он весь-то во тетивочку повыстеган;
А третьему дам сапожки зелен сафьян
Со темя подковами немецкими».
А и тут ему ребята свободу дают.
И ушел он, старец Игренище,
А Игренище-Кологренище,
Во убогие он свои во келейки.
А по утру раненько-ранешенько
Не изробели ребята десятильниковы,
Промежу обедни, заутрени
Пришли они ребята десятильниковы.
Ходят они по монастырю,
А и спрашивают старца Игренища,
Игренища-Кологренища.
А увидел сам старец Игренище,
Он тем-то ребятам поклоняется,
А слово сказал им ласковое:
«Вы-то ребята разумные,
Пойдем-ка ко мне, в келью идите».
Всем рассказал им подробно всё:
А четверть пройдет – другой приди;
А всем рассказал, по часам рассказал,
Монастырски часы были верные.
А который побыстрее их, ребят,
Наперед пошел ко тому старцу ко Игренищу.

Первому дал он пухов колпак:
А брал булаву в полтретья пуда,
Бил молодца по буйной голове —
Вот молодцу пухов колпак,
Век носить да не износить,
Поминать старца Игренища.
И по тем часам монастырским
А и четверть прошла – другой пришел.
А втапору старец Игренище
Другому дает кафтан камчатной:
Взял он плетку шелковую,
Разболлок его, детину, донага,
Полтораста ударов ему в спину вlepил.
А и тех-то часов монастырских,
Верно, та их четверть прошла,
И третей молодец во монастырь пошел
Ко тому старцу ко Игренищу,
Допрошался старца Игренища.
И завидел его старец Игренище,
Игренище-Кологренище,
А скоро удобрил и в келью взял.
Берет он полено березовое,
Дает ему сапожки зелен сафьян:
А и ногу перешиб и другую подломил.
«А вот вы, ребята десятильниковы.
Всех я вас, ребят, пожаловал:
Первому дал пухов колпак,
А и тот ведь за кельей валяется;
А другому наделил я камчат кафтан,

А и тот не ушел из монастыря;
А последнему – сапожки зелен сафьян,
А и век ему носить да не износить».

Чурилья-игуменья и Стафида Давыдовна

Да много было в Киеве божьих церквей,
А больше того почестных монастырей,
А и не было чуднее Благовещения Христова.
А у всякой церкви по два попа,
Кабы по два попа, по два дьякона
И по малому певчему по дьячку,
А у нашего Христова Благовещенья честного
А был у нас-де Иван-пономарь,
А горазд-де Иванушка он к заутрени звонить.
Как бы русая лиса голову клонила,
Пошла-то Чурилья к заутрени.
Будто галицы летят, за ней старицы идут,
По правую руку идут сорок девиц,
Да по левую руку друга сорок,
Позади ее девиц и сметы нет.
Девицы становилися по крылосам,
Честна Чурилья в алтарь пошла.
Запевали тут девицы четью петь,
Запевали тут девицы стихи верхние,
А поют они на крылосах, мешаются,
Не по-старому поют, усмеваются.
Проговорит Чурилья-игуменья:
«А и Федор-дьяк, девий староста!

А скоро походи ты по крылосам,
Ты спроси, что поют девицы, мешаются,
А мешаются девицы, усмежаются».
А и Федор-дьяк стал их спрашивать:
«А и старицы-черницы, души красные девицы!
А что вы поете, сами мешаетесь,
Промежу собой, девицы, усмехаетесь?»
Ответ держут черницы, души красные девицы:
«А и Федор-дьяк, девий староста!
А сором сказать, грех утаить,
А и то поем, девицы, мешаемся,
Промежу собой, девицы, усмехаемся:
У нас нету дьяка-запевальщика,
А и молоды Стафиды Давыдовны,
А Иванушки-пономаря zde же нет».
А сказал он, девий староста,
А сказал Чурилье-игуменье:
«То девицы поют, мешаются,
Промежу собой девицы усмежаются —
Нет у них дьяка-запевальщика,
Стафиды Давыдьевны, пономаря Иванушки».
И сказала Чурилья-игуменья:
«А ты Федор-дьяк, девий староста!
А скоро, ты побегии по монастырю,
Скоро обойди триста келий,
Поищи ты Стафиды Давыдьевны.
Али Стафиды ей мало можется,¹⁹⁸
Али стоит она перед богом молитися».

¹⁹⁸ Мало можется – нездоровится.

А Федор-дьяк заскакал, забежал,
А скоро побежал по монастырю,
А скоро обходил триста келий,
Дошел до Стафидины келейки:
Под окошечком огонек горит,
Огонек горит, караул стоит.
А Федор-дьяк караул скрал,
Караулы скрал, он в келью зашел,
Он двери отворил и в келью зашел:
«А и гой еси ты, Стафида Давыдьевна,
А и царская ты богомольщица,
А и ты же княженецка племянница!
Не твое-то дело тонцы водить,¹⁹⁹
А твое бо дело богу молитися,
К заутрени ийти».
Бросалася Стафида Давыдьевна,
Наливала стакан винца-водки добрыя,
И другой – медку сладкого,
И пали ему, старосте, во резвы ноги:
«Выпей стакан зелена вина,
Другой – меду сладкого
И скажи Чурилье-игуменье,
Что мало Стафиде можется,
Едва душа в теле полуднует».
А и тот-то Федор, девий староста,
Он скоро пошел ко заутрени
И сказал Чурилье-игуменье,
Что той-де старицы Стафиды Давыдьевны

¹⁹⁹ Тонцы водить – заниматься играми, забавляться.

Мало можется, едва ее душа полуднует.
А и та-то Чурилья-игуменья,
Отпевши заутрени,
Скоро поезжала по монастырю,
Испроехала триста келий
И доехала ко Стафиды кельице,
И взяла с собою питья добрые,
И стала ее лечить-поить.

Гость Терентище

В стольном Нове-городе,
Было в улице во Юрьевской,
В слободе было Терентьевской,
А и жил-был богатый гость,
А по имени Терентище.
У него двор на целой версте,
А кругом двора железный тын,
На тынинке по маковке,
А и есть по земчужинке;
Ворота были вальящатые,
Вереи хрустальные,
Подворотина – рыбий зуб.
Среди двора гридня стоит,
Покрыта седых бобров,
Потолок черных соболей,
А и матица таволженая,
Была печка муравленая,
Середа была кирпичная,
А на середи кроватка стоит,
Да кровать слоновых костей,
На кровати перина лежит,
На перине зголовье лежит,
На зголовье молодая жена
Авдотья Ивановна.
Она с вечера трудна-больна,

Со полуночи недужна вся:
Расходился недуг в голове,
Разыгрался утин в хребте,
Пустился недуг к сердцу,
А пониже ее пупечка,
Да повыше коленечка,
Межу ног, килди-милди.
Говорила молодая жена
Авдотья Ивановна:
«А и гой еси, богатый гость,
И по имени Терентище!
Возьми мои золотые ключи,
Отмыкай окован сундук,
Вынимай денег сто рублей,
Ты поди дохтуров добывай,
Волхи²⁰⁰ -то спрашивати».
А втапоры Терентище
Он жены своей слушался —
И жену-то во любви держал.
Он взял золоты ее ключи
Отмыкал окован сундук,
Вынимал денег сто рублей
И пошел дохтуров добывать.
Он будет, Терентище,
У честна креста Здвиженья,
У жива моста калинова,
Встречу Терентищу
Веселые скоморохи.

---

²⁰⁰ Волхи – здесь: знахари.

Скоморохи – люди вежливые,
Скоморохи очес(т)ливые,
Об ручку Терентью челом:
«Ты здравствую, богатый гость,
И по имени Терентище!
Доселева те слыхом не слыхать,
И доселева видом не видать,
А и ноне ты, Терентище,
А и бродишь по чисту полю,
Что корова заблудящая,
Что ворона залетящая».
А и на то-то он не сердится,
Говорит им Терентище:
«Ай вы гой еси, скоморохи-молодцы!
Что не сам я, Терентий, зашел,
И не конь-то богатого завез,
Завела нужда-бедность...
У мене есть молодая жена
Авдотья Ивановна.
Она с вечера трудна-больна,
Со полуночи недужна вся:
Расходился недуг в голове,
Разыгрался утин в хребте;
Пустился недуг к сердцу,
Пониже ее пупечка,
Что повыше коленечка,
Межу ног, килди-милди.
А кто бы-де недугам пособил,
Кто недуги бы прочь отгонял

От моей молодой жены,
От Авдотьи Ивановны,
Тому дам денег сто рублей
Без единыя денежки».
Веселые молодцы догадалися,
Друг на друга оглянулися,
А сами усмехнулись:
«Ай ты гой еси, Терентище,
Ты нам что за труды заплатишь?»
«Вот вам даю сто рублей».
Повели его, Терентища,
По славному Нову-городу,
Завели его, Терентища,
Во тот во темный ряд,
А купили шелковый мех,
Дали два гроша мешок;
Пошли они во червленьый ряд,
Да купили червленьый вяз,
А и дубину ременчатую —
Половина свинцу налита,
Дали за нее десять алтын.
Посадили Терентища
Во тот шелковый мех,
Мехоноша за плеча взял.
Пошли они, скоморохи,
Ко Терентьеву ко двору.
Молода жена опасливая
В окошечко выглянула:
«Ай вы гой еси, веселые молодцы!

Вы к чему на двор идете,
Что хозяйина в доме нет».

Говорят веселые молодцы:
«А и гой еси, молодая жена
Авдотья Ивановна!

А и мы тебе челобитье несем
От гостя богатого,
И по имени Терентища».

И она спохватилася за то:
«Ай вы гой еси, веселые молодцы!

Где его видели,
А где про его слышали?»

Отвечают веселые молодцы:

«Мы его слышали,
Сами доподлинно видели
У честна креста Здвиженья,
У жива моста калинова,
Голова по себе его лежит,
И вороны в .... клюют».

Говорила молодая жена
Авдотья Ивановна:

«Веселые скоморохи!
Вы подите во светлую гридню,
Садитесь на лавочки
Поиграйте во гусельцы
И пропойте-ка песенку
Про гостя богатого,
Про старого ..... сына,
И по имени Терентища,—

Во дому бы его век не видать».

Веселые скоморохи

Садилися на лавочки,

Заиграли во гусельцы,

Запели они песенку:

«Слушай, шелковый мех

Мехоноша за плечами,

А слушай, Терентий-гость,

Что про тебя говорят,

Говорит молодая жена

Авдотья Ивановна

Про стара мужа Терентища,

Про старого ..... сына —

Во дому бы тебе век не видать.

Шевелись, шелковый мех

Мехоноша за плечами,

Вставай-ка, Терентище,

Лечить молодую жену,

Бери червлёный вяз,

Ты дубину ременчатую,

Походи-ка, Терентище,

По своей светлой гридне

И по середи кирпичатой

Ко занавесу белому,

Ко кровати слоновых костей,

Ко перине ко пуховья,

А лечи-ка ты, Терентище,

А лечи-ка ты молодую жену

Авдотью Ивановну».

Вставал же Терентище,
Ухватил червлёный вяз,
А дубину ременчатую,—
Половина свинцу налита,
Походил он, Терентище,
По своей светлой гридне
За занавесу белую,
Ко кровати слоновых костей,
Он стал молоду жену лечить,
Авдотью Ивановну:
Шлык с головы у нее сшиб.
Посмотрит Терентище
На кровать слоновых костей,
На перину на пуховую,—
А недуг-от пошевеливается
Под одеялом соболиным.
Он-то, Терентище,
Недуга-то вон погнал
Что дубиною ременчатую,
А недуг-от непутем
В окошко скочил,
Чуть головы не сломил,
На карачках ползает,
Едва от окна отполз.
Он оставил, недужище,
Кафтан хрущатой камки,
Камзол баберековьи,
А и денег пятьсот рублей.
Втапоры Терентище

Дал еще веселым
Другое сто рублей
За правду великую.

Хмель себя выхваляет

Как во городе было во Казани,
Среди было торгу на базаре,
Хмелюшка по выходам гуляет,
Еще сам себя хмель выхваляет:
«Уж как нет меня, хмелюшки, лучше,
Хмелевой моей головки веселее.
Еще царь-государь меня знает,
Князья и бояре почитают,
Священники-попы благословляют;
Еще свадьбы без хмеля не играют,
И крестины без хмеля не бывают.
Еще где подерутся, побранятся,
Еще тут без хмеля не мирятся.
Один лих на меня мужик-крестьянин —
Он частешенько в зеленый сад гуляет,
Он глубокие борозды копает,
Глубоко меня, хмелину, зарывает,
В ретиво сердце тычиночки втыкает,
Застилает мои глазоньки соломкой.
Уж как тут-то я, хмель, догадался,
По тычинкам вверх подымался,
Я отростил свои ярые шишки.
Но всё лих на меня мужик-крестьянин —
Почастешеньку в зеленый сад гуляет.
Он и стал меня, хмелюшку, снимать

И со малыми ребятами щипати,
В кульё, в рогожи зашивати,
По торгам, по домам развозити.
Меня стали мужики покупати
И со суслицем во котликах топити.
Уж как тут-то я, хмель, догадался,
Я из котлика вон подымался,
Не в одном мужике разыгрался —
Я бросал их о тын головами,
А во скотский помет бородами».

Агафонушка

А и на Дону, Дону, в избе на дому,
На крутых берегах, на печи на дровах
Высока ли высота потолочная,
Глубока глубота подпольная,
А и широко раздолье – перед печью шесток,
Чистое поле – по подлавочью,
А и синее море – в лохани вода.
А у белого города у жорного
А была стрельба веретенная,
А и пушки – мушкеты горшечные,
Знамена поставлены – помельные,
Востры сабли – кокошники,
А и тяжкие палицы – шемшуры,
А и те шемшуры были тюменских баб.
А и билася, дралася свекры со снохой,
Приступаючи ко городу ко жорному,
О том пироге, о яичном мушнике.
А и билися, дралися день до вечера,
Убили они курицу пропащую.
А и на ту-то на драку, великий бой,
Выбежал сильной могуч богатырь,
Молодой Агафонушка Никитин сын.
А и шуба-то на нем была свиных хвостов,
Болезтью опушена, комухой подложена,
Чирьи да вереды – то пуговки,

Сливные коросты – то петельки.
А втапоры старик на полатях лежал,
Силу-то смечал, во штаны .....;
А старая баба, умом молода,
Села ..... сама песни поет.
А слепые бегут спинаючи²⁰¹ глядят,
Безголовые бегут – они песни поют,
Бездырые бегут – .....,
Безносые бегут – понюхивают.
Безрукий втапоры клеть покрал,
А нагому безрукий за пазуху наклал,
Безъязыкого того на пытку ведут,
А повешены – слушают,
А и резаный тот в лес убежал.
На ту же на драку, великий бой,
Выбегали тут три могучие богатыри,
А у первого могучего богатыря
Блинами голова испроломана,
А у другого могучего богатыря
Соломой ноги изломаны,
У третьего могучего богатыря
Кишкою брюхо пропороно.
В то же время и в тот же час
На море, братцы, овин горит,
С репою, со печенкою.
А и среди синя моря Хвалынского
Вырастал ли тут крековист дуб.
А на том на сыром дубу крековистом

---

²⁰¹ Спинаючи – спиной, задом.

А и сивая свинья на дубу гнездо свила,
На дубу гнездо свила и детей она свела,
Сивеньких поросяточек, поросяточек полосатеньких.
По дубу они все разбегаются,
А в воду они глядят – притонуть хотят,
В поле глядят – убежать хотят.
А и по чистому полю корабли бегут,
А и серый волк на корме, стоит,
А красна лисица потакивает:
«Хоть вправо держи, хоть влево, затем куда хошь».
Они на небо глядят – улетети хотят.
Высоко ли там кобыла в шебуре летит,
А и черт ли видал, что медведь летал,
Бурую корову в когтях носил.
В ступе-де курица объягнилася,
Под шестком та корова яйцо снесла,
В осеку овца отелилася.
А и то старина, то и деянье.

Народный театр

Народная драма: «Мнимый барин», «Маврух», «Параша» – из сборника Н. Онучкова «Северные народные драмы»; 1911, «Кедрил-обжора» – из «Записок из Мертвого дома» Ф. Достоевского; «Лодка» – из хрестоматии В. Сиповского, 1908.

Театр Петрушки: «Петрушка». *Народная кукольная комедия* – из книги А. Алферова, А. Грузинского «Допетровская литература и народная поэзия», 1911.

Вертепные представления: «Царь Ирод» – из статьи В. Добровольского в книге «Известия ОРЯС», 1908; «Барыня и доктор» – из книги Е. Романова «Белорусские тексты вертепного действия», 1898.

Раек: приводятся тексты из книги Д. Ровинского «Русские народные картинки», 1881, и статьи А. Гациского в книге «Нижегородка. Путеводитель и указатель по Нижнему Новгороду и Нижегородской ярмарке», 1875.

Медвежья потеха: приводятся тексты из книг Д. Ровинского, С. Максимова, а также лубочной картинки 1866 года, печатанной в литографии А. Аврамова.

Прибаутки ярмарочных зазывал: приводятся тексты, записанные в конце XIX века.

Народная драма

Мнимый барин

Действующие лица:

Барин, в военной форме, с погонами; белая соломенная шляпа, в усах, с тростью, при зонтике.

Барыня, переодетый мужчина из молодых парней: в платье, в чепце. Стараются говорить тонким голосом.

Трактирщик, в рубашке навыпуск, в жилетке, на груди зелёный фартук, на голове картуз.

Лакей, во фраке или сюртуке, на голове фуражка, на руках перчатки.

Староста, старик в сермяге, на голове чёрная шляпа котлом, за плечами сумка, на ногах лапти.

Барин. Мария Ивановна, пойдёмте прогуляться. (*Входят в трактир, обращаются к Трактирщику.*) Трактирщик!

Трактирщик. Что угодно, барин голый?

Барин. Ах, как ты меня присрамил!

Трактирщик. Нет, барин добрый, я вас похвалил!

Барин. Есть ли у вас комнаты, нам с Марьей Ивановной расположиться, чаю-кофею напитокся?

Трактирщик. Есть, даже шпалерами²⁰² обиты-с.

---

²⁰² Обоями.

Барин. И пообедать будет можно?

Трактирищик. Как же-с, барин, можно-с.

Барин. А что именно будет приготовлено?

Трактирищик. Жаркое-с.

Барин. Именно какое?

Трактирищик. Комар с мухой, таракан с блохой на двенадцать частей разрезаны-с, на двенадцать персон приготовлены-с.

Барин. Мария Ивановна! Какое жаркое чудесное-с! (*К Трактирищику.*) Сколько будет стоить-с?

Трактирищик. Полтора шесть²⁰³ гривен-с!

Барин. Болван, не лучше ли бы тебе сказать: два десять!²⁰⁴
<...>

Трактирищик. Нет, мы не болваны, а живем с людьми на обманы; не таких видали, без шинели домой отпускали; а если вас порядочно угостить, можно без мундира отпустить; у вас в одном кармане вошь на аркане, в другом блоха на цепи!

Барин. Ах, Мария Ивановна! Должно быть, он в наш карман лазил! Не хочу гулять, иду дальше. <...>

Является его Лакей.

Лакей. Что, барин голый?

Барин. Ах, как ты меня присрамил!

Лакей. Нет, барин добрый, я вас похвалил. <...>

---

²⁰³ Т. е. 90 копеек.

²⁰⁴ Т. е. 20 копеек.

Барин. Афонька малый, поил ли ты моего коня?

Лакей. Как же, барин, поил!

Барин. Почему же у коня верхняя губа суха?

Лакей. Не могла достать.

Барин. А ты бы подрубил.

Лакей. Я и так по колени ноги отрубил!

Барин. Дурак, ты бы корытце подрубил!

Лакей. Я и так все четыре ноги отрубил! <...>

Староста входит, кланяется Барину и говорит.

Староста. Здорово, барин-батюшко, сивый жеребец, Михайло Петрович! Я был на Нижегородской ярмарке, видел свиней вашей породы, да вашу барскую шкуру продал, на вашу милость остался хомут очень прочен; ещё привёз вам подарочек: гуся да индюшечку.

Барин. Что ты, дурак, разве бывает свинина барской породы?

Староста. Вашего завода.

Барин. Ах да, моего завода! А разве баре носят хомуты?

Староста. Очень прочен, боярин-батюшко!

Барин. Ну, расскажи, староста, откуда ты?

Староста. Из вашей новой деревни.

Барин. Ну, как в деревне мужички поживают?

Староста. Порато дородно²⁰⁵ поживают: с ножки на ножку попрыгивают, у семи дворов один топор.

Барин. Что ты болтаешь, ничего не поймёшь!

---

²⁰⁵ Очень хорошо.

Староста. Каждый крестьянин до семи топоров имеет.

Барин. Ах, как хорошо! А что они топорами делают?

Староста. Занимаются вырубкой лесов.

Барин. Поди много вырубают?

Староста. Порато много, боярин-батюшко.

Барин. Как много?

Староста. А вот как соберутся всей-то деревней в лес, да возьмут верёвку, на вершину навяжут, клонят, клонят... всей деревней и гнут целый день.

Барин. Что ты болтаешь, ничего не поймёшь!

Староста. На каждый топор по семи дерев вырубают, боярин-батюшко!

Барин. Ах, как много! А что же они из лесу делают?

Староста. Дома строят.

Барин. Поди-ко большие?

Староста. Порато большие, боярин-батюшко!

Барин. А как большие?

Староста. А собачки бежат, в окошечко глядят.

Барин. Что ты болтаешь, ничего не поймёшь!

Староста. Курицы на крышу вылетают, с неба звёзды хватают! Я утром вышел: петух идёт, полмесяца волочёт.

Барин. А какие дома громадные! Поди у них и окна большие?

Староста. Порато большие, боярин-батюшко!

Барин. А как большие?

Староста. А вот как: долотом намечено, а буравчиком

проверчено, твоя маминька, кривая сука, впялит глаза и смотрит.

Барин. Что ты болтаешь, ничего не поймёшь!

Староста. Весь свет в одно окно видно!

Барин. А какие окна большие! А у наших крестьян хлебопашество есть?

Староста. Есть, боярин-батюшко.

Барин. Поди-ко много?

Староста. Порато много, боярин-батюшко!

Барин. А как много?

Староста. В ту сторону сажень, да в другую сажень, так кругом-то четыре будет.

Барин. Что ты болтаешь, ничего не поймёшь!

Староста. Каждый крестьянин по семи десятин имеет.

Барин. Ах, как много! Поди-ко наши крестьяне на многих лошадях и на пашню выезжают?

Староста. Порато на многих.

Барин. А как на многих?

Староста. Всей деревней на одной сохе и то на козе.

Барин. Что ты болтаешь, ничего не поймёшь!

Староста. Каждый крестьянин на паре лошадей выезжает.

Барин. Ах, как много! А рано поди на пашню-то выезжают?

Староста. Порато рано, боярин-батюшко!

Барин. А как рано?

Староста. В полдень поедут, а в обед уж дома.

Барин. Что ты болтаешь, ничего не поймёшь!

Староста. С утра до вечера, с восхода до заката работают.

Барин. Ах, хорошо! У наших крестьян и посев большой бывает!

Староста. Порато большой.

Барин. А как большой?

Староста. В полосу зерно, в борозду другое, и посев весь.

Барин. Что ты болтаешь, ничего не поймёшь!

Староста. Каждый крестьянин по семь кулей высевает.

Барин. Ах, хорошо! А эдак у них и урожай хороший бывает?

Староста. Порато большой, боярин-батюшко!

Барин. А как велик?

Староста. Колос от колоса – не слышно человеческого голоса.

Барин. Что ты болтаешь?

Староста. Курице пройти нельзя!

Барин. Ах, как хорошо! А эдак и нажин большой бывает?

Староста. Порато большой, боярин-батюшко!

Барин. А как большой?

Староста. Сноп от снопа – столбовая верста, а копна от копны – день езды; тихо едешь – два проедешь.

Барин. Что ты болтаешь, ничего не поймёшь!

Староста. На каждой десятине по сто копён становится.

Барин. Ах, как хорошо! Эдак и копны у них большие?

Староста. Порато большие, боярин-батюшко!

Барин. А как большие?

Староста. Курица перешагнет.

Барин. Как, как?

Староста. Палкой не перекинешь!

Барин. Ах, как хорошо! А эдак и примолот у них большой бывает?

Староста. Порато большой.

Барин. А как большой?

Староста. Начнут молотить, так и зерно не летит.

Барин. Как, как?

Староста. С каждого овина по семи кулей вымолачивают. <...>

Барин. А был ли ты, староста, на моей новой мызе?

Староста. Как же, барин, был...

Барин. Всё там благополучно?

Староста. Всё благополучно, боярин-батюшко; да вот тётка Марфунька за лапоть писульку заткнула.

Барин. Подай-ко её сюда!

Староста. Сейчас, боярин-барин.

Барин. Только не изорви!

Староста. Не изорву, только изомну. (*Тацитписьмоизлаптя.*) <...> На-ко, барин, прочти.

Барин (*берёт записку и говорит*). Как у вас написано-то, по азам?

Староста. Не разобрать твоим чертовским глазам!

Барин (читает). Как же ты сказал: всё благополучно? Во-первых, мой перочинный ножик сломался!

Староста. Сломали, боярин-батюшко, сломали, прогневали бога, сломали!

Барин. Ну, расскажи, как его сломали?

Староста. Вот я расскажу, как его сломали! Как твой сиво-пегий жеребец помер, мы с него шкуру сдирали, кругом хвостика резанули, а ножик был стальной да и хрупнул.

Барин. Как, разве мой сиво-пегий жеребец поколел?

Староста. Помер, боярин-батюшко!

Барин. Поколел же?

Староста. Помер.

Барин. Ну, расскажи, отчего поколел?

Староста. Расскажу, отчего помер! Как твоя маменька, кривая сука, поколела, её на кладбище повезли, а он был сердечком-то ретив, себе ножку сломал, тут и помер.

Барин. Как, разве моя маменька померла?

Староста. Поколела...

Барин. Померла же?

Староста. Поколела!

Барин. Видите, Марья Ивановна, лошади помирают, а люди поколевают! Ну, расскажи, отчего моя маменька померла?

Староста. Расскажу, отчего поколела... Как твой-то трёхэтажный домик загорелся, твоя-то маменька сердечком

была ретива и с крылечка соскочила, себе ногу сломила, тут и поколела.

Барин. Как, разве мой трёхэтажный дом сгорел?

Староста. Давным-давно! <...>

Барин. А ты на пожаре-то был?

Староста. Как же, боярин-батюшко, был. Три раза кругом обежал, таких три кирпича красных вытащил!

Барин. Неужели от пожара ничего не осталось?

Староста. Нет, осталось много...

Барин. А что такое?

Староста. А чем чай-то пьют!

Барин. Что такое, чай, что ли?

Староста. Нет, крупнее.

Барин. Так сахар, что ли?

Староста. Нет, чернее.

Барин. Так уголья, что ли?

Староста. Вот, вот – уголья. <...>

Барин. Где ты по сие время шлялся?

Староста. Я на вашей красной шляпочке катался.

Барин. Видите ли: у барина петля на шее, а он на красной шляпочке катался.

Староста. Если бы была у вас, барин, петля на шее, я взял бы, тримбабули-бом, да и задавил бы!

Кедрил-обжора

<...> Затем следовала вторая пьеса, драматическая – «Кедрил-обжора». Название меня очень заинтересовало; но как я ни расспрашивал об этой пьесе, ничего не мог узнать предварительно. Узнал только, что взята она не из книги, а «по списку»; что пьесу достали у какого-то отставного унтер-офицера в форштадте,²⁰⁶ который, верно, сам когда-нибудь участвовал в представлении ее на какой-нибудь солдатской сцене.

У нас, в отдалённых городах и губерниях, действительно есть такие театральные пьесы, которые, казалось бы, никому не известны, может быть, нигде никогда не напечатаны, но которые сами собою откуда-то явились и составляют необходимую принадлежность всякого народного театра в известной полосе России.

Кстати: я сказал «народного театра». Очень бы и очень хорошо было, если б кто из наших изыскателей занялся новыми и более тщательными, чем доселе, исследованиями о народном театре, который есть, существует и даже, может быть, не совсем ничтожный. Я верить не хочу, чтоб всё, что я потом видел у нас, в нашем острожном театре, было выдуманно нашими же арестантами. Тут необходима преемственность предания, раз установленные приёмы и понятия, пе-

---

²⁰⁶ В предместье города.

реходящие из рода в род и по старой памяти. Искать их надо у солдат, у фабричных, в фабричных городах, и даже по некоторым незнакомым бедным городкам у мещан. Сохранились тоже они по деревням и по губернским городам между дворовыми больших помещичьих домов. Я даже думаю, что многие старинные пьесы расплодились в списках по России не иначе как через помещицкую дворню. У прежних старинных помещиков и московских бар бывали собственные театры, составленные из крепостных артистов. И вот в этих-то театрах и получилось начало нашего народного драматического искусства, которого признаки несомненны.

Что же касается до «Кедрила-обжоры», то, как ни желалось мне, я ничего не мог узнать о нём предварительно, кроме того, что на сцене появляются злые духи и уносят Кедрила в ад. Но что такое значит Кедрил и, наконец, почему Кедрил, а не Кирилл? Русское ли это или иностранное происшествие? – этого я никак не мог добиться. <...>

Проиграли ещё раз увертюру «Сени, мои сени», и вновь поднялась занавесь. Это Кедрил. Кедрил что-то вроде Дон Жуана; по крайней мере, и барина и слугу черти под конец пьесы уносят в ад. Давался целый акт, но это, видно, отрывок; начало и конец затеряны. Толку и смыслу нет ни малейшего. Действие происходит в России, где-то на постоялом дворе. Трактирщик вводит в комнату барина в шинели и в круглой исковерканной шляпе. За ним идёт его слуга Кедрил с чемоданом и с завёрнутой в синюю бумагу курицей.

Кедрил в полушубке и в лакейском картузе. Он-то и есть обжора. Играет его арестант Поцейкин, соперник Баклушина; барина играет тот же Иванов, что играл в первой пьесе благодетельную помещицу. Трактирщик, Нецветаев, предвещает, что в комнате водятся черти, и скрывается. Барин мрачный и озабоченный бормочет про себя, что он это давно знал, и велит Кедрилу разложить вещи и приготовить ужин. Кедрил трус и обжора. Услышав о чертях, он бледнеет и дрожит как лист. Он бы убежал, но трусит барина. Да сверх того ему и есть хочется. Он сластолюбив, глуп, хитёр по-своему, трус, надувает барина на каждом шагу и в то же время боится его. Это замечательный тип слуги, в котором как-то неясно и отдалённо сказываются черты Лепорелло, и действительно замечательно переданный. Поцейкин с решительным талантом и, на мой взгляд, актер еще лучше Баклушина. Я, разумеется, встречу на другой день с Баклушиным, не высказал ему своего мнения вполне; я бы слишком огорчил его. Арестант, игравший барина, сыграл тоже недурно. Вздор он нёс ужаснейший, ни на что не похожий; но дикция была правильная, бойкая, жест соответственный. Покамест Кедрил возится с чемоданами, барин ходит в раздумьи по сцене и объявляет во всеуслышание, что в нынешний вечер конец его странствованиям. Кедрил любопытно прислушивается, гримасничает, говорит *a parte*²⁰⁷ и смешит с каждым словом

---

²⁰⁷ В сторону, про себя (авторская ремарка, указывающая на то, что актер проносит данные слова как бы про себя) (итал.).

зрителей. Ему не жаль барина; но он слышал о чертях; ему хочется узнать, что это такое, и вот он вступает в разговоры и в расспросы. Барин, наконец, объявляет ему, что когда-то в какой-то беде он обратился к помощи ада, и черти помогли ему, выручили; но что сегодня срок и, может быть, сегодня же они придут, по условию, за душой его. Кедрил начинает шибко трусить. Но барин не теряет духа и велит ему приготовить ужин. Услыша про ужин, Кедрил оживляется, вынимает курицу, вынимает вино, и нет-нет, а сам отщипнёт от курицы и отведаёт. Публика хохочет. Вот скрипнула дверь, ветер стучит ставнями, Кедрил дрожит и наскоро, почти бессознательно упрячивает в рот огромный кусок курицы, который и проглотить не может. Опять хохот. – Готово ли? – кричит барин, расхаживая по комнате. – Сейчас, сударь, я вам приготовлю, – говорит Кедрил, сам садится за стол и преспокойно начинает уплетать барское кушанье. Публике, видимо, любо проворство и хитрость слуги и то, что барин в дураках. Надо признаться, что и Поцейкин стоил действительно похвалы. Слова: «сейчас, сударь, я вам приготовлю», он выговорил превосходно. Сев за стол, он начинает есть с жадностью и вздрагивает с каждым шагом барина, чтоб тот не заметил его проделок; чуть тот повернётся на месте, он прячется под стол и тащит с собой курицу. Наконец он утоляет свой первый голод; пора подумать о барине. – Кедрил, скоро ли ты? – кричит барин – Готово-с! – бойко отвечает Кедрил, спохватившись, что барину почти ничего не остаёт-

ся. На тарелке действительно лежит куриная ножка. Барин, мрачный и озабоченный, ничего не замечая, садится за стол, а Кедрил с салфеткой становится за его стулом. Каждое слово, каждый жест, каждая гримаса Кедрила, когда он, оборачиваясь к публике, кивает на простофилю барина, встречаются с неудержимым хохотом зрителей. Но вот, только что барин принимается есть, появляются черти. Тут уж ничего понять нельзя, да и черти появляются как-то уж слишком не по-людски: в боковой кулисе отворяется дверь и является что-то в белом, а вместо головы у него фонарь со свечой; другой фантом²⁰⁸ тоже с фонарём на голове, в руках держит косу. Почему фонари, почему коса, почему черти в белом? Никто не может объяснить себе. Впрочем, об этом никто не задумывается. Так уж верно тому и быть должно. Барин довольно храбро оборачивается к чертям и кричит им, что он готов, чтоб они брали его. Но Кедрил трусит, как заяц; он лезет под стол, но, несмотря на свой испуг, не забывает захватить со стола бутылку. Черти на минуту скрываются; Кедрил вылезает из-за стола; но только что барин принимается опять за курицу, как три чёрта снова врываются в комнату, подхватывают барина сзади и несут его в преисподнюю. – Кедрил! Спасай меня! – кричит барин. Но Кедрилу не до того. Он в этот раз и бутылку, и тарелку, и даже хлеб стащил под стол. Но вот он теперь один, чертей нет, барина тоже. Кедрил вылезает, осматривается, и улыбка озаряет лицо его.

---

²⁰⁸ Призрак, привидение.

Он плутовски прищуривается, садится на барское место и, кивая публике, говорит полушёпотом:

– Ну, я теперь один... без барина!..

Все хохочут тому, что он без барина; но вот он ещё прибавляет полушёпотом, конфиденциально обращаясь к публике и всё веселее и веселее подмигивая глазком:

– Барина-то черти взяли!..

Восторг зрителей беспредельный! Кроме того, что барина черти взяли, эго было так высказано, с таким плутовством, с такой насмешливо-торжествующей гримасой, что действительно невозможно не аплодировать. Но не долго продолжается счастье Кедрила. Только было он распорядился бутылкой, налил себе в стакан и хотел пить, как вдруг возвращаются черти, крадутся сзади на цыпочках и цап-царап его под бока. Кедрил кричит во всё горло; от трусости он не смеет оборотиться. Защищаться тоже не может: в руках бутылка и стакан, с которыми он не в силах расстаться. Разинув рот от ужаса, он с полминуты сидит выпуча глаза на публику, с таким уморительным выражением трусливого испуга, что решительно с него можно было бы писать картину. Наконец его несут, уносят; бутылка с ним, он болтает ногами и кричит, кричит. Крики его раздаются ещё за кулисами. Но занавес опускается и все хохочут, все в восторге... Оркестр начинает камаринскую.

Лодка

Действующие лица:

Атаман, грозного вида, в красной рубашке, черной поддевке, черной шляпе, с ружьем и саблей, с пистолетами за поясом; поддевка и шляпа богато украшены золотой бумагой

Есаул, одет почти так же, как и Атаман; украшения из серебряной бумаги

Разбойники, одеты в красные рубахи, на головах меховые шапки со значками из разноцветной бумаги, за поясом различное оружие.

Неизвестный (он же *Безобразов*), одет в солдатский мундир, с ружьем в руках и кинжалом за поясом.

Богатый помещик, пожилой, иногда седой, в туфлях, пиджаке или халате, на голове котелок, в руках трубка с длинным чубуком.

Действие происходит на широком раздолье матушки-Волги, на легкой лодке, последняя сцена на берегу, в доме Богатого помещика. Ни декораций, ни кулис, ни суфлера, ни вообще каких-либо сценических приспособлений не полагается.

Все участвующие в представлении входят в определенную заранее избу с пением какой-либо песни. Чаще всего исполняется следующая:

Ты позволь, позволь, хозяин,
В нову горенку войти!
Припев: Ой калина, ой малина!
Черная смородина!
Черная смородина!
В нову горенку войти,
Вдоль по горенке пройти,
Вдоль по горенке пройти,
Слово вымолвити!
У тебя в дому, хозяин,
Нет ли лишнего бревна?
Если лишнее бревно,
Давай вырубим его!

По окончании песни выступает вперед Есаул и, обращаясь к хозяину, говорит: «Не угодно ли вам, хозяин, представленье посмотреть?» Хозяин обычно отвечает: «Милости просим!», «Добро пожаловать!» или что-нибудь в этом роде.

Все участники представления выходят на середину избы и образуют круг, в середине которого становятся друг против друга Атаман и Есаул.

Сцена 1

Атаман

(Топает ногой и кричит грозно.)

Есаул!

Есаул (Точно так же топает ногою и кричит в ответ.)

Атаман!

Атаман

Подходи ко мне скорей,

Говори со мной смелей

Не подойдешь скоро,

Не выговоришь смело —

Велю тебе вкатить сто,²⁰⁹

Пропадет твоя есаульская служба ни за что!

Есаул

Вот я перед тобой,

Как лист перед травой!

Что прикажешь, Атаман?

Атаман

Что-то скучно... Спойте мне любимую мою песню.

Есаул

Слушаю, Атаман!

Запевает песню, хор подхватывает.

Начало каждой строки запекает *Есаул*.

Ах, вы, горы мои, горы.

Горы Воробьевские!

Ничего-то вы, ах да горы,

Не спородили,

Спородили вы только, горы,

Бел-горюч камень!

---

²⁰⁹ Прикажу дать тебе сто ударов плетью.

Из-под камешка бежит
Быстра реченька... и т. д.

Атаман во время пения песни в глубокой задумчивости ходит взад и вперед со скрещенными на груди руками. По окончании песни останавливается, топает ногами и кричит.

Атаман

Есаул!

Подходи ко мне скорей,

Говори со мной смелей!

Не подойдешь скоро,

Не выговоришь смело —

Велю тебе вкатить сто,

Пропадет твоя есаульская служба ни за что!

Есаул

Что прикажешь, могучий Атаман?

Атаман

Будет нам здесь болтаться,²¹⁰

Поедем вниз по матушке по Волге разгуляться

Мигоментально²¹¹ построй мне легкую лодку!

Есаул

Готова, Атаман:

Гребцы по местам,

Весла по бортам!

Всё в полной исправности.

---

²¹⁰ Нечего нам здесь делать.

²¹¹ В один миг, моментально.

В это время все разбойники садятся на пол, образуя между собою пустое пространство (лодку), в котором расхаживают Атаман и Есаул.

Атаман

(Обращаясь к Есаулу.)

Молодец! Скоро сделал!

(Обращаясь к гребцам.)

Молись, ребята, Богу! Отчаливай!

Гребцы снимают шапки и крестятся, затем начинают раскачиваться взад и вперед, хлопая рукой об руку (изображается плеск воды от весел).

Атаман

Есаул! Спой любимую мою песню!

Есаул

(Вместе со всеми разбойниками поет.)

Вниз по матушке по Волге...

Атаман

(Перебивая песню.)

Есаул!

Подходи ко мне скорей,

Говори со мной смелей!

Не подойдешь скоро,

Не выговоришь смело —

Велю тебе вкатить сто,

Пропадет твоя есаульская служба ни за что!

Есаул

Что прикажешь, могучий Атаман?

Атаман

Возьми подозрительную²¹² трубку,

Поди на атаманскую рубку,

Смотри во все стороны:

Нет ли где пеньев, кореньев, мелких мест?

Чтобы нашей лодке на мель не сесть!

Есаул берет картонную трубку и осматривает кругом.

Атаман

(Кричит.)

Смотри верней, сказывай скорей!

Есаул

Смотрю, гляжу и вижу!

Атаман

Сказывай, что видишь?

Есаул

Вижу: на воде колода!

Атаман

(Как бы не расслышав.)

Какой там чёрт-воевода!

Будь их там сто или двести —

Всех их положим²¹³ вместе!

Я их знаю и не боюсь,

А если разгорюсь,

---

²¹² Играслов – подзорную.

²¹³ Убьем.

Еще ближе к ним подберусь!

Есаул-молодец!

Возьми мою подозрительную трубку,

Поди на атаманскую рубку,

Посмотри на все четыре стороны

Нет ли где пеньев, кореньев, мелких мест?

Чтобы нашей лодке на мель не сесть!

Гляди верней, сказывай скорей!

Есаул снова начинает оглядывать окрестности. В это время издали слышно пение песни:

Среди лесов дремучих

Разбойничий идут...

Атаман

(Сердито топает и кричит.)

Кто это в моих заповедных лесах гуляет

И так громко песни распевает?

Взять и привести сюда немедленно!

Есаул

(Выскакивает из лодки, но сейчас же возвращается.)

Дерзкий пришелец в ваших заповедных лесах гуляет

И дерзкие песни распевает,

А взять его нельзя:

Грозится убить из ружья!

Атаман

Ты не есаул, а баба,

У тебя кишки слабы!

Сколько хочешь казаков возьми,

А дерзкого пришельца приведи!

Есаул берет несколько человек и вместе с ними выскакивает из лодки.

Сцена 2

Есаул с разбойниками возвращаются и приводят с собою связанного Незнакомца.

Атаман

(Грозно.)

Кто ты есть таков?

Незнакомец

Фельдфебель Иван Пятаков!

Атаман

Как ты смеешь в моих заповедных лесах гулять

И дерзкие песни распевать?

Незнакомец

Я знать никого не знаю,

Где хочу, там и гуляю

И дерзкие песни распеваю!

Атаман

Расскажи нам, чьего ты роду-племени?

Незнакомец

Роду-племени своего я не знаю,

А по воле недавно гуляю...

Нас было двое – брат и я.
Вскормила, вспоила чужая семья;
Житьё было не в сладость,
И взяла нас зависть;
Наскучила горькая доля,
Захотелось погулять по воле;
Взяли мы с братом острый нож
И пустились на промысел опасный:
Взойдет ли месяц среди небес,
Мы из подполья – в темный лес,
Притаимся и сидим
И на дорогу все глядим:
Кто ни идет по дороге —
Всех бьем.
Всё себе берем!
А не то в полночь глухую
Заложим тройку удалую,
К харчевне подъезжаем,
Всё даром пьем и поедаем...
Но недолго молодцы гуляли,
Нас скоро поймали,
И вместе с братом кузнецы сковали,
И стражи отвели в острог,
Я там жил, а брат не мог:
Он скоро захворал
И меня не узнавал,

А всё за какого-то старика признавал;

Брат скоро умер, я его зарыл,

А часового убил,

Сам побежал в дремучий лес,

Под покров небес;

По чащам и трущобам скитался

И к вам попался;

Если хочешь, буду служить вам,

Никому спуску не дам!

Атаман

(Обращаясь к Есаулу.)

Запиши его! Это будет у нас первый воин.

Есаул

Слушаю, могучий Атаман!

(Обращаясь к Незнакомцу.)

Как тебя зовут?

Незнакомец

Пиши – Безобразов!

Атаман снова приказывает Есаулу взять подзорную трубу и посмотреть нет ли какой-нибудь опасности.

Есаул

(Заявляет.)

На море чернедь²¹⁴

Атаман

(Как бы не расслышав.)

---

²¹⁴ Чернота.

Что за черти
Это – в горах черви,
В воде – черти,
В лесу – сучки,
В городах – судейские крючки,
Хотят нас изловить
Да по острогам рассадить,
Только я их не боюсь,
А сам поближе к ним подберусь!
Смотри верней,
Сказывай скорей,
А не то велю тебе вкатить разиков сто —
Пропадет твоя есаульская служба ни за что!

Есаул

(Посмотрев снова в трубу.)

Смотрю, гляжу и вижу!

Атаман

А что ты видишь?

Есаул

Вижу на берегу большое село!

Атаман

Вот давно бы так, а то у нас давно брюхо подвело!

(Обращаясь к гребцам.)

Приворачивай, ребята!

Все разбойники

(Хором подхватывают и весело поют песню.)

Приворачивай, ребята,

Ко крутому бережочку и т. д. до конца.

Лодка пристаёт к берегу. Атаман приказывает Есаулу узнать, кто в этом селе живет.

Есаул

(Кричит, обращаясь к публике.)

Эй, полупочтенные, кто в этом селе живет?

Кто-нибудь отвечает из публики: «Богатый помещик!»

Атаман

(Посылает Есаула к Богатому помещику узнать.)

Рад ли он нам,

Дорогим гостям?

Сцена 3

Есаул

(Выходит из лодки, подойдя к одному из участников представления, спрашивает.)

Дома ли хозяин? Кто здесь живет?

Помещик

Богатый помещик.

Есаул

Тебя-то нам и надо!

Рад ли ты нам,

Дорогим гостям!

Помещик

Рад!

Есаул

А как рад?

Помещик

Как чертям!

Есаул

Как-как? Повтори!

Помещик

(Дрожащим голосом.)

Как милым друзьям.

Есаул

Ну то-то же!

Есаул возвращается назад и докладывает обо всем Атаману. Атаман велит разбойникам идти в гости к Богатому помещику. Шайка подымается и несколько раз обходит вокруг избы с пением «залихватской» песни: «Эй усы! Вот усы! Атаманские усы!» Кончивши песню, шайка подходит к Богатому помещику. Атаманом и Помещиком повторяется почти буквально диалог с Есаулом.

Атаман

Деньги есть?

Помещик

Нет!

Атаман

Врёшь, есть?

Помещик

Тебе говорю – нет!

Атаман

(Обращаясь к шайке, кричит.)

Эй, молодцы, жги, пали Богатого помещика!

Происходит свалка, и представление кончается.

Маврух

Действующие лица:

Маврух, в белой рубахе и подштанниках, на голове белый же куколь, как у савана, лицо закрыто, на ногах бахилы. Маврух лежит на скамье, которую носят четыре офицера.

Офицеры, четыре, в черных пиджачках, на плечах соломенные эполеты, сбоку на поясах сабли, на головах шапки или шляпы с ленточками и фигурками.

Панья, парень, одетый в женское платье, на голове косынка.

Пан, в долгом армяке черного цвета, в черной шляпе.

Поп, в ризе из портяного полога, на голове шляпа, в руках деревянный крест из палок, книга «для привилегия» и кадило – горшочек на веревке, а в нем куриный помет.

Дьяк, в кафтане и шляпе, в руках книга.

Офицеры вносят Мавруха на скамье в избу и ставят по ее середине, головой вдоль избы.

Поп (начинает ходить кругом покойника, кадит и говорит протяжным голосом нараспев, подражая службе свя-

щенника).

Чудак покойник,
Умер во вторник,
Пришли хоронить —
Он из окошка глядит.

Все (участвующие в комедии поют).

Маврух в поход уехал.
Миротон-тон-тон, Миротень.
Маврух в походе умер.
Миротон-тон-тон, Миротень.
Оттуда едет в черном платье пан.
Миротон-тон-тон-Миротень.
– Пан ты, пан, любезный,
Какую весть везешь?
– Сударыня, заплачешь,
Услыша весть мою:
Маврух в походе умер,
Он умер из земли.
Четыре офицера покойника несут
И поют, поют, поют:
Вечная ему память!

Поп. Государь мой батюшко, Сидор Карпович,
Много ли тебе веку?
Маврух. Семдесят.

Поп (поет на церковный лад)

Семдесят, бабушка, семдесят.
Семдесят, Пахомовна, семдесят.

(Спрашивает у Мавруха.)

Государь мой батюшко,
Много ли у тебя осталось деток?

Маврух. Семеро, бабушка, семеро,
Семеро, Пахомовна, семеро.

Поп. Чем ты их будешь кормить?

Маврух. По миру, бабушка, по миру,
По миру, Пахомовна, по миру.

Поп и все (повторяют эту же фразу пением и дальше).

По миру, бабушка, по миру,
По миру, Пахомовна, по миру.

Поп (читает протяжно, по-церковному).

На море на окияне,
На острове на Буяне,
Около столба точеного,
Веретена золоченого
Стоял бык точеной,²¹⁵
В ж... чеснок толченой.

---

²¹⁵ Должно быть: печеный.

Наши ребятки узнали,
К этому бычку похаживали,
Этот чеснок помакивали,
Кушанье похваливали:
– Ах, како кушанье,
Хвацко, бурлацко,
Само лободыцко!
Есть хорошо,
Да ходить с. . . далеко:
За двадцать пять верст,
Ближе места не приберешь.

Дьяк (поет).

...Тереха, брюшина поп.

Поп (читает по книге, на церковный лад).

Муж поутру встает,
Глаза помочил,
У жены есть попросил,
А жена мужу отвечает:
– Эка ненаедная скотина!
На работу не спешишь,
Только бьешься об еды.—
Муж жены отвечает:
– Хороша жена поутру встает,
Благословясь, печку затопляет,
А худа жена встает,

С бранью печку затопляет,
С бранью горшки наливает.
Хороша метла подпашет,
А худа метла по сторонам размашет.

Дьяк (поет).

...Тереха, брюшина поп.

Поп (читает).

Туча, молнии над нами
С дождями.
Матку подломило,
Руль оборвало,
Коршика нет.
Капитан сидит в каюте,
Лоцмана сидят на баре,
Плачут, рыдают,
Смерти ожидают:
– Ходили вместе,
Погибнем вдруг.

Параша

Действующие лица:

Степан, извозчик.

Василий, извозчик.

Семен Иванович, староста, с бляхой.

Параша, его дочь.

Иван Петрович, смотритель почтовой станции, в долгом халате.

Проезжающий купец, одет в сибирке.

Входят Степан и Василий, извозчики, и поют песню.

Экой Ванька, разудалая голова,
Сколь удалая головушка твоя,
Сколь далече уезжает от меня,
На кого же спокидаешь, друг, меня.

Входит Параша.

Параша. Здравствуйте!

Степан уходит, остается один Василий Петрович, подходит к Параше, обнимает ее и говорит.

Василий. Прасковья Семеновна! Любите ли вы меня? Если вы меня не любите, пойду распрощусь с белым светом. Верно, судьба моя такая! (*Уходит.*)

Параша. Василий, не ходи, Василий, воротись!

Василий Петрович. Прасковья Семеновна, любите ли вы меня? Если вы любите меня, подойдите и подайте мне правую руку.

Параша подходит и подает руку, а в это время выходит староста Семен, выпивши, и поет.

Староста.

Вдоль по улице метелица метет,
По метелице мой миленький идет.
Ах, вы тут!

Параша и Василий рассказываются в стороны.

А, что староста! Я староста Семен Иванович. Семена Ивановича старосту знают все. Я хотя и лыком шит, но все-таки чиновный человек, по крайней мере, староста. Пойду, схожу к Ивану Петровичу, он меня попотчует. (*Колотится у дома Ивана Петровича.*) Иван Петрович дома?

Иван Петрович. Дома, дома, Семен Иванович, дома!

Староста. Иван Петрович! Я к тебе в гости. Ты меня попотчуеть?

Иван Петрович. Иди, иди, Семен Иванович, попотчую, попотчую.

Староста. Иван Петрович! Знаешь мою дочку Пареньку?

Иван Петрович. Знаю, знаю, Семен Иванович, хорошая девка.

Староста. Да, славная девка, Иван Петрович! Я за тебя ее замуж отдам,

Иван Петрович. Что вы, Семен Иванович, я слышал, что она за извозчика Василия выходит.

Староста. Что вы! Моя Паранька да за Василия? Да я его в солдаты отдам.

Уходит от зрителя.

Выходит на сцену один Василий Петрович, ходит, приго-

рюнившись; входит Степан.

Степан. Что ж ты, Василий Петрович, пригорюнился? Точно мышь на крупу села.

Василий Петрович. Эх, Степан, как мне не горевать! Одна лошадь издержалася – куда я на одной буду извозничать? Как я буду другую лошадь покупать?

Степан. Да ты бы сходил к дяде Семену Ивановичу денег попросил. К тому же я слышал, что ты на Параньке жениться хочешь?

Василий Петрович. Эх, Степан, не смейся, далеко она мне не ровня.

Степан. Ну, дак сходи к Ивану Петровичу. Он, наверное, вам на лошадь деньги даст.

Василий Петрович. А и правду, Степан, сходить к Ивану Петровичу. *(Приходит и колотится у квартиры Ивана Петровича.)* Иван Петрович дома?

Иван Петрович. Дома. А что вам нужно?

Василий Петрович. Иван Петрович, я к вашей милости. У меня вот лошадь издержалася, другую нужно купить. Не даете ли вы мне денег?

Иван Петрович. Хорошо, Василий! Только вы мне лошадь в залог приведите, да еще сапоги в залог снимите. Я и дам денег.

Василий Петрович заплакал и пошел прочь. Встречает Степана.

Степан. Ну что, Василий, смотритель дал денег?

Василий Петрович. Эх, Степан! Да он лошадь в залог требует, да и сапоги с ног велит снять.

Степан. Ах, он мерзкая харя! На, Василий, сто рублей, разживайся с богом!

В это время вбегает староста Семен.

Староста. Эй, ребята! Степан, Василий! Который поедет купца везти?

Степан. Василий! Поезжай, кстати там и лошадь возьмешь.

Василий уходит, и за стеной брякает колокольчик.

Приезжает обратно и встречает Степана.

Степан. Что, Василий, взял лошадь?

Василий Петрович. Нет, не взял, не подошла.

В это время староста кричит.

Староста. Эй, ребята, Степан, Василий! Которой купца-то вез?

Василий Петрович. Дядя Семен, я вез.

Староста. Купец деньги потерял, пять тысяч рублей. Ты не взял ли?

Василий Петрович. Нет, дядя, не взял.

Староста. Но все-таки нужно тебя обыскать.

Входит купец. Василия обыскивают – находят сто рублей.

Степан. Эти деньги у него мои: я ему на лошадь дал.

Купец. Нет, это не мои. У меня пять тысяч было, а тут только сто рублей.

Староста Василия арестует.

Степан. Василий в чем ездил-то, не остались ли деньги в экипаже.

Василий Петрович. Иди, Степан, посмотри там в телеге.

Степан уходит смотреть и возвращается с деньгами.

Степан. Дядя Семен, деньги-то здесь, нашлись.

Купец. Вот это мои деньги.

Староста. А, дак ты Василия напрасно оклепал?

Купец дает Василию пятьсот рублей.

Староста (кричит). Василий у меня молодец, Василий хороший, я за Василия дочку Параньку отдам.

Вмешивается Смотритель.

Смотритель. Что вы, Семен Иванович, хотели Параньку за меня отдать, а Василия в солдаты сдать.

Староста. Ах ты, мерзкая харя! Да вот тебе свиное ухо, а не Паранька.

Показывает угол полы.

Смотритель убегает, и все расходятся.

Театр петрушки

Петрушка. Народная кукольная комедия

Шарманка сипло наигрывает русскую песню; из-за ширм слышатся то резкие, гнусавые возгласы, то кряхтение, то подпевание *Петрушки*, и в одну из минут усталого ожидания, когда публика готова уже развлечься посторонним, он неожиданно показывается из-за ширм и кричит: «Здравствуйте, господа!»— и пускается в разговор с музыкантом, просит его сыграть плясовую и танцует, сначала один, потом с *Супругой* (которую по некоторым вариантам зовут «Маленьей Пелагевной», а по другим «Пигасьей Николавной») и наконец прогоняет ее.

Является *Цыган* и продает ему лошадь; Петрушка ее уморительно осматривает, тащит за хвост, за уши, садится и гарцует и поет:

Как по Питерской,
По Тверской-Ямской...

Лошадь начинает брыкаться, сбрасывает его, и Петрушка падает, громко стучая деревянным лицом о рамку ширмы, охает, кряхтит, стонет и зовет Доктора.

Приходит «доктор-лекарь, из-под Каменного моста аптекарь» и, рекомендуясь публике, говорит, что он «был в Италии, был и далее», и спрашивает у Петрушки:

– Что у тебя болит?

– Какой же ты доктор, – кричит ему Петрушка, – коли спрашиваешь, где болит? На что ты учился? Сам должен знать, где болит.

Начинается осмотр Петрушки: доктор ищет больного места, тыкает Петрушку пальцем и спрашивает: «Тут? тут?», а Петрушка все время кричит: «Повыше! Пониже! Крошечку повыше!» – и вдруг неожиданно вскакивает и колотит доктора. Доктор скрывается.

Затем является Клоун-Немец; Петрушка его убивает, и немец мертвый лежит на краю ширм. Музыкант говорит Петрушке: «Что вы наделали, Петр Иванович? Сейчас полиция придет». Петрушка сначала храбрится и, весело заглядывая в физиономию лежащего немца, говорит: «Немец-то притворился мертвым». Затем взваливает его себе на спину, тащит домой и кричит беспечно: «Картофелю, картофелю! Поросят, поросят!...»

Появляется Татарин, продает халаты, а Петрушка думает, что его берут в солдаты; татарин рекомендуется незатейливой остротой:

Я татарский поп.

Пришел ударить тебя в лоб!

И исчезает, преследуемый Петрушкой. Петрушка возвращается один. Он в тревоге: боится наказания, обращается к музыканту и говорит: «Что, меня никто не спрашивал?» Стараются спрятаться, наконец садится, пригорюнившись, и поет жалобную песню:

Пропала моя головушка
С колпачком и с кисточкой...

Из-за ширмы показывается Квартальный, и Петрушку берут в солдаты; он протестует и говорит, что горбат – служить не может. Квартальный возражает: «Где ж у тебя горб? У тебя нет горба!» Петрушка кричит: «Потерял!»

Следует комическая сцена обучения Петрушки воинскому артикулу, и, делая дубиной ружейные приемы, он ударяет ею своего учителя; тот кричит на него, а Петрушка вытягивается во фронт и говорит: «Споткнулся, ваше сковородие!» И затем прогоняет квартального, а между тем приближается возмездие за его безобразное поведение.

Прибегает рычащая Собака.

Петрушка видит, что его дело уже плохо, пробует обратиться за помощью к музыканту, но получает отказ и старается умаслить собаку ласковыми названиями, гладит и приговаривает: «Шавочка, душечка! Орелочка!» – но собака неожиданно хватает его за нос и тащит, а Петрушка, не успев поблагодарить публику за внимание, только кричит, наме-

кая на свой нос: «Моя табакерка! Моя скворешница!..» – и при общем хохоте скрывается за ширмами. Приумолкнувший шарманщик опять начинает вертеть шарманку и наигрывает русскую песню.

Петрушка. Д. А. Ровинский

Комедия эта играется в Москве, под Новинским <...>. Содержание ее очень несложно: сперва является Петрушка, врет всякую чепуху виршами, картавя и гнусавя в нос, – разговор ведется посредством машинки, приставляемой к нёбу, над языком, точно так, как это делается у французов и итальянцев. Является Цыган, предлагает Петрушке лошадь. Петрушка рассматривает ее, причем получает от лошади брычки то в нос, то в брюхо; брычками и пинками переполнена вся комедия, они составляют самую существенную и самую смехотворную часть для зрителей. Идет торг, – Цыган говорит без машинки, басом. После длинной переторжки Петрушка покупает лошадь; Цыган уходит. Петрушка садится на свою покупку; покупка бьет его передом и задом, сбрасывает Петрушку и убегает, оставляя его на сцене замертво. Следует жалобный вой Петрушки и причитанья на преждевременную кончину доброго молодца. Приходит Доктор:

– Где у тебя болит?

– Вот здесь!

– И здесь?

– И тут.

Оказывается, что у Петрушки все болит. Но когда Доктор доходит до нежного места, Петрушка вскакивает и цап его по уху; Доктор дает сдачи, начинается потасовка, является откуда-то палка, которою Петрушка окончательно и успокаивает Доктора.

– Какой же ты Доктор, – кричит ему Петрушка, – коли спрашиваешь, где болит? На что ты учился? Сам должен знать, где болит!

Еще несколько минут – является Квартальный, или, по кукольному, «фатальный фицер». Так как на сцене лежит мертвое тело, то Петрушке производится строгий допрос (дискантом):

– Зачем убил Доктора?

Ответ (в нос):

– Затем, что свою науку худо знает – битого смотрит, во что бит, не видит, да его же еще и спрашивает.

Слово за слово, – видно, допрос Фатального Петрушке не нравится. Он схватывает прежнюю палку, и начинается драка, которая кончается уничтожением и изгнанием Фатального, к общему удовольствию зрителей; этот кукольный протест против полиции производит в публике обыкновенно настоящий фурор.

Пьеса, кажется бы, и кончилась; но что делать с Петрушкой? И вот на сцену вбегает деревянная Собачка-пудель, обклеенная по хвосту и по ногам клочками взбитой ваты, и на-

чинает лаять со всей мочи (лай приделан внизу из лайки).

– Шавочка-душечка, – ласкает ее Петрушка, – пойдём ко мне жить, буду тебя кошачьим мясом кормить.

Но Шавочка ни с того ни с сего хватить Петрушку за нос; Петрушка в сторону, она его за руку, он в другую, она его опять за нос: наконец Петрушка обращается в постыдное бегство. Тем комедия и оканчивается. Если зрителей много и Петрушкину свату, то есть главному комедианту, дадут на водку, то вслед за тем представляется особая интермедия под названием *Петрушкиной свадьбы*. Сюжета в ней нет никакого, зато много действия. Петрушке приводят невесту Варюшку; он осматривает ее на манер лошади. Варюшка сильно понравилась Петрушке, и ждать свадьбы ему невтерпеж, почему и начинает он ее упрасивать: «Пожертвуй собой, Варюшка!» Затем происходит заключительная сцена, при которой прекрасный пол присутствовать не может. Это уже настоящий и «самый последний конец» представления; затем Петрушка отправляется на наружную сцену балаганчика врать всякую чепуху и зазывать зрителей на новое представление.

В промежутках между действиями пьесы обыкновенно представляются танцы двух Арапов, иногда целая интермедия о Даме, которую ужалила змея (Ева?); тут же, наконец, показывается игра двух Паяцев мячами и палкой. Последняя выходит у опытных кукольников чрезвычайно ловко и забавно: у куклы корпуса нет, а только подделана простая

юбочка, к которой сверху подшита пустая картонная голова, а с боков – руки, тоже пустые. Кукольник втыкает в голову куклы указательный палец, а в руки – первый и третий пальцы; обыкновенно напяливает он по кукле на каждую руку и действует таким образом двумя куклами разом. При кукольной комедии бывает всегда шарманка, заменившая старинную классическую волынку, гусли и гудок; шарманщик вместе с тем служит «понукалкой», то есть вступает с Петрушкой в разговоры, задает ему вопросы и понукает продолжать вранье свое без остановки.

Петрушка.²¹⁶ Лубок

Действующие лица:

Петрушка Уксусов.

Цыган.

Доктор.

Немец.

Капрал.

Лошадь.

Мухтарка.

Музыкант.

Действие происходит по городам и селам всей России.

---

²¹⁶ Лубочное издание комедии о Петрушке, выпускаемое Е. Коноваловым примерно с 1910 по 1917 год.

Действие первое

Петрушка. А вот и ребятишки! Здорово, парнишки! Бонжур, славные девчухи, быстроглазые вострушки! И вам бонжур, нарумяненные старушки, моложавые с плешью старички! Я ваш старый знакомый – мусью фон-гер Петрушка. Пришел вас позабавить, потешить да и с праздником поздравить. Вот какой я!

Появляется Цыган с лошадыю.

Цыган. Здравствуй, мусью Петр Иванович! Как живешь-поживаешь, часто ли хвораешь?

Петрушка. А тебе какое дело? Уж не доктор ли ты?!

Цыган. Не бойся, я не доктор... Я цыган Мора из хора, пою басом, запиваю квасом, заедаю ананасом!

Петрушка. А ты языком не болтай, зубы не заговаривай. Говори, что надо, да мимо проваливай.

Цыган. Мой знакомый француз Фома, который совсем без ума, говорит, что тебе хорошая лошадь нужна, чтобы призы на скачках брать.

Петрушка. Это, брат, дело. Мне лошадь давно заводить пришло. Хочу и я поскакать да призы на скачках брать. Только хороша ли лошадь?

Цыган. Не конь, а диво: бежит – дрожит, спотыкается, а упадет – не поднимается. По ветру без хомута гони в три кнута. На гору бежит – плачет, а с горы так скачет, а как

завязнет в грязи, так оттуда уж сам вези! Отменная лошадь!

Петрушка. Ого-го! Вот так лошадь! А какой масти?

Цыган. Лошадь не простая: пегая с пятнами, золотая, с гривой, лохматая, кривая, горбатая – аглицкой породы с фамильным аттестатом.

Петрушка. Ого-го! Таковую-то мне и надо. А дорого ли стоит?

Цыган. По знакомству не дорого возьму: триста.

Петрушка. Что ты, фараоново племя, дорого просишь?! Как у тебя язык не сломался запросить три сотни?

Цыган. Сколько же дашь, чего не пожалеешь?

Петрушка. Бери два с полтиной да в придачу дубину с горбиной.

Цыган. Мало! Прибавь ребятишкам хоть на молочишко.

Петрушка. Хочешь сто рублей?

Цыган. Экой скупой! Прибавляй больше.

Петрушка. Хочешь полтораста с пятаком?

Цыган. Дешево. Ну, делать нечего, по рукам – давай деньги.

Петрушка. Давай сначала лошадь.

Цыган. Получишь и лошадь из полы в полу, только давай сначала задаток.

Петрушка (неожиданно). Изволь, брат Цыган, держи карман. Вот только я, приятель, сбегаю, мелочь разменяю. (Скрывается.)

Цыган. Эй, скоро ли задаток?

Голос Петрушки. Погоди капельку, кошелек затерял.

Петрушка (появляется с дубиной и начинает бить Цыгана). Вот тебе сто, вот тебе полтора! (*Цыган убегает.*) Ого-го! От такого задатка не поздоровится! Музыкант! Давай-ка сюда лошадь. Тпру, тпру! Стой, не брыкайся! У-у, не лошадь, а огонь! Стой! Нужно сосчитать зубы, сколько ей лет. (*Смотрит ей в рот.*) Лошадь совсем молодая: ни одного зуба еще во рту нет! Прощайте, ребята, прощай, жисть молодецкая! Я уезжаю, музыкант.

Музыкант. Далеко ли?

Петрушка. Вдоль по Питерской, по Тверской-Ямской, с колокольчиком, на Вязьму, на Валдай, а ты никому не болтай: я тебе за это гостинец привезу. (*Скачет и поет.*)

Заложу я тройку борзую
Темно-карих лошадей!..

(*Лошадь брыкается.*) Тпру! тпру! Стой, погоди! Тише, Васенька, а то я упаду и голову сломаю. (*Лошадь в это время сбрасывает Петрушку.*) Ой, родимые, голубчики! Смерть моя пришла. Пропала моя головушка удалая!

Музыкант. Не тужи: еще не скоро!

Петрушка. Через двадцать лет, прямо в обед. Да зови лекаря скорей!

Музыкант. Сейчас приведу.

Действие второе

Петрушка. Входит Доктор.

Доктор. Не стонать, не кричать, а смирно лежать. Я знаменитый доктор, коновал и лекарь, из-под Каменного моста аптекарь. Я был в Париже, был и ближе, был в Италии, был и далее. Я талантом владею и лечить умею, одним словом, кто ко мне придет на ногах, того домой повезут на дровнях.

Петрушка. Батюшка, господин лекарь-аптекарь, пожалей, не погуби; на дровнях-то меня не вози, а в колясочке!

Доктор. Говори, где болит – тут или здесь, внутри или снаружи?

Петрушка. Пониже.

Доктор. Здесь?

Петрушка. Чутьочку повыше. Поправей и полевей.

Доктор. Экий ты дуралей! То ниже, то выше, то правей, то левой! Сам не знаешь, где болит. Встань да покажи!

Петрушка. Батюшка-лекарь, встать-то моченьки нет. Все болит. Ой, ой, ой! (*Встает, уходит, апотом появляется дубиной, которой ибьет Доктора.*) Вот тут больно! Вот здесь больно! Ха-ха-ха! Какой любопытный лекарь: все ему покажи!

Доктор скрывается.

Действие третье

Музыкант. Петрушка. Появляется Немец.

Немец (поет и танцует). Тра-ля-ля! Тра-ля-ля!

Петрушка. Мое почтение вам, господин!

Немец (раскланивается и опять танцует). Тра-ля-ля!

Петрушка. Музыкант, что это за чучело, только кланяется да молчит?

Музыкант. Это заграничный человек. По-русски не говорит. Спроси-ка его по-французски.

Петрушка. Это как же по-французски?

Музыкант. Парлэ-ву-франсье, мусью-господин?

Петрушка. Эй! Послушайте, господин-мусью! Парлэ-ву-франсэ?

Немец молча раскланивается.

Музыкант. Молчит. Значит, надо по-немецки спросить: шпрехен-зи-дайч!

Петрушка. Это очень мудрено, пожалуй, натошак и не выразишь: шпрехен-зи-дайч?

Немец. О, я! Их шпрехе!

Петрушка. И я, и я, и я!..

Немец. Я, я! Гут!

Петрушка. Да ты, Карл Иванович, понимаешь, что ты болтаешь? Тут нас двое – ты да я! Говори по-московски!

Немец. Мейн либер гер вас?!

Петрушка. Где ты тут нашел квас? Убирайся-ка подобру-поздорову. (*Колотит Немца, тот убегает.*) Музыкант! Куда немец девался? Должно быть, квас побежал пить, я сбегаю тоже глотку промочить. (*Хочет уйти.*)

Музыкант. Погоди. Немец сию минуту вернется. За шампанским пошел: тебя хочет угостить!

Петрушка. Это ладно! Подожду да спою:

По улице мостовой
Шла девица за водой,
За ней парень молодой,
Кричит: девица, стой!..

Появляется Немец и ударяет Петрушку палкой по затылку и молча скрывается.

Петрушка. Эй, музыкант, что это у меня по затылку проехало?

Музыкант. Это комар полетел да, должно быть, крылом задел!

Петрушка. Ты угорел: какой тут комар, точно кто оглоблей погладил. Ну, стой! Я не люблю должатья. С тобой живо сквитаюсь. Ага! Вот и Немец воротился! Наше вам почтение! Музыкант, что же у Немца бутылки не видно?

Музыкант. Она у него в кармане.

Петрушка. А в руках-то у него что?

Музыкант. Это немецкий штопор.

Петрушка. Ха-ха-ха! Хорош штопор! Вот он какой. Лов-

ко он меня отштопорил им, и сейчас затылок чешется.

Немец сзади ударяет Петрушку. Петрушка накидывается на него. Завязывается драка. Немец падает. Петрушка поворачивает его с боку на бок.

Петрушка. Музыкант! Немец-то словно мертвым притворился!

Музыкант. Какой ты шутник! Убил да говоришь – притворился.

Петрушка. Я купил? Что ты врешь! Хочешь, я тебе даром отдам! Не хочешь? (*Переворачивает Немца.*) Эй, мусью, вставай! Какой ты капризный: я тебя на реку снесу купаться, чтобы ты перестал драться. (*Кладет Немца себе на плечо.*) Картофелю, капусты, кому не надо ли? Дешево отдам! (*Скрывается.*)

Действие четвертое

Петрушка, Капрал и Музыкант.

Капрал (один). Музыкант, куда Петрушка девался?

Музыкант. Налево, Капрал, а может, направо: не заметил. Показывается из-за ширмы только голова Петрушки.

Петрушка. Музыкант, скажи, голубчик, кто меня сейчас спрашивал?

Музыкант. Капрал. Приходил за тобой брать в солдаты, да такой сердитый.

Петрушка. Ах, батюшки! Музыкант! Скажи ему, если он

вернется, что я уехал в Париж, в Тмутаракань.

Появляется Капрал.

Капрал. Я тебе покажу Париж, что ты у меня сгоришь и не уедешь в Тмутаракань, а попадешь головой в лохань, что станет жарко. Ты все шумишь, буянишь, с людьми благородными грубиянишь; кричишь, орешь и покою никому не даешь. Вот я тебя возьму в солдаты без срока! Живо собирайся!

Петрушка. Господин капрал-генерал! Какой я солдат, ка-лека с горбом и нос крючком.

Капрал. Врешь. Покажи, не хитри, где у тебя горб? У тебя никакого горба нет. Зачем нагибаешься? Встань прямо!

Петрушка. Я горб потерял.

Капрал. Как потерял? Где?

Петрушка. На Трубе.

Капрал. Ну нет, брат, не отделаешься этим. Сейчас принесу тебе ружье и стану учить солдатской науке. (*Скрывается.*)

Петрушка (плачет). Вот тебе и фунт меду с патокой!.. Музыкант-батюшка, не погуби мою головушку. Где же это видано, чтобы живых в солдаты брали? Вот так клюква с изюмом!.. Музыкант! Ступай за меня в солдаты! Я тебе заплачу за это!

Музыкант. А много ли дашь?

Петрушка. Хочешь – гривенник с алтыном да полушку с осьмушкой?

Музыкант. Только-то? Нет, не велик барин, сам отслужишь.

Петрушка. Не сердись! Какой ты несговорчивый! На вот колпачок да собери солдатику денег немножко, чтобы хватило на дорожку.

Капрал. Вот тебе ружье! Учись! (*Подает Петрушке палку.*) Смирно! Равняйся! К но-о-оги!

Петрушка. Недавно спать все полегли.

Капрал. Слушай команду! На плечо!

Петрушка. Что так горячо?

Капрал. Правое плечо вокруг!

Петрушка. Как хвачу тебя я вдруг! (*Ударяет палкой Капрала.*)

Капрал. Что ты делаешь, дурачина? Ты не получишь чина!

Петрушка. Чуть-чуть споткнулся, ваше сковородие.

Капрал. Слушай команду! Кругом марш!левой – правой, раз – два,левой – правой, раз – два! Шагом марш!

Петрушка идет сзади Капрала и ударяет его палкой. Капрал убегает.

Действие пятое

Петрушка, Музыкант и Мухтарка.

Петрушка. Ха-ха-ха! (*Поет и приплясывает.*)

Что ты, что ты, что ты,
Я солдат четвертой роты!..

Ловко послужил! В Сибирь чуть не угодил. Капрала угомонил и концы в воду схоронил. Музыкант, а ты слышал, я в лотерею выиграл красную рубаху и хочу теперь жениться!

Музыкант. А где лотерея-то?

Петрушка. А у Тверских ворот, где налево поворот. Перейдя направо, в тупике, где стоит мужик в муке.

Музыкант. А есть там еще что?

Петрушка. Все вещи хорошие! Новые кафтаны с заплатами, шляпы помятые, лошадь без хвоста, два аршина холста, чайник без крышки с одной ручкой, да и та в починку отдана.

Выбегает Собака

Петрушка. Шавочка, кудлавочка, какая ты замарашка, уж не из Парижа ли ты к нам прибежала? Поближе? (*Собака хватается Петрушку за рубаху.*) Стой, стой, Мухтарка, разорвешь рубаху-то! Стой, Мухтарка, больно! (*Собака кидается на него и хватается за нос.*) Ай, батюшки, голубчики родимые, знакомые, заступитесь! Пропадает моя головушка: Мухтарка за нос схватила. Отцы родные, пропадет моя головушка совсем с колпачком и с кисточкой! Ой! ой, ой! Загрызла!

Собака грызет и теребит Петрушку, потом вскидывает его на себя и убегает с ним.

Конец

Петербургские шарманщики.

Д. В. Григорович

В осенний вечер, около семи часов, партия шарманщиков поворотила с грязного канала в узкий переулок, обставленный высокими домами. Шарманщики заметно устали. Один из них, высокий мужчина флегматической наружности, лениво поворачивал ручкою органа и едва передвигал ноги; другой, навьюченный ширмами, бубном и складными козлами, казалось, перестал уже и думать от усталости; только рыжий мальчик с ящиком кукол нимало не терял энергии.

Шарманщики, кажется, намереваются войти в ворота одного знакомого и прибыльного дома.

Так! Нет сомнения! Комедия будет! Они вошли на двор, вот уже заиграли какой-то вальс и раздался пронзительный крик Пучинелла. <...>

Представление не могло замедлиться, потому что на публику нельзя было жаловаться: она сбегалась со всех сторон. <...>

Комедия должна начаться сию минуту, публике некуда уже было поместиться.

<...> вдруг над шарманкою показался Пучинелла. Пучинелла принят с восторгом; характером он чудак, криклив, шумлив, забияка, одним словом, обладает всеми достоинствами, располагающими к нему его публику.

– Здравствуйте, господа! Сам пришел сюда, вас повеселить, да себе что-нибудь в карман положить! – так начинает Пучинелла.

Его приветствие заметно понравилось; солдат подошел поближе, мальчишка сделал гримасу, один из мастеровых почесал затылок и сказал: «Ишь ты!» – тогда как другой, его товарищ, схватившись за бока, заливался уже во все горло. Но вот хохот утихает; Пучинелла спрашивает музыканта; взоры всех обращаются на его флегматического товарища.

– А что тебе угодно, г. Пучинелла? – отвечает шарманщик.

Пучинелла просит его сыграть «По улице мостовой»; музыкант торгуется. «Да что с тебя, мусью? Двадцать пять рублей ассигнациями!» *Пучинелла.* Да я и отроду не видал двадцать пять рублей, а по-моему – полтора рубля шесть гривен. *Музыкант.* Ну хорошо, мусью Пучинелла, мы с тобой рассчитаемся. – Сказав это, он принимается вертеть ручку органа.

Звуки, «По улице мостовой» находят теплое сочувствие в сердцах зрителей: дюжий парень шевелит плечами, раздаются прищелкивание, притоптывание.

Но вот над ширмами является новое лицо: капитан-исправник; ему нужен человек в услужение; музыкант рекомендует мусью Пучинелла.

– Что вам угодно, ваше высокоблагородие? – спрашивает Пучинелла.

– Что ты, очень хороший человек, не желаешь ли идти ко мне в услужение?

Пучинелла торгуется; он неизвестно почему не доверяет ласкам капитана-исправника; публика живо входит в его интересы.

Капитан-исправник. Экой, братец, ты со мной торгуешься! Много ли, мало ли, ты станешь обижаться.

Пучинелла. Не то чтобы обижаться, а всеми силами стану стараться!

Капитан-исправник. У меня, братец, жалованье очень хорошее, кушанье отличное: пуд мякины да полчетверика гнилой рябины, а если хочешь сходишь к мамзель Катерине и отнесешь ей записку, то получишь двадцать пять рублей награждения.

Пучинелла. Очень хорошо, ваше благородие, я не только записку снесу, но и ее приведу сюда.

Публика смеется доверчивому Пучинелла, который побегал за мамзель Катериною. Вот является и она сама на сцену, танцует с капитаном-исправником и уходит. Толпа слушает, разиня рот, у некоторых уже потекли слюнки.

Новые затеи: Пучинелла хочет жениться; музыкант предлагает ему невесту; в зрителях совершенный восторг от девяностодевятилетней Матрены Ивановны, которая живет «в Семеновском полку, на уголку, в пятой роте, на Козьем Болоте». Хотя Пучинелла и отказывается от такой невесты, но все-таки по свойственному ему любопытству стучит у ширм

и зовет нареченную. Вместо Матрены Ивановны выскакивает собака, хватая его за нос и теребит что есть мочи.

Публика приходит в неистовый восторг: «Тащи его, тащи... так, так, тащи его, тащи, тащи!..» – раздаётся со всех сторон. Пучинелла валится на край ширм и самым жалобным голосом призывает доктора, не забывая, однако, спросить, сколько будет стоить визит. Является Доктор, исцеляет Пучинелла и в благодарность получает от него оплеуху.

За такое нарушение порядка и общественного спокойствия исполненный справедливой негодования капитан-исправник отдаёт Пучинелла в солдаты.

– Ну-ка, становись, мусью, – говорит капрал, вооружая его палкою, – слушай! На кра-ул!

По исполнительной команде Пучинелла начинает душить своего наставника вправо и влево, к величайшему изумлению зрителей. Ясно, что такого рода буян, сумасброд, безбожник, не может более существовать на свете; меры нет его наказанию: человеческая власть не в состоянии унять его, и потому сам ад изрыгает черта, чтобы уничтожить преступника.

Комедия кончается. Петрушка, лицо неразгаданное, мифическое, неуместным появлением своим не спасает Пучинелла от роковой развязки, и только возбуждает в зрителях недоумение. Неунывающий Пучинелла садится верхом на черта (необыкновенно похожего на козла), но черт не слушается; всадник зовет Петрушку на помощь, но уже позд-

но: приговор изречен, и Пуччинелла погибает образом, весьма достойным сожаления, то есть исчезает за ширмами.

Раздается финальная ария, представление кончилось.

Вертепные представления

Вертеп в Иркутске. Н. А. Полевой

В Иркутске, где я родился и жил до 1811 года, не было тогда театра, не заводили и благородных домашних спектаклей. <...> Театр заменяли для нас вертепы. Знаете ли, что это такое?

<...> Вертеп – кукольная комедия, род духовной мистерии. Устраивается род подвижного шкафа, разделенного на два этажа, куклы водятся невидимо руками представителей, грубый хор поет псалмы, нарочно для того сочиненные, иногда присовокупляется к ним скрипка; иногда импровизируются разговоры.

Содержание вертепной комедии всегда бывало одинаково: представляли мистерию рождества; в верхнем этаже устраивали для того вертеп и ясли, в нижнем трон Ирода. Куклы одеты бывали царями, барынями, генералами, и вертепы важивали и нашивали семинаристы и приказные по улицам в святочные вечера, ибо только о святках позволялось такое увеселение. Боже мой! С каким, бывало, нетерпением ждем мы святок и вертепа! С наступлением вечера, когда решено «пустить вертеп», мы, бывало, сидим у окошка и кричим от восторга, чуть только в ставень застучат, и на вопрос

наш: «Кто там?»— нам отвечают: «Пустите с вертепом!» Начинаются переговоры: «Сколько у вас кукол? Что возьмете?» Представители отвечают, что кукол пятьдесят, шестьдесят, одних чертей четыре, и что у них есть скрипка, а после вертепа будет комедия. Мы трепещем, что переговоры кончатся несогласием, покажется дорого. Но нет! Все слажено... И вот несут вертеп, ставят полукругом стулья, на скамейках утверждается самый вертеп; раскрываются двери его – мишура, фольга, краски блестят, пестреют; является первая кукла – Пономарь, он зажигает маленькие восковые свечки, выбегает Трапезник, с кузовом, и просит на свечку. Один из нас, с трепетом, подходит и кладет в кузов копейку. Пономарь требует дележа, сыплются шутки, начинается драка, и мы предвкушаем всю прелесть ожидающего нас наслаждения И вот – закрипела скрипка; раздались голоса – являются Ангелы и преклоняются перед яслями при пении:

Народился наш спаситель,
Всего мира искупитель.
Пойте, воспойте
Лики, во веки
Торжествуйте, ликуйте,
Воспевайте, играйте!
Отец будущего века
Пришел спасти человека!

Нет, ни Каталани, ни Зоннтаг, ни Реквием, ни Дон-Жу-

ан не производили потом на меня таких впечатлений, какое производило вертепное пение! Думаю, что и теперь я наполовину еще припомню все вертепные псалмы. И каких потрясений тут мы не испытывали: плачем, бывало, когда Ирод велит казнить младенцев; задумываемся, когда смерть идет наконец к нему при пении: «Кто же может убежати в смертный час?» – и ужасаемся, когда открывается ад; черные, красные черти выбегают, пляшут над Иродом под песню «О, коль наше на сем свете житие плачевно!» – и хохочем, когда Вдова Ирода, после горьких слез над покойником, тотчас утешается с молодым генералом и пляшет при громком хоре: «По мосту, мосту, по калинову мосту!»

Комедия после вертепа составлялась обыкновенно из пантомимы самих вертепщиков: тут являлся род Скапена-слуги, род Оргона-барина, Немец да Подьячий; разговор состоял из грубых шуток, импровизировался, и обыкновенно Слуга, бывало, всех обманывает, бьет Немца и дурачит Подьячего...

Кукольное представление в Торопце. М. И. Семевский

I

<...> Из избы слышны звуки визгливой скрипки – то

Клиш зачинает комедь да зазывает публику. Публика платит по копейке и занимает места. Изба разделена занавеской на две половины, на одной стоят скамейки для зрителей, за занавеской два скрипача и особый столик с прорезанными скважинами: из-за занавеса высовывается рука Клиша и на столе являются куклы. Комедь спущена. Смех, остроты и разные применения к живым лицам со стороны публики встречают каждую куклу. Куклы на проволоках скачут, дерутся, кланяются, дергают руками и ногами. Все это грубо, аляповато, но Клиш балясничает, поет, скрипка визжит и зрители в восхищении.

«Начинается комедь, чтоб народу не шуметь: русский народ будем сверху пороть!»

Едет Царь и кричит: «Воины мои, воины, солдаты вооруженные, престаньте пред своим победителем!»

Являются Солдаты: «О, царь наш, царь! Почто воинов призываешь, каким делом повелеваешь?»

Царь. Сходите, убейте до четырнадцати тысяч младенцев.

Является Баба.

Солдат (говорит). Что за баба, что за пьяна, пришла пред царем, расплакалась. Взять ее и заколоть. О, прободи твою утробу!

Является Черт к Царю.

<Черт>. Возьмем твою душу и потащим в тот рай, где горшки обжигают, туда вас и все черти тягают.

Мужчина и Баба.

Баба (поет).

Ты поляк, ты поляк, а я католичка:
Купи вина, люби меня, а я невеличка!

Мужчина (поет).

Здравствуй, милая, хорошая моя!
Чернобровая похожа на меня.
Вот жги, говори,
Рукавички барановые,
А другие не помараннные!

Казак (поет).

Запели казаки,
Затанцевали казаки,
Аж кони, кони
В роскошном поле...
А наш казак
Жинки не мает.

Является Барыня.

Барыня.

Здравствуй, козаче! Играй, музыкант.
Ходит казак по бережку,
Берег обломился,

Казак утопился.
А не черт тебя нес,
Не подмазавши колес,
На дырявый мост...

Женщина (в русском платье и кокошнике поет).

Вы торопецкие девушки,
Новгородские лебедушки,
У вас жемчужные кокошнички,
По закладам много хаживали,
Много денег оне нашивали:
Когда рубль, когда два,
Когда всех полтора! <...>

Барин и Барыня.

Ах ты, моя барыня,
Ах ты, моя сударыня!
Ты ли новомодная,
Ты моя красавица!
Пила кофе, пила чай,
Пришел милый невзначай!

Две Барыни.

У барыни чепчик новый,
А затылок бритый, голый!
Барыня, ты моя сударыня!

Самовары часто греешь,
Дома гроша не имеешь!
Ты моя барыня...
Ах, барыня пышна,
На улицу вышла
Руки не помывши,
Чаю не напившись.
Ты моя барыня...

<...> Вылезает пузатый Мужчина-кукла, кукла играет на контрабасе. Публика приветствует пузатого криками «Иван Федорович Абакумов!»
(Торопецкий богатый купец).

Играл Губкин на гитаре,
Спиридон пошел плясать...

<...> И так далее, все куплеты и разговоры в этом же роде.
Комедь заканчивается обращением к публике:

Не судите, господа!
На дробь, на порох,
На многие лета!
С праздником,
С народом пришедшим
Да с гостем сумасшедшим!
Пу-ф, п-у-ф!

С Клиша пот градом катит; в избе душно, свечка нагорела, дым ходит столбом от куренья махорки гостями; в сенях хлопает дверь, да пар морозного воздуха густыми клубами валит в горенку. Скорей на чистый воздух!

II

У Чижа <...> комедь бумажная, фигуры вырезаны из сахарной бумаги, на ниточках, их показывают тенями на простыне <...>.

В темной горенке, пред простыней, за которой горит свеча и стоят Чиж с товарищем, сидят дети, девушки, женщины... Комедь зачинается.

На холсте тени оленей и быков. Чиж говорит:

– Олени золоторогие и быки безрогие в саду разгуливают.

Проста солонина, по три денежки за фунт.

<Появляется> слон:

– Слон персидский. На нем человек, сидя, молотком в голову бьет. Он много бед натворил, сухарей потопил <...>

Идет черт:

– Вот новый лекарь, старый аптекарь, он старых баб на молодых переделывает. У кого живот болит – приходите к нему лечить, он новые зубы вставляет, старые вон выбивает, чирьи вырезает, болячки вставляет.

Едет богатырь:

– Вот здесь, при полночном мраке быть назначено злой

драке, спрячьтесь к месту и смотрите, примечайте, не дремли- те. Кто задремлет – пяточок, а нет, так отдаст и весь чет- вертачок!

Плотник:

– Сходить было до села, здесь бывала работа завсегда.

Является хозяин.

– А кто ты такой?

– Я плотник и всем делам охотник.

– Ох, братец, да у меня работишки понакопилось.

– Это наше дело.

– Ты только один?

– А нас будет и двое, бери любое.

Показывается мельница, выходит из нее черт:

– Вот этот самый домовый в кудрявой роще своей, под кремнистым камнем стережет богатый клад.

Черт (говорит хозяину). Вот тебе наряд от демонского во- еводы, вот тебе мое золото и живи богато: пей, ешь, веселись, только на этот камень не садись.

Хозяин. Ох, какое я огорчение получил! Надо думать да гадать, куда бы мне свое имение девать. Если нанять приказ- чиков, построить кладовые, то очень будут расходы большие. Да что ж я вздумал наконец: есть у меня приказчик, скряга купец. Приказчик, зови работников!

Приказчик (кричит). Федька Апалонов, Тимох, Ярмоха, Максим и шапочка с ним, как выйдет на завалину, заиграет во скрипицу, мы все его слушаем; и Мартын, что покрал же-

лезные двери, подите сюда! Ставьте мельницу на камень.

Является черт:

– Ха-ха-ха! Что тут сделалось? Мельница без клада не строится, в ней много чертей водится. Сходить было за то-варищем.

Является другой черт, они ломают мельницу.

– А! Кровь потекла, и пыль покапала...

Является сатана, говорит хозяину:

– Бес и рек: ты злой человек, отрезать тебе уши да нос, с тебя будет чудесный купорос, моему главному дохтору <...> для переварки старых старух на молодых молодых.

Ставится государственная контора, сидит за столом писарь:

Вот в государственной конторе

Сидит молодец в уборе,

И с затылку у него коса

До шелкова пояса.

Перед ним бумаг горой,

На столе чернил ведро,

Под столом лежит перо.

За ухом другое.

Вот идут к нему двое:

«Вот как этот-то детина

Выпросил у меня в долг три алтына,

И росту столько ж обещал,

Ну я ему и дал.

Как пришли мы на кружало,

То и денег у него не стало.
Что ж мне делать? За бока
Взял я разом должника.
Он мне денежки отдал
И с процентом разобрал.
Теперь дело наше с тобой право.
Рассуди, господин судья, нас здраво» —
«Брат, не лучше ль нам с тобой
Кончить дело мировой?

Входит Судья.

Ведь этот судья грозной!
Он как вскочит да как крикнет,
Ни один у нас не пикнет.
Отдал бы по чести.
Только б ноги унести». —
«Пойдем же, брат, поскорее»

Судья (кричит).

Нет, постойте, не уйдете,
Вы опять сюда придете!
«А что такое, господин судья?» —
«А вот что такое, мошенники:
Вы с таким пустым делом
Не ходили б по судам,
А то я прикажу
И на тюрьму засажу.

Запиши их в журнал:

«В кабаке драться—

А по судам ходя, не разбираться».

Рассудил!

Является конница; за ней Офицер и кричит «Во фронт! Дивизион вперед! Дирекция направо, скорым волшебным шагом в три приема марш!» (*Проходят.*) Идут ратники, флейтчики, музыканты. Барабанщики в барабаны бьют, сами в музыку поют. Семен Сильвестров наперед идет, знамя несет босый! А Васька-Барсук во скрипку играет. Офицер командует: «Ребята, сыграйте нам песню поскорей!» Сам полковник долой с коня слезает и сам песню зачинает:

Жизни тот один достоин,
Кто на смерть всегда готов.
Православный русский воин,
Не считая, бьет врагов.

Морской флот англичан отправляется в свою землю. Вот тут корабли иные, от похмелья как шальные, едва ноги волокут. Вот несчастный корабль погибает... погиб... пропал... прямо Клишихе в пряники попал.

Городской дом. Выходит Барин с трубкой и кричит:

– Ванюшка! Слуга новый!

– Чего изволите, барин голый?

– Как, разве я голый?

– Нет, барин добрый

– Поил ли ты коня?

– Поил, барин.

– Отчего ж у него губа суха?

– Оттого, что прорубь высока.

– Дурак, ты б ее подсек.

– Я до чего досек, – все четыре ноги прочь отсек, а за хвост взял и под лед подоткал.

– Дурак, она захлебнется!

– Не, барин, получше напьется.

– Много ль у меня на конюшне стоят?

– А две стоят, да и те едва дышат.

– Ты мне всех коней поизмучил. Пошел, позови приказчика, тот на грош поумней тебя. Приказчик!

– Чего изволите, баринушка?

– Поди сюды.

– Недосуг, баринушка, курята не доены, коровы на наше-сте сидят.

– Вот мошенник! Кто ж курят доит, а коров на нашест сажает? Поди сюда!

– Чего изволите, барин?

– Я нынешний год на дачах проживал, в Питербурхе, домашних обстоятельств не знал, каков у нас нонче хлеб родился?

– Не знаю, баринушка, я старый хлев свалил, а новый постановил.

– Дурак, я тебе не то говорю.

– Это, баринушка, я не о том вам и сказываю.

– Я тебя что спросил?

– А вот, баринушка, что: слухай, я буду молчать.

– Ну, ну, говори.

– А вот, баринушка: хлеб отменно родился. Колос от колоса – не слышать девичьего голоса, сноп от снопа – целая верста, а скирда от скирды – день езды.

– Хорошо. Куда ж ты этакий хлеб подевал?

– Слухай, баринушка: девкам санным да внукам серым сто четвертей отдал, коровам да свиньям, да придворным твоим людям – сто четвертей, ребяткам малым да бабкам старым – сто четвертей.

– Фу, черт, где ты этаких баб понабрал?

– Помилуйте, баринушка, все ваши.

– Куда ж мы их девать будем?

– Не знаю, баринушка, если их продать – срам и в люди показать, а если их похоронить, то их и живых земля не примет.

– Дурак мужик! Ежели их продавать да хоронить, легче их переварить.

– Да это, баринушка, хорошо. Они будут молодые.

– Нет ли у тебя какого дохтура?

– Есть, баринушка. (*Кричит.*) Кори, кори, ходи сюды! Я тебе работушку найшел.

Входит врачель, господин спужался его.

– Фу, да ты черт!

– Нет, я не черт, я есть врачель Больфидар, а лечебный мой дар известен. Известен я по всему граду, куда вступлю во двор, где немочных собор, всем подам отраду: у кого порча иль чума, иль кто сойдет с ума – всем здравие даю <...> и смерть у меня трепещет.

– Когда ты так говоришь, должно быть, ты мне баб переваришь.

– Это дело мое, барин. Кричи приказчика, пусть зовет баб.

– Приказчик!

– Что ты, барин, грош даешь в ящик?

– Зови ко мне старух!

– Брат Филат, веди баб к баринушке.

Филат (*говорит бабам*). Смотрите, старушонки, отвечайте и кланяйтесь ему.

– Как его, бае, зовут?

– Иван Панкратьевич.

Бабы идут, сами плачут и барину кланяются:

– Иван Панкратьевич, батюшка, живы души на эфтой стуже!

– Да ничего, бабушки, здорово, здорово! У! Какие старые! Ну вот, бабушки, воля теперь вышла: я прежде вас переварю, потом на волю отпущу. Веди их, приказчик, на фабрику к врачелю!

Бабы воют:

– Милые мои детушки, и-о-х, и-о-х, и-о-х! Срам людской,

позор позорской... и-о-х! (*Нетак плачут, как воют.*)

– Приказчик!

Приказчик (*плакавши*):

– Чего изволишь, баринушка?

– Скоро ль будут бабы готовы? <...>

Барин, не дождавшись, идет на фабрику, баб кладет вращель в котлы.

– Хо, хо, хо! Огни горят, котлы кипят, тут ихняя души варят. Много ль возьмешься в сутки переварить?

– Одну дюжину, барин.

– А – из дюжины?

– Полторы бабы! Да вот, столько ль не варил, да мало секрету положил: выварил одну Бабу-Ягу. Принимай, барин!

Барин спужался:

– Это черт!

– Нет, барин, баба твоя!

– Когда баба моя, сыграйте нам что-нибудь.

Ванька-Барсук играет. Чиж поет:

Как у наших у ворот

Стоял Мартын – кривой рот...

Барин с Бабой-Ягой пляшут, Яга тащит его в преисподнюю.

За этой сценой следует ряд других: цыгане поют песни и пляшут; проходят похороны «Фельдмаршала Гибен-

ского-Заболканского Ивана Федоровича Ериеванского, капитана Гребенкина». Гребенкин вместе с женою своей патриархально лет тридцать комадовали торопецкою инвалидною командою; оба несколько лет уже покойны, но комедчики, «спуская» их похороны, подшучивают над обоими. Далее идут попы, служат молебен «закатистый» и поют пьяную песню. В новой сценке выходит Ванька-Барсук (живой – за простыней, играет на скрипице, а это бумажный Ванька) пляшет и поет. Далее: Нищий с сумой и счастье. Нищий жалуется на бедность, а когда счастье насыпает ему деньги в кошель, он пожадничал и с пустой сумой остался; потом идут шутки над Немцем-барином и его лакеем. Наконец, Чиж говорит:

– Вот вам и Чернец, а всей комедии конец!

Царь Ирод

Ирод восседает на троне, к нему являются Три волхва. Он повелевает им на обратном пути из Вифлеема явиться к нему с подробностями о рождении Спасителя. Ирод напрасно ждет волхвов и в раздраженном состоянии духа обращается к своему Воину:

Воин мой, воин,
Воин вооруженный,
Стань передо мною,
Как лист перед травую,

И слушай мои приказания.

Воин (входит).

О, грозный царь Ирод,
Почто своего верного воина призывавши
И какие грозные приказы повелеваеши?

Ирод. Поди в Вифлеем и избей всех младенцев от двух лет и ниже. *Воин (уходит и возвращается обратно).*

О, грозный царь Ирод!
По твоему приказу
Я сходил в Вифлеем
И избил всех младенцев
От двух лет и ниже;
Только одна старая баба Рахиль
Не дает своего дитенка бить.

Ирод. Приведи ее сейчас сюда.

Воин уходит в одно из боковых отделений вертепа и тотчас приводит Рахиль в черном с головы до ног одеянии с ребенком на руках, жалобно пищущим.

Ирод. Как ты, старая баба Рахилья, смеешь не давать своего дитенка бить моему верному воину, когда я это приказал?

Рахиль (воет). Да он же у меня один, да такой маленький, да от него никому нет зла.

Ирод. А, дак ты мне еще смеешь грубить! (*Воину.*) Коли

ее ребенка!

Воин закалывает отчаянно кричащего ребенка. Рахиль заливается слезами.

Хор (закулисами).

Не плачь, не плачь, Рахия,
Твое дитя цело.
Оно не вмирало,
А отцветало.

Ирод (обращаясь к Воину). Гони отсюда старую бабу!

Воин прогоняет ее в одну сторону, а с противоположного хода является Отшельник.

Отшельник.

О Ироде, Ироде,
Полно тебе грешити,
Пора смерти просити.

Ирод (зовет Воина).

Воин мой, воин,
Воин вооруженный,
Стань передо мною,
Как лист перед травой,
Слушай мои приказанья!

Воин (с мечом входит и останавливается перед Иродом).

О грозный царь Ирод,
Почто своего верного воина призываеши
И какие грозные приказы повелеваеши?

Ирод. Прогони отсюда сего старого бродягу!

Воин прогоняет Отшельника в одну сторону, а с другой
стороны является Смерть с косою и начинает речитатив.

<Смерть>.

О Ироде, Ироде,
Полно тебе грешити,
Пора смерти просити!

Ирод в ужасе встает на своем троне быстро и порывисто.

Смерть.

Вот я к тебе пришла —
Настал твой смертный час:
Склони твою голову на мою косу.

Ирод (просит отсрочки). Дай отсрочки один год!

Смерть. Ни на один месяц!

Ирод. Дай на один день.

Смерть. Ни на один час!

Ирод. На одну минуту.

Смерть. Ни на одну секунду!

Ирод покорно склоняет голову на косу, а Смерть, отру-

бив голову, плавно удаляется одним ходом, а другим вбегают Черты с визгом и хохотом, окружают тело Ирода и под предводительством огромного Черта тащат тело в ад.

Хор (*изображает кипение адской смолы*). Жж... Зз... Сс...

Трон опустел.

Аришенька (входит и обращается к публике).

Ах, шла с горы – утомилась,
Шла под гору – спотыкнулась.
Дайте на царском месте посидеть.

(Садится.)

Старик (с мешком за плечами).

Ах, Аришенька, дружочек,
Я принес те денежек мешочек,
Только дай на твоих коленях посидеть,
А ты у меня из мешка денежки выбирай.

Аришенька. Садись, Старичок, садись, дорогой!

Старик садится ей на колени. Аришенька выбирает у него деньги из мешка за плечами.

Франт (является и обращается к публике).

Ах, почтеннейшие господа,
Как это не стыдно,
Как это не обидно,

Что старый хрыч с бородой
Сидит на коленях у молодой?!

Старик.

Ах, ты, Франт,
У тебя сапоги в рант,
Жилетка пике,
А нос в табаке;
Сапог скрипит,
А в кармане тряса кипит!
А я хоть старик седой,
Да денег у меня мешок большой.
Ступай отсюда прочь.

Старик и Аришенька (кричат вместе). Ступай отсюда прочь!

Франт сконфуженный уходит.

Аришенька (за кулисами говорит).

Милые музыкантики,
Сыграйте нам танцыки!

Музыканты играют «По улице мостовой». Аришенька пляшет русскую. Старик по ее приказанию тоже пляшет до изнеможения, чуть не падает – так что Аришенька переутомленного Старика наконец уводит долой со сцены. Старик прихрамывает и закашливается к великой потехе и смеху

публики.

На сцену является Мужик.

<Мужик>. Куда же это я забрел? Вот тебе на! А где же Максимка? (*Зовет.*) Сын Максим, а сын Максим!

Максимка (*за сценой*). Ау, татка!

Мужик. Да где ж ты?

Максимка. Да в лесу!

Мужик. Зачем ты туда попал?

Максимка. Да грибы собираю!

Мужик. Да что ты, сдурел али пьян – какие ноне об растве грибы?

Максимка. Да еще какие – подосиновики! Ходи ко мне собирать, а то всех одному не набрать!

Мужик. В такой-то мороз мне к тебе идтить? Нет уж, ты выходи ко мне скорей. Пора домой, а то замерзнем!

Максимка. Не, мне в лесу тепло! Да я никак и заблудился? Так и есть – заблудился.

Мужик. Так читай за мной молитву «Да воскреснет бог».

Максимка. Да растреснит твой лоб, тятка! Так стемнело, что ни зги не вижу.

Мужик. Ну, так читай за мной другое!..

Барыня и доктор

Доктор

Здравствуйте вам, господа!
Знаете ли вы меня?
Я лекарь, главный аптекарь,
Умею лечить,
Кровь мечить,
Корпию вставлять,
Живых людей на тот свет отправлять:
Ко мне ведут на ногах,
А от меня везут на санях.
Не болят ли у вас, господа, у кого ли зубы?

Идет Барыня.

Барыня

Ах, доктор! Я слыхала,
Что вы лекарь.
Я дюже больна и похудела,
На мне сорочка поужела:
Было две складки,
А то стало в натяжку гладко.

Доктор

Сударыня! Вам нужно шалфею,
И дать раз пять по шее.
Тогда будете здоровы!

Барыня

Ах, господин, еще болит голова!

Доктор

Сударыня! Обрить вам ее догола,
Парным молоком привязать
И поленом по голове ударять!
Ваш голов будет здоров.

Барыня

Господин, еще болят зубы!

Доктор

Сударыня! Обрезать вам нос и губы,
Не перепустить крови ни лишку,
Дать вам в рот еловую шишку.
Ваш зуб будет очень здоров.

Барыня

Ах, господа, даже от слов его полегчело!
Пойду, найму музыку!

Танцуют польку и уходят.

Раек²¹⁷

* * *

А вот, извольте видеть, господа,
Андерманир штук – хороший вид.
Город Кострома горит;
Вон у забора мужик стоит – с <...> т;
Квартальный его за ворот хватает,
Говорит, что поджигает,
А тот кричит, что заливает.
А вот андерманир штук – другой вид,
Петр Первый стоит;
Государь был славный
Да притом же и православный;
На болоте выстроил столицу,
.....
Государь был славный,
Да притом же и православный.

---

²¹⁷ «Раек – это небольшой... ящик с двумя увеличительными стеклами впереди. Внутри его перематывается с одного катка на другой длинная полоса с доморощенными изображениями разных городов, великих людей и событий. Зрители „по копейке с рыла“, глядят в стекла, – раешник передвигает картинки и рассказывает присказки к каждому новому номеру, часто очень замысловатые» (Ровинский Д.А.).

А вот андреманир штук – другой вид.
Город Палерма стоит;
Барская фамилия по улицам чинно гуляет
И нищих тальянских русскими деньгами щедро наделяет.
А вот, извольте посмотреть, андерманир штук – другой
вид,
Успенский собор в Москве стоит;
Своих нищих в шею бьют,
Ничего не дают.

Нижегородские ярмарочные райки

Площадь перед самокатами вся залита народом, со всех сторон из балаганов слышится самая разнообразная музыка, раздаются громкие зазывания в «комедии», крики разносчиков, громкий говор толпы, остроты забубенной головушки-мастерового, и в том числе однообразно звучит рассказ служивого, от которого у публики животики подводит, а служивый-то сам и усом не поведет и глазом не мигнет.

– Вот я вам буду спервоначально рассказывать и показывать, – говорит он монотонным, всего на двух или трех нотах, голосом, – иностранных местов, разных городов, городов прекрасных; города мои прекрасные, не пропадут денежки напрасно, города мои смотрите, а карманы берегите.

– Это, извольте смотреть, Москва – золотые маковки, Ивана Великого колоколья, Сухарева башня, усиленский со-

бор, шестьсот вышины, а девятьсот ширины, а немножко поменьше; ежели не верите, то пошлите поверенного, – пускай поверит, да померит.

– А это, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, как на хотинском поле из Петросьского дворца сам анпиратор Лександра Николаич выезжает в Москву на коронацию: артиллерия, кавалерия по правую сторону, а пехота по левую.

– А это, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, как от фрянцосьского Наполеона бежат триста кораблей, полтора галетов, с дымом, с пылью, с свиными рогами, с заморским салом, дорогим товаром, а этот товар московского купца Левки, торгует ловко.

– А это вот, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, город Париж, поглядишь – угоришь, а кто не был в Париже, так купите лыжи: завтра будете в Париже. – А это, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, Лександровский сад; там девушки гуляют в шубках, в юбках и в тряпках, зеленых подкладках; пукли фальшивы, а головы плешивы.

– А это, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, Царьград; из Царьграда выезжает сам салтан турецкий со своими турками, с мурзами и татарами-булгаметами и с своими пашами; и собирается в Расею воевать, и трубку табаку курит, и себе нос коптит, потому что у нас, в Расее, зимой бывают большие холода, а носу от того большая

вреда, а копченый нос никогда не портится и на морозе не лопаётся.

– А это, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, как князь Меншиков Севастополь брал: турки палят – все мимо да мимо, а наши палят – все в рыло, да в рыло; а наших бог помиловал: без головушек стоят, да трубочки курят, да табачок нюхают, да кверху брюхом лежат.

– А это, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, как в городе в Адесте, на прекрасном месте, верст за двести, прапорщик Щеголев англичан угощает, калеными арбузами в зубы запускает.

– А это, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, московский пожар; как пожарная команда скачет, по карманам пироги прячет, а Яша-кривой сидит на бочке за трубой да плачет, что мало выпил, да кричит: «Князя Голицына дом горит».

– А это, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, нижегородская Макарьевская ярманка; как московские купцы в Нижегородской ярманке торгуют; московский купец Лёвка, торгует ловко, приезжал в Макарьевскую ярманку – лошадь-от одна пегая, со двора не бегаёт, а другая – чала, головой качает; а приехал с форсу, с дымом, с пылью, с копотью, а домой-то приедет – неча лопати; барыша-то привез только три гроша; хотел было жене купить дом с крышкой, а привез глаз с шишкой...

Медвежья потеха

Приход вожака с медведем. Д. А. Ровинский

Приход вожака с медведем еще очень недавно составлял эпоху в деревенской заглушенной жизни: все бежало к нему навстречу, – и старый и малый; даже бабушка Анофревна, которая за немогою уже пятый год с печки не спускалась, и та бежит.

– Куда ты это, старая хрычовка? – кричит ей вслед барин.

– Ах, батюшки, – прихлебывает Анофревна, – так уж медведя-то я и не увижу? – и семенит далее.

Представление производится обыкновенно на небольшой лужайке; вожак – коренастый пошехонец; у него к поясу привязан барабан; помощник – коза, мальчик лет десяти—двенадцати, и, наконец, главный сюжет – ярославский медведь Михайло Иваныч, с подпиленными зубами и кольцом, продетым сквозь ноздри; к кольцу приделана цепь, за которую вожак и водит Михайлу Иваныча; если же Михайло Иваныч очень «дурашлив», то ему, для опаски, выкалывают и гляделки.

– Ну-тка, Мишенька, – начинает вожак, – поклонись честным господам да покажи-ка свою науку, чему в школе тебя пономарь учил, каким разумом наградил. И как красные де-

вицы, молодичицы, белятся, румянятся, в зеркальце смотрятся, прихорашиваются. – Миша садится на землю, трет себе одной лапой морду, а другой вертит перед рылом кукиш, – это значит, девица в зеркало смотрится.

– А как бабушка Ерофеевна блины на масляной печи собралась, блинов не напекла, только сослепу руки сожгла, да от дров угорела. Ах, блинцы, блины! – Мишка лижет себе лапу, мотает головой и охает.

– А ну-ка, Михайло Иваныч, представьте, как поп Мартын к заутрени не спеша идет, на костыль упирается, тихо вперед подвигается, – и как поп Мартын от заутрени домой гонит, что и попадья его не догонит. – А как бабы на барскую работу не спеша бредут? – Мишенька едва передвигает лапу за лапой. – И как бабы с барской работы домой бегут? – Мишенька принимается шагать в сторону. – И как старый Терентьич из избы в сени пробирается, к молодой снохе подбирается. – Михайло Иваныч семенит и путается ногами. – И как барыня с баб в корзинку тальки да яйца собирает, складывает, а барин все на девичью работу посматривает, не чисто-де лен прядут, ухмыляется, знать, до Паранькиного льна добирается. – Михайло Иваныч ходит кругом жоака и треплет его за гашник!

– А нуте, Мишенька, представьте, как толстая купчиха от Николы на Пупышах, напившись, нажравшись, как налитой к <...> сидит, мало говорит; через слово рыгнет, через два п<...>нет. – Мишенька садится на землю и стонет.

Затем вожак пристраивает барабан, а мальчик его устраивает из себя козу, то есть надевает на голову мешок, сквозь который, вверху, проткнута палка с козлиной головой и рожками. К голове этой приделан деревянный язык, от хлопанья которого происходит страшный шум. Вожак начинает выбивать дробь, дергает медведя за кольцо, а коза выплясывает около Михайла Ивановича трепака, клюет его деревянным языком и дразнит; Михайло Иваныч бесится, рычит, вытягивается во весь рост и кружится на задних лапах около вожака – это значит: он танцует. После такой неуклюжей пляски вожак дает ему в руки шляпу, и Михайло Иваныч обходит с нею честную публику, которая бросает туда свои гроши и копейки. Кроме того, и Мише и вожаку подносится по рюмке водки, до которой Миша большой охотник; если же хозяева тороватые, то к представлению прибавляется еще действие: вожак ослабляет Мишину цепь, со словами «А ну-ка, Миша, давай поборемся», – схватывает его под силки, и происходит борьба, которая оканчивается не всегда благополучно, так что вожаку иногда приходится и самому представлять, «как малые дети горох воруют», – и хорошо еще, если он отделается при этом одними помятыми боками, без переломов.

Сергач. С. В. Максимов

Промысел или способ прокормления себя посредством потехи досужих и любопытных зрителей шутками и пляскою

ученых медведей не так давно был довольно распространен.
<...>

– Ну-ко, Михайло Потапыч, поворачивайся! Привстань, приподнимись, на цыпочках пройдишь: поразломай-ко свои старые кости. Видишь, народ собрался подивиться да твоим заморским потяпкам поучиться.

Слова эти выкрикивал нараспев <...> низенький мужичок в круглой изломанной шляпе с перехватом посередине, перевязанным ленточкой. Кругом поясницы его обходил широкий ремень с привязанною к нему толстою железною цепью, в правой руке у него была огромная палка-орясина, а левой держался он за середину длинной цепи.

В одну минуту на заманчивый выкрик сбежалась толпа со всех концов большого села Бушнева, справлявшего в этот день свой годовой праздник летней Казанской. Плотно обступила глашатая густая и разнообразная стена зрителей.
<...>

Между тем на площадке раздавалось звяканье цепи и мохнатый медведь с необычайным ревом поднялся на дыбы и покачнулся в сторону. Затем, по приказу хозяина, немилосердно дергавшего за цепь, медведь кланялся на все четыре стороны, опускаясь на передние лапы и уткнув разбитую морду в пыльную землю:

– С праздником, добрые люди, поздравляем! – приговаривал хозяин при всяком новом поклоне зверя, а наконец, и сам снял свою измятую шляпу и кланялся низко.

Приподнявшись с земли в последний раз, медведь пятится назад и переступает с ноги на ногу. Толпа немного осаживает, и поводитарь начинает припевать козлиным голосом и семенить своими измочаленными лаптишками, подергивая плечами и уморительно повертывая бородкой.

Поется песенка, возбуждающая задор во всех зрителях, начинавших снова подаваться вперед:

Ну-ко, Миша, попляши,
У тя ножки хороши!
Тили, тили, тили-бом
Загорелся козий дом:
Коза выскочила,
Глаза выпучила,
Таракан дрова рубил,
В грязи ноги завязил.

Раздается мучительный, оглушительно-нескладный стук в лукошко, заменяющее барабан, и медведь с прежним ревом – ясным признаком недовольства – начинает приседать и, делая круг, загребаёт широкими лапами землю, с которой поднимается густая пыль. Другой проводник, молодой парень, стучавший в лукошко и до времени остававшийся простым зрителем, ставит барабан на землю и сбрасывает привязанную на спине котомку. Вытащив оттуда грязный мешок, он быстро просовывает в него голову и через минуту является в странном наряде, имеющем, как известно, название

«kozy». Мешок этот оканчивается наверху деревянным снарядом козлиной морды, с бородой, составленной из рваных тряпиц; рога заменяют две рогатки, которые держит парень в обеих руках. Нарядившись таким образом, он начинает дергать за веревочку, отчего обе дощечки, из которых сооружена морда, щелкают в такт уродливым прыжкам парня, который, переплетая ногами, время от времени подскакивает к медведю и щекочет его своими вилами. Этот уже готов был опять принять прежнее, естественное положение, но дубина хозяина и щекотки «kozy» продолжают держать его на дыбах и заставляют опять делать круг под веселое продолжение хозяйской песни, которая к концу перешла уже в простое взвизгиванье и складные выкрики. С трудом можно различить только следующие слова:

Ах, коза, ах, коза,
Лубяные глаза!
Тили, тили, тили-бом,
Загорелся козий дом.

Медведь огрызается, отмахивает «козу» лапой, но все-таки приседает и подымает пыль.

Между тем внимание зрителей доходит до крайних пределов: девки хохочут и толкают друг дружку под бочок, ребята уговаривают девок быть поспокойней и в то же время сильно напирают вперед, отчего место пляски делается все уже и уже, и Топтыгину собственной спиной и задом приходится

очищать себе место.

Песенка кончилась; «козы» как не бывало. Хозяин бросил плясуну свою толстую палку, и тот, немного огрызнувшись, поймал в охапку и оперся на нее всею тяжестью своего неуклюжего тела.

– А как, Михайло Потапыч, бабы на барщину ходят? – выкрикнул хозяин и самодовольно улыбнулся.

Михайло Потапыч прихрамывает и, опираясь на палку, подвигается тихонько вперед, наконец оседлал ее и попятился назад, возбуждив неистовый хохот...

– А как бабы в гости собираются, на лавку садятся да обуваются?

Мишук садится на корточки и хватается передними лапами за задние, в простоте сердца убежденный в исполнении воли поводитаря, начавшего между тем следующие приговоры:

– А вот молодичицы – красные девицы студеной водой умываются: тоже, вишь, в гости собираются.

Медведь обтирает лапами морду и, по-видимому, доволен собой, потому что совершенно перестает реветь и только искоса поглядывает на неприятелей, тихонько напевая про себя какой-то лесной мотив. Хозяин между тем продолжает объяснять:

– А вот одна дева в глядельцо поглядела, да и обомлела: нос крючком, голова тычком, а на рябом рыле горох молотили.

Мишка приставляет к носу лапу, заменяющую на этот случай зеркало, и страшно косится глазами, во всей красоте управляя белки.

– А как старые старухи в бане парются, на полке валяются? А веничком во как!., во как!.. – приговаривает хозяин, когда Мишка опрокинулся навзничь и, лежа на спине, болтал ногами и махал передними лапами. Эта минута была верхом торжества медведя, смело можно было сказать ему: «Умри, медведь, лучше ничего не сделаешь!»

Ребята закатились со смеху, целой толпой присели на корточки и махали руками, болезненно охая и поминутно хватаясь за бока. <...>

– Одна, вишь, угорела, – продолжал мужик, – у ней головушка заболела! А покажи-ко, Миша, которо место?

<...> Мишка сел опять на корточки и приложил правую лапу сначала к правому виску, потом перенес ее к левому...

– Покажи-ко ты нам, как малые ребята горох воруют, через тын перелезают.

Мишка переступает через подставленную палку, но вслед за тем ни с того ни с сего издает ужасный рев и скалит уже неопасные зубы. Видно, сообразил и вспомнил Мишка, что будет дальше, и крепко не по нутру ему эта штука. Но знать, такова хозяйская воля и боязно ей перечить: медведь ложится на брюхо, слушаясь объяснений поводитаря:

– Где сухо – тут брюхом, а где мокро – там на коленочках. Топтыгин неприязненным ревом встретил приказание.

<...> С величайшею неохотою поднимает он брошенную палку и, схватив ее в охапку, кричит и не возвращает. <...> Наказанный за непослушание, медведь начинает сердиться еще больше и яснее: он уже мстит за обиду, подмяв под себя вечно неприязненную «козу»-барабанщика, когда тот, в заключение представления, схватился с ним побороться. <...> Мишка валится навзничь, опрокидывая на себя и «козу»-барабанщика.

– Приободришься же, Михайло Потапыч, – снова затянул хозяин после борьбы противников. – Поклонись на все четыре ветра да благодари за почет, за гляденье, может, и на твою сиротскую долю кроха какая выпадет.

Мишка хватает с хозяйской головы шляпу и, немилосердно комкая, надевает ее на себя, к немалому удовольствию зрителей, которые, однако же, начинают пятиться в то время, как мохнатый артист, снявши шляпу и ухватив ее лапами, пошел по приказу хозяина за сбором. Вскоре посыпались туда яйца, колобки, ватрушки с творогом, гроши, репа и другая посильная оплата за потеху. Кончивши сбор, медведь опустил голову и тяжело дышал, сильно умаявшись и достаточно поломавшись.

Приговоры медвежатника. П. Альбинский

Представления с медведем происходили следующим образом. По приходе в село вожак ударял в барабан, на звуки

барабана сходился народ. «Козарь» начинал плясать. Медведь, понукаемый цепью, тоже плясал, выделявал некоторые штуки (кланялся, кувыркался) пред глазами собравшейся толпы и под приговоры вожака. Вот эти приговоры.

«Первый раз как за цепь возьмешь и тряхнешь, приговаривали:

– Вставай да подымайся, ворочайся-разгибайся, пробивай строчки московски, другие заморски, господам дворянам; садись в суд да слушай, как у нас по городам, по волостям есть старосты-бурмистры, приказные командеры. Судьба прошла – с городов стрельба пошла, с городу на город метко, лука не изломи и его не перешиби; старому старику глаза не вышиби, а скупому да лихому вон вывори, который нас не поит да не кормит и теплого ночлега не дает...

– Пехотный солдат идет с ружьем на караул (при этом медведю давали палку); ружьи, мушкеты обтерли бока, и с порохом сума разломилась солдату плеча; конные драгуны, служивые казаки поедут на службу верхом (ему дашь палку, а он сядет верхом на палку).

Потом говоришь:

– Как старая старушка идет на господский двор работать, идет она, хромает: от господской работы отбивает, работать ей мочи нет – свело старую и скорчило – господская работа состарила... Как звали старуху на господский двор на почетный пир: услышала старая, вскочила, ручки-ножки залечила – пошла танцевать...

– Как малые ребята горох воровали; где сухо – тут брюхом, а где мокренько – на коленочках, и покрали, и поваляли горох, и хозяину не оставили...

– Как теща перед зятем скачет-пляшет, зятя угощает. Блины пекла да угорела, головушка у ней заболела.

Медведь тут уж встанет, дашь ему шапку в лапы-то и говоришь:

– Ну, ваше благородие, сошлите ему сколько-нибудь жалованья на хлеб и за труды ему...»

Приговариванье поводильщика. А. Гациский

«Ну-ко, Марья Васильевна, поворачивайся веселей, говори посмирней, хмелек вьется, живой не ведется, поворачивайся направо, артикул делай завсегда браво. Садись в суд да слушай, есть у нас по городам, по волостям, стреляются молодцы калиновские, алаторские. Держать, не пускать, право-лево не смотреть. Конница драгуны, подводы ямские, хлеб мирской, денежки государевы. Пешеходные солдаты, ружья на плечо, порох да сума обтерли бока, проломил солдатское плечо, артикул выкидывали, ручку на ручку прикладывали. Сядь на добром месте. Сама прикройся. Княгини, боярыни, гостиные дочери крутятся, белятся, в чисты зеркала смотрятся, из-под ручки выглядывают, по мысли себе женихов выбирают, который жених был кудреват, кудерки сгибат. Как старые старушки на господскую работу ходят, идут

они хромают, на одну ноженьку припадают, от барщины от-
бывают, начальники палкой погоняют. Малые ребята в чу-
жое поле за горошком ходят, горошек наворовали, в меш-
ки клали, налево кругом – марш, убежали. Вот теща перед
зятем пляшет, рукой машет, головой потряхивает. Для зятя
блины пекла, угорела, головушка заболела. Сядь да указы-
вай».

Мишенька Иваныч²¹⁸

А ну-тка, Мишенька Иваныч,
Родом боярыч,
Ходи ну похаживай,
Говори-поговаривай,
Да не гнись дугой,
Словно мешок тугой.
Да ну поворотись,
Развернись,
Добрым людям покажись.
А ну-ка, вот ну, как старые старушки,
Молодые молодушки
На барщину ходили,
До дыр пяты сносили.
А как теща про зятя блины пекла
Да угорела,

---

²¹⁸ Текст лубочной картинки.

Головушка заболела!
А вот ну, как красные девицы моются,
Белятся, румянятся,
В зеркальце глядятся
Да из-под рученьки женишков выглядывают.
А вот ну, как малые ребятишки горох воровали,
Тишком-тайком – где сухо,
Там брюхом,
Где мокро, там на коленочках.
А вот ну, ходи-расходись.
Во всем народе покажись.
А ну, как конные драгуны в поход ходили,
Ружьем метали,
Артикулы выкидали.
А вот как с порохом сума
Оттянула все плеча.
А ну-ка вот, ну, как муж у жены
Вино ворует,
А холостой парень по чужой жене тоскует.
Ходи не спотыкайся,
Вперед подавайся,
Разгуляйся!
Вались да катись,
Бока не зашиби, сам себя береги.
А ну, женка в гости пошла,
С собой гусли взяла,
Мужа прочь прогнала.
А ну вот,
Ну, как наши бабенки в баню ходили,

Винцо с собой носили,
На полочк забирались,
На спинке валялись,
Веничком махали,
Животики протирали.

Прибаутки ярмарочных зазывал

I

1. Книга

Вот что, милые друзья, я приехал из Москвы сюда, из гостиного двора – наниматься в повара; только не рябчиков жарить, а с рыжим по карманам шарить.

Вот моя книга-раздвига. В этой книге есть много чего, хотя не видно ничего. Тут есть диковинная птичка, не снегирь и не синичка, не петух, не воробей, не щегол, не соловей, – тут есть портрет жены моей. Вот я про ее расскажу и портрет вам покажу. От прелести-лести сяду я на этом месте.

Вы, господа, на меня глядите, а от рыжего карманы берегите.

2. Свадьба

Задумал я жениться, не было где деньгами разжиться. У меня семь бураков медных пятак, лежат под кокорой, сам не знаю под которой.

Присваталась ко мне невеста, свет Хавроньюшка любезна. Красавица какая, хромоногая, кривая, лепетунья и заика. Сама ростом не велика, лицо узко, как лопата, а назади-то заплата, оборвали ей ребята.

Когда я посватался к ней, какая она была щеголиха, притом же франтиха. Зовут ее Ненила, которая юбки не мыла. Какие у ней ножки, чистые, как у кошки. На руках носит браслеты, кушает всегда котлеты. На шее два фермуара, чтобы шляпку не сдувало. Сарафан у ней французское пике и рожа в муке.

Как задумал жениться, мне и ночь не спится. Мне стало сниться, будто я с невестой на бале; а как проснулся, очутился в углу в подвале. С испугу не мог молчать, начал караул кричать. Тут сейчас прибежали, меня связали, невесте сказали, так меня связанного и венчали.

Венчали нас у Флора, против Гостиного двора, где висят три фонаря. Свадьба была пышная, только не было ничего лишнего. Кареты и коляски не нанимали, ни за что денег не давали. Невесту в телегу вворотили, а меня, доброго молодца, посадили к мерину на хвост и повезли прямо под Тючков мост. Там была и свадьба.

Гостей-то гостей было со всех волостей. Был Герасим, который у нас крыши красил. Был еще важный франт, сапоги в рант, на высоких каблуках, и поганое ведро в руках. Я думал, что придворный повар, а он был француз Гельдант, собачий комендант. Еще были на свадьбе таракан и паук, заморский

петух, курица и кошка, старый пономарь Ермошка, лесная лисица, да старого попа кобылица.

Была на свадьбе чудная мадера нового манера. Взял я бочку воды да полфунта лебеды, ломоточек красной свеклы утащил у тетки Феклы; толочна два стакана в воду, чтобы пили слаще меду. Стакана по два поднести да березовым поленом по затылку оплести – право, на ногах не устоишь.

3. Жена

У меня жена красавица. Под носом румянец, во всю щеку сопля. Как по Невскому прокатит, только грязь из-под ног летит.

Зовут ее Софья, которая три года на печке сохла. С печки-то я ее снял, она мне и поклонилась да натрое и развалилась. Что делать? Я взял мочалу, сшил, да еще три года с нею жил. <...>

Пошел на Сенную, купил за грош жену другую, да и с кошкой. Кошка-то в гроше, да жена-то в барыше, что ни дай, так поест.

4. Жена

Жена моя солидна, за три версты видно. Стройная, высокая, с неделю ростом и два дни загнувши. Уж признаться ска-

зять, как, бывало, в красный сарафан нарядится, да на Невский проспект покажется – даже извозчики ругаются, очень лошади пугаются. Как поклонится, так три фунта грязи отломится.

5. Жена

У меня, голова, жена красавица. Глаза у ней по булавочке, а под носом две табачные лавочки. У нее, голова, рожа на мой лапоть похожа. Она у меня, голова, тужа: где постоит, там и лужа. И хорошего, голова, поведенья – из Полторацкого заведенья. Была в магазине, плела, голова, корзины. Еще, голова, по-домашнему что я скажу: щи варит, жаркое жарит, пироги печь али на печь лечь – и то умеет. Я, голова, недалеко скажу: вчера она, голова, пол мыла, грязь-то, голова, и соскоблила, в кучу собрала да мне блинов и напекла. У ней горшок с перекладиной. В одной половине щи болтает, в другую помой выливает. Я раз и хлебнул, так руками и ногами дрыгнул. Жаркое жарила в двух плошках, а только нее из тараканьих ножков <...>.

6. Жена стряпает

Мастерица моя жена варить, в каждом горшке по два кушанья. Кашу варит: крупу всыпает, не мешает – так в печь и

пихает. Потом вынимает, меня старика-то есть и заставляет. Со старости не разберу, все с горшком и уберу.

Мастерица печь пироги и караваи, печет всегда в сарае. Готовит в кухне, чтобы больше пухли, с начинкой, с телячьей овчинкой, с луком, с перцем, с селедочными головками, с яичной скорлупой, с собачьей требухой – во какой! С одного конца разорвалося, по всей деревне раздалося. А есть только свинье удалось Рыжий облизывается, верно, попробовал.

Мастерица хлебы печь. Становит с вечера на дрожжах, утром подымает на вожжах. Сажает на лопате, вытаскивает на ухвате. Сажает два, а вытащит тридцать два. Да что и за хлебы! Снизу подопрело, сверху подгорело, с краев-то пресно, в середине-то тесно. Не режь ножичком, а черпай ложечкой. Я со свиньей перебирал, да рыло все и перемарал.

7. Дом

Вот я, голова, семь лет дома не бывал и оброка не плачивал. Приехал домой, свой дом поправил, четыре синяка соседу поставил. Мой дом каменный, на соломенном фундаменте. Труба еловая, печка сосновая, заслонка не благословленная, глиняная. В доме окна большие – буравом навораченные. Черная собака за хвост палкой привязана, хвостом лает, головой качает, ничего не чает. Четверо ворот, и все в огород. Кто мимо меня едет, ко мне заворачивает, я карман выворачиваю. Так угощаю, чуть живых отпускаю.

Был я тогда портным. Иголочка у меня язовенькая, только без ушка—выдержит ли башка? Как стегну, так кафтан-шубу и сошью. Я и разбогател. У меня на Невском лавки свои: по правой стороне это не мое, а по левой вовсе чужие. Прежде я был купцом, торговал кирпичом и остался ни при чем. Теперь живу день в воде, день на дровах и камень в головах.

8. Баня

Я по Невскому шел, четвертака искал, да в чужом кармане рубль нашел, едва и сам ушел. Потом иду да подумываю.

Вдруг навернулся купец знакомый да не здоровый, только очень толсторожий. Я спросил: «Дядюшка, в которой стороне деревня?» А он мне сказал: «У нас деревни нет, а все лес». А я к нему в карман и влез. Он меня взял да в баню и пригласил. А я этого дела не раскусил, я на даровщинку и сам не свой.

Приходим мы в баню. Баня-то, баня – высокая. У ворот стоит два часовых в медных шапках. Как я в баню-то вошел, да глазом-то окинул, то небо и увидел. Ни полка, ни потолка, только скамейка одна. Есть полка, на котором черт орехи толоч. Вот, голова, привели двоих парильщиков да четверых держальщиков. Как положили меня, дружка, не на лавочку, а на скамеечку, как начали парить, с обеих сторон гладить. Вот тут я вертелся, вертелся, насилиу согрелся. Не сдержал,

караул закричал. Банщик-то добрый, денег не просит, охапками веники так и носит.

Как с этой бани сорвался, у ворот с часовыми подрался.

9. Часы

У вас, господа, есть часы? У меня часы есть. Два вершка пятнадцатого.

Позвольте, господа, у вас проверить или мне аршином померить. Если мне мои часы заводить, так надо за Нарвскую заставу выходить. <...> Мои часы, господа, трещат, а рыжие из чужого кармана тащат.

10. Лотерея

Разыгрывается лотерея: киса старого брадобрея, в Апраксинском рынке в галерее. Вещи можно видеть на бале, у огородника в подвале. В лотерее будут раздавать билеты два еврея: будут разыгрываться воловий хвост и два филея.

Чайник без крышки, без дна, только ручка одна.

Из чистого белья два фунта тряпья; одеяло, покрывало, двух подушек вовсе не бывало.

Серьги золотые, у Берта на заводе из меди литые, безо всякого подмеса, десять пудов весу.

Бурнус вороньего цвету, передних половинок совсем

нету. Взади есть мешок, кисточки на вершок. Берестой наставлен, а зад-то на Невском проспекте за бутылку пива оставлен.

Французские платки да мои старые портки, мало ношенные, только были в помойную яму брошенные. Каждый день на меня надеваются, а кто выиграт – назад отбираются.

Двенадцать подсвечников из воловьих хвостов, чтобы рыжие не забывали великих постов.

Будет разыгрываться золотая булавка, – а у этой кухарки под носом табачная лавка.

Перина ежового пуха, разбивают каждое утро в три обуха.

Шляпка из навозного пуха, носить дамам для духа.

Сорок кадушек соленых лягушек.

Материя маремор с Воробьиных гор.

Шкап красного дерева, и тот в закладке у поверенного.

Красного дерева диван, на котором околевал дядюшка Иван.

Два ухвата да четыре поганных ушата.

Пять коз да мусору воз.

Салоп на лисьем меху, объели крысы для смеху. Атласный, весь красный, с бахромой лилового цвету, воротника и капюшона совсем нету.

Будет разыгрываться великим постом под Воскресенским мостом, где меня бабушка крестила, на всю зиму в прорубь опустила. Лед-то раздался, я такой чудак и остался.

11. Прохожий

Вижу, голова, я нынче на рождестве – прохожий, вот на этого рыжего похожий. Он меня, голова, и позвал Христа славить, в чужих домах по стенам шарить. Мы, голова, и прославили, шубу с бобровым воротником сгладили.

Потом, голова, в светло Христово воскресенье мне он попался у заутрени. Священник сказал: «Христос воскрес» – а он к купцу прямо в карман и влез.

Он, голова, хороший мастеровой: кузнец, слесарь, токарь, столяр, а еще плотник, по чужим карманам лазить охотник. Еще, голова, литейщик, башмачник, сапожник, портной – только он, голова, за московской заставой с вязовой иголкой стоял. Раз, голова, стегнул, енотовую шубу сразу и махнул.

12. Кухарка

Кухарка с Бертова завода – сегодня только пустил в моду. Готовит разные макароны, из которых выюг гнезда вороны. Варит суп из разных круп, которыми мостовую посыпают. Верно, была в Пассаже – замарала носик в саже. Кофей-то варила, меня не напоила, бог покарал, после в саже замарал. Забыла мою хлеб-соль, как я у тебя обедал.

13. Цирульник

Был я цирульником на большой Московской дороге. Кого побрить, постричь, усы поправить, молодцом поставить, а нет, так и совсем без головы оставить. Кого я ни бривал, тот дома никогда не бывал. Эту цирульню мне запретили.

14. Публика

Рыжий, помнишь великий пост, как теленка тащил за хвост. Теленок кричит «ме», а он говорит: «Пойдем на праздник ко мне».

У кого есть в кармане рублей двести, у рыжего сердце не на месте. Признаться сказать, у кого волосы черны, и те на эти дела задорны. В особенности рыжие да плешивые – самые люди фальшивые. Кому лапоть, сплесть кому в карман влезть – и то умеют.

А вишь, и русский не дает чужому карману трусу. Как увидит, так и затрясет, в свой карман понесет.

Вот этот капрал у меня два хлеба украл.

А вот дикий барин, дрожавши спотел, купаться захотел.

Господа, вам фокус покажу: что вы дадите, я в свой карман положу.

Вот что я вам, господа, скажу. У меня сегодня несчастье

случилось, в пустой корзинке кошка утопилась. Осталось семеро котят, на молочко-то, господа, давайте сюда!

А я вот что, господа, скажу: пряники да орех кидать великий грех. Лучше отдохните да копеек по шести мне махните.

II

Юшка-комедиант. В. А. Гиляровский

<...> А какие там типы были! Я знал одного из них. Он брал у хозяина отпуск и уходил на масленицу и пасху в балаганы на Девичьем поле в деда-зазывалы. Ему было под сорок, жил он с мальчиком у одного хозяина. Звали его Ефим Макариевич. Не Макарыч, а из почтения – Макариевич.

У лавки солидный и важный, он был в балагане неузнаваем с своей седой подвязанной бородой. Как заорет на все поле:

– Рррра-рррра-а! К началу! У нас Юлия Пастраны – двоюродная внучка от облизьяны! Дыра на боку, вся в шелку!.. – И пойдет, и пойдет...

Толпа уши развесит. От всех балаганов сбегаются люди «Юшку-комедианта» слушать. Таращим и мы на него глаза, стоя в темноте и давке, задрав головы. А он седой бородой трясет да над нами же издевается. Вдруг ткнет в толпу пальцем да как завизжит.

– Чего ты чужой карман шарить?

И все завертят головами, а он уже дальше, ворону увидал – и к ней.

– Дура ты, дура! Куда тебя зря нечистая сила прет... Эх ты, девятиногая буфетчица из помойной ямы!.. Рр-ра-ра! К началу-у, к началу!

Сорвет бороду, махнет ею над головой и исчезнет вниз. А через минуту опять выскакивает, на ходу бороду нацепляет.

– Эге-ге-гей! Публик почтенная, полупочтенная и которая так себе! Начинайте торопиться, без вас не начнем. Знай наших, не умирай скорча.

Вдруг остановится, сделает серьезную физиономию, прислушивается. Толпа замрет.

– Ой-ой-ой! Да никак начали! Торопись, ребя!

И балаган всегда полон, где Юшка орет.

Былички и бывальщины

*Приводятся тексты из сборников
А.Афанасьева, Н.Онуčkова, Д.Садовникова,
Д.Зеленина, А.Смирнова, Е. Резанова,
Н.Иваницкoгo, М.Смирнова.*

Про лешего

Про леших

/1. Раз охотник шел лесом и привели его собаки к норе, а в нору-то эту Леший девицу затащил. Вот он подошел к норе и кричит (охотник-то):

– Кто там?

– Человек.

– Какой человек?

– Такой же как ты.

– Вылазай сюда!

– Нельзя, – говорит, – мне: я вся ободранная. Кинь одежду – я вылезу.

Охотник кинул в нору свою одежду, девка и вышла из норы. (Лешаго в то время в норе не было.)

(Записано в Симбирске)

/2. Леший проигранных крыс целое стадо гнал и подгоняет к кабаку; (а лешие на крыс и зайцов играют в карты, все равно как мы на деньги); подогнал и кричит целовальнику:

– Отпирай, подай вина!

Тот сперва не дал, потому поздняя ночь была; (они ночью перегоняют). Леший взял, приподнял кабак за угол, кричит:

– Давай четверть водки!

Тот испугался, поставил ему. Леший одним духом выпил и деньги отдал, кабак опять как надо поставил и погнал крыс дальше.

Свети, светило

Нашински мужики не одна в лесу лешего видали, как в ночное ездили. Он месячные ночи больно любит: сидит, старик старый, на пеньке, лапти поковыриват, да на месяцц поглядыват. Как месяц за тучку забежит, темно ему, знашь, – он поднимет голову-то да глухо таково:

– Свети, све-тило, – говорит.

Как леший с водяным раздружился

В одном лесу глухое озеро было. В озере водяной жил, а в лесу – леший, и жили они дружно, с уговором друг друга не трогать. Леший выходил к озеру с водяным разговоры разговаривать.

Вдруг лиха беда попутала: раз вышел из лесу медведь и давай из озера воду пить. Сом увидел да в рыло ему и вцепился. Медведь вытащил сома на берег, загрыз его и сам помер.

С той поры леший раздружился с водяным и перевел лес выше в гору, а озеро в степи осталось.

Леший и целовальник

Леший проигранных крыс целое стадо гнал и подгоняет к кабаку (а лешие на крыс и зайцов играют в карты, все равно как мы на деньги). Подогнал и кричит целовальнику:

– Отпирай, подай вина!

Тот сперва не дал, потому поздняя ночь была (они ночью перегоняют). Леший взял, приподнял кабак за угол, кричит:

– Давай четверть водки!

Тот испугался, поставил ему. Леший одним духом выпил и деньги отдал, кабак опять как надо поставил и погнал крыс дальше.

Лесовик

В одной деревни жил был старик. У его был сын и три дочери. Вот старик стал умирать и говорит сыну: «Везде благословляю тебя ездить, а только не ездь вот на этот остров, а если поедешь, то себи худо сделаешь». Ну старик и умер. Вот сын этот и стал ездить, а только все хоцетце ему сходить на этот остров. Затым он не вытерпел и пошел. Приходит на остров и видит, што на острову дерутце два лесовика. Как его только увидели, так бросили дратце и схватили его. Ну он и стал им молитце, штобы спустили его. Лесовики эты ему

отвещают: «Если ты отдашь нам свою старшу сестру, дак мы тебя и спустим, а не дашь, дак тут тебе и смерть». Ну, этому мужику нечего делать он и согласился. А лесовики ему и говорят: «Как придешь домой, дак пошли сестру в лес за ягодами, а мы тут ю и возьмем». Ну, вот этот мужик приходит домой, а самому уж так скуцно. Ну сестры его спрашивают: «Отцего ты, братец, такой пецяльной?» А он им и говорит: «Ну, цего мне пецялитця, а вот поди-ко сходи сестра по ягоды, штото ягод захотелось». Ну старша сестра и отправилась. Цють только зашла в лес, как ю схватили двенадцать медведей. Ну, ладно. Вот мало-ли много проходит времени, опять этому мужику захотелось сходить на остров. Он и пошел. Опеть приходит и видит: на острове дерутце два лесовика. Опеть его схватили и говорят: «Отдай нам свою среднюю сестру, а если не отдашь, тут тебе и смерть». Ну мужику нечего делать, согласился. А лесовики ему говорят: «Как придешь домой, дак пошли сестру на берег за водой, мы ю тут и возьмем». Ну, мужик пошел домой, ды говорит средней сестре: «Сходи-ко принеси свежей воды напитце». Сестра и пошла и цють только пришла на берег, как с озера выплыло двенадцать ершей, да оны ю схватили. Вот проходит сколько-то времени. Мужику опеть захотелось сходить на остров. Он и пошел. И опеть его схватили два лесовика, велели ему отдать им свою младшу сестру. И велели, как придет домой, послать сестру выпахать ступени. Мужик так и сделал. Цють только вышла сестра его на ступени, как ю схватили двенад-

цеть лебедей ды унесли. После этого мужик был на острове, еще раз. Приходит и видит на острове дерутце два лесовика и делят дви находки: шапку невидимку и кота бархота, ему велели разделить. Он взял камень, ды бросил. Пока лесовики бегали за камнем, он эты находки унес. Ну, ладно. Вот проходит опеть видно много времени. И захотелось этому мужику повидать своих сестер. Вот он шел, шел, приходит в лес. Видит в лесу стоит избушка на курьих ножках, в лес лицом, а сюды воронцом. Мужик и говорит: «Избушка, избушка, повернись сюды лицом, а туды воронцом». Избушка и повернулась. Мужик приходит в избушку и видит сидит баба Яга, лен прядет, а титьки на воронцы держит. Ну она ему и говорит: «Куды, добрый человек, идешь?» – «А иду, говорит, вот так и так». И рассказал ей все про своих сестер. Иду, говорит, повидать их. Ну старуха эта его накормила, напоила и спать положила. Утром дала ему клубок. Мужик поблагодарил, да и пошел вслед за клубоцком. Шел, шел, видит дом, зашел в дом, там сидит его старша сестра. Ну, сестра обрадовалась, угостила его, ды говорит: «Вот, што, братец, скоро придут сюды двенадцеть медведей, пои знай, полюбят ли оны или нет, если не полюбят, дак могут тебя съись». Ну, этот мужик надел шапку невидимку да сел в угол. Вот вдруг раздался шум, приходят двенадцеть медведей. Оставили свои шкуры на ступенях, ды стали удалыми молодцами, да пришли в избу. Пришли ды говорят этой девки: «Отцего здись руським духом пахне?» – «Ну, цего, по Руси бегали, руського духу

нахватались, оттого и здись пахне. Што есь новаго на Руси?» – «А вот были мы в твоей деревни, у твоего брата в доми окна забиты досками, ды двери запецятаны, пои знай, куды он ушел». Эта девка и говорит: «А што, если бы он сюды пришел, приняли бы вы его?» – «Мы бы его за гостя приняли». Ну, этот мужик снял шапку невидимку, ды говорит: «А вот я здись!» Ну его эти молодцы нацяли угощать, вытопили байну, ды спать положили. На утро мужик этот встал, простился с има да пошел дальше. А сестра то, как он стал уходить дала ему клоцек медвежей шерсти. «Посли, говорит, пригодце». Ну, мужик и пошел. Шел, шел, видит стоит дом. Он зашел в дом и видит, там сидит его средняя сестра. Ну она его угостила тут, ды и говорит: «Вот што, братец, ты теперь уйди, а то скоро придут двенадцеть ершей, пои знай, полюбят ли оны, али нет». Ну, мужик этот одел шапку невидимку, ды сел в угол. Приходят двенадцеть ершей, скинули свои шкурья на ступенях, да стали добрыми молодцами. Приходят в избу да говорят: «Што тут руським духом пахнет?» А эта девка и говорит: «Ну, по Руси бегали, руського духа нахватались, оттого и пахнет». Эта девка и спрашивает: «А не видали, по Руси плаваюци, моего брата?» Ерши и говорят: «У его в деревни окна заколоцены, да двири запецятаны, не знаем куды он ушел». А девка и спрашивает: «А если бы он здесь был, приняли ли бы его?» Ерши говорят: «Мы бы его за гостя приняли». Мужик сейцясь снял шапку невидимку да говорит: «А вот и я здись!» Ну, его тут угостили дак, што

мужик до того наелся, што уж усрался. А сестра ему дала ершовых колющев. Так же мужик пришел вслед за клубоцком и к младшей сестры и тут его двенадцеть лебедей приняли. А как он заходил, сестра дала ему лебежьих перьев. Ну, вот мужик этот и пошел опеть за клубком и пришел в друго государство. Ну, там некоторо время пожил и приравился королевской доцери. Та и взявла его себи в мужья. Ну, вот оны и повенцялись. А король ему на другой день и говорит: «Вот зять мой любезной, позволяю я теби по всим кабакам и лавкам в моем царствии ходить, а только не ходи ты в эту лавку. А если пойдешь, горе себи большо полуцишь». Ну мужик и стал ходить по кабакам и по лавкам и затем ему захотелось сходить в эту лавку, в котору ему не велел ходить тесь. Он и пошел. Приходит и видит в лавки на одной только волосинки висит Кощей Бессмертный. Этот мужик цють только до его дотронулся, как волосинка сорвалась, Кощей убежал, ды схватил этого мужика жену, ды унес в свой дворец. Мужик приходит домой, а король ему и говорит: «Я теби не велел ходить в эту лавку, а ты пошел, да выпустил Кощея, а он и унес мою любимую доць, а твою жену; если ты не найдешь, я тебя смерью казню». Ну, мужику нечего делать, взял ко-та-бархата, шапку-невидимку, скатерть-самобранку спустил впереди себя клубоцек ды пошел. Приходит в лес, и видит в лесу стоит дворец, приходит в этот дворец и видит – там сидит его жена. Она ему крепко обрадовалась, а сама ему и говорит: «Вот што, муженек, уходи ты отсюда, да скорее, а

то сейчас придет Кощей, он тебя убьет». Ну, мужик и говорит: «Я одену шапку невидимку, а ты как придет, спроси: где его смерть». Одел шапку невидимку и сел в угол. Приходит Кощей, пообедал, да лег спать, а эту королевну заставил у себя на голове искать. Ну, королевна и стала искать, а сама и спрашивает: «Скажи мне, гди твоя смерть?» Кощей и говорит: «Моя смерть у барана в дыры». Сам поспал, да опеть и ушел. Ну, мужик этот и королевна взяли барана, убили его, вызолотили ему рога, да повесили его среди избы. Вот приходит Кощей, увидел барана, ды говорит: «Это што тако?» А королевна ему и говорит: «Это я твою душеньку так уладила». Кощей засмеялся и говорит: «Нет, моя смерть не у барана в дыре, а есь на море на окияне остров, на том острову есь камень, под тым камнем заец, в зайце утка, в утки яйцо, а в том яйце моя смерть». Ну, вот Кощей поел, поспал, ды ушел. Мужик этот выстал ды пошел к морю-окияну. Приходит к морю и не знат, как ему это море переплыть. А кот-бархот ему и говорит: «Садись на меня, я тебя перевезу». Мужик сел, ды кот-бархот его привез к острову. Мужик вышел на остров, видит камень. Он поднял этот камень, оттуда и выскочил заец, ды убежал. Мужик сейчас взял медвежью шерсть, котору ему дала сестра ды и сожгал ю. Сейчас из леса выскоцили двенадцеть медведей, догнали зайця, ды принесли его мужику. Мужик разорвал заеца, из его выскоцила утка, ды улетела. Мужик сожгал лебежьи перья. Сейчас прилетели двенадцеть лебедей, схватили утку, заклевали ю,

и с утки выпало в море яйцо. Мужик сожгал ершовьи колюхи и двенадцать ершей принесли ему яйцо. Вот он сел на кота переплыл море, ды приходит к Кощею. А Кощей уж не здоров лежит. Цють только пришел мужик, он бросился на его, а мужик бросил яйцо, ды сломал его. Кощей пал и умер. Мужик взял свою жену ды стал жить да поживать.

Про лешаго

Схватились дома, нету девок. Искать, да искать. Не нашли. Пошли на Лексу, на скит к колдуньи. Колдунья отколдовать скоро не могла, так 12 ден там у лесовика выжили. Так только им пищи и было: заячья да беличья говядина. И до того девки истощали, что краше в гроб кладут. Как колдунья то отведала, лесовой взял их на плечи да к реке и принес. А река то как от ихняго дома до огорода. Он взял одну за ухо да и перекинул, за мочку хватил и перервал. А старшу на доске отправил... в карбасе переняли. Две недели лежали, не могли ни есть, ни пить...

3) Ягоды на Яньострове брали. Девушки от меня и ушли. Вдруг зашумело в орге, да как будто сватья Маланья рычит: «Вставай, пошли!» Вздогнула я, никого нету, а рыцать не смею. Давай еще ягоды брать. Вдруг опять: «Да пошли!» Вижу он будто женщина, бурак в руке.

Ой до того напугал меня Шишко, дак ажно дрожь на сердце, кровь сменилась в лице.

Было с мужем двоима на Выг-реке косили. А ельник эдакой большущий и морошки много порато. Вечером я говорю: «Гаврила, вари ужин, а я наберу морошки». – «Да поди же, говорит, я сварю, долго ли варить кашу крупяную». Я и вышла за морошкой. Побрала морошки в чашку да и будя брать, время место сбавить. Рыцю: «Гаврила, где ты?» А Гаврила: «Подь к избушке». А меня в лес потянуло. А Гаврило услышал, что не ладно рыцю и свел меня к избушке. Только спать повалились, вдруг по фатерке рапсонуло, да собачка лает: тьяк, тьяк. Покойник Гаврило не побоялся, три раза выстрелил, поебушился и все пропало. После 11 годов ходила косить, никогда не видала.

Рассказы про лешаго

а) Мы ходили в лесах. Пала погода, большая погода. Мы стрелили оленя, я к нему. Вижу батюшка стоит, оперся на ружье. Подхожу, смотрю, ни батюшки, ни оленя, видно так прикохло. Заводит темница и я маленько не толкую куда пойти. Хожу, рыцю: «Батюшка, батюшка». А погодища родилась великая. Вижу будто отец идет и со псом и зарыщал, будто свой отец. Тут, вижу, с островинки выстал отец и зарыщал, а другой то словно протаял, провалился.

б) Шли мы в лес, вижу стоит мужик большой, глаза светлые. «Ты, мужик, говорю когдашний?» – «А я говорит вчерашний». – «А какой ты говорю большой, коли вчераш-

ний». – «А у меня сын годовой, а побольше тебя головой». Побаяли, побаяли, отец что-то смешное сказал. Он захлопал в ладоши и побежал, засмеялся.

в) В лесах ходючи на всякую штуку попадешь. Он попужать то может. Ночью не всегда сразу к фатерке попадешь, идной раз верст на пять ошибешься. Иду я раз один зимником. Нет фатерки и нет. И тут сзади меня кто-то ка-ак побежит, да хлопает в ладоши. Я его матюгом, он и убежал. Боится матюга.

г) А то раз собрались у избушки. Он и начал собак пужать да рыть. Мы вышли из фатерки, да и зачали его матюгать... Идной раз и страшно: как это гугай то в лесу рычит, и собака лесовая лает. Налетит это гугай к фатерке да на березу. Страшно.

д) Понесли хлеб в лес. А солнце уж село. Дяинька и рычит: «Филип, Филип, иди ужинать!» А тут река, да ельник угрю-юмый! Из этого-то ельника выходит мужик высокий, глаза светлые, собачка на веревке. Пала дяинька на земь. А он то над ней свистит, да галит, да в ладоши клещет. Пришел Филипп, а она чуть жива. Привел ее в избушку да и ну ругать, что после солнца рычит.

е) Мой батюшка полесовал по путикам. А бор то светлый был! Видит мужик: идет впереди Василий с парнем. Батюшка и рычит: «Василий, Василий, дожди меня». А они идут будто не слышат, сами с собой советуют и смеются. Он их догонят, а они все впереди. Перекрестился он и вспом-

нил, что праздник был Казанской Божией Матери. Это ему Бог показал, что в праздник нельзя полесовать.

ж) Девчонки ушли в лес по ягоды, да что-то долго домой не шли. А мать и сказала: «Черт вас не унесет, ягодницы». Девочки вышли на лядинку, вдруг он и показался со своими детками. Говорит им: «Пойдемте, девки, со мной». Они приняли его за деда и пошли вслед. И повел их лесом, где на плечи вздымет, где спустит. Они как молитву сотворили, а он им: «Девки, чего вы ебушитесь? Не ебушитесь!» И привел их в свой дом, к своим ребятам, человек восемь семейства. Ребята черные, худые, некрасивые.

В работниках у лесного²¹⁹

Набивается мужик в строк и некто его не берет. Говорит мужик: «Хоть-бы меня лесной взял». Не много время идет мужик с базара, а навстречу ему другой мужик: «Поряжашься?» – Поряжаюсь. – И вспомнил, что говорил про лесного и сказал: «Погоди, я к попу схожу». Сходил мужик к попу, списал молитвенник, приходит наниматься. «Пойдем», говорит лесной, схватил мужика за крошки и потащил; тащил, тащил, у мужика колпачок слетел. «Стой, говорит мужик, у меня шапочка спала». – Мы убежали, говорит лесной, сто верст пока ты говорил. – Доносит лесной мужика до до-

---

²¹⁹ Чердынский у. Пермской г.

избу; легли спать. В полночь хлесть по стене батогом: «Айда на службу». Лесной отвечает: «Хорошо». Утром встали: «Пойдем на службу», говорит лесной мужику, и строшного с собой. Пошли, приходят к озеру. Глядят, из озера летят камешки по кулю: шурят их черти в лесных; лесные выдерживают громатные елки из земли и хлещут ими по озеру. Воевали, воевали, черти одолевать стали. «Што ты, строшной, глядишь? Нас одолевают». Строшной выдернул из кормана молитвенник, стал махать им, а черти розсыпались, как дождь. «Хорош, молодец строшной, молодец, давай домой пойдём». Пошли домой, а хозяин строшным не нахвалится. – «Чего тебе нужно в награду?» – Ничего мне не надо, отправьте меня домой. – Дали строшному старого сивого мерина, наделили, сел строшной и поехал по указанной дороге. Доежат до избы, привезал мерина ко столбу, сам входит в избу. Выходит мужик из избы, а у крыльца, у столба стоит седой-преседой старик. «Откуда ты, дедушка, взялся?» – Спасибо тебе, дитетко, это ты на мне приехал. Взял я был маленькой лесным, оборотил он меня в коня, и всю жизнь я у него пробыл. Пришел ты, отдал он меня тебе, вот и вывел ты меня, и сам ты вышел в Россею умереть. Спасибо, дитетко. – И пришли строшной и старик домой вместе.

Большая Лумпа²²⁰

Лешой живет в лесах, живет в большой избе. Изба укрыта кожами, лешой ходит всегда в оболочке: в желтом зипуне, опоясан, в красной шапке, молодой, без бороды. Это скорее человек, живет лешней, ходит с собакой, женат, имеет детей. Рассказывают такую историю:

Идет мужичек по лесу и дошел до большого топучего болота, и видит: утонул в болоте большая лумпа (громадной, большой). И говорит большая лумпа: «Мужичек, иди к моей хозяйке и скажи: „небольшая-то-ли де лумпа на большом болоте со зверем (с сохатым) да с медведем утонул“. Пошел мужик по указанной дороге. Приходит к большому дому, входит, сидит жена на лавке, спрашивает: „Зачем пришел, мужичек?“ Он сказал, как велел ему лешой. Жена бросилась, отворила, и побежала, а потом приносит – она медведя, лешой зверя. Мужика за то угостили, а на прощанье отодрал от своего кафтана рукав. Дак мужик сшил из этого рукава кафтан до пять да колпаков.

В няньках у лешаго

В Неноксе жила старуха на веках, Савиха. Пошла она за

---

²²⁰ Чердынский у. Пермской г.

годами и заблудилась. Пришел мужик: «Бабка, што плачешь?» – А заблудилась, дитятко, дом не знаю с которой стороны. – «Пойдем, я выведу на дорогу». Старуха и пошла. Шла, шла: «Што этта лес-от больше стал? Ты не дальше-ле меня ведешь?» Вывел на чисто место, дом стоит большой, старуха говорит: «Дедюшка, куды ты меня увел? Этта дом-то незнакомой?» – Пойдем, бабка, отдохнем, дак я тебя домой сведу. – Завел в избу, зыбка веснет. «На, жонка, я тебе няньку привел». Жонка у лешаго была русска, тоже уведена, уташшона. Старуха и стала жить, и обжилась; три года прожила и стоснулась. Жонка зажалела. «Ты так не уйдешь, от нас, а не ешь нашего хлеба, скажи, што не могу ись». Старуха и не стала; сутки и други и третьи не ест. Жонка мужа и заругала: «Каку ты эку няньку привел, не лешого не жрет и водичча не умет, отнеси ей домой». Лешой взял на плечи старуху, посадил да и потащил. Притащил, ко старухину двору бросил, весь костыченко прирвал, едва и старик узнал старуху. Вот она и рассказывала, что у лешаго жить хорошо, всего наносит, да только скушно: один дом, невесело.

Рассказы про лешаго

а) В Неноксы шол Петр Коковин по Солоному ручью, искать коня. Ему встретилса Павел Васильевич Непытаев с уздами, на солнце блестят. Павел Петру и говорит: «Куда пошол?» – Коня искать, натти не могу. – Павел и захохотал:

«Ха, ха, коня не можот натти!» А на самом деле Павел Васильевич некуда не ходил.

б) На Кобелихах, за десять верст от Неноксы, на пожнях была изба. Покойник Иван Чудинов ходил рябов промышлять, и в избушку ночевать пришел. Когда ночь пристыгла (он ничего не боялся) его в этой избушке несколько раз за ноги к дверям сдернуло. Он поматерялся, поматерялся, да не вытерпел и ушел под зарод спать. Тут и ночь проспал.

в) Сюземский старик, Николай Кузьмин промышлял рыбу в Островастом озере и хотел в избе спать... Не дало, выжило: ходит, гремит по крыши. Выйдет Николай с трубой (с берестом с горящим), засветит; три раза выходил, потом все-таки не мог спать и под зарод спать ушел.

г) Из Куи о море, на Зимном берегу, лешой унес будто бы девушку в Зимну Золотицу, за тридцать верст. Ехал какой-то из Золотицы на оленях, она ревит, он ей взял и привез домой. Старухи замечают, скажет кто: «Уведи тя лешой!» И уведет.

д) За четыре версты от посаду (от Неноксы) у моря, на ямах (на реке) стоял карбас с солью. Павел Коковин караулил карбас. Кто-то по грязи идет, тьяпается: тьяп, тьяп, тьяп. Павел его спросил: «Кто идет?» Тот молчит; он еще спросил, до трех раз. Тот все молчит; Павел и матюгнулся: «Кой кур идет, не откликается?» Лешой пошел и захохотал: «Ха, ха, ха, кой кур идет не откликается! Кой кур идет не откликается!» Паша в каюту ускачил, одеялом закутался, а голос тут все, как и есть.

Поп и леший

Поп сеял репу, хто-то испугал его кобылу, кобыла убежала и борону приломала. Поп побежал за кобылой и говорит: «Возьми лешой и репу всю! Кобыла убежала да и бороны жалко». Осенью репа выросла хорошая, поп пришел репу рвать, а лешой пришел и говорит: «Што ты, поп, ведь ты мне отдал репу-то. Я все лето воду носил, да поливал». — А я все лето молебны пел, да Бога просил. — А попадья и услышала. «О чем вы спорите?» Лешой и говорит: — Да, вот, отдал мне репу, а теперь обратно берет. — А попадья говорит: «Вот что я вам скажу: вы приежайте завтра на зверях, которой у которого зверя не узнат, того и репа». На завтра леший едет, только огорода хрестить. А поп говорит: «Ишь ты, лешой как на льви едет». А лешой на льви и ехал. «Ну, уж ты, поп, говорит лешой, не дал доехать, да и зверя узнал». А поп приехал на попадья. Попадья волосы распустила, сделала хвостом, а в ж... стеколко вставила, вперед ж... и идет, поп верхом сидит. Лешой пришел, смотрит и не можот узнать. Рогов нет, головы не видно, глаз один и рот вдоль. «Ну, поп, не знай какой зверь». Поп говорит: «Это зверь одноглазой». Лешой и говорит: «Ну, репа твоя».

Лешой

Я пошел полесовать, день был туманной (сонча не было). Межу тем нашол рябчиков стадо и учал их промышлять и промышлять не стало даватча, ружье не полетело. Я учал поматерно ругатча. День этот прошол, я нечего не попромышлял и вышол я к озеру своему в десять часов вечера, в потемках в глухих. И после эфтого быванья наклал папиросу, и пошол домой. Ну, отошол я от этого места, где курил, и мне целовеком показалось, заместо рябов. Он и спросил меня: «Каково промышлял?» А я ему ответил поматерно. «Когда ты сегодни не промышлял и вперед тебе промысла не будет», ответил он на мое слово. Он стал меня звать с собой. «Пойдем со мной, я видел рябов довольно». На эфтог конеч я ему опять ответил поматерно, да наконец того взял, стрелил на испашку (через плечо свое назад). Он заграял, да и потерялся.

Лешовы родины

У лешого жонка с Руси была, обжилась, робенка принесла, надо бабка нажить. Лешой и побежал наживать. «Жонка с Руси, дак мне и бабку наживи руску», говорит жонка. Бабка по бабкам ходит, он и пришол к ей. «Бабка обабрь». Ей и

поташил и приташил к жонки, бабить. Бабка-то и говорит: «Дак из чего мыть-то?» – А наживу, найду посуды. – Полетел за ведром в тот дом откуда бабка, и взял подойник у снох, снохи не благословясь поставили. И приташил. Бабка смотрит, подойник будто ее. Она рубешок и зарубила. Она оммыла да и поставила посудину. «Обирай, куда знашь». Он и унес. Жонка и говорит: «Он тебя росщитывать будет, будет тебе дават серебро, ты все говори: „первой, первой, первой“. Как скажешь „другой“, он давать боле не будет». Он и стал ей росщитывать, она все говорит: «Первой, первой, первой». И девать стало некуда, и в корман наклала и за пазухи, он все дават. Тогда она и сказала: «другой», он и перестал давать. «Таци меня домой теперь». Он и поташил старуху, дома и оставил. Старуха и посмотрела подойника, рубешок тут и есь. Она на снох и заругалась: «Ой вы, безпутни! Все делайте не благословясь, лешой подойник сносил свою жонку обмывать».

Лешой водил

Девка годов так тринадцати в Троицын день по Тамице шла по улицы, немножко до церквей не дошла и вдруг пропала. Нету и нету – догадались, што лешой увел. Начели молебны петь. Ей петь ден не было, каждой день по утру молебны служили. На шестой день старик один пошел огород городить версты за три, девка на его поже цветочки рвет.

Увидела старика и в сторону побежала. Он ее закликал: «Феня, Феня». А она прочь от его. Она пока через огороды выставляла, он проворной старик, ей и захватил. Привел к матери – ничего некому не скажут, не допытаишься. Теперь жива, жонкой за мужиком одним.

За овцу

Вечеринку мы сидели у старика. Девицы складыню задумали сделать. А старик и пришепнул им живу овцу у суседа унести. Тут проворны девки были, зашли в хлев без огня, овце шапку наложили, штобы не бляела и унесли к хозяину, он и освежил ей ночью. Утром хозяйка встает, овец много было, все белы, одна черна, той и нету. А у ей муж в карты играл и вино пил, она на его и сказала: «Это ты ночью овцу увез, в карты проиграл?» – Нет, зернышком виноват (зерно носил продавал), а овцу не трогал. – Все мужика клеplet. Так и закончилось дело. На утро старик овцу и сварили. Сын у старика, годов деветнадцати, на утро у него удить пошел на море, где переметы стоят. Удил да был, все видели, да не в свою сторону, в Кянску сторону и пошел. На удьбе люди были, кричат: «Мишко Мишко, ты не туды идешь, там суха вода-та». Порыцали, порыцали, да и бросили, думают: так пошел. А Мишко так и потерялся. Его пошли искать, молебны служить, да так ничего не подействовало. О конец заговенья Филипова он потерялся, на весну самоедята приехали,

одна самоедка его бралась искать в христовску ночь; в ту пору, когда под замок (с крестным ходом) идут, всякой покойной, всякой пропашкой к родительскому двору придет и повалитца ко крыльцу. (Нужно што бы через порог в это время три раза перешагнула девица или жонка в цвету, в кровях). Нехто не нашолса, побоялись: «сами себя вить уходим», побоялись. Да через петнадцать годов в Кянды один (с лешим то знаеця) говорит: «Я знаю Зотова, у лешого-то живет». Он жене своей скажот, а жена этга и запофаркиват, до родителей и дошло. Машка сбегат и попроведат в Кянды к мужику. Он и говорит: «Он живет от Кянды на полуволоке в стороне, в лесу, не видно фатеры, и у его четверо детей, борода большая уж. Тебе надь, дак я тебя свожу». – Я домой схожу, у отца спрошу, тогда с им. – Домой ушла, к мужу: «Пойдем сына смотреть: мужик находитца, знать где живет». Старик говорит: – Куда ты с има? (у его еще три сына). Пусть там живет в лесу, с лешовкой. – Так и оступилса. В тот год Святой дождались, старик ушел в церковь, а старуха сидела дома. Когда пошли под замок (крутом церкви) в избы-то так и брякнуло. Обижалса, што не пошли его посмотреть.

Лешой увел

На другой день Троицы, в Духов день соку ись ходили парнишки, а петнадцети годов Тихон был. Драли, драли (сосны) ели, ели, домой запоходили, робята в одну сторону, а Тихон в

другу, будто его брат привидился: «Пойдем, Тихонко, домой, робята не в ту сторону пошли». Шол, да шол за братом, да и потерялся, захохотал. А Тихон без ума, сам не знат, как в избушке в лесной очудилса. «И вижу, жонка да робята незнакомы, очумел я и засудил „Не знай как заблудилса?“ Жонка ему и отвечает: – Нет, ты не заблудилса, а тебя лешой унес. – А жонка сама унесена. „Он когда придет, будет чествовать тебя едой, а ты не ешь“. А Тихон и спросил: – А худо разве тебе жить то? – „А худо; так-то жить-то и нечего, да хто с огнем ходит не благословясь, да искрину уронит, дак лешому вера (охота) пожар сделать, он и заставляют роздувать. Тежело в то время, теперь я больше не роздуваю, робятишки (от лешаго и бабы) пособляют“. Налетел сам-то лешой, ись заводят, да и его чоствоват, а Тихон и говорит: „Я сытой“. И не сел. А жона и говорит лешому: „Што сам-то не садисся? – Я сытой, я, говорит, у женщин, котора молоко не благословесь выцидит, я все выпью; я напилса, сытой. Потом я хоркону в крынки-то, они полны и сделаются, поедят мою хорхоту. – Лешой улетит да прилетит, да жона говорит лешому: «Снеси, эку беду принес, хлеба не ешь, отнеси, брось на старо место“. Лешой жону и послушал, его схватил и потащил. Парень в избе был, все помнил, а тут все забыл. Да к морю, на Нульницкой наволок, его продольничихи увидели. Сколько дней не ел, ослабел, лежит в траве, не может пошевелиться. Его взяли и вывели в Тамицу.

Кушак

Девушка придумала кудесить против Крешшенья и положила себе кусочик на уголок, а другой кусочик на другой уголок, богосуженого чествовала. Не благословесь в сени сходила, двери не благословесь перезаперла, штобы лешому затти лъзя. И села на уголок, стала и говорит: «Богосуженной мой, поди ужинать со мной». Села и глаза закрыла. Сени застукали, сапоги стучают, слышит – идет; в избу идет, зашел в избу, крекнул и прошол середка избы; видит: пиджак, кафтан норвецького сукна, кушак поперецьной шолковой. Он кушак отвезал сейчас от себя, да в переднем углу на спичу и повесил, и шапку снял на спичу и весит. Как шапку-то клал на спичу, девича и перекрестилась, глаза отворила, а уж негде некого и нет, а кушак-от осталса на спице, веснет. Девича высмотрела его всего, в сундук и убрала. А у мужика и кушак потерялся, она и помалчивает; кабы ей любой был, дак она бы сказала подружкам. Через сколько времени мужик посваталса, ей и не хотелось, а родители отдали, тогда она мужу кушакот и показала.

Леший водил

Близ города Олонца в Ильин день был я в гостях у сосе-

да и угостились, возвращались с товарищем. Попросили перевести за реку в лодке. Нужно было идти три версты берегом до запани, где плотили бревна. Когда вышли из лодки, сели закурить на лужочке; когда я закурил, облокотился на руку и задремал. Вдруг меня толкает кто-то. Я открыл глаза, стоит олончан Нифантьев – кореляк, он же был наш подрядчик; говорит мне: «Нужно итить». Я встал и пошел за ним. Он уходит от реки в лес, я за ним вслед и товарищ за мной и кричит: «Не ладно идешь, Коротких». Я сказал что «Ладно». Он и вправду подумал, что ладно. Пробежали верст около двух. Я отстал от Нифантьева, сел закурил на колодину. Приходит товарищ, садится рядом, покурили он и говорит: «Ну, пойдем». Я спрашиваю: «А где же Нифантьев? – Нифантьев мальчишко на харчевой, а старик в городе (Олонце). – „Да ведь я же сейчас шол за ним“. А товарищ мой никого не видал. Долго ходили по горам, по болотам, часов около пяти, вышли на дорогу близ Андрусовского монастыря, оттуда пришли в деревню Ильинское и там ночевали, а утром отправились.

На лешем в Питер

Лет петнадцетъ назад два солдата деревни Анцифоровской Марьинской волости (Димитрий Ильин и Яков Филимонов) рубили в лесу бревна на Тельмозере, накануне крещенья. Не захотели идти домой, остались в лесной избуш-

ке ночевать. Когда легли спать, Филимонов начал рассказывать Ильину о Петербурге. Ильин никогда не бывал в Петербурге. Ильин сказал: «Хоть раз бы побывать в Петербурге». Проснулись утром рано, захотели пить чай, Ильин и пошел с ведром и топором за водой на озеро. Когда он вышел на озеро, видит бежит пара лошадей в санях и с колокольчиком. Подъезжают ближе, а в санях едет бывший становой пристав Смирнов. Смирнов сказал: «Садись, Ильин, я провезу вас». Ильин сел, поехали и скоро очудились в Петербурге. Смирнов оставил Ильина на Неве и велел дожидаться, когда выйдет крестный ход. Ильин стоял и смотрел; когда кончилось освящение воды, подъезжает опять Смирнов, спросил Ильина: «Не хочешь ли поесть?» Ильин не отказался. Тогда Смирнов подал ему французскую булку, тот не стал ее есть, а сунул в пазуху. Когда побежали к Тельмоозеру, Ильин вышел с извозчика и зашел в избушку. Товарищ и спрашивает у него: «Где был?» – В Петербурге. – Тот стал смеяться. Тогда Ильин рассказал, как расположен Петербург, а потом вынул из-за пазухи и показал французскую булку.

Шалость лешаго

Вас. Мих. рассказал еще случай, бывший у них в дому. У них была белая лошадь. Однажды пришли в конюшню, а лошадь в яслях для сена лежит на спине, ногами кверху и уж чуть жива, ни взад, ни вперед пошевелиться не может, толь-

ко ногами дрыгает. Попробовали вытащить лошадь кверху, на сеновал. Куда! и подступиться нельзя. Пришлось выливать из яслей палки и только тогда еле-еле лошадь вытащили. Как она и попасть туда могла только? Конечно, лешой или домовою заволокли.

Лешой и черти

Бабушка рассказывала про своего отца:

Отец мой был портной. Осенью ходил он по деревням, шил хрестьянску одежду. Только работал он по ночам, а днем уберетца в лес под сено и спит, потому что боялся набора. А тогда была солдаччина хвостовшиной: хто бы только попал, стар или молод, брали в солдаты и везли с собой.

Раз он лег спать под сено близ большой дороги. А ножницы были у него за опояской. Когда он уснул, сено роспинал и образовался на воле. По дороге ехал чиновнок с емщиком и говорит:

– Емщик, что тут такое?

Емщик соскочил с козел, посмотрел:

– Барин, здесь человек.

– Тасчи ево сюда, повезем в солдаты!

Посадили ево в повозку рядом с барином и поехали.

А барин был табасчик. Спичек в то време не было есчо. Когда доедут до деревни, и в каждой деревне барин посылал своего емщика роскурить трубку. В одной деревне емщик

ушел раскурить трубку; а пойманный мужичок и говорит:

– Барин, позвольте мне вылезти помочицца?

– Поди, но только за телегу держись, далеко не ходи!

– Слушаюсь, барин.

Когда он вылез, а барин уже отпустил его держать. Мужик отвернулся и говорит:

– Вот што взять то у меня! (показал ему кулак) и сам побежал в лес. Барин плюнул только и сказал:

– А, с...н сын, убежал!

Мужичок шол лесом и заблудился. Сутки через трои вышел на поляну и услышал шум. Думал, што какой-нибудь барин имаёт мужика в солдаты. Подумал про себя: «лутше итти в солдаты, чем помирать с голоду в лесу!»

Подходит ближе, а на той поляне было огромное озеро.

И увидял: деруцца черти с лешим. Оне делили корову, которую утром баба проганивала в поле и говорила:

– Лешой бы тебя унес, – говорит, – черти бы порвали!

Лешой говорит:

– Мне сулена корова. А черти говорят:

– Нам, – и подняли драчу.

Черти бросают из озера камнями, а лешой вырывает из корень дерева и бросает им в озеро.

Так как лешой был один, а чертей много, они его чуть не убили; он даже лежал.

Этот мужик подходит ближе. Лешой и говорит:

– Мужичок, скажи мне: Бог помочь!

– Бог помощь!

– Милости просим, мужичок!

Тогда все черти ускакали в воду и не стали бросать камнями. (Оне бояться Бога-то, а лешой ет не боитца; ему нужно сысторонь штобы сказали: «Бог помочь!»). Тогда леший соскочил, вырвал огромные деревья, зарывал все озеро, што черти тут все и погибли.

Тогда лешой говорит:

– Ну, мужичок, спасибо тебе за это! Я тебя вынесу на дорогу. Тебя возьмут начальство и увезут в солдаты. Ты не бегай от солдатства: прослужишь ты только три года, я тебе дам чистую отставку. Через три года ты приедешь в Москву; на другой день по приезде выйди на улицу и смотри, как будут топицца печи. Изо всей печей дым пойдет в одну сторону, а из моей напротив ветру.

Мужик вышел на большую дорогу, немного пошел, ево поцмали и увезли в солдаты. Служит он год, другой и третей. Думает: «Наверно, меня омманули», – так как от Москвы был очень далеко. Вдруг ихной отряд потребовали в Москву. Приезжают, солдат и подумал: «И в самом деле, не правда ли? Дай-ка схожу посмотрю». Вышел на улицу, смотрит: изо всех печей дым идет в одну сторону, а из одной печи напротив ветра. «Што будет, зайду!»

Заходит в комнату, денщик спрашивает:

– Што нужно, служивой?

– Да вот, заблудился в городе и не знаю, как найти свою

чась.

(Он даже ему и соврал: не затем пришел, да не смеет говорить-то). Из другой комнаты выходит генерал в эполетах и говорит:

– А, здорово, знакомой! Ты пришел за отставкой? Но у меня не готова, приходи завтра утром! Забери весь свой багаж, отставка тебе будет готова.

На другой день солдатик приходит совсем уже готовый в дорогу. Генерал вышел, подает ему отставку как есь правильно.

– Ну, пойдем, служивой, я тебя провожу немного.

Вышли за ворота.

– Ну, служивой, имайся мне за крошки!

Солдат поймался, а генерал и пошел так скоро, што реки и речки даже перешагивал. Дошли до лесу. Солдат смотрит: оне идут уже выше лесу; он лешим опять сделался, несет ево. Одной елкой сдернуло у него фуражку. Минуты через две он и говорит:

– Ваше Превосходительство, у меня фуражку сдернуло.

– Экой ты дурак! Што ты раньше не говорил? Мы теперь уже тысячу верст отошли от нее!

Через несколько минут он ссадил ево у ворот своего дома.

– Не беспокойся, служивой! Фуражку я тебе занесу, когда придетца по пути!

Сутки через трои ночью стучит в окошко.

– Эй, служивой, дома ли? – Што вам?

– Я фуражку тебе принес.
И подал ее в окно.

Леший

В одной деревне жил богатой мужик. Он построил новой дом, а к нему в дом повадился ходить ночевать лешой. Нельзя стало мужику жить в дому. Он перешол во старой, а новой все топил дом, штобы не выстывало.

Дожили до осени. Шол солдатик со службы. Он попросился у етова мужика переночевать. Хозяин пустил, ужиной накормил и увел в новую избу ночевать. Думает, што солдат, быть может, чево знает от такой штуки.

Когда солдат пришел в избу и расположился на печку спать; только мужик ушел, – вдруг зашумел ветер, так што вся изба задрожжала. Отворились двери и в избу вошел мужичок среднева роста, в белом чажелке.

– А, служивой здесь есь?

– Есть. Выспросился начевать.

– Ну и хорошо, я тожо ночевать пришел. Пускай мы с тобой кое-што приталакаем!

Пришел мужичок кверху и сел на печку, а служивой принес лучину огня и засветил.

– Ну што, служивой, табачок нюхаешь?

– Нюхаю.

– А у меня как раз табак вышол весь. Пожалуста, одолжите

мне вашево табачку!

– С удовольствием, што ж?

И солдат подал свою берестяную тавлинку. Мужичок в одну ноздрю нюхнул, а в другую было нечево: он уж табатерку выколачивать.

– Ох, как вы, дядюшка, больно нюхаите! Мне и самому ничево не осталось!

– Ты, – говорит, – Знаешь, служивой, кто я такой?

– Да уж какой леший нюхает пусчее тебя?!

– Это я самой и есь!

Тогда солдат спрашивает:

– Ну што вы, помираете или нет когда-небудь?

– Мы некогда не помираем, а только мы ходим по лесам, по домам, если попадетца под ноги игла – как ступим на иглу, так и помрем.

– А как же ваши телеса убирают? Ведь вы велики?

Тогда леший сказал:

– Запрегай хоть петнадцеть лошадей и некогда нас не вывезти! И привежи курицу и петуха на мочалко, пугни их, они и уташшат; а ветер дунет и нечево и не будет.

Легли они спать. Солдату не спитца. Через несколько минут зажок он опять лучину, смотрит, а леший уснул: сам лежит на печи, а ноги на подлелях, у стены.

Солдат вынимает из кармана бумажку игол, взял молоток и давай ему заколачивать в пяты иглы. Леший стал помирать и ростягатца, так што стены затресчели.

Утром приходит хозяин.

– Ну што, служивой, какво ночевал?

– Да хорошо твой наслег! Смотри какой лешой лежит!

Хозяин обрадовался, што солдат ухалял лешова; думает:

«Только выбросить и все, боле ходить не будет!» Солдат

собрался и ушел.

Мужик выломал простенки из окон, привел трех мерингов, привезал веревки (за лешова-та), запрег лошадей и давай по-нужать. Постромки рвутца, а он и с места не пошевелитца.

Тогда подумал мужик: «Ведь солдат ево ухалял, он можот и убрать». Запрег телегу и поехал за солдатом.

Настиг в поле и говорит:

– Ей, служивой, поедем ко мне, убери ево! Сколько возьмешь с меня?

– Сто рублей.

Мужик посадил солдата в телегу и поехал домой.

Солдат поймал курицу и петуха и привезал мочалком за лешова. А мужики над ним смеютца. «Три мерина не могли вывезти, а он курицу и петуха привязывает!» Когда солдат все приготовил, – пугнул курицу и петуха, – они полетели и вытасшили на улицу лешова. Ветер дунул, нечево и не стало.

Сапоги для лешего (Рассказ катанщика)

(Мы катаем валешки, так бабы домогающя: «Расскажи-ко, катанщик, сказочку!» – «Вот, бабушка, мол, не сказ-

ка, а быть»):

Я катать раньше не умел валешки те. Ходили, ходили мы с Гришкой нехто нам не дает катать валешки. Идем Черноським селом – один с колодкам, а другой с лучкем и с битком; поп увидел в окошко нас и пригаркал:

– Што вы, – говорит, – катаньщики?

– Катаньщики.

– Вы можете ли скатать войлок мне?

– Как не можем.

– А где жо станите катать?

– Батюшка, мол, на куфне-то неловко так в бане у вас хорошо, можно в бане.

Шерсти навесил полпуда и ушли в баню. Розбили шерсть и думаем: постилаха у нас мала (для валешков невелика, ведь, постилаха), а войлок большой; надо бы выпросить нам половик или чево-нибудь, да мы не сообразили. Я подумал, подумал чево постилать на постилаху и увидел на куфьне шабур весиччя. Принес шабур, нашил на постилаху и давай катать. Катали, катали, шабур вкатали в войлок. (Бабы <слушательницы> спрашиваэт: «Ой, как этот шабур от добывали оттуда!»). Вкатали шабур и думаем: «Чево делать станем мы? Поп увидит – за шабур надо платить и за войлок». Подумали: давай убежим! Бежать неудобно вороськи – могут поймать и забрать снась нашу. И порешили на том: сходить к батюшку.

Выдумались, будто мы спорим: я с лучкем и с битком, а

он с колодкам побежим. Он спорить, што «я тебя сустигу», а я «не сустикчи!» Пришли к попу и говорим:

– Батюшко, мы выдумались водки напиччя.

– Как, – говорит, – водки напиччя? Чево у вас выходит, какое дело?

– А вот он говорит: с лучкем я тебя поймаю, с котомкой бежет. А я ще не поймать меня.

Колонули по рукам и пошли за ворота: у меня котомка за плечам, а у него лучек на плече. Поп в окошко гледит:

– Маленький не поддавайсь, не поддавайсь!

А поп от любитель до водки-то сам был; думал, што и ему попадет. Вот я и побежал. «Маленький, убирась скорее!»

А у нас уговорка была: «как станешь набегать меня, ты (задней-то) приупади – и я отбегу вперед». Так и убежали из виду вон – от попа. Там неизвестно у попа чево и было после.

А ходня – итти волоком из села. Думаем сами себе: «Ще за лешой, нехто нам валешки не дает катать! Хоть бы лешой дал валешки-то скатать-то!» И вдрук выходит из-за стороны лешой. И спрашивает нас:

– Куцы, ребята?

– Валешки ходим, катаем, да нихто не дает нам.

– Дак пойдете ко мне катать.

Мы узнали ще это лешой вышол, нас зовет.

– Садитесь, – говорит, – мне за крошки!

Поймались, он и понес нас. Идет ходко, только вершины мелькают. Мы поглядываем – за крошкам-то сидим.

Принес в избушку, шерсти сразу велел старушке (а у нево, должно быть, matka) принести. Она навесила полпуда и мы начали бить. А он сам обратно ушел; не живет дома, за своим делом похаживат (шерсти подсобиват, можот). Набили шерсть и заслали, и давай юксить, закатали валешки. Надо начевать нам. Оба в валешок от улезли, да там и спим. По утру стали и давай стирать их.

Выстирали валешки; а у нас колодки-то едакой нетутка по ево ногам. Пошли в лес, коргу выкопали и принесли. Забили ету коргу, высушили валешки. Добыли коргу, валешки теперь готовы.

Лешой приходит сейчас накладыват валешки мерять. Обул валешки и заплесал:

– Ладны, ладны, ладны!

Спрашиват нас:

– Много ли за роботу возьмите?

– Сами знаете, сколько положите.

– По пятерке на человека будет ли вам?

Мы обрадели и спрашивам:

– Кака будем отцель выбираччя-то домой-то?

(Старухи спрашивают: «А чево вы ели-то у лешова? Он, ведь, не съест?» – «А чево? свежих пшенисников принесла, несъиманова молока преснова – вот только этим и покормили». – «Где», – говорит, – «это вот берет он?» – «Вот где берет. А вот, бабочки, не благословесь хлебеч ет да молочке-то оставляйте, – он то и уносит». – «Ой, правда, правда!»).

Накормили нас. За крошки поймались и понес на ту же дорогу. Вынес на дорогу и отпустил, а сам ушел. Пошли, табачку закурили и песенку запели (денежки ешь).

Леший лапотник

Раз – это дело было великим постом – я ходил за лыком, да и заблудился в лесу. Ходил, ходил, и уже наступила ночь, а выйти никак не могу. Услышал кто-то кричит: «Свети, светило!» Я подхожу и вижу: сидит на клепине леший и ковыряет лапоть. А когда луну закроет облоком, он и кричит:

– Свети, светило!

Я взял здоровую хворостину, подошел потихоньку. Когда он закричал «Свети, светило!», я взял, да и вытянул его по крыльцам. Как он соскочит, да и ходу, а сам кричит: «Не свети, не свети!» Он думает: месяц-то его и дернул.

Это не знаю, правда ли, нет ли?

Муж и жена

Жили в одной деревне муж и жена, оба молодые. Баба перед жнивом родила первого робеночка. Когда наступило жниво, стали они ходить жать на ниву, а нива была версты за три от деревни. Повесят робеночка над кустом, а сами жнут. Вот раз как-то на «пабеде» мужик с бабой расхлопотались.

Мужик молчит и баба тоже. «Не пойду домой», – думает баба, – «пока ен жнет». Мужик жнет до вечера и баба с ним. Только стало стемнятце; мужик не стерпел и говорит:

– Ступай домой, пора обряжатце.

Она серп на плечо, да и покатила, а робеночка в зыбки и забыла. Мужик видел это, да подумал, што она нарочно оставила робенка.

– Ну, – говорит, – пущай, и я не возьму, сбегат из дому. Ен пожал, пожал, да как надо домой иттить, и ен пошел, не взял тоже робеночка.

Пришел домой. Баба убралась и ужинать собрала. Вот как стали они ужинать, баба сглянула на пустой очеп и скрикнула:

– Э, Господи! Да где же это робеночек?

– А где забыла, там и есть, – отвечает муж.

– Да я забыла, а ты што же?

– Нет, ты не забыла, а на зло оставила, хотела, штоб я принес. Да не бывать тебе большухой надо мной!

Баба взвыла и просит мужа итти вместе за им (вишь боитце – нива-то была за три версты от деревни).

– Нет, – говорит мужик, – Пущай до утра. Поутру придешь, и робеночек там, не надо и носить. Баба пошла одна – нешто мать оставит! Приходит она к нивы, а ставше нянька к этой зыбке с лес наровень, качает и приговаривает:

– Бай-бай, дитятко! Бай-бай, милое! Матушко забыло, а батюшко оставил! Бай-бай, дитятко! Бай-бай милое! Матуш-

ко забыло, а батюшко оставил!

Ну, как ей подойти? Подошла эдак сторонкой и говорит:

– Куманек, кормилец! Отдай ты мне робеночка!

А ен отбежал, захлопал в ладоши и закричал:

– Ха-ха, ха-ха, ха-ха, ха! Шел, да шел, да кумушку нашел.

Гулко таково бежит по лесу, да все кричит:

– Ха-ха, ха-ха, ха-ха, ха! Шел, да шел, да кумушку нашел!

Вишь, любо ему стало, што кумыньком назвала.

Баба схватила робенка да опрометью из лесу.

В ученьи у лесоваго

У одного мужичка был сын, вот и не знает, кому его в ученье отдать; подумал, да отдал его дедушку лесовому в науку. У лесоваго было три дочки; вот он и говорит:

– Перва дочушка, истопи избушку калено-накалено. Она истопила, дед и бросил мальчика в печь – там он всяко вертелся. Дед вынул его из печки и спрашивает:

– Чего знаешь ли?

– Нет, ничего не знаю, – ответил мальчик.

– Другая дочушка, истопи избушку калено-накалено.

Она истопила, дед опять бросил мальчика в печь, тот всяко там перевертелся и веретенцем-то, опять вынул его и спрашивает:

– Ну, теперь научился ли чему?

– Ничего не знаю.

– Третья дочушка, истопи избушку калено-накалено.

Она истопила, дед опять бросил мальчика в печь, тот всяко там перевертелся и веретенцем-то, опять вынул его и спрашивает:

– Ну, теперь научился ли чему?

– Больше твоего знаю, дедушка, – ответил мальчик.

Ученье окончено, дед и заказал батьку, чтобы он приходил за сыном. Отец пришел, а дед ему и сказал:

– Приходи завтра.

А мальчик и говорит:

– Дедушко, я пойду, провожу тятку.

А по дороге и наказывает:

– Вот, что, тятка, когда ты завтра придешь, то дед наведет двенадцать соплеватых парней, и все они будут вынимать платочки из левых карманов, а я выну из праваго кармана.

На завтра по приходе отца, дед вывел двенадцать соплеватых парней, и батько узнал сына по примете, сказанной заранее. Ну, делать нечего, пришлось лесовому отпустить парня из науки. Пошел батько с сыном домой, а на толчее сидит ворона и грает во все горло. Отец и говорит:

– Ты много теперь знаешь, так скажи мне, о чем ворна каркает?

– Ах, тятя, тятя, я бы тебе сказал, да ты осердишься.

– Ах ты, кормилец, я три года яичка не съедал – все берег тебя выкупить.

– Ну так слушай, тятя: ворона на своем языке каркает о

том, что мне когда-то придется ноги водою мыть, а тебе достанется эту воду пить.

Отец на него прогневался, а сын ему и говорит:

– Если ты на меня осердился, тятя, так веди меня продавать жеребчиком, выручай деньги, только с обратью не продавай.

Отец свел жеребчика на ярмарку продавать – где ни взялся этот дед учитель и покупает жеребчика. «Что возьмешь за жеребчика?»

А отец и говорит:

– Сто рублей, только обратку назад.

Дед отдал деньги и взял коня. Отец пошел и заплакал и про себя говорит:

– Сына отдал, а деньги взял.

Обернулся назад, а сын бежит к нему:

– Что, тятка, полно ли денег?

– Не хуже бы еще, кормилец, еще.

– Ну так я опять обернусь жеребчиком, веди продавай.

Как свел отец жеребчика на ярмарку, где ни взялся, дед опять покупает:

– Дорог ли твой жеребчик?

– Давай сто рублей.

Ну, продал, обратки не вырядил – дед не отдает ему. Спорили, спорили, отец и говорит:

– Делать нечего, моя вина.

Пошел домой и заплакал:

– Экой я глупой и неразумный, до старости дожил, а ума не нажил: деньги-то проживешь, а сына-то не проживешь.

Повернулся назад – не бежит ли назад сынок – нет, не видать. Лесовой же дед гонял да гонял жеребчика – всего спарил – одной шерстинки не осталось сухой, подогнал к своему дому, привязал к крыльцу, а сам сел обедать; раз хлебнет, да и глядит в окошко. Идет царева дочь на родник за водой, а жеребчик и говорит:

– Вылей на меня ведро воды, царевна, очень я сопрел. Она вылила на него, а конь обратился рыбкой ершом, да и бух в родник, а дед оборотился щукой, да и за ним. Щука хотела схватить ерша, да ерш показался ей костоватым, да вдруг и оборотился кольцом и скакнул в ведро царевой дочки. Она надела кольцо на руку и днем носит кольцо, а ночью спит с молодцом. Дед про это узнал и пошел к цареву дому играть. Царю игра больно понравилась, зазвал его в свой дворец и говорит:

– Выиграй и разведи, что есть в моем доме и в моем царстве новаго.

А дед играет и разводит:

– Твоя дочь днем играет кольцом, а ночью спит с молодцом.

Этот молодец, который сидит на руке кольцом и шепчет царевой дочери:

– Отец будет у тебя просить кольцо, так ты не отдавай меня, а если будет приступать непомерно, то ты возьми изру-

гайся и брось кольцо на пол, оно и рассыплется на пять частей, одна частичка подкатится тебе под ногу, а ты возьми и приступи.

Ну так и случилось, а дед обернулся петухом и склевал остальные частички и остался ни с чем, а молодец обвенчался с царской дочерью. Спустя много времени отец приходит и попросить; сын подал ему милостыню и спрашивает:

– Ты, дедушко, откуда?

– Дальний, кормилец.

– Так ночуй у нас.

Старик остался ночевать и лег на печку, да ночью гораздо и сопел и вышел остудиться, а в сенях стоит вода, он взял этой водицы и попил. Встали поутру, а сын его и спрашивает:

– Ты, дедушко, ходил ночью до ветру и попил воды в сенях?

Старик отвечал:

– Верно, кормилец.

– Ну так, дедушко, ты мне отец, а я тебе сын, я в этой воде ноги мыл, а ты пил. Помнишь, когда шол я из ученья от дедки лесоваго, а ворона каркала, я тебе это предсказал, а ты прогневался: ну, одним словом, ты мне отец, а я тебе сын, оставайся у меня жить, я тебя допою и докормлю и кость твою похороню.

Так вот сколь умен и мудрен лесовой дедушко: захочешь – всему научит, а прозеваешь – кожу слупит.

Про водяного

Про водяных

/1. В одном лесу глухое озеро было. В озере Водяной жил, а в лесу Леший, и жили они дружно с уговором друг друга не трогать. Леший выходил к озеру с Водяным разговоры разговаривать. Вдруг лиха беда попутала: раз вышел из лесу медведь и давай из озера воду пить; сом увидел да в рыло ему и вцепился. Медведь вытащил сома на берег, загрыз его и сам помер. С той поры Леший раздружился с Водяным и перевел лес выше в гору, а озеро в степи осталось.

(Записано в Симбирске)

/2. Одному мельнику сильно везло: он Водяному душу на срок продал и все ему с той поры удавалось. Воду ли где остановить, поломать ли у кого на мельнице, все, бывало, к нему. Он по этой части знахарь был. Изошел срок, приходит к нему Водяной за душой.

– Давай душу!

И мешок кожаный принес.

– Полезай!

– Да я не умею. Покажи мне!

Водяной с дуру и влез в мешок. Мельник, не будь глуп, гайтаном шейным его сверху и завязал, да перекрестил. Так

Водяной и остался в мешке.

(Записано от Г. Н. Потанина в Симбирске)

/3. Один парень купался, да и нырнул. Как нырнул, так и угодил прямо в дверь и очутился в палатах Водяного. Тот его у себя задержал, говорит:

– Живи здесь!

Ну, парню уйти некуда – он и стал у него жить. Водяной его пряниками, сладостями кормил. И заскучал парень; стал проситься домой, на побывку. Водяной говорит:

– Хорошо, только поцелуй у меня коленку!

(Значит, если бы он ее поцеловал, то вернулся бы непременно назад). Парень, не будь глуп, взял, начертил ногтем на руке крест, да за место коленки к нему и приложился. Как только поцеловал, схватил его кто-то за ноги и выбросил из воды прямо к его избе. Вернулся он домой: жена рада, все в удивлении. Пропадал он три года, а ему за три дня показалось. Он все рассказал; позвали попа. Стал поп над ним псалтырь читать, отчитывать его. Только стал отчитывать, приподнялся у избы угол и полетела у парня вся нечистая изо рта: стал он как ни в чем не бывало. А поцелуй он коленку у Водяного, быть бы ему опять под водой.

(Записано в Симбирске)

/4. Один мельник с Водяным знался и отлучался по ночам. Вот работники и подсмотри, да и спроси:

– Куда ходишь?

– Да в воду спать.

– Возьми меня!

– Изволь, только пальцем ни на что не указывай.

– Ладно.

Пошли в воду; работник подушку захватил. Идут словно не водой, а в погреб какой. Работник смотрит, а кругом рыбы многое множество. Вот и видит он кривую щуку. Он возьми и в остальный-то глаз ей пальцем и ткни.

– Что, – говорит, – тебе одноглазой жить?

Как ткнул, так и залила вода со всех сторон: на силу выплыл.

(Записано в Симбирске)

15. На реке Свияге, под кручей, у села Сельги есть Чортов омут. Большущие сазаны в нем клевали, фунтов в двадцать слишком. Что у рыбаков лес перервали, удилиц переломали – пересчитать нельзя. Этот Чортов омут любил один мельник с ближней мельницы. Рассказывали про него, что он с водяными знается и с лешими. После обеда он всегда отдыхал на дне Чортова омута. Возьмет рогожку, да свой чапан, зайдет на середину омута и в нем потонет. Засыпки и набойщики сами видели с лодки, как их мельник спит на дне, так как бы все равно дома. Выспится – наружу вылезет. Не любил он рыбаков, которые в этом омуте рыбу ловили, и часто над ними подшучивал. Он знался с водяными и они ему помогали такие шутки итмачивать, что не приведи Бог их видеть. С одним башмачником вот какая притча приключилась: Перед Спасом отработался он, снес товар в лавку, пришел домой и

сел обедать. Пришли знакомые:

– Пойдем, – говорят, – с ночевой сазанчиков поудить под Сельгу, в Чортов омут, или в другое место – на Липову Яму; а то махнем в Лаишевку, водочки купим, время проведем.

Тот согласился. Порешили идти в Чортов омут. Пришли, закинули лески – нет клеву, да и плано. Дождались ночи; вдруг слышат: удилища в воду хлоп, хлоп! Подбежали: сазаны! Товарищам-то покрупнее достались, а башмачнику помельче. Вот он сидит над лесками, сидит и поджидает лову, а ночь ясная такая! Взглянул на пойму, видит: человек не человек, чорт не чорт, а сам водяной бегаёт по острову, что за рекой, за белой лошадью с арканом. Горбоносый, старый старик, волосы до пят, всклочены, бородища по пояс, глаза так и искрятся, словно звезды: то затухнут, то опять загорятся. Сам такой грязный, зелёный, волосы как бадыга! Башмачник со страху обмер, лески из рук выпустил, вздохнуть боится. Лошадь у Водяного хорошая, так и кружит по острову, лягается, задом взметывает, а Водяной так и жарит за ней. Бегала, бегала лошадь-то, да вдруг махнуть в середину омута, в самую глубь, и Водяной – за ней. Только треск пошел. Башмачник как крикнет недаровым матом и тут же памяти лишился. После опомнился – товарищи-то и рассказывают, что он в воду упал, из омута его они вытащили, а после как он на берегу-то лежал, им разные страхи мерещились (все мельник пугал: недаром он с Водяным дружил). Сидели, сидели, вдруг слышат: кто-то веслами плещет; глянули на воду:

плывет обрубок не обрубок, а словно гроб, легонько на воде покачивается. Плывет все ближе... Глядят: в самом деле гроб, и крышка стоит вместо паруса. Встает из гроба в саване мертвец, да прямо на них и правит. Они уж ползком, на карачках до стоянки-то доползли, взглянули на реку: крышка над мертвецом захлопнулась, а гроб в воду пошел. С той поры как Водяной пошутил, полно в Чортов омут ходить за сазанами.

(Сообщено М. И. Извощиковым)

Посмотреть на подводное царство

Вот ты, Павел Николаевич (говорили мне на Шуй-наволоке), думаешь, что на воде люди погибают больше от своей вины. А мы тебе заподлинно сказываем, что дело без водяника не обойдется. Хоть бы нашу деревню Середку взять: позапрошлым летом поехали в лодке две девки: одна-то на выданье, а другая-то еще не человековатая. И стала девочка сказки сказывать, как под водой живут водяники в хрустальных палатах. А старшая и говорит:

– Ишь, как у них хорошо: хоть бы одним глазком посмотреть на подводное царство.

И не было ни ветра, ни волны – вдруг заколебалась вода и поднялся черный мужик, волоса у него взъерошенные, ухватил девку за руку и, как она ни билась, стащил ее под воду, только ее и видели.

И все это девочка видела своими глазами.

Пропавший молодой

В одном прекрасном мисти, у отца у матери был единственный сын, был выращон 25 лет. Надумали его женить, прибрали невесту с своей деревни. Вот хорошо. И женили его, и прошли столы, пиры, как следует; ува-лились они на чесной покой в отдельной чулан. И приходит к дверям крестовой брат и постучал у дверей. Молодой человек услышал: «Што за народ?» Отвечал крестовой братец: «Нельзя-ли вытти». Заговорит он и раздумали со своей молодой: «Выдти мне-ка, али нет». Посоветовала ему молодая жена идти: «Это не долго время, – слово дать, а друго взять, этого времени не много». Слиз он с кровати, отворил немножко двери и сдернуло его в сени. По утру приходят будить молодых, молода спит одна. «Где-же у тебя молодой?» – «Увел крестовой брат». Сходили к крестовому брату, там вовсе его нет; обратили внимание в зад; потерялся молодой. Но долго продлилось время: три года молодого ищут, – нет; молода живет при доме у родителей, у чужих. В одно прикрасное время, в холодну осеннюю ночь приходит к им странный человек; сидят они беседуют и запевают они писню с этим с бо-годанным со свекром. Доспрашивал у их проходящий человек: «Што хозяин, дочь ли тебе, али невестка?» Отвечал странному человеку хозяин: «Женщина мне чужа, по закону

мне невестка. Был у меня поженен сын – потерялся на первом подлеге и нигде найти не можем; ноне его поминаем». Станный человек отвечал, што «живых поминать не нужно, а нужно их поискать». Взял хозяин смекалу. Поутру угостили страннаго человека хорошо, попросили его со слезами, наказ сделал странный человек, што «Ты хозяин обрати внимание, што за 10 верст отсюда есть у вас рыболовное озеро, у озера хорошая фатерка, в фатерке печка пекарня; захвати хлеба иди туда, протопи немножко печку и зайди в эфту печку, прикройся заслонкой и свидишь своего сына и справишь дело». Хозяин шел к рыболовному озеру, протопил эфту фатерку и зашел в эфтую печку, прикрылся он заслонкой. Приходит в фатерку сын, на голове несет большой шкуль с разныма кушаньяма, деньщиком живет у хозяина; полагает шкуль на стол, разбирает белую браную скатерть и раскладывает разныя кушанья, графины с разныма водками, вилки, тарелки, ножики; приходят резвый хозяева, два парня молодых, у одного гусли в руках, а у другого гармони; три раза сплясали, три раза протанцявали, сели за стол, у графинов хорошо попили, обратно оны отвалили, остался сын убирать приборы. Отец вышел из печки, поздоровался с сыном: «Здорово, дитяtko, пойдeм домой». Сын ему отвечает, што «я не по своей охоти, а живу у водяного по неволи; мни домой итти нельзя, если ты идешь со мной, пойдeм». Отец с ним идти пожелал. Вышли оны на улицу, приходят оны к озеру, живой воды большой пролубь, сын показал, што мне

идти в пролубь надоть, а отец туды идти не посмел, а сын ушел в воду, а отец обратился домой. Спрашивает дома старуха, отвичал отец, «што видел, проводил его до воды». На другой день обращается старуха к эфтому рыболовному озеру, к эфтой фатерки, потопила пекарню и печьку и заходит в эфтую печьку и прикрылась она заслонкой; отворилися двири, является свой сын с большима приборами, полагают прибор на стол, развертывает белую скатерть, вынимает разныя кушанья, графины с разныма водкамы, вилки, тарелки и ножики; являются водяные хозяева, три раза они проплясали, три раза они взыграли в разныя музыки, за стол сели и поили скорым шагом, обратили внимание взад, а сын стал кухню убирать. Старуха с печи долой: «Дитятко, пойдём, домой». — «Мне идти домой нельзя, я не по своей охоты, по неволи; если ты идёшь со мной, то я тебя возьму». Вышел сын на улицу, проводила старуха к озеру, к широкой большой пролубы живой воды, у речищу. «Маменька, мне пойти туды». — «А я дитятко не пойду». Обращается старуха домой, а сын в воду. Приходит старуха домой, спрашивает про сына молодая жена: «Видала ли моего мужа?» По третий день обратила внимание жена, обращается к рыболовному озеру, к эфтой лесовой фатерке, протопила пекарню и печьку, заходит в печьку, прикрылась она заслонкой; является муж молодой со всим ядомным прибором, полагает прибор на стол, развязывает белую белобраную скатерть, вынимает графины с водками, вилки и ножики, отворяет двири; три раза проплясали, три

раза станцевали, попили и обратили внимание взад. Выходит жена из пецки, рует руки на шею хозяину. «Што жь ты меня покинул». Отвечат тут хозяин, што: «Я не по своей охоти, а живу здесь по неволи, а хорошо мне домой ийти нельзя; если ты идешь со мной». – «Пойдем, я от тебя не останусь». Приходят они к берегу, к широкой пролубы, живому уречищу воды, хозяин обращает внимание в воду, а молодая жена вслед за ем. Вдруг всрылась вода – стоит белокаменна палата; заходят они в палату, на кухни живут кухарки, готовят разныя кушанья. Отвечал молодой жены, што «Ты поживи здесь», а сам пошел к сатане. Скучал по ем сатана. «Зачем в Руси долго ходишь?» Увидали тут сынова эфту самую молодую жону, доносят разговор сатане, што он в Руси побыл, привел русскую женщину, которая для нас не годится. Отвечат тут сатана своим любезным сыновам, што «Выкиньтя молодых на воздух, не сщядитя эфтим лакием». Приступали два сына, выкинули молодых на лед, одного на ту стороны пролубы, а другого на другую. Прославили они Бога, пошли оны домой. Не робкой руки была жена, достала хозяина с воды. Мало люди таких находят жен, было указанное дело и имели они силу и достаток.

Бочка с золотом

В селе Мегры Лодейнопольского уезда рассказывают такое преданье:

Жил богатый мужик. Однажды осенью, ночью, кто-то постучался у него под окном. Богач подошел к окну и окликнул. Никто не ответил. Богач лег спать, но опять застучало. Богач опять окликнул: опять никого нет. Тогда богач подумал, что его хотят ограбить, снял со стены ружье и зарядил пулей. Когда опять под окном застучало, богач открыл окно и выстрелил, а под окном, как захохочет кто-то! Богач обмер и стал было запирать окно, а чья-то лохматая рука держит ставень. Богач было схватил нож, чтобы руку отрезать, да и увидел под окном рожу: глаза оловянные, лицо черное, изрытое оспою и с рыжими волосами. «Ступай за мной» сказал черт. Богач, делать нечего, вышел; черт схватил его за левую руку и они пошли; пришли к реке, черт и говорит: «Ты накопил бочку с золотом, отдай-ко мне ее. Я ведь помогал наживать тебе золото. А не отдашь в воду брошу». Богач туда, сюда, делать нечего, согласился и черт нырнул в воду. На другую ночь черт постучался под окном, богач вынес бочку с золотом, черт взвалил бочку на плечо и понес. Принесли бочку на берег реки, черт спустился в реку, вытащил оттуда железные цепи, обмотал бочку и спустил и ее в воду. Потом опять вынырнул, подал мужику горсть золота и сказал: «Это тебе за верность мне; да, смотри, не болтай»... А богач пришел домой и запил с горя. Долго он никому ничего не говорил, но однажды взял да проболтался по пьяному делу одному приятелю. Вот однажды пошел он с этим приятелем, а навстречу ему мужик, будто знакомый и зовет в гости. Мужич-

ки согласились и пошли. Шли долго, вдруг приятель зевнул и перекрестился и видит, что он бредет по колена в воде, а бывший богач еще глубже и наконец скрылся под водой. На другой день бывшего богача нашли на берегу реки мертвого обмотанного цепями, с пустой бочкою на шее. Богача тут же на берегу и похоронили. И вот рассказывают, что в полночь на могиле богача бывает спор о золоте. Богач упрекает черта в том, что после угощения черт обманул его и отпустил домой с пустой бочкой, а золото переложил в другую. Многие пытались достать бочку с золотом из воды, но безуспешно. Один рыбак было вытащил бочку, но черт увидел и утащил рыбака вместе и с лодкой. Часто черта выдают на этом месте реки: сидит на камне и расчесывает медным гребнем волосы, а гребень с сажень величиною.

Рыбий клеск

Один крестьянин в Пудожском уезде отправился к светлой заутрене на погост с вечера в субботу. Идти ему надо было мимо озера. Идет он берегом и видит: на другом берегу человек таскает что-то кошелем из воды в лодку. Ударили в колокол на погосте и человек вдруг пропал. Крестьянин обошел озеро, подошел к лодке и видит, что она полна рыбьим клеском. «Не клад-ли?» подумал мужик; набрал клеску полные карманы, захватил мешок и опять пошел на озеро к тому месту, но лодки уже не было. Тогда мужик пошел к заутрене.

Воротился домой из церкви, захотел посмотреть свою находку, а вместо рыбьего клеску – серебро. Мужик разбогател. А тот, что сидел в лодке, каждый год в великую субботу кричит и жалуется на свою пропажу и грозит мужику. Мужик с той поры никогда больше не подходил близко к озеру.

Чертовы коровы

Около Мегры есть небольшое круглое озеро, а посередине островок; на этот островок летом из воды выходят четыре коровы. Крестьяне делали попытки завладеть ими, но только что хотят подойти, как послышится свист, а коровы бросаются в воду. Однажды какой-то крестьянин проходил мимо озера, устал, лег на траву и заснул. Проснулся и видит: пасутся на траве четыре большие бурые коровы. Мужик перекрестился и пошел к ним. И вот озеро заволновалось, хотя ветру и не было; слышался свист и коровы бросились в воду; но мужик все-таки успел двух коров перехватить и пригнал их домой. Коровы эти долго жили у мужика. (Приплод от них будто бы и сейчас живет в Мегре). Две коровы давали мужику по два ведра в день молока, и мужик разбогател. Потом мужик вздумал этих коров зарезать и когда зарезал, мясо и шкуры коров кто-то украл. Мужик подал прошение в суд, обвиняя в краже нескольких вороватых мужиков в деревне. Но однажды осенью, ночью кто-то постучался к мужику. Мужик вышел за ворота и увидел маленького человека в соломенной

шляпе и коротком камзоле старинного покроя. Это оказывается был черт. Он сказал, что напрасно мужик тягается из-за коровьих кож с соседями: кожи взял он, черт. Мужик помирился с соседями и прекратил тяжбу.

Про чертей

а) Мужик шел в Неноксу, на мосту, на истоке в Куртяву идти, увидал на мосту сидит чертовка и прикокиват: «Было у меня цветно платье, все отняли, а нынче пойду в воду, по немецку моду, про пестро платье, да про коротки волосы, и больше некогда не выйду и не покажу голосу».

б) Мужик рыбу ловил на Амборских озерах (там где скиты), увидал черта на заязке. Черт сидит, качается и говорит: «Год году хуже, год году хуже, год году хуже». Мужик его веслом и хлопнул. – А этот год тебе хуже всех. – Да и убил.

Водяной

Ходил за рябчиками, ночью часов в двенадцать, хотел через реку брести, попадал к лесной избушке; спустился в реку и мне показался водяной хозяин, и в этой речки мне показался водяной хозяин, как есь месец пек, пловет прямо на меня, я и в гору выскочил, острашилса. На гору выбрал и ночевал на горы в зароде, в ту ночь не смел брести.

Морской царь и купеческая дочь

Жил один купец, у него было три дочери. Стал он собираться за дальние моря за товарами и спрашивает дочерей, что им там купить. Старшая дочь просит купить ей там подвенечное платье, средняя дочь заказывает купить ей зеркальный туалет, а младшая дочь просит привезти ей аленький цветочек. Купец отправился в путь, справил свои дела и купил дочерям на платье и туалет, а для младшей дочки все лавки обошел, а аленького цветочка не нашел. Собрался домой и задумался, как это я самой любимой дочке подарка не нашел. Ехал он морем, поднялась сильная буря, он испугался, чтобы не потонуть, но буря прибила корабль к берегу небольшого острова. Он вышел со своего корабля на берег и пошел в лес, немного места прошел и потерял дорожку, и запутался, пошел, не зная куда. Вдруг видит, стоит большой хрустальный дворец, подошел к нему и очутился в красивом саду. Потом вошел во дворец и обошел его весь и ни одного человека не встретил. В комнатах было много невиданных растений и кораллов. Время было не рано и он остался тут ночевать. Стол был приготовлен, а народу нет, он один сел и закусил. Утром проснулся и пошел в сад и увидал тут: растет аленький цветочек, поглядел по сторонам – никого нет – и только что хотел его сорвать, где ни взялся большой страшный старик с зелеными листьями в волосах и говорит ему:

– Я – морской царь, а это мой летний дворец и сад, зачем ты берешь мой самый любимый цветок?

Купец ему объяснил, что он хотел взять цветок для своей любимой дочери. Старик и говорит:

– Отдай мне эту любимую дочку, тогда и бери цветок. Купец согласился отдать ему дочку, взял цветок и пошел.

Увидел хорошую дорогу и корабль никуда не девался. Отвалили от берега и поплыли домой. Приехавши домой отдает дочерям подарки: подвенечное платье, зеркальный туалет, а младшей дочери – аленький цветочик и говорит:

– Сразу я не мог достать этой покупки и больших трудов мне стоило достать этот цвет и сам заплакал. Дочь поблагодарила его и пошла в свою комнату. После этого дочери стали замечать, что у отца какое-то горе, и он его скрывает. Через неделю приходит письмо, что посуленной отдай. Он еще больше запечалился. Любимая дочь нашла это письмо и прочитала. Узнав отцовское горе и сказала:

– Полно тебе, папа, печалится, а лучше дай мне благословение, и я пойду к старику и одна погибну, чем вам всем страдать.

Отец согласился. Стали ее провожать отец и сестры, а матери у нея не было, и только вышли из дому на улицу, вдруг подхватил ветер и унес любимую дочь. Она очутилась в том дворце, где отец обещал ее морскому царю. В комнате стол накрыт, а народу нет, только прислуживает одна девушка с длинными зелеными волосами, а купеческая дочь не может

понять от нея ни одного слова. Живет сутки и другая и никого не может увидеть, кроме этой девушки. Однажды слышит где-то музыку и говорит:

— Что же это я слышу за стеной музыку, а кто играет не вижу, хоть бы какое страшилище, я бы и то не испугалась, чем жить в таком неизвестном положении.

Вдруг и слышит за стеной голос:

— Рад бы я выдти показаться, да больно страшен. Купеческая дочь как только этот голос услышала, так со страху и лежала целый день. Пришла в чувство и просит, чтобы он показался ей, чтобы скорее привыкнуть. Захотелось ей в сад погулять, она и вышла, поднимается сильный ветер и является страшный старик. Она на него робко взглянула и немного испугалась, он ее как добычу повел во дворец и принудил ее жить с ним как жену. Потом она стала звать его на свою родину, а пока купеческая дочь осталась в неволе, но все морской царицей.

Никитка и водяной дед—золотое волосье

У одного мужика было три сына. Выстроил он новый дом и посылает туда старшего сына ночевать и говорит:

— Какой тебе сон приснится, то скажи мне.

Пошел сын ночевать и утром рассказывает сон, что у них полный двор скотины стоит. Шлет средняго сына ночевать. Тот утром рассказывает, ему снилось, что полные амбары

хлеба. Посылает младшего сына Никитку ночевать. Лежал, лежал он, и приснилось ему, что он ноги вымыл в воде, а отец эту воду выпил. Утром он пришел домой и говорит отцу, что ему ничего не приснилось – он побоялся объяснить такой сон. Отец розсердился и говорит:

– Здобляйся, коли так, в лес.

Пришли в лес, он снял с него одежду и велел сесть в дупло дуба, а сам ушел и оставил его нагова и босова. Случилось тут быть короля сыну за охотой. Слышит, собаки лают не на зверя, он подошел к дубу и говорит:

– Кто тут, вылезай.

– Я не могу выйти, так как я наг и бос.

– Пойдем ко мне жить, я тебя одену.

И поставил его в конюха. Через несколько время королевич уехал в инья земли сватать себе невесту. Оттуда шлет тебе приказ, чтобы ему выслали шесть человек слуг, в том числе и Никитку. Пошел с товарищами Никитка и дошел до высокой горы, а на ней слышон шум престрашонный. Подходят, а там два бесенка дерутся.

– О чем вы хлопочите? – спрашивает Никитка.

А бесы отвечают:

– О сапогах-скороходах, кому они достанатся.

– Вот я сейчас выстрелю, кто принесет пулю вперед, тому и достанутся сапоги-скороходы.

Бесенки убежали, а Никитка свои сапоги сбросил, а скороходы надел. Пошли дальше, опять слышат шум престра-

шонный, а это дерутся и спорят два чертенка.

– О чем вы спорите?

– О шапке-невидимке – кому достанется.

Никитка опять предложил выстрелить и принести пулю. Пока чертенки бегали, Никитка надел на себя шапку-невидимку, а свою тут бросил. Наконец, добрались до королевича, а он уже сосватал царевну, только царевна предложила царевичу достать три золотых волоска у водянова, как ему, так и ей, а то свадьбе не бывать. Королевич запечалился и объяснил Никитке свое затруднительное положение. Никитка, имея у себя чудесную шапку и сапоги, обещал помочь горю и стал следить за дворцом. Вот царевна со своей служанкой, девкой-чернавкой, сподобились и пошли на озеро, а Никитка за ними, сел за кустик и слушает. Девка-чернавка и закричала:

– Дедушка, дедушка, выйди-ко, я у тебя вошек поищу.

И вылез из озера водяной дед-золотое волосье, шелкова борода. Стала искать вошек в голове и выдернула три золотые волоса, а Никитка подбежал и выхватил, целую горсть; стала она искать в бороде и тоже вытащила три волоска, а Никитка опять выщипнул целую горсть. Водяному деду это не понравилось, он вырвался от них и бултых в воду. Царевна с девкой-чернавкой пошли домой, а Никитка побежал к королевичу и отдал ему горсть золотых волос. На утро королевич пошел к невесте, она ему показывает три золотых волоска, а он ей – целую горсть. Она удивилась, что столько

достать невозможно, что у тебя кто-нибудь хитрует, и я доберусь, и ушла. Ночью подошла с чернавкой к слугам королевича и прямо заподозрила Никитку, и у сонного отрезала правую полу, а Никитка притворился спящим, а когда они ушли, он у всех товарищей отрезал правые полы. На утро царевна призывает слуг жениха и спрашивает:

– У кого из вас отрезана правая пола – выходи.

Они все закричали:

– У меня отрезана! У меня отрезана!

Она рассердилась и сказала:

– Уж дознаюсь, кто у вас хитрует.

Ночью опять пришла и отстригнула у Никитки волосев и сказала:

– Ну, теперь узнаю, кто у них большак.

Никитка не спал и все слышал, и у своих товарищей выстриг волос, и наказал:

– Как завтра вас позовут, так все кричите: я большак!

Царевна на утро их призвала и спрашивает:

– Кто у вас большак – выходи, я осмотрую.

Все слуги закричали:

– Я – большак! Я – большак!

Она осмотрела: у всех выстрижено волос. Она стала в недоумении, призвала королевича-жениха и говорит:

– Ты меня перехитрил, скоро будет наша свадьба.

Свадьбу отпировали, королевич с женой и Никиткой поехали домой. Он Никитке в благодарность дом поставил и

все хозяйство. В то же время, братья Никиткины не стали отца кормить и выпихнули его на улицу. Батько и пришол к Никитке жить. Вот, однажды, Никитка вымыл ноги в тазу и эту воду забыл вылить, а батько ночью слез с печки и выпил эту воду. На утро Никитка и говорит:

– Вот, тятинька, ты воду-то из тазу выпил, а я этой водой ноги мыл, это мне и приснилось, когда ты меня посылал ночевать в новый дом, только я тогда не осмелился этот сон тебе сказать.

Старик и остался у Никитки жить, благославляя за доброту своего младшего сына.

Про русалку

Марина-русалка

Лет со сто тому назад в Симбирске жил под горой у Спаса Иван Курчавый с отцом и с матерью. Церковь Спаса старинная была и вся расписана по стенам разными житиями. На одном образе была написана царица-красавица: румяная да такая полная и едет она на лебедях – одной рукой правит, в другой ключи держит. Иван Курчавый часто говаривал в хороводе:

– Мне невесту нужно эдаку, как писана царица в лебедях.

А он был красавец, писаный глазок. Голова была вся курчава, а эти волосы как кольца золотья вились. Белый, румяный, полный, кровь с молоком – одно слово – молодец! А уж бандурист был какой – заслушаешься! Плясовую заиграет – не удержишься! Весь, бывало, хоровод распотрошит. А бывало девушки да молодья вдовушки сберутся весной в хоровод в белых кисейных рукавах да в стандуплевых или в штофных сарафанах, как лазорев и маков цвет, любо посмотреть!

Недалеко от Курчаваго жила молодая вдова Марина. Год, почитай, она жила с мужем, и, поговаривали, извела его. Суровая была, а красивая: сдобная, чернобровая, черноглазая,

лице, что твой фарфор, а румянец во всю щеку так и играл, и играл; и взгляд был пронзительный. Она в хоровод не ходила, а редко, в праздник после обеда выдет за ворота, сядет на завалинку, да издали на хоровод и любитесь, да все смотрит и смотрит на Ивана Курчаваго и теперича, если заметит, что котора девушка ему приглянется, так вся и покраснеет, до ушей разгорится, а уж глазами так на него взмахнет – кажись, готова съесть. Такой-то у ней был взгляд: насквозь человека пронзит. Иван Курчавый, бывало, даже побледнеет. Диковинное дело, какие глаза бывают! От инаго глазу захворать даже можно. У меня бабушка хорошо от глазу лечила: почерпнет с молитвой ковшичек чистой воды, положит туда из горнушки холодных углей, прочитает три раза «Богородицу», да нечаянно и sprysнет водой, чтобы у тебя от испугу мурашки по телу забегали – ну, и легче от этого. И глаз глазу рознь бывает: от синаго глаза – холодные угли, как горячие шипят. У нас была золовка Овдотья, так та теленка сглазила: на другой же день околел. И глазищи у ней были серы, ехидны этаки. Ну, вот видишь ли ты, должно быть, Марина этого Ивана Курчаваго любила и ревновала ко всякой девке и бабе, и, поговаривали, что он к ней, Марине, по ночам похаживает и с ней любитесь. Это отцу с матерью стало известно, и задумали они сына женить, и нашли они ему невесту хорошаго роду и племени и богатых родителей – девицу красивую, степенную. Только что узнала Марина и начала колдовать, и чего только не делала, по розсказам, так индо ушеньки вя-

нут. Вынимала она у невесты и следы, и на кладбище его хоронила, и на соль-то наговаривала с причитанием:

– Боли у раба Божия Ивана сердце обо мне так жарко от печали, как соль эта будет гореть в печи.

Роскалит печку до красна и туда наотмашь и бросит горсть этой соли, а то, слышь, снимет с себя ношну рубашку, обмакнет в пиво или в вино, выжмет, да помоями-то этими и напоит его. Это все не действовало. Она взяла да из восковой свечи вынула светильню, отрезала ленту коленкору и написала на коленкоре:

– Гори сердце у раба Божия Ивана обо мне, как эта свеча горит перед тобою, Пресвятая Богородица!

Да свечку-то у Спаса запрестольной Божьей Матери и поставила. Так эдаким родом она Ивана Курчаваго к себе приворожила, что стал он Марину во сне видеть и только ей грезить. Ну, родителям не хотелось ее себе в невестки брать; боялись Марины, али хотели взять за него девицу. Верно что девицу, потому ее всякий муж по своему карахтеру может переделать, а вдову не перевернешь, все равно, что упряму лошадь. А у Марины знали, что у ней карахтер крутой был, и она старше годами была Ивана Курчаваго и что-что красавица, все-таки вдова, а не девка. Поди ты, что эта Марина с Иваном Курчавым наделала! Беды! На другой день рукоблудья приехал он домой от невесты, отпрег лошадь, поставил в конюшню и вошел к себе в избу. Отец с матерью посмотрели на своего Ивана и с диву дались: бледный, помучнел весь, а

глазами так страшно ворочает, словно что потерял да ищет. Спросили его:

– Что с тобой, Ванюша?

А он как бросится с хохотом из избы в сени за дверь и давай руками-то все шарить. Отец с матерью перепугались, видят: дело худо, их Иван сбесился, а он с конюшни бросился на сеновал. Они там его и заперли, вскричали соседей, чтоб им помогли его связать, кабы он чего с собой и с ними не поделал. Тут пришли человек пять соседних извошиков и ломовых, и выездных, кое-как стащили с сеновала за руки и за ноги, а он бьется, брыкается, удержать не могут и пять человек. Вот так силища была! Несмотря, что извошики парни дюжи – молодец к молодцу, кажись, по сажени в плечах будет, а он их так на себе и носит. Кое-как связали возжами руки назад, повалили на спину; один стал держать его за руку, другой рукой придавил ему брюхо, а трое стали ноги вязать. Как он плечами-то поднатужился да ахнет – возжи-то, как нитки, хрустнули! Не знают что с ним делать. Случился тут у Курчавых Чувашенин (с хлебом к ним приехал), подошел к извошикам да и говорит:

– Надевай, ребя, на него хомут вон с моей-то потной лошади.

Те рты разинули, молчат.

– Надевай, знай надевай! Небось не тронет! Хозяин-отец! Ищи бабу брюхату, вели ей Ваньку держать за хомут! Смирней будет, все пройдет! Над ним гораздо баба шутила, ишь

шайтана в него садила!

И случись тут моя матушка, царство ей небесно, из-за калитки смотрела как Иван Курчавый бесится (а она, слышь, мной беременна была), давай ее упрашивать, чтоб она подержала. Ну, баушка и соседки уговорили ее, чтобы она помогла спасти душу христианскую. Обрядили Ивана Курчавого в хомут с шлейей, как лошадь; мать стала держать – не шелохнулся даже; появилась у рта пена, отерли. Стал засыпать и захрапел, а Чувашенин все что-то бормотал и заклинал шайтана. Оставили Ивана в хомуте до утра, и спал он до полудня. Проснулся как угорелый и спрашивает:

– Где я?

Сняли с него хомут, вошел он в избу, перекрестился, сел за стол, попросил квасу, напился. Его стали расспрашивать, что с ним случилось, он все и рассказал.

– Еду, – говорит, – от невесты, на Завьяловой горе меня и встретила Марина и говорит: Ванюша, домой что ли едешь? Домой, – говорю. Довези меня, голубчик. Садись, довезу. Кое о чем с ней поговорили насчет себя, и я ее привез с себе домой, да за дверь в конюшню и спрятал, чтобы не видал никто. А потом стал Марину искать, и так и сяк – нет, не могу найти. Дальше что со мной было и не помню. Ивану Курчавому полегчало, зато Марина заболела. Ударит ее, говорили, чертова немочь и лежит Марина без языка, вся бледная и простоволосая, а груди на себе руками так и теребит, рубашку в лоскутки изорвет... Билась, билась, да в день свадьбы

Ивана Курчаваго в Волгу и бросилась. Как сумасшедшая выбежала на берег нагишом, косы распущены – и поплыла на середину, да там на дно и опустилась. Искали и неводом и снастями – не могли найти. После слухи пошли, что Марина оборотилась русалкой, да по вечерам и выходит на берег. Сядет на огрудок или на конец плота и все моет голову, да расчесывает свои косы, а сама смотрит в избу, где живет Иван Курчавый с молодой женой. Потом вдруг застонет да заохает жалобно-прежалобно и бросится в воду со всего маху. Многие ее видели, даже слышали как она горько плачет и поет заунывно тихо – индо сердце берет:

Ах ты, Ванюшка,
Ты мой батюшка!
Ты меня разлюбил,
Ты меня погубил!
Ненаглядный ты мой!
Дорогой ты мой!

Стали про Марину-русалку поговаривать в городе. И Иван Курчавый слышал, что Марина от любви к нему утопилася в Волге, стала русалкой и живет в страшном омуте, где и в бурю и в тихую погоду вода как в котле кипит, белый вал ходит. Ну, будто бы Марина-Русалка с каким-то седым стариком в этом валу и появляются и лодки опрокидывают. Рыбаки поговаривают, будто видели Марину-Русалку на песках против Симбирска. Плывет, кажется, лебедь тихо, выйдет на песок,

взмахнет да ударит крыльями и превратится в красавицу бабу и развалится на песке как мертвая. Вечерком многих пугала.

А Ивану Курчавому что-то не жилось с молодой женой, хоть и красавица была, да видно душе не мила. Начал все тосковать и повадился в полночь один одинешенек на бударке ездить к омуту с гусями, да играть разны песенки. Сам то заплачет, то засвищет, то как лешой захохочет, то затынет заунывную песню, да таким зычным голосом, что она по всей Волге так и разольется:

Изсушила меня молодца
Зла тоска жестокая!
Сокрушила меня молодца
Моя милая, сердешная,
Моя милая, что задушевная!
Ты возьми, возьми моя милая,
Меня в Волгу матушку глубокую,
Обойми меня рукою белую,
Прижми к груди ты близехонько,
Поцелуй меня милехонько...

Ну, слышь, Марина-Русалка вынырнет из воды, бросится в лодку к Ивану Курчавому и давай с ним миловаться да обниматься и хохотать, да так страшно! Ездил, ездил Иван Курчавый в полночь на омут, да так и след его простыл: ни его, ни бандуры не нашли, только весла да лодка у берега.

Осталась его молодая жена, стала по мужу плакать да тосковать и раз, слышь, он ночью к ней приходил и сказал:

– Не тужи обо мне, женушка, Мне с Мариной жить на дне Волги-матушки весело: меня полюбил Водяной Волнок, угощат меня разными яствами и питиями и живет он во дворце изумрудном и все просит ему играть на бандуре. Заиграю – он распляшется со всеми женами русалками, а как перестану – остановится. Обещал наградить меня на этом свете: отпустить вместе с Мариною – моей полюбовницей. Никому только ты об этом ни-ни, не сказывай!

После этого видения вдова Ивана Курчаваго вдруг сделалась при смерти больна, да родным и розказала, что она своего мужа ночью видала. Как розказала, у ней язык отнялся и тут же дух вон.

(Записано со слов симбирской мещанки Екатерины Григорьевны Извощиковой и сообщено М. И. Извощиковым)

Водяные шутовки

Портной обругал свою жену в неудобный час, послал ее к шутам. Было около полуночи баба вышла по нужде во двор и пропала. Искали день, два, неделю, а баба как в воду канула. По совету добрых людей стали отчитывать, подавать милостыню. Через несколько недель в полночь же, подкатывает к избе телега и что-то с треском сбрасывает. Выходит портной из дому, глядит – это его жена, худая и измученная. На

расспросы его и домашних рассказала, что когда муж обругал ее непригожими словами, вышла во двор, окружила ее какая-то невидимая сила и повела со двора вон, привели к реке, ее потянуло в воду и оказалась она в гнезде шутовок. Живут они, как и мы, в избе, стряпают едят, прядут, шьют, одним словом, делают все как и у нас. Живут артелью одни шутовки. По ночам ходят по деревням и заходят в те избы, где за стол садятся не молясь, бросают на стол куски, смеются за едой, не зааминивают окон и дверей. Там они забирают всякую еду к себе, воют по избам в свой час, уводят проклятых детей и больших, которые им поддадутся. Сначала с бабьей обращались хорошо, а когда стали молиться и подавать милостыню, то принялись озорничать, морить голодом. Наконец, когда заморили, привезли и бросили к избе.

«Нечистые места» есть около каждой деревни: там водится нечистая сила, которая старается погубить крещеную душу. Такой славой пользуется «Большое болото», около которого видали огни в ночное время, слышали крики и т. п. По середине болота вроде пруда. Подойти к воде можно только по лавам, положенным через кочки. Купаться здесь боялись, были несчастные случаи, кого за ногу схватил, кто утонет. Но все же находились смельчаки, которые иногда купались, но надо было избегать полден и темного времени. Раз молодой парень пошел купаться, прошел лавы и видит, что на том берегу сидит голая девка и моет голову. Он задумал ее напугать, обошел кругом болото, близко подкрался к ней и закры-

чал. Девка в воду и больше не появлялась. На кочке остался кусок ноздреватого мыла. Парень сначала думал, что девка утопилась, долго стоял над водой, видел только как вода заходила и долго волновалась. Взял кусок мыла, пошел на деревню, ни у кого такого мыла нет и ничья девка не купалась. А это была шутовка, у ней и одежды-то никакой не было.

Про домового

Домовой

1898 г. сентябрь. Недавно мне пришлось слышать рассказ о домовом. Молодая баба, уроженка дер. Саломыковой, Фекла Алтухова, рассказала мне случай, бывший с ее невесткой. У этой невестки был трехлетний сын, здоровый, славный мальчик. Однажды ночью мать этого ребенка была разбужена стуком отворяемого окна. Открыв глаза, она увидела влезавшего в окно «хозяина», то есть домового. По виду он был похож на человека, одет «по-мужицки», на голове у него была огромная шапка, которую он не снял и в избе, а лица нельзя было разглядеть благодаря темноте. Влезши в окно, он подошел к лежанке и лег, вытянувшись во весь рост и низко свесив голову с лежанки. Бедная баба лежала ни жива, ни мертва. Потом, собравшись с духом она начала звать Феклу, когда та проснулась она попросила ее открыть трубу, так как из печи будто бы идет угар. Фекла встала, зажгла лампу. Домовой исчез. Угара в печке не оказалось и невестка призналась Фекле, что она позвала ее потому, что ей было очень уж страшно и рассказала ей о неожиданном посещении «хозяина». Вскоре после этого происшествия сын Феклиной невестки заболел и через несколько времени умер. Появление до-

мового было принято бабами за предсказание смерти ребенка. Фекла сообщала мне еще, что домовый – или «хозяин», или еще «милак» – живет на чердаке – «на потолоке» – но ходит по всему дому и двору и «вещует», то есть является предупредить людей о приближении какого-либо несчастья.

Раньше я слышала, что при переходе в новую избу домового зовут с собой, «зазывают его». Я начала спрашивать жену школьного сторожа.

– Скажи мне, Максимовна, как у вас зазывают домового, когда переходят в новую избу?

Старуха сначала отнеслась недоверчиво к моему любопытству.

– Не знаю, – отвечала она, – я молодая была, когда наши переходили в новую хату, может, старики и звали его как, не слыхала... А что?

– Да мне в Шелковке сказали, что его «зазывают», а я не поверила. Значит, неправда?

– Ды нет, гаворят надо зазывать... (Старуха, видя, что я спрашиваю серьезно, сделалась доверчивее). Вот как совсем перейдут у новаю хату, да придут у стараю, памолютца Богу и кличут «хозяина»: «Хозяин! Хозяин! От нас нятбивайси, пайдем с нами у новаю жилишшу...» Тах-та штоль, я не знаю...

Максимовна вдруг оживилась:

– Ен вот кого любя, усе кукобя,²²¹ – заговорила она довер-

---

²²¹ Кукобить, т. е. заботится о благосостоянии хозяев.

чиво и благодушно. – Лошадей и увесь скот жалея, кормя, лошадям коски заплетая, – так гривы позавьют-ца... Как мы уместя жили,²²² дык раз што было. Мужики, балча,²²³ днем паложут лашадям корму, а ночью каму хотьца на гарот ит-тить? – Дык они днем свяжут визанку саломы, ды на тилегу на двор паложут, а повичерявши,²²⁴ атнясут лашадям. Вышал раз мой девярь,²²⁵ слухая – хтой-та саломой шумить?

– Хтой-та?

Малчить.

– Мишка!

Малчить.

– Степка!

Малчить.

Пашел ен у хату. А ребята усе у хатя.

Што за казия!²²⁶

– Ребята, вы у хатя?

– У хатя.

– Хто ш эта\$7

– Вот, хозяин-то у нас какой! Скатину как любя, сам и корм нося... А вот куго ен не залюбя, дык возьмет, увес весь корм из ясел повыгрибя, да чужим атнисет, а свай не евши...

---

²²² Вместе жили три брата с семьями: ея муж и его два брата.

²²³ Бывало.

²²⁴ Поужинавши.

²²⁵ Брат мужа.

²²⁶ Что за оказия!

И бьет их... Усе падохнут.

– А если он не влюбит какого-нибудь человека, что он делает? – спросила я.

– Да, гаварят, наваливайтца ночью, али шшипя (щиплет). У мене невестка, дык уся у синяках, бала (бывало), ходя. Ды дужа (очень) шшипя, ажно кровь почернея...

– Что же далать, чтобы он не щипал? – опять спросила я.

– Ды хто зная, – отвечала Максимовна, – Ды ана балыматная (легкомысленная, пустая) была, нивеска мая: усе, бала, с салдатами, с палюбовниками... Нехорошая баба, Бох с ей. Туго (оттого) ие хозяйин и шшипал.

– А вот у суседей наших «напушшено» было, – начала опять Максимовна, – хтой-то сярдит на их был, ды «изделал». ²²⁸ Дык суседка сама видела двоих (домовых): адин у синей рубахе, другой – у красной, да пириметьваютьца.

– Как это «переметьваются», – спросила я.

– Ды тах-та абнимутца, да павалютца абои, а потом ускочут, схватютьца, да апяць павалютца: играют. Дык у их вся скотина подохла, ничего как есть во дворе не было. Напушшено. Кто слово зная, ды сдурить, а чалэку ат етага плоха.

– А как это, говорят, домовой «вещует»? – снова спросила я.

– Бувая... Мая сяструшка сказывала: как узять ие мужа у солдаты, дык хозяйин по ем голосил. Вот завтра иго везть, а нынча ани пашли у клетку спать. Мужик-то выпил – то-то

---

²²⁸ Колдовством «напустил» чужих домовых, которые не заботятся о хозяйстве.

прошшалси со сваими – храпить, а сяструшка только стала дремать и слыша: хтой-та у клетку дверь растворил и лез им по нагах, патам зли стеначки прашел, у галавах астанавилси и начал голосить. Слов не выгаваривая, а только голосам: у-у-у, у-у-у... Как вот бабы голосют. А сяструшка мая уробела, байтца мужа пазвать, да усе иго пад бок – толк, толк! А ен храпит, не слыша. Как праснулси ен, а она:

– Ох, Ликсан (Александр)! Што ш ты\$7

– А што?

– Ды у нас у галавах штой-та галасило усю ночь...

А раз со мной была оказия, – продолжала разболтавшаяся старушка. – Начивала я у хатя адна как есть – наши были на поля. Задула свет, легла на печь, лежу и слышу: падшел ен к столу, узял са стола ножик – я, знать, забыла прибрать, ды тах-та ножиком:

– Дзы-ынь!.. Дзы-ынь!..

А потом как шварсня (швырнет) ножик наземь! А я лежу ни оторопь мне не взяла, ни што. Только думаю, што ш ета \$7

– Няставляй ножик на ночь на столе – грех!..

А старик сторож, муж Максимовны, сообщил мне, что он слышал, как «хозяин» прял на приготовленных прялках в то время, когда все спали.

Про кикимору

Про кабачную кикимору

В одной дистанции стоял кабак на юру близ оврага, и овраг-то обсыпался, так что кабак чуть лепился на овраге. В этом селе были большие базары по понедельникам и пятницам и шла в кабаке большая торговля вином, но ни один целовальник не мог долго усидеть в кабаке: постоянно проторговывался и разорялся. То находили у них недочет в деньгах, а главное дело – большую усышку вина и разсыропку, так что в откупной конторе все этому дивились, и еще тому дивились, что все целовальники рассказывали, как ровно в двенадцать часов кто-то у них вино цедит и, когда зажигали свечку, то видели карбыша, который бег от бочки и скрывался под полом в нору. Откуп кому ни предлагал сымать кабак, все отказывались. Даже даром предлагал кабак, без всякаго залогу, но никто не сымал. Предложили одному пьянице и моту, и несколько раз оштрафованному, и пойманному в приеме краденых вещей. Он был в крайности, потому что промотался. Не имел себе пристанища и ходил из кабака в кабака, а был человек семейный, очень неглупый и отчаянная голова. Он согласился взять кабака, хотя и слышал много страшных рассказов об нем. Кабак стоял заброшен. В

первую ночь, когда он поселился в нем, он приготовил соляную свечку, спичек, положил топор на стойку, выпил полштоф вина и лег спать.

– Ну, – говорит, – теперь хоть сам черт приходи, никого не боюсь.

Спустя короткое время он услышал, что кто-то вино из разливной бочки цедит. Он быстро зажег свечку, взял топор, подошел к бочке, осмотрел ее. Видит, что она не повреждена: печати все на ней целы, а кран заметно полуотворен. Постучал он топором в бочку и по стуку определил, что будто вина меньше, сорвал печати, накинул мерник, видит, что трех с лишком ведер нет. Он удивился и выругался как ему хотелось.

– Чорт, что ли отлил! Покорись мне! Ведь я чертей-то не боюсь: до чертиков-то я раз десять напивался. Не привыкать стать мне вашего брата видеть!

Тут он услышал под полом треск: стала выворачиваться половица и стало вырастать из-под пола странного вида дерево. Все растет и растет, распространяются ветви, сучья и листья, закрывают почти что весь кабак и склоняются над его головой. Целовальник, собравши что есть силы, взмахнул топором рубить дерево и говорит:

– Ну, так, брат, вот как по-нашему! Я тебе удружу!

В эту минуту топор его как будто во что воткнулся, он не может его сдвинуть и чувствует, что какая-то могучая рука удерживает топор. Целовальник не струсил.

– Пусти, – говорит, – меня! Я знаю, что ты чорт! Пусти!
Я все-таки буду рубить!

В это время слышит над своей головой тихий и кроткий голос:

– Послушай, любезный, меня. Не руби ты дерево, это я.

– Да кто ты?

– Я тебе скажу. Ты со мной уживешься, мы будем с тобой друзьями, и ты будешь счастлив.

– Да кто ты? Говори скорей! Пусти топор, я хочу выпить.

– Ну, брат, поднеси и мне.

– Да как я тебе поднесу, когда я тебя не вижу?

– Ты меня никогда и не увидишь, только когда с тобой прощаться буду, может, покажусь.

– Правду ли ты говоришь?

Целовальник почувствовал, что кто-то топор пустил, зашел за стойку, взял штоф вина и хотел из него наливать, голос ему и говорит:

– Послушай, любезный, ты много теперь не пей. Для нас довольно и этого полуштофа. Вон возьми вон этот, у которого горлышко проверчено, в том, брат, вино-то хорошее, еще не испорчено.

– Да как ты это узнал? Я принимал, все полштофы были целы...

– А ты ходил опускать вино-то мужику-то, тебе нарочно дистаночный его и подменил, чтоб узнать наперед будешь ли ты здесь мошенничать.

Целовальник взял этот полштоф, посмотрел со свечкой на его дно и увидел, что действительно на дне проверчена дыра (чтобы можно было отлить и впустить туда, а после воском залепить).

– Ну, чортова образина, теперь я верю тебе, что ты – чорт.

– А ты не ругайся, мы с тобой будем друзьями, ты угости лучше.

Целовальник налил два стакана, взял свой и выпил, сам скосился и смотрит на другой и видит: стакан поднялся сам собой и так в воздух испрокинулся, как кто его пил, и так сухо, что капли не осталось, только кто-то крикнул.

– Ну, брат, спасибо за угощенье.

– Спасибо-то спасибо, а ты мне розскажи кто ты.

– Я тебе, брат, расскажу, слушай! Я – сын богатых родителей и сын купеческий, проклятый еще в утробе матери, и вот теперь скитаюсь по свету и около тридцати лет не нахожу себе пристанища. Отец меня проклял ни с того, ни с сего, а мать поклялась своей утробой в нечестивом деле (они душу человеческую сгубили, отравили своего родного брата, чтобы воспользоваться его богатством). Так вот я кто такой! Теперь дальше слушай! Ты каждый день в двенадцать часов дня и ночи ставь за заслонку по стакану вина и пресную на меду лепешку. Этим я буду кормиться, а ты себе торгуй, не бойся ни поверенных, ни дистаночных, ни подсылных, а я тебе об них буду говорить; за десять верст ты будешь знать, кто едет и кого подослали, чтоб тебя поймать в разливе ви-

на, а теперь ложись и спи! Только, брат, образов не заводи и молебнов не служи и как я отсюда уйду через год, так и ты уходи, а то худо будет тебе. Слышал?

– Слышал.

– Так и поступай.

Целовальник выпил еще вина и лег. Посмотрел на дерево, оно стало меньше, все ниже и ниже, скрылось под полом и половица опять легла на свое место, как ни в чем не бывало. Целовальник затушил свечу и заснул.

На другой день был базар. Он поутру встал рано и увидел, что у него открылась хорошая торговля, и он, полупьяный, целый день хорошо торговал, ни в чем не обсчитался. К вечеру проверил выручку и смекнул, что торговля шла на удивленье, а что говорил ему проклятый, он это все и исполнил, и с этого дня целовальник стал торговать так хорошо, что все его товарищи стали ему завидовать. Он никогда не попадался ни под какой штраф, несмотря на то, что постоянно продавал вино рассыропленное, и заблаговременно знал кто из дистанчных или поверочных придет к нему его ревизовать. Удивлялись его аккуратности, его ловкости, его честности и больше всего тому, что целовальник, хотя пил вино, но пьян не напивался. Прошел год. Наступила полночь. Целовальник по обыкновению спал на стойке и проснулся. Слышит вдруг голос:

– Ну, прощай, брат, я ухожу. Ты завтра же откажись от кабака и прекрати торговлю!

– Ну что ж. Покажись мне!

– Возьми ведро воды и смотри в него!

Целовальник взял ведро воды, а в другую руку свечку и стал на воду смотреть. Он увидел в ведре свое лицо и с леваго плеча – другое лицо красиваго человека средних лет черноброваго, черноглазаго, а в щеках как будто розовые листочки врезаны.

– Видишь ли?

– Вижу, какой ты красавец.

В это время кто-то вздохнул и раздался голос:

– Не родись ни хорош, ни пригож, а родись счастлив.

Все пропало. В печной трубе раздался страшный вопь и плач. Целовальник все-таки не послушался и на другой день торговал по случаю базарного дня и хотел еще зашибить копейку, но несмотря на то, что в течение года нажил мошенничеством и приемом краденых вещей до двух с лишком тысяч. В этот же день дистаночным был оштрафован на двести пятьдесят рублей, сдал должность и навеки отказался от торговли вином. Перестал пить, купил себе постоялый двор и сделался набожным человеком.

(Записано и сообщено М. И. Извоицковым)

Два брата

Жили-были двое братьев – один бедный, другой богатый. У беднаго была только одна корова. Богатый раз пришел к

бедному: «Убей корову, шкура на базаре пятнадцать рублей, а мясо ни по чем». Бедный обрадовался и убил, мясо оставил себе, а шкуру пошел продавать. За шкуру ему дают полтора да два рубля. В последней лавочке он продал за три рубля, при этом вырядил стакан водки. Купец послал его к своей жене. А у купчихи в это время сидел любовник. Как только бедный отворил дверь, любовник скрылся. Он сказал купчихе, что хозяин велел налить стакан водки. Купчиха налила неполный стакан на палец. Мужик выпил и сказал: «Мне хозяин велел полный налить». Купчиха налила полный, мужик выпил. Вдруг хозяин идет с гостем. Купчиха мужика вместе с любовником посадила в подполье. Купец заказал самовар. Гость напился допьяна и они запели песню. А бедный в подполье и говорит: «Я подхвачу эту песню, эта песня моего родителя-батюшки». Любовник стал просить мужика, чтобы молчал, и дал денег. Между тем гость запел другую песню, эта песня оказалась песней родимой матушки и мужик за молчание опять получил деньги. После второй веселый гость затянул третью песню. Мужик заявил, что это песня его любимая, и что он непременно запоет. Любовник заплатил мужику еще больше за молчание. Голос умолк. Мужик и говорит: «Я есть хочу, пора и выходить до каких пор мы будем сидеть?! Иди проси подушку да ведро смолы». Любовник отворил западню и сказал: «Дай ведро смолы да подушку с перьями». Она дала. Мужик вылил смолу на любовника, обвалял его в перьях и сел верхом на него и вывел его в комнаты.

Купец, увидав это, испугался, купчиха говорит мужу: «Разве я тебе неправду говорила, что в подпольи у нас кикиморы живут?! Вот кто у нас и деньги таскает». Отворили дверь, и те выехали на улицу... Мужик слез с кикиморы, толкнул ее и пошел домой и позвал к себе богатого брата. «Смотри, брат, как дороги шкуры-то! Я счету не могу дать деньгам». Богатый пошел и перебил всю свою скотину, мясо оставил про себя, а шкуры повез на базар. Но шкуры совсем сделались дешевы, и он спустил их по полтине за шкуру. Оставшись без скота и без денег, он совсем обеднел и стал хуже, чем его бедный брат жил раньше.

Про банника

Про бани

/1. Одна девка безстрашная в баню пошла. «Я», – говорит, – «в ней рубаху сошью и назад вернусь». Пришла в баню, углей с собой взяла, а то ведь не видать ничего. Сидит и раздувает их. А полуночное время. Начала наскоро рубаху сметывать, смотрит, а в корчаге угля маленькые чертенята раздувают и окола нея бегают. Она шьет себе, а они уж кругом обступили и гвоздики в подол вколачивают. Вот она и начала помаленку с себя рубаху спускать с сарафаном, спустила да в сшитой рубахе и выскочила из бани. Наутро вошли в баню, а там от сарафана одни ключья.

/2. Муж с женой в баню пошли. Только муж помылся да и хочет идти, жену кличет, а та не хочет: легла на полок парится. Вдруг у окна чорт закричал по-павлиньему. Муж-то выбежал и вспомнил вдруг про жену, бежит назад, а уж его не пускает нечистый-то. Одну женину шкуру ему в окошко кинул. «Вот», – говорит, – «твоя рожа, а вот – женина кожа!»

/3. Один безстрашный тоже в баню пошел, да долго оттуда и нейдет. Пошли к дверям звать его, а его не пускают. Стали в дверь стучать, а ему только больнее от этого. Зовут его, а он и говорит: «Вот», – говорит, – «мне сейчас гроб дела-

ют». И слышат снаружи, что в бане пилят и стругают, и топором стучат. Он кричит: «Вот теперь», – говорит, – «зако- лачивают». И слышно как гвозди вбивают. Утром вошли, а он мертвый в гробу среди бани.

(Записано в Симбирске)

14. Стояла у нас на Курмышке (в Симбирске) баня в саду. Осталась после хозяйки умершей дочь-невеста. Все она об матери плакала. И пронесся слух, что мать ей по ночам зме- ем летает. Прилетит это к полуночи и над трубой разсыплет- ся. Похудела, бедная, изсохла, ни с кем не говорила и все в полдни в баню ходила. Стала за ней ея тетка подсматривать, зачем это Душа в баню ходит. Раз досмотрела и услышала, что она с матерью-покойницей говорит: «Не скажу, мамынь- ка, никому! Я так рада, что ты ко мне ходишь». Тетка ти- хонько отошла от бани, а Душа вернулась в горницу такая веселая, только бледная, ни кровинки в лице. «Ты, Дуня, не скрывай», – сказала ей тетка, – «что видишься с матерью в бане». Девка взглянула на нее и закричала недаровым матом: «Ты, проклятая, меня извести хочешь, задушить хочешь!» – «Ты не сердись, Дунюшка, я тебе с матерью видится не за- прещаю». Уговаривать ее принялись. Девка вдруг повеселе- ла и все тетке рассказала. Как только она тетке все рассказа- ла, в самую полночь девку в постели мертвой нашли. Пошел слух, что Душу мать убила, и даже сама старуха-обмываль- щница говорила, что на груди у Души видела два пятна, слов- но они нарисованы, точь-в-точь крылья ворона, а это значит

мать-то в виде змея прилетала и дочь-то за то убила, что та тетке проговорила. Сам я этого змея видел, как он Веригиным садом пролетал и над баней розсыпался. После смерти дочери дом и сад остались заброшены, окна в доме заколочены и никто не покупал, а место было хорошее. Все чего-то боялись. Играли раз в саду днем ребяташки и раз, играючи, распустили слух, что в бане видели чертей, банных анчуток, кикиморами что прозываются. Мохнаты, говорят, а голова-то гола, будто у татарчат, стонут... Стон в бане многие соседи слышали, особенно бабы да девки. И пошла про баню дурная молва, и ходить садом ночью бояться (а через сад был ход со второго Курмышка на первый и на Большую улицу, а Кирпичной-то улицей, знаешь, дальше обходить). Прошло с год время, стали о бане забывать. Вдруг оказия случилась, одну девушку выдавали замуж на Курмышке: бедную нишенку за солдатику. На девишник баню истопили, пошли девки с невестой мыться, размывать ей усы, да из бани-то все нагишом и вышли в сад на дорогу и давай безобразничать и беситься: котора пляшет и поет, что есть голоса, похабшину, которы друг на дружке верхом ездют, хоркают по-меренячи... Ну, их смирили, перехватили, отпоили молоком парным с медом. Неделю хворали, все жаловались на головную боль. Думали – девки белены объелись, смотрели – нигде не нашли, решили, что это анчутки над ними подыграли. Баста с тех пор эту баню топить. Да на ярмарку кто-то и вздумай ей воспользоваться. Один печник, слышь, кутила

был (Бубловым прозывался), сорви голова такой – и пошел в нее первым. Поддал, помотал веник в пару, хватъ – с него дождь льет, взглянул, а он в сосульках! Как бросит веник и с полка и хмыль нагишом домой. Прибежал в горницу в чем мать родила без стыда, без совести. «Теперь верю», – говорит, – «у вас черти в бане живут». – «Это тебе попритчилось, видно?» – «Чего попритчилось? Шут с ней и с баней-то вашей!» И рассказал. Сходили за его рубахой и штанами, а они все в лепетки разодраны. Так все и ахнули. С той поры баню забросили, а дом Верегиных, как кто не купит, с год поживет – покойник в семье. А как наступила весна, все видят, то утром, то в полдни, то вечером бегаёт по саду здоровенная нагая баба. Бросятся с дубьем ее ловить – она убежит в баню. Ищут, ищут – нет! Так года четыре продолжалось. Купил дом плотник, сломал он и дом, и баню, все перебрал, и с того времени как рукой сняло.

(Слышано от симбирского мещанина Ивана Андреевича Извощикова. Сообщено М. И. Извощиковым)

Бывальщина

Один устьцылем жил в работниках у пустозеров на Пылемце.²²⁹ Хозяин все ходил в баню один. Работник и спрашивает:

---

²²⁹ Деревня.

«Ты пошто-ино один ходишь? Возьми меня».

– А ты не забоишься-ле? Ко мне из под полка человек выходит. Ты с ума сойдешь.

«Нет, я не боюсь, не сойду с ума».

– Ну пойдём.

Роботник пошел, стал мытця, а из под полка страшной старик и вылез. Роботник им веники распарил, оба они и мылись, а потом старик скатился под полк.

Про овинника

Девичий вечер

Собрались деуки на святки в одну хату на игрище. Собраушись и давай одна одное загонуть. Спорили, спорили. Одна девушкя-сиротка, у ей мачеха была. «Кто», – говорят, – «деуки, сходит в овин за колосником у двенадцать часоу?» – «Да что ж делать?» – сирота эта, – «Я схожу». Ну и пошла. Приходит в овин только за колосник – цап ее за руку! «Стой, девушка, чтой-то на вине сидит?» – «Лен». – «А как это лен работают?» И стала йона ему, шуту, указывать: «Вот придет весна, станут землю пахать, пашут долго-долго... Ну, успашут... тогда заборонуют... боронуют долго-долго... (это она нарочно тянет, чтобы уремя протянуть). Заборонуют, тады лен посеют, тады опять заборонуют... лен растет долго-долго... тогда уремя придет, поспеваает лен, станут его брать... берут долго-долго... выберут, составят у бабки... йон долго выстайвается... Свезут тады на вин, смолотят, постелют... йон лежит долго-долго... уложится... подымут йго, поставят у кукишки, йон сохнет долго-долго... Потом его посодют на вин, начнут мять долго-долго... потом трепать... треплют долго-долго... (йона это усе время проводит); помочут на мычке... мочут долго-долго... а потом прясть начнут; сосну-

ют кросна, выткнут кросна, наделают холстин, выбелют, белят долго-долго... Тады рубашки станут шить, шьют долго-долго...» – «Полно тебе говорить! Пойдем!» – «Нет, погоди! Что ж я с тобой пойду? Я теперь не бодра, надо мне прежде набодриться». – «А что ж тебе бодриться?» – «Надо мне перво наперво самая хорошая рубашка». Йон ей подает рубашку. «А теперь надо мне хороший сарахван». Йон ей дает сарахван. «Теперь надо мне хорошую подпояску». Йон ей пояс подау. «Погоди, теперь надо хороший платок». Принес. «Надо и другой...» Йон и другой принес. «Теперь же мне надо полсапожки». Йон подает. «Девушка, иди за мене замуж!» – «Тогда мне надо перстень хороший». Йон несет. «А теперь мне надо сережки хорошие...» Покуль йон сережки разыскау, петух и запеу. Пришла сирота домоу, колосник узяуши, деуки еще в избе сидят. Мачеха и кричит: «Дура! А пришла барыней! Заутра моя дочка пойдет». На другой вечер дочка ейная собирается. «Иди, иди, эта дура да прийшла, ты прийдешь лучше ея». Прийшла в овин одна, овин открыла, а ее за руку – цап! «Стой, девушка, пойдешь ли за мене замуж?» – «Пойду». – «Чтой-то на вине сидит?» – «Да лен!» – «Как же йго работатъ?» – «Да как же? Успашут, посеют, выберут, помолотят, постелют, помнут. Потреплют, срядут, соткут». Наговорила поскорей, зараз усе. «Пойдешь за мене замуж?» – «Да!» – «А что тебе надо-то?» – «Рубашку, сарахван, подпояску, платок, полсапожки, чулки, перстень, сережки». Опять усе зараз сказала. Взяу, повеу ее шут, у про-

лубъ засадиу уверх нагами. Пришла матка, а йона у пролуби сидит, залилась. Увеу ее, значит, шут.

Про черта

Чорт Гришка

Идет бедный молодец. Тридцать лет прожил и все не женат, и думает себе: «Ах, да хоть бы меня чорт женил!» Вот является перед ним чорт Гришка.

– А что тебе, добрый молодец, чего нужно?

– Да вот жениться хочу.

– Айда, я тебя женю.

И пошли с ним. Чорт Гришка и говорит:

– Ступай домой, вари пиво и чего у тебя нет, скажи только:

Ах, где-то мой братец Гришка?

Пришел молодец домой; у не было матери и подумать с ним некому, а жениться хочется. Посидел, да и думает:

– Где-то мой братец Гришка?

– Я, брат, здесь!

– Хочу пиво варить, да не из чего.

Гришка солоду несет, муки везет. Солоду принес и муки привез, наварили пива, сделали всем диво. Гришка и говорит:

– Айда ка, брат, в омут за невестой!

Подводит братец Гришка к темному омуту и говорит:

– Садись на меня и мырнем!

Бултых! Сидит красная девица. Гришка и говорит:

– Возьми-ка, брат, красную девицу, прокляненую. Когда в баню мать пошла, тогда дочку прокляла. Садись на меня, я тебя женю!

Вот он подхватил девушку, сел на Гришку да и поехал. Приехал на вольный свет, красну девицу привез. Красная девица из хорошего была дома, утомленная, прокляненная, а чорт ее из воды взял и молодчику отдал. Их обвенчали, к молодому в дом помчали. У молодого дома нет ничего и сказал молодой:

– А где-то мой братец Гришка?

– Я здесь.

– Братец, гостей подчивать нечем.

Гришка пошел, от богатого мужика всего принес: и чашки, и плошки, и шалфетки на столе. Пришли женки из богатого дому глядеть; одна и говорит:

– Ах, невестка, да шалфетка то моя!

Вот Гришка на брусу сидит и говорит:

– А вот это не беда, что шалфетка-то твоя, да и дочка-то твоя. Ты в баньку ту пошла и дочку прокляла, а сама без памяти домой побрела. Это твоя дочка. Она больно молодушка, обрадовалась, за молодых больно хваталась.

– А что ты, – говорит молодница, – добрый молодец, где ты эту шалфетку взял, а невесту где украл?

– Я не украл, а мне брат Гришка дал.

А брат Гришка на брусу сидит, он и в трубочку курит.

– А что, тетенька, о чем болишь, о чем заботишься? Ведь шалфетка то твоя, и блюда ти твое, и стаканчики твое, да и дочь-то твоя! Она из воды прибрела. Как ты в баню-то пошла, дочь то прокляла, еще она маненька была.

Вот она слезами залилась, за доченьку схваталась. Доченька испугалась, от матери убежала, к мужу подбежала.

– Ох муж, мой муж, я не знаю, как быть и кого мне любить: не знай мамыньку, не знай тебя.

Отвечает молодец:

– А где Гришка, братец мой?

Сидит Гришка на брусу, он и трубку курит.

– Я здесь. А вот будь твоя жена!

Тут и теща-то была, и рюмочки пила, свою дочку пропила. Будет, брат, да и прощай! Живи, не тужи!»

(Абрам Новопольцев)

Мужик и чорт

Мужик у чорта денег просил; ну тот дал взаймы.

– Когда же отдашь?

– Да я тебе душу отдам.

– Когда же к тебе придти?

– Да через три года.

Пришел чорт через три года.

– Ну, давай, мужик, душу!

– погоди, дай, пообедаю.

Пообедал.

– Ну, как же будем душу вынимать?

– Она сама выйдет, погоди.

Вылез из-за стола, потянулся, да как п. . . . .

– На, лови!

Чорт руки растопырил и диву дался – что это у него за душа: вокруг носу вьется, а в руки не дается.

– Ну, у меня другой, – говорит, – нет. Ступай!

(Абрам Новопольцев)

Солдат и чорт

Стоял солдат на часах и захотелось ему на родине побывать.

– Хоть бы, – говорит, – чорт меня туда снес!

А он тут как тут.

– Ты, – говорит, – меня звал?

– Звал.

– Изволь, – говорит, – давай в обмен душу!

– А как же я службу брошу, как с часов сойду?

– Да я за тебя постою.

Решили так, что солдат год на родине проживет, а чорт все время прослужит на службе.

– Ну, скидывай!

Солдат все с себя скинул и не успел опомниться, как дома очутился. А чорт на часах стоит. Подходит генерал и видит,

что все у него по форме, одно нет: не крест на крест ремни на груди, и все на одном плече.

– Это что?

Чорт и так и сяк, не может надеть. Тот его в зубы, а после – порку. И пороли чорта каждый день. Так – хороший солдат всем, а ремни все на одном плече.

– Что с этим солдатом, – говорит начальство, – сделалось? Никуда теперь не годится, а прежде все было в исправности.

Пороли чорта весь год. Изошел год, приходит солдат сменять чорта. Тот и про душу забыл: как завидел, все с себя долой.

– Ну вас, – говорит, – с вашей и службой-то солдатской! Как вы это терпите?

И убежал.

(Записано от П. С. Полуэктова, в Симбирске)

Кузнец и чорт

Жил был кузнец, молодой парень, и работать был горазд, и водочку любил выпивать, и деньги мог добывать. Как придет в кузницу, положит на наковальню уголь, ударит молотком и говорит:

– Хлоп, да чорта в лоб!

Каждый день все хлоп чорта в лоб: весь ему разбил. Так чорту досадно, что хочется ему кузнеца поймать. Вот у кузнеца детей не было, он взял, да ему мальчишку и привел, и

отдал ему в дети. Рос он (чертенок-то) не по дням, а по часам и вырос большой. Кузнец его поит, кормит, как родного; а все как ни придет, все уголь на наковальню кладет, все хлоп чорта в лоб. Вот этот чертенок такой стал мастер, лучше отца. Еще подъезжает сейчас к кузнице дьявол на тройке и привез старелаго самага, чуть ползат, дьявыла. Тацит его в кузницу переделывать молодым.

– Переделай, – говорит, – мне этого старика молодым! Сколько хочешь бери!

– Нет, я не могу.

Сын и говорит:

– Тятенька, я могу.

Сейчас велел отцу привезти кадушку воды. Кузнец привез. Сын ввалил дьявыла в горн, раскалил его как огненного, ввалил на наковальню и начал молотком дуть. Жарил, жарил, бултых его в кадушку! Лезет он оттоль такой-то молодчина!

Сатана денег им несколько дал и увез молодого назад. Сын и говорит:

– Что, тятенька, выучился старых молодыми переделывать?

– Не мудрено, сынок.

– Я пойду, – говорит сын, – на базар. Если привезут опять старого дьявыла, ты его переделай.

Ушел из кузницы и пропал. На тройке опять дьявол летит, везет стареущаго дьявыла.

– Переделай, кузнец его! Одного переделали, переделай и

мого. Бери что хочешь!

Кузнец сам дьявила тащить не может, разогрел пудовку углей и говорит:

– Тащи его в горн!

Дьявил втащил и брякнул его в горн. Дьявил зеват: его жжет. Кузнец сожег дьявила и кости прямо в кадушку. Дожидались, дожидались, а он оттоль не вылезат. Набегло дьявылов и несколько; подхватили кузнеца и потащили, да и говорят:

– А, топерь-то ты нам попался! Вот топерь не станешь говорить: хлоп чорта в лоб!

Взяли его и бултых в воду. И утонул кузнец.

(Абрам Новопольцев)

Чорт и козел

Бог человека по своему образу и подобию создал, и чорт тоже захотел сделать: написал и вдунул свой дух. Выскочил козел рогатый – чорт его испугался и попятился от козла. С тех пор он и боится его. Вот почему в конюшнях козля держат, и на коноводных тоже, где бывало пар до ста лошадей, всегда козла держали. Он – чортов двойник.

(Записано от П. С. Полуэктова, в Симбирске)

Как чорт ангелом стал

У чертей старшие есть и младшие. Первые приказания отдают, а вторые исполняют. Вот раз чертенку дали приказ пакость какую-то сделать, а он и не исполнил. Ну, ему сейчас под железные прутья должно воротиться. Испугался он и давай Бога молить:

– Господи, коли ты меня от железных прутьев избавишь, никогда пакостничать не буду!

Бог его и не оставил: спрятал чертенка в церкви, под плащаницу. Черти его и не могли найти, бросили искать. Стал после этого чорт ангелом и возрадовались и на небе, и на земле.

(Записано в Симбирске)

Настасья прекрасная

Не в котором царстве, не в котором государстве, именно в том, в котором мы не живем, жил был царь, а у этого царя были сын да дочь: сын – Иван-царевич, дочь – Марья-царевна. И был у этого царя круг (кругом) дворца прекраснейший сад; в этом саду беседка, а у беседки стоял на часах один солдатик очень красивый собой. Приходила в этот сад прогуливаться одна енеральская дочь. Влюбилась она в этого солда-

тика; постоянно придет к нему, посидит, поразговаривает и отправится домой. Царь это дело сметил, приходит к солдату и говорит: – Слушай, служивый! должно быть, тебя любит эта енеральша? – Точно так, ваше царское величество, у нас с нею любовь происходит третий год.

Однажды царь прогуливался в саду и явилась тут енеральша. Захотелось царю склонить ее к себе в любовницы, но она ни на что не соглашается. Царь разсердился на нее и говорит: – Ах ты, подлая! солдату...! – Как! я солдату...? – Сейчас отправилась к солдату, приходит и говорит ему: – Что же, служивый, вы какими словами похвалитесь, будто я вам...? Солдат очень испугался, да от робости и сказал: – Да как же не...? Конечно...! – Ну так хорошо! Сейчас отправилась домой и обсказала своему родителю. Тот приказал посадить солдата в темницу. А была в него давно влюблена Марья-царевна, но не могла найти способа с ним сблизиться. Теперь же нашла легчайший способ: сделала к солдату подземный ход и стала ходить каждый день. Солдату отлично стало жить, только что не на воле.

Вот вздумалось царю женить своего сына. Стали свататься за тридевять земель в тридесятое царство к Настасье прекрасной и та была согласна идти за царевича с тем только, чтобы он отгадал одну загадку. Прислала она в чемодане саблю и нужно было отгадать: в котором конце носок и в котором рукоятка.

Приходит Марья-царевна к солдату и обсказывает ему об

этом деле. Солдат говорит ей: простая штука отгадать: опустите чемодан в молоко; в котором конце руковятка, тот и повернется кверху, так и отпишите, будет верно. Опустили чемодан в молоко, – верно сбылось по-солдатову. Отписали туда обратно. И присылают опять оттуда 12-ть голубей, и нужно узнать который из них старший; голуби были сизые.

Марья-царевна приходит к солдату и говорит ему: опять пришла загадка: 12-ть голубей и нужно узнать, который из них старший. Солдат отвечает: насыпьте пшеницы и пустите голубей; все голуби будут клевать, а один меньше; он будет ходить да ворковать круг их, так вы его и заметьте; будет верно. Заметили голубя, отправили обратно, вдруг оттуда письмо, чтобы сам Иван-царевич приезжал. Иван-царевич собрался в путь и отправился. – Приходит Марья-царевна к солдату и говорит: – У нас отправился далеко братец Иван. Отвечает ей солдат:

– Ежели меня не будет там, так ему не воротиться домой. – Ах! как же так! поезжай туда, я тебя отсюда выпущу...

Вышел солдат из темницы. Дала ему Марья-царевна денег на дорогу; солдат купил себе приличное платье, пошел по кабакам и набрал себе 12-ти пьяниц. Пьяницы и говорят: – Что прикажите, хозяи, делать?

– Что делать? ничего, только вино пить.

– Ах, брат, житье важное!

Отправились в путь дорогу. Много ли, мало ли отошли они места, только солдат увидал: дерутся на дороге два чер-

тенка, делят после деда-прадеда шляпу-невидимку и не могут разделить. Солдат подошел к ним и говорит: полноте вам драться, давайте я вам разделю. – Раздели, брат, пожалуйста! Солдат взял ружье, зарядил порохом. – Вот я хлопну, так бегите; который этих порошинок больше насбирает, того и шляпа – Хлопнул из ружья, черти побежали. Надел он шляпу-невидимку, пошел к пьяницам и хлопнул одного шляпой. Пьяницы начали драться. Солдат снял шляпу. – Ребята, что вы, тише! Пьяницы начали друг на дружку жаловаться:

– Он мне дал оплеуху! – Другой: он мне дал оплеуху, вот и драться стали. Солдат угостил их водкой.

Пошли дале. Опять на дороге дерутся два чертенка. Солдат подошел к ним. – Об чем, ребята, деретесь? – Делим скатерку-самоварку, два года не можем разделить. – Давайте, я разделю. – Раздели, брат, пожалуста. Опять солдат зарядил ружье, хлопнул из него. – Ну, ступайте, бегите, собирайте эти порошки, который скоряе сосбирает, того и скатерть. Черти убежали, солдат взял скатерку и ушел к своим товарищам. Раскинули скатерку. Всего стало довольно и водки и кушанья.

Опять пошли вперед. Идут дорогой и опять солдат видит: дерутся два чертенка. Подходит к ним. – Об чем, ребята, деретесь? Вот делим после деда-прадеда ковер-самолет, три года не можем разделить. Солдат зарядил ружье, хлопнул из него. – Бегите скорее, собирайте эти порошки, который скоряй сосбирает, того и ковер. Черти убежали, а солдат взял

ковер-самолет и отправился к своим товарищам. Угостивши их, раскинул ковер. Сели они, полетели подобно из лука стреле пущенной, сразу преставились в то царство, где была Настасья прекрасная, и спустились в сад. – Еще Ивана-царевича и слуху не было. Солдат и говорит своим товарищам: – Слушайте, ребята, будут вас спрашивать, так вы отвечайте, каждый про себя, я большой-набольшой. Вдруг из дворца увидели, что прилетел жених на ковре по воздуху; сказали Настасьи прекрасной, та пошла встречать и говорит своим придворным: однако, хитер жених! – Приходят туда и видят: все пьяны. Начали спрашивать: кто из вас большой? Все в один голос отвечают: я большой-набольшой! так и не могла ничего добиться. Настасья прекрасная приказала принять их во дворец: потом сама я узнаю, кто из них старшой!

Пьяницы пришли во дворец, начали там пировать, а Настасья прекрасная приказала постлать в комнату одну перину. Пьяницы уснули кто где, а солдат лег на перину. Вдруг ночью приходит Настасья прекрасная, взяла и отстригнула у солдата угол у жулетки, а сама ушла.

Солдат, проснувшись и заметив это дело, взял у всех отстриг углы у жулеток. Утром приходит Настасья прекрасная и спрашивает: кто, господа у вас большой? Пьяницы все в один голос отвечают: я большой, я большой! Подходит она к солдату. – Вот он над вами большой! Тут пьяницы ее спросили: почему вы замечаете? – Я вечер вот угол отстригла от жулетки. Пьяницы посмотрели: также и у них нет углов. –

Нет, это не правда; вот и у нас углов нет. Настасья прекрасная видит: толку нет, приказала их прогнать в шею.

Солдат с пьяницами отправился в город и нанял квартиру. Вдруг приехал Иван-царевич. Началась пушечная пальба, по всему городу стало известно, что приехал настоящий жених. Настасья прекрасная собралась и пошла встречать со всем своим прислугам. Встретили Ивана-царевича, прияли во дворец и начали водить его по комнатам. Привели его в одну комнату, в которой между окон была решетка вроде копий, а на каждом копье человечья голова. Вот и говорит Настасья Ивану-царевичу: «Иван-царевич! вы две загадки отгадали, так я согласна идти за вас замуж, только с тем, что сошьете вы мне платье под венец такое точно, какое и я сошью, чтобы материя одна была, ширина одна и длина и к завтрашнему утру чтобы было готово».

Иван-царевич пошел по портным, по портнихам, только его дураком называют: почем мы знаем, какое она сошьет! – Идет он городом со своим адъютантом; попадаетея им на встречу старуха. – Что баушка, не знаешь ли какойнибудь портнихи или портнаго хорошаго? – Нет, родимые не знаю; сходите, вот недавно приехали какие то пьяницы, спросите у них, они народ дошлый, небось и знают. – Иван-царевич отправился на квартиру к пьяницам, приходит туда, а там песни, пляска, драка, что такое и сочиняется! И спрашал у них: послушайте, господа! кто из вас большой! Все отвечают: я большой и я большой! Царевич посмотрел и от-

правился обратно, вдруг солдат выбегает за ним. – Вам что угодно, Иван-царевич? – Вот, что брат, земляк, не можете ли пожалуйста сошить платье: какое царевна шьет, такое и мне нужно. Всех, обошел портных, никто не берется. – Что ж, я возмусь и сделаю, только подпишите треть царства. Царевич переговорил со своим адъютантом – Ну хорошо, с нашей стороны будет готово, только пожалуйста изготовьте к завтрашнему утру. Царевич отправился к себе на квартиру, а солдат надел шляпу невидимку и пошел во дворец. Пришел туда, где платье шилось, только что его кончили. Солдат сидит, вдруг является Настасья прекрасная. И приказала одной фрелине надеть. Та надела и прошла по полу. – Ну где ему дураку сошить такое платье! Фрелина сняла платье, положила в сундук, а Настасья прекрасная ушла. По уходу ея, солдат взял платье себе под пазуху и опять сел. – Через несколько времени хватились платья, а его нет; опять взяли скроили по той же мерке из той же материи и давай шить скорей; сразу кончили. – Солдат отправился домой. Утром является царевич и спрашивает: что, изготовили? – У меня готово, как у вас? – У нас тоже. – Ну, так пожалуйста документ, Царевич подал документ, а солдат ему платье. – Ступай, неси, только не кажи ей, пускай она наперед свое покажет.

Царевич пришел к Настасье прекрасной.

– Ну что же, изготовили?

– У меня готово.

– Так покажите. – Нет, вы наперед покажите, потом и я

покажу. – Царевна надела платье и прошла по полу. – Ну вот у нас какое! Царевич вынул свое – точно такое же. – Ну, Иван-царевич хитер, только кто у тебя хитричает? Еще сделай мне башмаки, такие же, какие и я сделаю. Иван-царевич отвечает: ну хорошо, приготовлю.

Распростившись с Настасьей прекрасной, отправился опять с адъютантом по сапожным мастерам, но ни один не берется. – Черт ее знает, какие она сошьет! Адъютант говорит царевичу: пойдём-ка опять к пьяницам. Приходят к пьяницам, спрашивают большого, – все в один голос: я большой, я большой! Солдат выходит опять к Ивану-царевичу.

– Что вам Иван-царевич, нужно? – Да вот что: нужны башмаки, не можете-ли пожалуйста сделать? – Отчего, могу, только треть царства отпишите; приносите утре (завтра) документ – и получите башмаки.

Царевич отправился на квартиру; солдат пошел во дворец. Приходит туда, там башмаки совсем сделали, поставили на шкаф. Солдат взял их и отправился. Там после него хватились башмаков – нет. Что же такое? Не чорт ли у нас уносит? давай опять кроить и шить новые; сразу изготовили.

Царевич приходит утром, приносит солдату документ на треть царства, отдает, а солдат ему вручает башмаки.

– Ступай, неси, только не кажи, наперед пускай она свои покажет.

Приходит царевич во дворец. – Изготовили ли? – У нас готово. – Ну так покажите-ка! – Нет, вы свои наперед пока-

жите. Царевна вынула из шкапа башмаки. – Ну вот у нас какие! – Иван-царевич вывязал из платка и подал свои башмаки. Царевна посмотрела и сказала: – Ну хитер Иван-царевич, только не знаю, кто у тебя хитричает. Ну, теперь когда сделал башмаки, сделай то, что я сделаю в сегодняшнюю ночь.

Царевич пошел и задумался очень тяжело; и говорит своему адъютанту: ну тепериче куда пойдём? – Пойдём опять к пьяницам, они не помогут ли?

Приходят туда. Вышел к ним солдат.

– Что вам требуется, Иван-царевич?

– Да вот что Настасья прекрасная приказала сделать в сегодняшнюю ночь то, что она сделает; не может ли какнибудь устроить? – Отчего не могу, только пожалуйста документ на треть царства, приходите утре.

Царевич отправился на квартиру, а солдат во дворец, только подходит ко дворцу и видит: стоит тройка коней; и выводят Настасью прекрасную завязанную платком. Фрелины с причетами сажают ее в карету, и солдат с ней сел. Кучер повез неизвестно и куда, только подъехали к морю, где стояла шлюпка. Настасья прекрасная вышла, села в шлюпку, и солдат сел тоже, поехала на остров, который недалеко был от берегу; приехала на остров, села и давай причитать. – Ах, друг мой, выйди, простися со мною в последний раз. Вдруг море заволновалось и вышел оттуда водяной царь, с нею поздоровался, также прослезился. – Ну, прощай моя дорогая любовница, не видаться нам будет никогда! Царь лег к ней

на колени, она начала у него искать в голове и выдернула золотой волосок. Солдат захватил за волосье, целую горсть вырвал. Царевна посидела со своим любовником, простилась, села в шлюпку и поехала. Солдат также сел с нею. Вдруг видеть: плывут в море два селезня. Царевна поймала одного, а другого солдат схватил, вышли они на берег, сели в карету и поехали домой.

Встретили царевну фрелины. Входит она в залу в веселом виде и солдат вошел с нею, опустила селезня и приказала убрать как можно лучше. Взяли селезня, начали унижать разными лоскуточками; солдат тоже стал украшать своего. Те убравши селезня, опустили на пол; солдат посмотрел: у него хуже убран селезень; взявши своего опустил, ихняго взял, завязал в платок и отправился домой.

Утром рано является царевич. – Ну что, брат сделали? – Сделал. На тебе селезня и горсть золотого волоса, а мне пожалуйста документ. Царевич отдал документ и пошел во дворец. Встретила его Настасья прекрасная. – Ну, Иван-царевич, сделал ты то, что я сделала? – Я не знаю, покажите наперед, что вы сделали. Царевна приказала опустить селезня. – Ну, у вас есть-ли такая штука? – Царевич развязал узел и опустил своего селезня, гораздо превосходнее ихняго. – Ну хитер Иван-царевич, не знаю только, кто у тебя хитричит. Потом вынимает из кармана золотой волосок. – Ну, у вас есть-ли такая штука? – Иван-царевич вынял и подал целую горсть волосья. – Ну, Иван-царевич это последняя тебе моя

загадка, так давай, собирайся как можно скорее, поедем в твое царство венчаться. Царевич сразу в поход изготовился и отправился. А солдат не торопится домой, знай кутит со своими товарищам, много прокутил времени после них потом сказал: – Ну, друзья, и нам пора отправляться. – Расчитались за квартиру честно-благородно, вышли за город, сели на ковер самолет и сразу представились в свое царство, еще Ивана-царевича и в слухах нет. Тут солдат наградил всех пьяниц деньгами; те отправились по питейным домам: еще не все там были забраны пьяницы; увидались со своим друзьям. Те и спрашивают: – Что брат, где пропал, тебя не видать было? – Не говори брат, были в таком месте – черт знает, где и были!

Солдат в это время опять нарядился в солдатское платье и сел в темницу. Приходит Марья-царевна и спрашивает: благополучно ли съездил и про брата тоже.

Приезжает Иван-царевич. Встретили его с пушечною пальбою и так как к свадьбе все было готово, то на другой день и обвенчались. От царя вышел милостливый манифест, чтобы всех пленных из заключенных мест освободить, а про солдата совсем забыли.

Марья-царевна и говорит своему отцу: – Дрожайший родитель! Что же вы всех пленных освободили, а есть один солдатик заключен в темнице, – что же ему милости нет?

– Ох дрожайшая дочь! Ладно, что напомянула, а то я совсем про него забыл.

Сейчас приказ вышел: освободить солдата. А Марья-царевна заранее сказала ему: когда выйдешь на волю, являлся бы на свадьбу. – Солдат по выходе оделся как можно лучше и отправился во дворец на свадьбу. Принят он был в лучшем виде, наипаче от Марьи-царевны. Отошло венчание, съехались гости, и пошел пир на весь мир. Как распировались, солдат подходит к царю и подает ему три документа. Царь прочитавши про себя, обратился ко всем посетителям своего дому и начал читать вслух. Прочитавши все документы, проводил свадьбу. После свадьбы призывает к себе сына.

– Ну сын мой любезный, вы отправляйтесь в то царство к своей супруге, здесь тебе не принадлежит ничего, потому что ты сам подписал три трети царства.

Царевич отправился с Настасьей прекрасной в ее царство, а старый царь отдал Марью-царевну замуж за солдата. Солдат стал жить да поживать, царством управлять.²³⁰

Страшный ребенок

Жили были мужик да баба. Жили они богато, только детей у них не было, а детей иметь им очень хотелось. Вот баба и пошла к колдуну и рассказала про свое горе и просила помочь ей чемнибудь. Колдун и дал ей два корешка и сказал: съешь эти корешки в полночь с мягким хлебом и станешь

---

²³⁰ Ср. Афанасьев. Русс. ск. II. № 33 Вещий сон. Ред.

беременна. Баба съела корешки и вскоре действительно забеременела.

Как-то мужику понадобилось ехать в город и баба осталась в доме одна. Наступил вечер. Бабе стало страшно одной, она и пошла к соседям, чтобы позвать когонибудь ночевать к себе, но никого не могла найти. Делать было нечего, вернулась домой и легла на печь. В полночь у ней родился ребенок. Она спеленала его и положила к себе на колени. И видит: ребенок смотрит на нее так, словно съесть хочет. Испугалась она, положила ребенка в зыбку, а сама стала молиться Богу. Вдруг слышит, кто-то постучался у окна. Баба обрадовалась и спрашивает: кто там? – Странник. Баба побежала отпираться. Странник вошел в избу и улез на печь. За ним улезла и баба и спряталась за него. И видит она: выскочил ребенок из зыбки и тоже лезет на печь и говорит: я тебя съем! Но старик перекрестил его и ударил по голове. Ребенка не стало, а – на полу очутились два корешка. Старик взял корешки, сжег их на огне и пошел вон из избы.

Работник

В одной деревне жил муж с женой и дожили они до глубокой бедности: больше стало жить нечем. И говорит мужик бабе: ну, баба, я пойду поряжусь к богатому мужику в работники. Пошел и порядился, взял задатку 15 руб. и скоро прожил эти деньги, пошел порядился к другому и у другого

взял 15 руб., и эти прожил, пошел к третьему и у третьяго порядился, взял 15 руб. и эти прожил.

И пришлось мужику сходить к обедне. Пришли и те мужики богатые в церковь. Жили они между собой дружно и завели разговор; один другому начал сказывать: вот что, братцы, я этта (недавно) порядил работника какого, да вон он стоит! – Да как же, и я его порядил! Третий: и у меня порядился! Поговорили мужики промеж себя, работнику ничего не сказали, а он слышал ихние разговоры, приходит домой и говорит своей жене: ну баба, я теперь пойду и поряжусь работать к чорту.

Пошел в лес и попадается ему чорт навстречу, спрашивает: куда мужик пошел? Отвечает ему мужик: в лес дрова рубить. – Так вот что: порядись ко мне в работники. Мужик отвечает ему: с удовольствием, очень рад. – Так приходи завтра в такое-то место, об цене нечего разговаривать, я ценой не обижу.

Пришел мужик к чорту работать. Чорт напоил его водкой. – Ну ступай, ложись спать, у меня ни один работник до троих суток не работает. – Вот прожил мужик трои сутки; на четвертая встал его хозяин по утру рано, разбудил работника: ну-ка, работник, пойдем в лес, нужно срубить три осины толщиной вершков в 16-ть, длиною шести сотен и сделать через реку лавы.

Вот взяли по топору и пошли в лес; у чорта топор был весом фунтов в 30-ть. Пришли в лес и начали рубить оси-

ну; чорт как начал хвостать – сразу половину пересек, а мужик не может и корки сбить. Срубили они осину, очистили прутья, нужно тащить ее. Чорт и говорит своему работнику: ну, брат, давай, потащим осину на реку; взял под комель, а мужик не дает ему, говорит: отойди, чахоточный, прочь, где тебе унести, ступай, берись под вершину. – Делать нечего, чорт пошел к вершине, поднял вершину и давай подбираться. Мужик кричит: молодец хозяин, давай еще маленько! – Чорт поднадал (подвинул на себя), осину всю и поднял. Мужик вlepил топор в осину, сам сел на комель. – Ну, хозяин, пошел! – Чорт попер осину, до того, что пристал (устал). – Ну, казак, давай отдохнем! – Ну, какой тебе отдых, давай, тащи, урод! Делать нечего, не хочется чорту поддаться мужику, пошли опять вперед. Притащили осину на реку. Чорт и говорит работнику: ну, казак, давай, кидай! – Нет, хозяин, стой, дай перебраться, у нас с тобой не на одном плече. И свернулся мужик с комля. – Ну, хозяин, кидай! – Чорт бросил осину и сам свалился. – Что же ты, хозяин? – Я пристал, ступай ты обедай, а я отдохну здесь, Мужик приходит обедать и спрашивает его чертовка: что, брат, где оставил хозяина? – Он, чахоточный, притащил бревно, свалился, на реке лежит, поди только не околет.

Работник пообедал и лег спать на повети в сани. Чорт пришел домой и жалуется своей хозяйке: ну, баба! вот так работник! Я то ли не едрен, он меня втрое едренее, надо его ужо ночью убить, а то жить нам будет плохо.

Мужик выслушал чортовы разговоры, дожил до вечера, поужинал, пошел спать. В сани положил ступу и окутал тулупом, а сам лег на сено. Вот чорт встал ночью, взял сорок пудов палицу и пошел бить казака. Подошел к саням и брякнул по ступе так сильно, что ступа прискочила ударилась в верх стропила. Чорт с радостью пошел к себе в избу и говорит своей жене: ну, баба, так треснул казака, нани (даже) он вверх вылетел. А казак, вставши утром рано, пошел преспокойно в избу. Чорт увидел казака, очень испугался и говорит ему: что, казак, не знаешь, что так шибко треснуло вечер на дворе? А казак отвечает: тебя надавало с хорошей-то постройкой, – должно быть лопнула стропила.

И говорит чорт своей жене: ну, жена, давай уедем из дому вон, пускай здесь живет работник один. Забрали они все деньги – он в один мешок, а чертовка в другой. А казак к чорту в мешок и залез. Потащил чорт мешок; казак разрезал мешок и видит, что чорт тащит ихним полем и стал говорить: стой, брат, хозяин, тебе от меня не уйти! – В испуге чорт не понял того, что мужик сидит в мешке и бросил мешок. – Давай, баба, кидай и ты! И чертовка бросила свой мешок и побежали неизвестно куда. Мужик, взявши мешки с деньгами, притащил домой и первое его было дело – заплатить долг богатым мужикам, потом завелся хозяйством и стал жить в лучшем виде, а чорт к мужику не показался ногой.

Про чорта и пастуха

В одной деревне чорт все воровал скотину. Вот и порядился такой пастух, что уж не даст чорту украсть чтонибудь, порядился на три дня по сту рублей на день. – Выгоняет он в первый раз скотину, чорт и выходит из озерка. – Пастух! давай, говорить, мне самолучшую корову! – А пастух говорит: нет еще, погоди, не дам! – А ты что делаешь? спрашивает чорт пастуха. Пастух говорит: вью веревки. – На что веревки? – А море морщить, да вас чертей в одно место корчить. Чорт сейчас и бросился в озерко, там пересказал своему дедушке: ох, говорит, какой теперь стал пастух, не дает мне и скотины-то! Он веревки вьет, хочет море морщить, да нас чертей в одно место корчить. – Дедушка подумал да и говорит: видно удалый пастух! иди-ка с ним врядки (бегать взапуски, причем линия бега обоих должны быть параллельны) побегай.

Вышел чорт из озерка и говорит пастуху: давай врядки бегать! – А пастух отвечает: охота мне врядки бегать! у меня есть младен двух ден, и тот тебя обгонит А где же он? – А вот пойдем, так укажу. – А пастух знал заячье лежище (логовище) в одном кусте и привел чорта к лежищу. – Вот лезь в куст, он выскочит так и бегай с ним врядки! – Чорт сунулся в куст, выгнал зайца и зачал бегать. Только заяц бегаёт как попало, туды да сюда, а чорт кричит: врядки, врядки!

Опять чорт пошел к своему дедушке и стал рассказывать: ой, дедушка, говорит, у него есть младенец двух дней, и тот меня обогнал, а сам он со мной еще и не бегал. Нам бы такого порядить в работники, так чтобы он нам и наделал! – Так иди, поряжай, не порядится-ли?

Вышел чорт на берег, а пастух тут и стоит. – Пастух, порядись к нам в работники, говорит чорт. – Порядите. – И порядился к чорту за 300 руб. на год. Оставалось ему еще два дня в пастухах прожить, и уговорились они с чортом заранее, что чорт выйдет на берег встретить.

На четвертый день приходит пастух, чорт его и встретил и повел лесом. Привел на место и пошли они на другой день дерево рубить. Пришли к толстущей осине. Стал чорт рубить осину и живо срубил. И спрашивает чорт: всю ли вдруг нести или мелким потащим? – Всю вдруг унесем, говорит пастух. Навалил он на чорта комель, а сам держится сзади за прутья. Тащит да тащит чорт, так что в поту весь. Оглянется на работника и спрашивает: что не устал? – Нет, не устал. – А я так сильно устал. – Иди под комель, а я стану под вершину. – А я не знаю здесь дороги, так давай повернемся, ты иди под вершиной вперед. Навалило на чорта всю осину, а сам сел на комель.

Не дотащили осину, бросили и пошли оба домой. Пришли и говорит чорт своему дедушке: ой дедушка, это нам не работник, он меня замает: я в поту тащу, а он все идет в леготе; надо его рассчитать, а нет, так зарезать.

Пастух это слышал, положил на свою кровать корыто и закрыл его, а сам лег под кровать. Чорт ножик наточил, бежит и начал корыто резать, а пастух под кроватью хрипит, будто он зарезан.

Ушел чорт в избу, а работник и идет к нему. Старый чорт и говорит; нам тебя не надо, рассчитаем тебя. Рассчитали его, отдали деньги за весь год, пастух и пошел. Пошел только не знает, как из лесу выйти, заблудился совсем. Трои сутки блудился, увидел дуплю (полое дерево), влез на нее, чтобы посмотреть, не видно ли где жила (жилое место) и провалился в дуплю. – Просидел он тут трое суток, не евши, и думает, что уж смерть.

Вдруг слышит: народ круг (около, вокруг) дупли заговорил. Какой-то мужик подошел да и колонул по дупле обухом. А пастух и забучал, будто что улей. Мужик и давай рубить дуплю, подрубил дуплю, а пастух как закричит; ох ты! мой дом рубить! я тебе дам, постой-ка! Мужик испугался и – унеси Господи! а коней тройку тут и оставил. Пастух вылез, сел на коней и поехал домой.

(Записано со слов крестьянина Кадниковскаго у. Замошской волости Ник. Васильянова)

Мужик и бес

Жил был мужик, пошел он к озеру деньги хитростью наживать. Сел к озеру и давай веревку из конопельца скать. Бес

выходит из озера: «Че делаешь?» – А веревку ску. «Зачем?» – Озеро лажу моржить. – «Не моржи мужик, я тебе куцю денег дам». – Тащы давай. – Мужик шапоньку снял, дыру вырвал в ей и шапочьку над ямой устроил, Бес тащыть денег подолом. «Давай, сыпь деньги». Бес высыпал, деньги в яму ушли, шапка неполна. «Бежи, другой подол тащи». Опеть побежал бес – в яму боле не ушло, шапка наполнилась. Бесу стало деньги жаль. «Давай мужик палицу вверх метать, хто выше высъвиснеть тому и деньги». – Тащы давай. – Притащил бес палицу. «Мечи мужик». – Нет, ты мечи. – Бес свиснул, высоко палича улетела. Бес мужика наряжат, мужик паличу шевелить не можот. «Обожди, говорит мужик, облако пройдет я на небо заброшу». Бес говорит: – Ради Бога, мужик, не мечи, меня дедко бранить станет. – Утащил бес палицу в озеро, вышол и говорит: «Станем на санках волочиться, хто доле песню споет, тому и деньги». Мужик согласился. Шишко санки притенул. Бес говорит: «Я седу на сани, ты мужик потени». Мужик потенул, беса поволок. Мужик волок беса, волок, не пристал, у беса были коротка песня. Мужик сел, бес поволок, мужик поет: «Вот люди, да вот люли»... Пел, пел, беса пристановил, бес говорит: «Ну, мужик, твои люли меня укацяли». Опять деньги мужику доставаютца. Бес деньги жалеет-бы. Бес говорит: «Давай мужик березу кулаком тыкать, которой проткнет, тому и деньги». Пока бес таскал санки к дедку, мужик нашол в березе – сук выпал, прикрыл берестом. Бес прибежал, мужик по готовой

дыры и проткнул, а бес стал тыкать не мог. Бес говорит: «Давай, мужик, пойдём в вашу деревню». Мужик собрал деньги в подол, пошли. У реки стоят две лодки. Бес надел их на ноги, мужик спрашивает: «Это што делать?» – А это моего дедка коты». – Пошли дальше, стоит баенка; мужик спрашивает: «Што стоит?» – Моего дедки шапка. – Взял да и наложил на голову. Идут в деревню, в деревне огни горят. Бес спросил: «Што светит?» – Бесов выживают. – Бес испугался, побежал упал и до смерти убилса.

Мужик и чорт²³¹

Однажды мужик на озере рыбу ловил, рыба не попадалась, он и подумал: «Хоть-бы черт мне дал рыбы-то!» Подумал и пошел домой. На дороге попался ему человек и говорит: «Что ты, мужик, думал?» – Ничего я не думал. – «Как ничего не думал? Вспомни-ко хорошенько». Тогда мужик вспомнил свою думу на озере, и говорит: – Я подумал: хоть-бы черт мне дал рыбы-то!» – «Это хорошо, а что от добра дашь?» – Рад-бы что угодно дать, да нет ничего, есть только чорный бык, я бы и того отдал. – «А обманешь?» – Нет не обманю. – «Хорошо, веди завтра быка». Назавтрие, по утру встал мужик, вспомнил о вчерашнем, и жаль ему стало быка, и дума-

---

²³¹ Архив И.Р. Географич. Об-ва. I. 57. Рукопись: «Различные сведения заимствования из местного быта жителей, населяющих Шихаловскую волость, Шенкурского уезда, Архангельской губернии». Священник К.И.Боголепов.

ет: «Дако, я пойду на хитрость: возьму худую веревку и привяжу к лесине». И как вздумал, так и сделал; пошел к озеру и привязал веревку за лесину, и пошел осматривать свои ловушки. Рыбы попало очень много. Выходит из озера черт и говорит: «Вот тебе рыба, а где же бык?» – Быка я привязал к лесине. – Пришли к дереву, за дерево одна веревка привязана; мужик и говорит: «Эх, брат, бык-то оторвался!» – Давай, делать нечего, смотри приведи завтра. – Мужик обрадел, снес рыбу домой, и назавтрие опять пошел на озеро, и опять привязал худой обрывок веревки за дерево и пошел смотреть ловушек. И опять увидел, что рыбы много, обрадовался и пошел было домой, а черт опять выходит из озера и просит быка. Мужик говорит, что бык опять оторвался. Тогда говорит черт мужику. «Смотри мужик, не обманывай, приведи суленаго быка, а не то тебе худо от меня будет». Приходит на третий день и видит мужик, что медведь на другом берегу озера кидается в воду и плывет, а черт выходит из озера и требует быка. Догадливый – мужик отвечает черту: «Быка-то я привел, да он опять оторвался, вишь вон плывет по озеру – хватай его скорее!» Тогда черт подбегает к берегу и хватает медведя, но одолеть не может. Выходит из озера другой черт и двольни (так) медведя ухаживают. Тогда первый черт приходит к мужику и говорит: «Ну брат, како у тебя бык-то, я один и справиться с ним не мог, а если-бы не пришел ко мне на помочь мой дедко, он меня уходил-бы; да он и дедушко-то моего так копытом стягнул, что чуть и

глаз не вытягнул».

Баба чорта обманула

Досюль мужик полесовау, захотелось ити ему в лесовую фатерку; на ниделю пошоу, взяу хлеб с собой. Вот он день ходиу, попауся ему ребок подпорчоный (гнус-мышь-подпортиу), захотелось ему поджарить. Пришоу к ночи в фатерку, рябка поджарить захотелось. Он его варит, чорт пихается в фатерку. «Ну, что, мужик, варишь?» – «Реба своево». – «А дай-ко мни ложку попробовать ухи», чорт скае это. Ну он и попробовау. «Ах, как уха хороша! Ты своего ряба варишь?» мужик сказау, что своево. «Ну, а какая уха хорошая, дай ко мни нож, я своево вырублю реба». Он и вырубиу. Стало ему тошно больне. А этот чорт пошоу в ледину, закричау во весь... (все горло). Ну, мужик видит, что беда, взяу собрауся совсем, давай домой ити ночью. Домой пришоу, баба блины пекет. «Что ты, мужик, шоу на ниделю полесовать, а сам сичас огворотиуся?» Ну мужик скаэ: – «Ну, баба, беда случилась, – так и так», говорит. Ну потом баба говорит: «Ну, мужик, одень мои платя, а я твои одену. Ты пеки блины, а я свалюс в постелю». Ну чорт и пришоу, мужик блины пекет. «Что, тетка, говорит, дома-ли твой муж?» говорит. – «Дома». – «Как же он заставиу моево парня ряб вырубить?» – «О, скае, как у моего мужика, скае, ряб вырублен!» скаэ. «Поди-ко, говорит, зажги огня, поглядим у нео» (баба лежит,

так чего...). Ну и пришли, посмотрели. «О, скаже, у мого сына по корешку вырублено, а у твого мужа логом взято». Чорт плюнуу и пошоу, ен его оставиу.

(Записана в с. Кондопоге Петрозаводского уезда от Феофана Алексева Пормакова (Бирина) 63-хлет)

Лихая баба и чорт

Была у мужыка лихаа баба, на лихую жонку попау. Ну и ен не може никак от ей сбыть, никак не може перевесть. Ходиу, ходиу ен день в лесях и приходит вецером домой и вьет веревку. Ена говорить: «Куды ты, говорит, муж, веревку вьешь?» – «Ой ты, баба, говорит, я ведь клад нашоу», говорит. Кошель сыскау и походит в утри. «Возьми, ска, меня». – «Нет, не возьму, ска, куды тебя». – «Нет, ска, пойду», говорит. «Ну, ступай, говорит, пойдём». Ен кошель за плеча да и веревку сенную положиу в кошель, и ены приходять к эхтой норы. И ен вяже веревку круг себя. Она говорит: «Ты куды веревку вяжешь?» – «Да, ска, по деньги надо опустить». Она, ска: «Куды ты, я сама пойду, тебя не спущу», скаже. И ен взяу веревку да ю и спустиу туды в нору-ту в эфту. Ена как сошла туды, так он слухаат, она с чертом дратця стала. Там писк, вереск и веревку трясет, избави Господи. Ен и потянуу оттуда: часика два ена там воевала с йим. Как потянет, ажно идет оттуль черт с рогама. А ен взяу да устрашиуся и назад стау опускать, «Вот говорит, ска, не спускай, сделай милость,

што хочешь, я тебе сделаю на век свой дружбу не забуду, а збав ты меня от лихой бабы, не спускай туды-ка». И ен его и вытащиу оттуль. Ен скаже: «Ну, поди за мной вслед теперь». Ну, и ены приходят в богатый дом. И ен говорит церт: «Я пойду, говорит на вышку, заберусь на ночь, буду ночь там лomotить (покою не давать), а ты коудуном найдись; поиди ночевать в тот дом. Ну а, ска, придешь как, говорит на вышку, проси, говорит, ты сто рублей денег с хозяев тых, а я пойду, говорит, на вышку, а ты придь да скажи: „я пришоу, ты вон пошоу“. Ну, и усмирило и тихо, смерно стало, боуше не шумит, и ему деньги отдали за это за коудосьво, што ен збавиу от беды. И ен говорит: – „Я аще пойду свыше этого к купью, я аще буду, говорит так же, ты опеть найдись коудуном“. И ен опеть так же это дело делаат: гремит, што думают хоромы розворотятця. Ну, и ен опеть пришоу так же. „Дядюшка, говорит, не знаешь-ли цего-нибудь, спокою не дае нисколько, однако хоромы розвороцяэ“. Ему опеть сто рублей дали, и ен опеть пришоу на вышку, опеть ска: „я пришоу, ты вон пошоу“. Ен говорит: „Ты больше за мной не ходи, двисти рублей наградили“. И ен опеть шоу в другое место, лomotит ноцьку и другу там, спокою не дае хрещоным. Ен больше... его и просят, он не смеэ ити тудыкова. Ну и потом говорит: „Возми што тиби надо, говорит, только збав от этой беды, третью ночь спокою не имеам“. Ну и ен на достатках боитця, хоть боитця, а пошоу к нему на вышках тудыкова. Он приходит на вышку, а ен кулак заносит на его. „Ты зачим, гово-

рит, сюда приходишь?“ надо его ударить (заносит руку-то)... А он говорит: „Смотри, говорит, деветь баб пришло таких, котораа одна тебя с норы выгнала, а таких деветь пришло“. Он ска: „О, батюшко, я уйду из граду вон и сы слыху вон уйду, только не допусти до меня этих баб лихих“, говорит. И ен ушоу сы слыху вон.

(Записана там же, от той же)

Чортов работник

Досюль жыу молодец в бедности и пошоу место искать. Ну, шоу, шоу, пришоу к одной фатерки. Ну, заходит в фатерку, тут живет одна вдова. Ну, «стой, тетенька, скае, нельзя ли ночевать?» – «Ну, можно, скае, можно, голубчик, ночовать». Ну, потом ночовау, утором походит. «Так куда, скае, ты добрый молодец, походишь?» – «Ну, а я, скае, похожу, место ищу, нельзя-ли в пастухи или куда-нибудь придатця». Ну, а она говорит: «Наймись ко мни в пастухи». Ну, он наня-уся к этой вдовы в пастухи, утром пошоу с коровамы в лес. Ну, она и говорит: «Ну, пастушок, скае, по всему лесу гоняй, вот в эту ледину не гоняй». А он этот день и не согнау, а на другой день на эту ледину и пригнау коров. Пригнау коров, потом сеу на клочек (мягкий бугорок), потом выняу у него тут хлеба из кошала, потом печеночку (репа испечона) стау йисть, а другую на камушок положиу. Вдруг приходит человек такой, што с лес долиной. – «Как ты, скае, смеу на эту

ледину пригнать коров?» Хватиу, взяу камень с зени. «Вот, скае, как я камень прижму в пясь (сплющу в пясти), так и тебя также, скае, схвачу и скотину всю съем». А этот пастушок хватиу печеночку с камня. «Вот, скае, я тебя прижму, што и сок побежит (а он думает – нечиста эта сила была, што этот камушок значит). Потом эта нечиста сила одумауся: „Нет, видно, этот порнее меня, я только камень сжау в одно место, а он совсем отменито сделау, у него и сок побежау“. Ну, этот чорт говорит: „Што, пастушок, поди ко мне в работники“. – „Пожалуй, скаже, наймусь, ну только, скае мни надо скота согнать к хозейки, день понорови, а потом, скае, приду“. Ну, он согнау скота к хозяйки, и хозяйке говорит: „Ну, хозяйюшка, уволь меня, говорит, скотина одна твоя ходить буде, и ништо не тронет скотины“, Ну, он пошоу. „Ну, ладно, скае, пастушок, если так сделау, то спасибо тиби“. Там ему розчиталась из жалования, сколько там ряжено было, так рощиталась вполни. Ну, этот приходит на эту ледину пастушок к хозяину. Ну, этот чорт и дожидает его тут. Ну, и порядились с ним на триста рублей в год служить и пошли. – „Ну, пойдём, скае, за мной“, чорт говорит. Ну, шли, шли маленько место. Потом работник говорит: „Что, хозяин, скае, надо дров, скае, понарубить по дороге в печку домой, што нам даром ити“. Ну, а чорт говорит: „Ну, а как же мы нарубим, у нас нет ни топора, ничого, ну как же мы нарубим?“ – А работник говорит: „Ах ты, хозяин, возьмем эту толстую сосну, ты возьми в охапку за вершину за сосну, и я также поймаю,

свалим ее с корнямы и потащим домой“. Ну, хозяин захватиу за сосну а роботник зачал гокать (гукать – другие), и свалили. Ну, свалили, надо нести, значит, домой дрова по пути с сучьямы и кореньямы. Што, роботничок, ты под вершинку станешь нести на плечах?» А роботник говорит: «Нет, скае, я под комель стану, а ты под середку, скае, стань, а я понесу комель». Ну, этот хозяин подняу сосну на плече. «Ну, давай, скае, роботник». А он скае: «Ты назад не подглядывай, хозяин». А роботник сеу на этот комелек, песни и поет (сеу на комель). Ну, нес, нес и потом принес уже к фатерке, своей и живленью. Ну, и роботник скрычау: «Ронь, хозяин» (рой эту осину с плеча). Он кинуу соснищо цельнее: «будет дров». Ну, приходят в фатерку, там старуха одна в фатерки. Ну, хозяйка там их накормила, и хозяин хозяйки говорит: – «Ну, хозяйка, скае, старуха, на роботника мы попали, переведет он нас, потому што я вершинку нес дровины, а он комель несет и песни поет». – «Ну ладно, делать нечего, скае, уж такого наняу, так что-же заведешь». Ну, утром (тую ночь, значит, ночевали, проспали) посылают его на пашню пахать. Ну, роботнику назначили, што есть тиби вот эстолько, запаши и домой. Ну, он борозду-двиги оставляет, так махау, махау и до обеда кончиу подряд. Ну, приходит к фатерки да и слушаэт, у дверей слушаэт. Оны говорят со старухой: «Надо, как хошь, перевесь роботника, а то нам беда, скаже». Он и мах в фатерку эту; он и двери знаэшь отвориу. «Ну, што роботник?» хозяин спрашиваеэ. «Ну, што, роботник, запахау?» скае. –

«Запаху. Што ты мало дела дау мени, скае, што-же без дела буду ноньче ходить поудня». – «Ну, сядь пообедай, скае, а потом отдохнешь». – «Ну, ладно давай обедать», скае. Ну, он пообедау, и послали его спать в сени «Спать, скае, пойд-ди в сени, работник, там полог есь, там тиби лучше, скае, тут жарко в фатерки». Ну, он шоу спать, бытто спит, а сам сеу гди-нибудь в уголок и слушаэт (и ни в пологу), што говорят там хозяева. Ну, а этот хозяин говорит хозяйки: «Ну, што, скае, нам нужно уйти с этого места, а то он нас переведет, пушай один остаетця тут». Согласились уйти. «Котомочки давай, сложим в котомки припасы тиби одну и мни, по котомки обым». Ну, сложили котомки, старуха говорит: «Ну, старик, пойдём на двор (в нужник) до ветра». – «И то, отправимся». Потом они ушли на двор, а этот работник вывернууся с заугоука и сеу в котомку, который себи старик наладиу (которую старику нести). Ну, оны со двора пришли. «Ну, старичек, давай-же пойдём, пока, скае, спит так». Ну, котомки за плечи, да и марш в дорогу. Старик схватиу котомку за плечи и старуха также, вместях и пошли, значит. Ну, шли, шли... дорогой и уж устали, значит. Ну, старушка скае: «Сядем, старик, хошь отдохнем маленько». Ну, и он старик говорит: «Давай сядем». Только начали садитця, он и говорит: «Што за отдох», скае. Он и думаэ, знаешь, в след бежыт, встали и пустились бежать. «Што за беда, скае; не уйдешь от него». Потом шли, шли ну и работник видит, што они устали, пускай отдохнут. Ну, сели, потом сняли с плеч,

клали в сторонку, там, вишь, закусили или нет, не знаю, и свалились. Этот работник с котомки и – выходит вон, быдто к ним пришоу, и говорит: «Вставайтя, пойдёмтя опеть вперёд». Оны испугались, давай, делать нечего, выстлали опеть и давай ити. Шли, шли, и он сзади тихонько идет, видит, што они устали, одва идут. Подходят, стала и ночь заломитця. Приходят в место такое – яма большая, досюль выкопана, смолу, видно, курили. Оны круг ямы и розвалились спать. Ну, выдумка у старухи и старика такая: «Ну, положим его на край около ямы, а самы подальше». Его пехнуть ладят ночью. Ну, работник и лег, не отпераэтця работник, на крайчик и лег. Ну, а потом, когда оны заснули, он шоу с этого места, сам в середку лег, а старуха на крайчик сделалась, старуху подвинуу на крайчик и стау старика будить. «Старичок, старичок, тоунем, скае, работника» (по старушьи говорит). Встали и тоунули старуху. Ну, этот работник вскочиу и говорит: «Куды ты нонь старуху клау, я тебя докажу, скае, под суд все ровно отдам» (там, видно, суда были). Ну, а он ему все денег не отдавау триста рублей, за который быу ряжен. «Ну, ладно, скае, отдам под суд». – «Ну вот, скае, работник, я тебе дам триста рублей, работничок, не подавай, не подавай никуды, вот тебе жалование триста рублей за поугода». А он ощо просит за поугода, ну, значит, за уважение, штобы не сказать. Ну, он и согласиуся этот хозяин, отдау шессот рублей. Ну, потом, значит, распростились с этим чортом, он в своэ место пошоу, а чорт остауся, и потом заходит к этой

вдовы, где прежде коров пасти нанявши быу. Приходи к этой вдовы и спрашивает: «Што, тетушка, смерно ли ходит у тебя скотина после этого пастуха, смерноли ходи?» – «Ну, спаси Господи и помилуй, ни одна шерстинка не потерялась» (а раньше каждый день пропадала). Эта удовка еще его денег наградила и отправила. И сказка кончилась.

Священник и дьявол

В Саратовской губернии у одного несчастнаго священника в одну темную осеннюю ночь в 12 цясов случилось и по покоям и на кухни стук и гром, и шум. Зашли к нему нечистые духи и просят у его одну любезную доцерь. Звали доцерь Александрой. И перепал несцястный священник и – не знат, што с дьяволами поделать. И отказал их до второй ноци и припал он Господу Богу и усердно со своима молитвами и, именно, к Николе Чудотворцу. Никола Цюдотворец вложил ему сцясливый мысль: «Если явятся к теби диаволи и дай им задачу, цего оны справить не могут». На вторую ночь и обращаются диаволи и беспокоят эфтого священника: «Дай нам доцерь Александру». – «Если вы к свету можете соорить божественную церковь, тогда я вам дам доцерь». Выводит их священник на улицу, отводит им такое место и занимаются они за работу. Дело двигается к полуноци, а церковь у них сработана до потолка. Священник на этот случай перепал, што оны задацю справят. Взял послал попадю к су-

седу и выпросил живого петуха и принял петуха кабайтать (чикутать). К свету ближе петух запел. Священник обрадовался, у них храм не достроен. Так и у них и осталась задаца не дострянана, а доць Александра осталась у своих родителей и попугали его нецистые духи. И крепко он благодарил Миколу Угодника и тым он сбыл от диавола.

Чортова благодарность

Жила была старуха, был у ней сын Андрей. Андрей стал говорить: «Чего же я, мамка, живу и выживу, надо мне какой нинаесть промысел искать»? Она ему говорит: «Че ино, дитятко, где начеешь роботу натти»? Пошел Андрей роботу искать, походил несколько, доходит до озера, до озера не доходит – на липе висит цертенок. Цертенок говорит Андрею: «Спусти меня, я тебе много добра сделаю». Спехнул Андрей цертенка, пошли они вместе к озеру. Говорит цертенок Андрею: «Мой тятка будет набивать тебе денег, ты денег не бери, кольче проси». Подошли они к озеру, из озера вышел черт и в награду денег дават, Андрей кольче просит. Вот кольче дал черт Андрею. Дал кольче, пошел Андрей с кольцем и думает сам себе: «Што в этом кольце есть»? На кольче десять шшерубчиков (в роде гвоздиков). Отвернул Андрей шшерубчик, из кольца вышли три молодца. Позатем он еще четыре шшерубчика отвернул, вышли всего двенадцать человек. Заставил он молодцев каменну стену через проежду

дорогу класть. Склали они каменную стену. Едет обоз. Ямщики спрашивают: «Кто стену склад»? И стали Андрею молиться, чтобы убрал. «Сколько с лошади дадите? По полтине не жалко»? – Сделай милость, возьми, только убери стену. – Велел роскидать молодцам стену, проехали ямщики. Собрал он деньги и думат: «Что же я с едакими деньгами домой пойду»? Пошел Андрей еще денег зарабатывать. Пришел в город; поряжает купец мост клась, Андрей порядился. Как только к ночи дело, заставил он своих молодцов работать; к утру готово, просит утром рошет. Проехал раз десять на лошади купец для пробы и отдал Андрею сто тысяч. Принажил Андрей денег, домой пошел. Пошел домой, являет матери: «Одному мне жить скука». Пошла мать свататься к дьячку. Приходит старуха, спрашивает дьячек: «Зачем ты, бабушка»? – Я добрым делом, сватовством: у меня женишок, у тебя невеста. – «Это бабушка, слов нет, я отдам, да у вас домик худой». Ушла старуха домой. «Что же, Андреюшко, где же нам с этаким человеком схватываться: домде у нас плохой». – Че делать, мамка, ложись спи. – В ночь отвернул Иван шесть шшерубчиков, выпустил молодцов, и отвортили они ему за ночь дом. На другой вечер посылает опять свататься мать Андрей. Пришла бабушка. – «Что нужно, бабушка»? – Я добрым делом, сватовством: у меня женишок, у тебя невеста. – «Это, бабушка, слов нет, отчего не отдать, да ходить грязно: пусть будет от моего дому до вашего каменный мост». В ночь своротили молодцы каменной мост.

Вечером опять посылает старуху свататься. Пришла старуха, спрашивает дьячек: «Зачем ты, бабушка»? – Я добрым делом, сватовством: у меня жених, у тебя невеста. – «Это, бабушка, слов нет, отчего не отдать, да в церковь грязно ходить: пусть будет от моего дому в одни двери мост, а от вашей в другие». Заставил Андрей и это сделать молодчиков; своротили ночью молодчики эти мосты. На четвертый вечер посылает опять свататься мать Андрей. Пришла бабушка, спрашивает дьячек: «Зачем ты, бабушка»? – Я добрым делом, сватовством: у меня жених, у тебя невеста. – «Это бабушка, слов нет, отчего не отдать, да только что надо три пары коней вороных с каретымя». Ушла старуха домой. «Что-же Андреюшко, где-же нам с этим человеком схватываться: коней-де три пары вороных с каретымя надо». – Че делать, мамка, ложись спать. – В ночь отвернул Андрей шесть шшерубчиков, выпустил молодцов. Купили молодчики ночью и коней на базаре. Вечером опять пошла свататься, приходит она, спрашивает дьячек: «Зачем бабушка»? – Я добрым делом, сватовством: у меня женишок, у тебя невеста. – «Ну, ладно, бабушка, подите, поезжайте ко мне во дворец». Приехали, столовали, приехали, обвенчали; поехали к зятю в гости. И я там был, водку-пиво пил.

(Записана в Чердынском у., Пермской г. нар. Вишере, в д. Сыпучих, в 1900 г.)

Портной и чорт

1. Портной с семи лет пошел портничати. Он и на господ шыл, и на духовенство шыл, вылевал хорошо лопоть. Около семнадцати лет, пришлось у купчя шить ему. У купчя шьет, а он бездетной, купеч. Жена была беременна первым брюхом. При ем и родила девочку (по вашему сказать; а по нашему, по-крестьянски-то, все мальчиком мы зовем, девку и парня).

Родила, а видно в утробе-то поругалася, чорту посулила ее (когда она ее носила в утробе). Чорт лежит под ей, щобы ее унести. Мальчик спрышшот (счишот) топерече, а портной: «здравствуй младенечь!» скажет. Не привелось топеречя чорту унести, докаме портной шил у ево.

Как портной ушол, мальчик спрышшот, опуту не знал отечь-мать (сказать: «здравствуй!»). Чорт взял, унес. Подвернул ему омменка чорт.

2. Етот омменок топерече не могут ничем не накормить, не напоить; по семи короваев хлеба съедал, от семи коров молоко прихлебывал.

Потом, мучился етот купечь и задумал священника попросить, ште ето за штука за едака. Привез свешшенника:

«Батюшко, ето што у меня за чудо?!» – «Это, говорит: – у тебя не раб, а ето у тебя омменок». – «Так чево жо, батюшко, с им делати?» – «Давай, говорит: – кипети котел воды, неси корыто; я тебе покажу, говорит: – все».

Скипетил воды, положил в корыто. Он (священник) стал молитву читать; тот стал, этот младенець, котлеть (чернеть). – «Лей, – говорит: – давай воду не ево!» – Заварили тепере, – зделалася головешка. – «Вот, смотри, – говорит, – што у тебя было!» – Так и жил етот купечь, опять без детей будто как.

3. Проходит тепере тому времю двадчать три года. Портной задумал жоничья. Де не посватает, нигде не дают ему. (Уж он бездомовой был, ни дому, ниче у нево). Нашло на ево горе. – «Эка моя бесчасная голова! Нихто мне невесту не дает», говорит.

Идет путем, задумался. – «Чорт кабы, – говорит: – отдал, так и то бы взял!» – Чорт явился ему: «Ну што, об чем думаешь? Пойдем ко мне!» – Довел до озера чорт ево, велел глаза пришшурити; зделался у чорта в комнате. У ево двенадчеть дочерей; одинадчеть своих, да двенадчатая купчевна (которая унесена-то).

«Ну, хорошо, сватачья не време, – говорит (чорт): – я тебе опитимью наложу, а сам в Москву схожу. – Сшей-жо, говорит: – ты мне малахай (это башлык, а по-ихному малахай) из семи овчин!» – Принес, положил семь овчин, сам отправился в путь, куда ему надлежит. – «А мотри, – говорит: – через три часа дома буду я! В три часа щобы успей все ето!»

4. Сидит, думает; не знает, ще и делать тепере тутока етот портной. Вышла купчевна: «Ты ще, – говорит: – не шьешь? Ведь он, – говорит: – скоро придет!» – «Я, – говорит: – не

знай, ще и делать еттака. Я не за етим явился, – говорит: – я женицца пришол. Подешь ли ты за меня?» – «Возьмешь, так скажу, – говорит: – все, ще надо делать».

Выбрала она из 7 овчин старишную большую овчину, 6 свернула, бросила. – «Вот, – бает: – ешо из одные малахай-от выйdet, он в тебе ешо копаеччя». – Окрестила ему, очертовала, как кроит тепериче. – «Так закрой и шей».

И почал роботать и сработал малахай. Тольке успел сработать, на крючек повесить, – чорт явился. – «Што, портной, сработал малахай?» – «Да, говорит: – сработал». – Как взял, наложил, и удивился жо, што малахай ладен.

«Топере можом сватаччя, – говорит: – колды исполнил мою просьбу». – А ему (черту) охота отдать-то своя (дочь), щобы и он ево был, портно'ет. – «А сватаччя, – говорит: – дело не скоро пройдет ешо».

5. Наряжает тепериче воронами этих дочерей всех 12 и выпускает в окошко погулять всех в сад. Садяччя 11 дочерей в кучю, а двенадчата по-дробну, на отдельной сучечек. – «Ну, угадывай жо, – говорит: – которая твоя невеста!» – «А вон! – говорит: – Вон ета сидит одна-та собой, дак вон эта». – На купчевну-ту угадал. – «А, портной, ты не ошибашша-жо!» говорит.

Приказал слететь всемя. Слетели с саду. Переперил их голубичьями, иным перьем, и опять выпускает на сад. – «Ну, портной, пойдём, говорит: – топере! В ту ли уметишь тепере? В одну как уметишь три раз, так твоя и будет; а есь как

ошибешша, нет тебе невесты!» – Вышол, указал: – «Вон, – говорит: – вон ета!» – И опять она подробну сидит. – «Молодечь, портной! Не ошибаешша!» говорит.

Слетели эти в комоту (?). Переперивает их косаточьями, в третий раз – «Ну, топере, портной, пойдём в последний раз! Угадаешь, твоя будет. Ну, котора твоя?» – «А вон! – говорит: – вон ета, котора пошшоктывает, поговаривает. Так вот, – говорит: – ета» – Удивился чорт, руками схлопал. – «Ну, топере твоя!» говорит. – Он, видишь, угадал три раз.

6. «Ну, хорошо, портной, сосватаччя сосваталися, а мотри жо, выстрой жо о семи этажов палату, штобы опоместиться встемя. Скупи местность, скупи дом, выстрой все, тогда и приезжай по невесту. А дам я тебе строк только-ся на один месяц».

Портной и голову повесил: денег нет, а круто надо ето все изворотиччя, толку де не будет нечево! – «Што, портной, голову повесил?» – «Да чем мне устроить? В один месяц и деньги большие надо, – говорит: – а у меня нет!» – «Ну, пойдём, – говорит: – со мной!»

Взял малахай чорт, повел портнова с собой. Привел в подвал. – «Держи малахай за уши!» – Он держит малахай, и он (чорт) навалил ему полной малахай казны. – «Ну, будет ли устроить?» – «Я считаю, што будет – все ето устроить и свалба провести». – Вывел он ево на волю с деньгами. Ето портной идет; мимодучи закупает хоромы, закупает лес. Местность откупил в селе, роботчих наредил, и почели дом стро-

ити. В один месяц все поспело топериче.

И сказал чорт ему, ще «приезжай за невестой (будто как поезд) на 12 парах». – Наредил поезжан, нанел всех с конями и поехал за невестой. Где стретился первой раз, думал про невесту, тут жо чорт ево и стретил, в том жо месте.

Скочил на козла, догнал до озера, скричел: «Прикройте глаза!» – Как прикрыли глаза, в ограде и зделалися у чорта. Выводит невесту, за стол садит. Пошли столы; потчует, поит топере.

«Ну жо, только успеите под венечь стати, готовьтесе: мы сейчас жо едем в гости к вам. А мотри жо, поить станешь, так мне подноси вина кандею полведерную, а поезду – четвертную! Опомешшайтесе на шести парах весь поезд, а шеш пар оставляйте так!» – На шеш пар топере купеческова имения и выгрузил ему. (Он пока дочь-то держал, так купця-та всево раззорил). Вот тепериче с именем и поехал портной – и с именем, и с невестой.

7. Отправил (чорт) их к венчю от себя. Время подходит, – сам поехал со своим гостьми к им, по вечеру. Приехали от венчя; все комоты накрыли столы, дожидают гостей. Вдрук гости накрыли; и кончя нет лезет; ихней братии че наехало! Опоместил портной всех по местам, и пошел пир. Половики подносят вино кандеями (водка прежде из бочек-то чидилася). Време прошло до двенадчатова часу полночи – и вдрук как растаяли; ни канительства, нечево не было, живо все убралися.

Чорт и говорит ему (стал провожати ево портной): «Ну, ешо ‘спомнишь ты тестя, так выручу из беды! А тебе, – говорит: – худо будет!»

8. Пришло време. Пошли на базар портной с хозяйшкой. Пришли к лафке к купчю; а тот жо самой купечь, от которова унесена дочи; он тесть самой находитца, будто как родной-от портному-ту. Подошел к лафке, он (купечь) признал на нем одежу – дипломат ето, шубы свои (Чорт все у ево переносил, пока у нево дочь жила). – «Истрял я, – говорит: – все свое имение, а признал вора. Нашол на тебе, – ты, – говорит: настояшшой ворот видно и есь!»

Заявил (купец) на суд на ево. Видит (портной), што ему дело узко приходит, – ‘спомнил: «Ох, где-то у меня старой тесть. Пособил бы мне, батюшко! Вывел бы из напасти!»

Вдрук я(е)вляеччя чорт топериче на суд. – «Как вы, – говорит: – судить ево можете? За што ево судить? Он не причинен ничем! Точно ще, верно, ще твое, купечь, ето имение, дак твоя жо и дочи за им! Я ее кормил у тебя 23 года, от тебя все именье переносил». – Он не признает, купечь, ничево етова. – «Дурак, – говорит: – ты, купечь! Поздрастуйся, да возьми на госьти: ведь твое дите-то. Когда етот портной жил у тебя малолетком, когда твоя жена родила девочку, – я лежал под ей. Помнишь, как омменок тебе был подвернен!..» – Чорт’от и загородил тут ево всемя словами. – «Не дам, господа, судить ево: он ничем не причинен! Свою голову положу, да не дам судить!» – Принуждал чорт купчя: «Поздрас-

твуйтесь! Имей своими детьми».

Купечь одумал сам себя, на том и решился. Поздрастовался, поплакали. И повел к себе на госьти етот купечь портнова. Портной к себе опосля на гости тестя с тешшой. И вывел купечь етова портнова в купчи первой гильдии; ошшо приданова дал.

Кузнец и чорт

/1. Кузнечь имел промысел – кузничю. Он ковал, а денег у ево на пропитание не было. Все нужное имел себе с промыслом со своим. А держал в кузнице во своей икону – Божьей облик, и картину – дьявола. Богу помоличья, а счаны соймет – ж. ой дьяволу поклоничья; насмехался над бесом. Дьявол сердился на ево топере и грозился: «Погоди, я тебе ету штукину отведу всю!»

Потом пришол дьявол к нему человечьим обликом, в работники речичья. – «Плохо ты куешь, кузнечь, говорит: – денег не можешь заработать! Кабы ты меня подредил, дак обогател бы!» – А он тому и рад. – «Редись, – говорит: – я рад товарисшу».

Поредился, там на какой чене зделался, и работать стал. Так вылеват, работает, ще все удивляющья. Приманку сделал народу сильную. Денно и ночью теперичья народу было и шкатулку теперичья стал держать в кузнице: деньги валили во шкатулку. Удивился етот хозяин своему работнику: «Еко-

ва мне Господи послал работника, ще не могу я и с деньгам сладиччя, не успеваем получить деньги».

/2. Далее и более – време стало приходити до строку. Бес бесов подговорил тепере, ще «придите старыми стариками, с серпами (а время было летное) в кузничю».

Два беса пришли стары ростарые. Етот работник и говорит: «Ох вы, дедушки, стары жо больно, – говорит: – желайте ли перековаччя изо стариков на молоччэф?» – «Кабы ека, – говорит: – милось была, так не пожалели бы мы и денег, старось завесила шипко. Што бы, – говорит: – ты взял нас переработать на молоччэф?» – «А возьму, – говорит: – по двести рублей с человека». – А другой говорит: «Ежели бы ты переработал, так я бы, – говорит: – и три ста не пожалел, только ще бы был молоччем». Согласилися на етом.

Давай он их переработывать. Припасает уголья, всево; над хозяином распорежается, так тот только успевай поскакивать. Сечас топере напасли все. Розделися старики. Роботник и кричит: «Ну, хозяин, не робей! Как я, – говорит: – в клешни заберу, в горно закачу, так кали как можно боле, меси их!» – Схватал работник старика, в горно закатал и кричит, што «дуй, дуй! больше ничево!»

Роскалил етова старика, выдернули на наковальню, ходили-ходили, – такова молоччя выходили, што топеря на одной ноге и скачет. Выскочил из кузниччи. – «Ну, смотри жо, – говорит: – хозяин, вот как работают! – говорит: – А твоя што работа!»

Потом за другова. Опеть так жо калить. Опеть роскалили, давай ковать – и выковали опеть молоччя. Этот молодець выскочил, поскокиват на одной ножке.

Получил он топеричя петьсот рублей; хозяину тут жо во шкатулку спусьтил: «Поминай меня, какой я был работник! А сейчас жо россчет подай. Я пошел вперед». – На другой день россчет сделали. Он не отпускал было работника, да нет: – «Мне, – говорит: – вперед есь, боле и твоево дожидают меня!» – Получил и отвалил. – «Ну, прошшай, – говорит: – дядюшка! А свиданье ошшо с тобой мне будет».

/3. Сошел етот работник. Хозяин остался без работника. Пришли православные старички серпы зубити; худые, тресуччя сами, старые. – «Ох, дедушки, вы, – говорит: – худы жо! Вы слышали ли: мы двух старичков на молоччев перековали?» – «Да, говорит: – ета публика прошла, – говорит: – верно». – «Желайте ли, – говорит: – так я вас переработаю?» – «Кабы милость бы была, так не пожалели мы бы денег». – «Да, сработаю». – Народу много собралося в кузнице, окольнова. Глядят етот народ, ште такая штука: кузнечь до чево дошол – што старикоф на молочchef перековывать.

Согласились эти старики. – «Што бы ты взял?» – «А по сту рублей, боле не возьму. У меня денег топере есь». – Приказал роздеччя старику. Старик роздеваеччя. Сейчас в горно старика. Жок, жок, жок, всево изжок, на наковальну выдернул, чучькал, чучькал, всево исчучкал, – ничево нет. – «Ах, ошибся, – говорит: – чево-нибудь в закалке».

Давай другова утоваривати. А надо выправиччя уж ему. Сговорил етова старика, другова; ада опеть в горно. Сожок ево всево, исчучкал.

/4. Заявил народ топеря: «Мотрите, ребята, его какая мода – народ жегчи? Ето слыхано ли?» – говорит. Доложили суду теперечя; приезжает становой, забирает етова человека, кузнечя. Потом забрали етова кузнечя, сковали в железа, погнали по етапу – там куды ево.

Попадает дьявол во стречу – тот, которой в роботниках жил. – «А што, дядюшка, ты куда это правишся?» – «Ой, молчи ты, детинушка! Я без тебя двух стариков ковал, да не вылилося у меня ничево». – «Так ты и думаешь, што у тебя выльеччя против меня?!.. А ето тебе из-за того показана форма: Богу-то молись, да и дьявола-та не гневи!»

Он втопоры и догадался, што бес жил у ево.

Солдат и черти

/1. Прежде, видишь, 20-летняя была служба, 25 лет. Как отслужит свою службу солдат, дадут ему пашпорт – и ступай на свою родину. Прежде ведь пароходов етих не было.

Идет солдат так; в слободу входит. Застигает ево темна ночь. Просицца ночевать, – нехто ево не пускает. Идет сиротка, живет в келейке: «Пойдем, служивой, я сохранию от темной ночи тебя!»

Приходит в келейку. Эта сиротка покормила ево обедом,

услала постелю для нево.

А в этой слободе богатая богатыня. Ну солдат так, как служил 25 лет, но не видал негде – не у господ, не у купечества едакова строенья: устроен дом и очень сукрашен. – «Што, 25 лет отслужил я, не видал едако сокращенья! Кто жо у вас, хозяйюшка, – говорит: – проживает этта? купец али помещык?» – «Нет, – говорит: – кресьянин, только большой капитал имеет». – «25 лет я прослужил, не видал – по всей нашей державе нет едакова сукрашенья». – «А хорошо, – говорит: – сукрашенья, служивой, у ево, только жить, – говорит: – нельзя». – «А почему так?» – «А нечистой дух, – говорит: – пушон в дом». – «Што жо, – говорит: – нечистой дух разве невозможно выжить?» – «О, – говорит: – служивой, три дохтура находились и расписывались своей жизнью, – говорит: – штобы не искаться в ей, а богач, – говорит: – расписывается половиной количества изо всево имущества».

Етот солдат говорит: «Ето не может быть, што нечистому духу дасться крешшеному человеку!» – «Нет, говорит: – служивой! Трех дохтуров, – говорит: – ростерзали бесы».

Потом ета сиротка солдата уклала спать, сама к етому богачу: «Вот у нас находитца такой-то человек, ночует у меня, што можот ваш дом использовать». – На ответ ей богач и говорит: «Есь солдатов засерь-то!» говорит. Потом, одумавши, богач: «Да, дохтура по наукам пользуют, а у салдата можот приходилося в 25 лет с нечистым духом спорити?»

/2. Стает утром богач, приходит в ету келейку. Солдат

стал, умылся, Богу помолился. Богач и спрашивает его: «Слыхом уверяетца, служивой, што мог бы ты мой дом использовать?» – «А што у тебя такое в дому?» – «Вот глушенесь ночи набьетца нечистова духу, заведут игру, даже стены дрожат». – «Это все, я думаю, пустяшно ваше дело, што нечистой дух не выжить из дому». – «А ты, служивой, можешь ли в своей голове расписатца?» – «А што моя голова? разе больно дорога? Пашпорт со мной: где умру, тут и похоронят!»

«Вот, служивой, я расписываю: половинно количество изоева имущества отдаю, если ты можешь мой дом использовать». – Этот богач взял егова солдата, повел к себе. Послал богач повестки становому приставу, што «при становом приставе распишися, салдат, о своей голове». – А богач расписался о своем имуществе: половина количества салдату. Ну, салдат расписался и богач расписался.

/3. Приходит ночь темная. Солдат винну припорцию – в тот карман бутылку спустил, в другой – и пошел в его залу. В этом зали розгуливатца – в ту комнату зайдет: хорошо, в другую: ешо лучше; на том деване полежит, на другом.

Как приходит полночь, нечистой дух лезет в эти зала. Атаман сел во стул. Солдат выходит из другога зала, стопал ногой: «Роспро... в... м..., нечистый дух! Хто вам приказал в эту залу ходить?» Атаманишко: «Растерзать егова солдата!» – Солдат: «Нет, я растерзацца не дам!» – «А почему?» – «А хто хитрее зделает в этом дому, тот и оставайся! Если ваши

хитрости хитрее, я отынь до веку не заглени в етот дом; если мои хитрости хитрее, вы штобы отынь до веку не заглядывайте!»

/4. Потом бесы зачали все ка(о)меди приставляти. У бесов испрошли все комеди. – «Давай, солдат, преставляй ты: у нас все вышли!»

Солдат взял напарью, – роскрашеной краской роскрашена, – зачал стену вертеть. Провертел стену до половины: «Давай вот, поместитесь все 12 человек в ету дыру!» – Все лезут, пишшат-вишшат. Один был бес храмой, у солдата милости просит, а солдат етова беса под ж... пихает: «Лесь, растак твою мать, поди ж... и ты!»

Он взял с себя крест, крестом оградил ету дыру. Атаман стал солдата просити: «Выпусти нас обратно! мы отынь до веку не заглянем в етот дом! А ты, солдат, не ходи только к нам на Круглов остров!»

Потом солдат розградил обратно, выпустил етих бесов из дыры. Эти бесы побежали из верхнова етажу по лестницам. А солдат етих бесов зачал под ж... пинать ногою, што «отынь до веку не заглядывайте в етот дом!»

Становой пристав половинное количество вчего имущества у етова богача солдату отписал и – штобы занимать любое зало, где солдату пондравитца.

Утром вставши до другой ночи, берет солдат сысторон понятых и хозяина, и некакой другу ночь не зделалось не игры, не шума, не грома – ничево не зделалось. Богачь по ночь, по

две, по три (караулил?), нечево не стало слыху.

/5. Етот солдат живет год, и два, и три. Жить очень хорошо, а только бабы нет. Приходит к етому богачу: «Што, дядя? Я придумал женища». – «Это хорошее дело! От нас невеста неотобьетца, хоть у купца, хоть у помешчыка, хоть у попа – у нас капиталу хватит. Где желаешь сватать невесту?» – Солдат говорит: «Которая меня сиротка счастьем нашла, ее возьму!» – «Ах, по нашому имению, она живет бедно». – «А нет, она меня счастьем нашла! Ее возьму». – Ну, и женился на етой на сиротке.

/6. Живет год, и два, и три. Приходит лето. И говорит: «Старуха, пойдём за грибам!» – «Да куды ты, – говорит: – за грибам-то итти?» – «Да вон, – говорит: – лес-от». – А старуха ему и говорит: «Этта, – говорит: – все какое-то мленье в лесу-ту». – «Какое-то мленье произвели! Ничево не признаю!»

А бесы бегают по етому самому Круглову острову, етова солдата припознали. Потом атаману сказывають, што «Солдат, – говорит: – у нас на Круглом острову».

Сделалась сильная (буря?), ветер, так – дерево на корню стоит, а вершиной по земле хлещот. А солдат оградил дерево и стал под ето дерево и стоит. – «Ты што, солдат? Заклятье дал, штобы к нам на Круглов остров не ходить!» – Атаманишко приказывает растерзать етова солдата. Солдат привиняется, што «Виноват я; не знал, што ето Круглов остров... Ну, дайте мне со старухой простища». – «А где твоя старуха?» – Побежали бесы, притасшыли ету старуху. Стару-

ха испугалась. – «Ну што, старуха? Давай простимся!..» (Конец сказки неприличен. Бесы испугались раскрашенной напарьи и оставили солдата в покое)

Пустынник и дьявол

Был келейшик. Нечистые духи просили у него места. Он не дает места. – «Пусти хоть кол вколотить». – Он не мок от них отбарабачья; вколотили они кол.

Келейшык вышел рас не благословесь, видит: на горе кузничя, старых на молодых передельывают. Просичья у них, переделать и ево. – «Не крестись!» говорит (в горн'от ево класть-то начали). – Он перекрестился, – один кол остался.

Горький пьяница

Жил-был старик, да такой горькой пьяница, что и сказать нельзя. Вот забрался он как-то в кабак, упился зелена вина и поплелся во хмелю домой, а путь-то лежал через реку, подошел к реке, не стал долго думать, скинул с себя сапоги, повесил на шею и побрел по воде. Только дошел до середины – спотыкнулся о камень, упал в воду, да и поминай как звали!

Остался у него сын Петруша. Видит Петруша, что отец пропал без вести, потужил, поплакал, отслужил за упокой души панихиду и принялся хозяйничать. Раз в воскресный

день пошел он в церковь богу помолиться. Идет себе по дороге, а впереди его тащится баба: шла-шла, спотыкнулась о камешек и заругалась:

– Кой черт тебя под ноги сует!

Петруша услышал такие речи и говорит:

– Здорово, тетка! Куды путь держишь?

– В церковь, родимый, богу молиться.

– Как же тебе не грешно: идешь в церковь богу молиться, а поминаешь нечистого! Сама спотыкнулась, да на черта сваливаешь...

Ну, отслушал он обедню и пошел домой. Шел-шел, и вдруг откуда ни возьмись – стал перед ним молодец, поклонился и говорит:

– Спасибо тебе, Петруша, на добром слове!

– Кто ты таков и за что благодарствуешь? – спрашивает Петруша.

– Я дьявол, а тебе благодарствую за то, что как спотыкнулась баба да облаяла меня понапрасну, так ты замолвил за меня доброе слово.

И начал просить:

– Побывай-де, Петруша, ко мне в гости. Я тебя во как награжу! И серебром и золотом, всем наделю!

– Хорошо, – говорит Петруша, – побываю.

Дьявол рассказал ему про дорогу и пропал в одну минуту, а Петруша воротился домой.

На другой день собрался Петруша в гости к дьяволу. Шел-

шел, целых три дня шел, и пришел в большой лес, дремучий да темный – и неба не видать! А в том лесу стоял богатый дворец. Вот он вошел во дворец, и увидела его красная девица – выкрадена была нечистыми из одного села, – увидела его и спрашивает:

– Зачем пожаловал сюда, доброй молодец? Здесь черти живут, они тебя в клочки разорвут.

Петруша рассказал ей, как и зачем попал в этот дворец.

– Ну, смотри же, – говорит ему красна девица, – станет давать тебе дьявол золото и серебро – ты ничего не бери, а проси, чтоб подарил тебе того самого ледащего коня, на котором нечистые дрова и воду возят. Этот конь – твой отец. Как шел он из кабака пьяной да упал в воду, черти тотчас подхватили его, сделали своей лошадью да и возят теперь на нем дрова и воду!

Тут пришел тот самый молодец, что звал Петрушу в гости, и принялся угощать его всякими напитками и наедками. Пришло время отправляться Петруше домой.

– Пойдем, – сказал ему дьявол, – я наделю тебя деньгами и славной лошадью, живо до дому доедешь.

– Ничего мне не нужно, – отвечал Петруша, – а коли хочешь дарить – подари ту ледащую клячонку, на которой у вас дрова и воду возят.

– Куда тебе эта кляча! Скоро ли на ней до дому доберешься, она того и смотри околеет!

– Все равно, подари. Окромя ее, другой не возьму!

Отдал ему дьявол худую клячонку. Петруша взял и повел ее за узду. Только за ворота, а навстречу ему красная девица:

– Что, достал лошадь?

– Достал.

– Ну, доброй молодец, как придешь под свою деревню – сними с себя крест, очерти кругом этой лошади три раза и повесь ей крест на голову.

Петруша поклонился и отправился в путь. Пришел под свою деревню – и сделал все, что научила его эта девица: снял с себя медный крест, очертил кругом лошади три раза и повесил ей крест на голову. И вдруг лошади не стало, а на месте ее стоял перед Петрушей родной его отец. Посмотрел сын на отца, залился горячими слезами и повел его в свою избу. Старик-ат три дня жил без говору, языком не владал. Ну, после стали они себе жить во всяком добре и счастии. Старик совсем позабыл про пьянство и до самого последнего дня ни капли вина не пил.

Как жена мужа вызволила

На Толвуе пропал муж у жены. Долго она понапрасну его отыскивала. И вот сжалился над нею сусед и указал ей такого колдуна, больше которого никто не мог отыскать ее мужа. Стала она просить колдуна о своем деле, а тот и говорит ей:

– Да что Иван-то Васильевич тебя ко мне посылает: он твоего мужа лучше меня отыскать может.

Пала баба в ноги к Ивану Васильевичу и упростила его пособить ее горю. Накануне Иванова дня отправились они оба к Ишь-горе и пришли туда в полуночную пору. Колдун научил бабу, что ей нужно делать, и остался сам внизу, а она поднялась вверх на гору – и видит большое село. Была темная ночь, а стал белый день; конца нет строению. На улицах пляски и игрища, расставлены столы, на столах яствам и питьям счету нет.

Как завидели черти чужую женщину, окружили ее со всех сторон и стали у ней выспрашивать:

– Зачем пришла к нам?

– Я-де мужа разыскиваю.

– Ну, – говорят, – ладно, так разыскивай: только держи ухо востро.

Стали рядами целые их тысячи: платья у всех одноличные, точно с одного плеча; нельзя их различить одного от другого ни по волосу, ни по голосу, ни по взгляду, ни по выпутке. И никак бы не могла баба признать между ними мужа, да на счастье вспомнила наказ соседа. У всех платье застегнуто с левой стороны и нет ни кровинки в лице, а у мужа правая пола сверху, а кровь на щеках так и играет. Как узнала она мужа, ее честью отпустили с ним домой. И пока они шли до суседа, не спускала с рук руки мужа.

Мужик и Чорт

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был мужицок-лесницок; он ходив лесовать недалеко и бив дици немного. Вот он и говорит сам себе:

– Надо сходить подальше, можоть (быть) побью побольше.

Отправивсе по один день подальше и бьет всяково звиря много и слышит в одной стороне и крик, и рев, но не смев тово дни пойти туды. На второй день опеть-жо идет в ту сторону лесовать и тожо бьет всяково звиря ощо тово больше и чиет тот-жо крик и рев в той стороне; он опеть не смев туды идти, так оставив. Вот и на третий день идет туды-жо и тожо бьет всяково звиря много и опеть слышит рев и крик; расположивсе: што будет – схожу, што там такое. Приходит к этому месту и видит: дерутце лев-звирь и чорт. Вот этот левзвирь и давай просить мужичка, чтоб подсобив эттово чорта убить. И чорт просит мужицька-лесницька, штобы подсобив лева-звиря убить. Мужик думает сам себе: «Не знаю, которово и убить?»

Если чорта убить, то лев-звирь съест меня, а лева-звиря убить – чорт помучит, помучит, да живо-жо оставит», – и решив льва убить. Вот он взяв свое ружье, зарядив ево покрипце и убив лева-звиря. Этот чорт и говорит:

– Цем-жо я буду тебя, мужицок, награждать? Здесь наградить мне нечем, – пойдём-жо, друг, домой, – там я награжу

тебя цем нибудь!

Приходят оне к чорту, бросает этот чорт шкуру лева-звиря о пол и говорит своему отцу:

– Ах, батюшко! Сколько я не ходив, а все-таки лева-звиря погубив!..

– Ах, дитя! – говорит отец, – где тебе лева-звиря погубить?

– Да вот мне, батюшко, мужицок-лесовицок помог убить, я не знаю, цем-жо ево и наградить?

– А вот што, дитя! – говорит старшой чорт, – Есть у нас серебряное кольцо, с руки на руку переложить – выскочат 12 молодцей, що угодно, то и сделают, отдадим ему, пусть он повисит под правую пазуху.

– Но этово, – говорит малой чорт, – мало ему; вот што, друг, пойдем к царю, у царя есть много пастушков, пасут стада и делают утраты во всякий день много, и порядись ты у этово царя пасти скота и будешь пасти постоянно сохранно и жалованье он тебе положит большое.

Приходит к царю и говорит мужицок на этих пастухов, што «Вы, вот, ходите и много утраты делаете, а я буду ходить сохранно!» Вот ево царь этот и порядив в пастухи и рядив ему сто рублей в лето; он и став ходить сохранно. Этих, старых пастухов царь посадив в тюрьму, им стало бедко на новово пастуха; и выходят царские дети погулять к острогу, вот эти острожники и говорят:

– Эй вы, царские дити! Подьте-тко сюды, цеве нибудь ска-

жем про вашево новаво пастуха.

Дити подошли, они говорят:

– Ваш молодой (новой) пастух похваляетце достать из-за тридевять земель, из-за тридесять морей, из тридесятово царства от бабки от довгоноски внуцьку Олену, прекрасну девицю.

Вот дити пришли домой и сказали своему отцю. Доживают до вечера, пригоняет пастушок скота сохранно, и призывает ево царь на-лице и говорит ему таковы слова:

– Ну, вот што, молодець, достань мне сей-жо ноци невесту от бабки довгоноски внуцьку, Олену прекрасную, не достанешь – голова долой!

Вот пастушок заплакав горьким горючим слезами и вышед из царства, да сам себе и говорит:

– Эх, кабы на эту пору, на это времечько, да старопрежний друг-чорт!

А он тут и есть.

– О цом, говорит, друг плацошь?

– Да вот так и так, говорит, царь службу накинув.

– Однако, какую?

– Да приказав достать из-за тридевять земель, из-за тридесять морей, из тридесятово царства Олену, прекрасну девицю, взамуж.

– Эх, друг! – говорит чорт, – это нам не служба, а службишка. Садись за плечи!

Вот он сев за плечи к чорту, и потащились. Несет ево чорт

и говорит таковы слова:

– Вот што, друг! Придем мы с тобой туды, а мне в дом зайти неприступно; в этот дом ты пойдешь все равно, што поло; у ворот стоят цясовые, но я напущу на их сон, все равно, што мертвые будут. Когда в первую комнату взойдешь – спит простонародье; во вторую комнату взойдешь – спят солдаты; в третью комнату взойдешь – спят господа офицеры, и на всех я напущу мертвой сон; в четвертую комнату взойдешь – спит она, прекрасная Олена; заверни ты ее с постелькой всей и тащи по ком хочешь, хоть по народу, не кто не пробудитце.

Мужик так и сделав; прошов три комнаты, взошов в четвертую, взяв ее с периной и потащив скорее, а все спят как мертвые; приносит на улицу, садитце к чорту за плечи и потащились к цярю. Приходит он к цярю и кладет ее в прихожую. Эта девица по утру встает и говорит сама себе:

– Ах, Боже мой! где же я теперь лежу? у цяря в прихожей

...

Вот приходит цярь к ней и говорит:

– Што-жо, Олена, прекрасная девица, идешь-ли замужество за меня?

– Ах, ваше цярское величество! отцево-жо я нейду за вас, только есть-ли у вас винцельное платье?

– Как-жо, говорит, нет у нас платья?

Вот он отвел ей комнату с платьем; она день выбирает, другой и третий и не могла по уму прибрать платья.

– Ну, говорит, ваше царское величество, когда умили меня достать, так умийте и мое винцельное платье достать!

Вот этово пастушка царь опеть призывает к себе на-лице и посылает опеть туда-жо за платьем.

– Представь-жо, говорит, к утру, а не представишь – голова с плечь долой!

Пастух выходит из царства и плацет тово тошня.

– Ах, говорит, кабы на эту пору, да на это времяцько, да старопрежней друт-чорт!

Он тут и есть.

– О цом друг плацешь? – говорит.

– Да вот царь опеть службу накинув: приказав достать платье винцельное.

– Ну, говорит чорт, эта служба ницево-таки служба! Но, давай постараемся, можот достанем.

Вот пастушок сев к нему за плечи, и потащились опеть. Несет ево чорт и говорит:

– Вот што, друг, это платье у ней в каменном соборе и в алтаре под престолом. Вот мы когда придем к этому собору, у этово собора (есть) каменная ограда и лежит тут обломков кирпичю много, ты бери один которой поматеряя; в этом соборе будет совершатце служба, ты взойди в собор и встань за пецьку, а мне идти туды неприступно. Вот я обернусь златорогой ланью, буду вокруг собора бегать и служба остановитце, пойдут меня ловить и выйдут из собора все, останетце один монах, да и тот станет в окно смотреть. Вот ты (в

это время) из-за печьки выйди и этим кирпичем в тиме ево ударь и сними с ево монашеское платье и надинь на себя; тогда и возьми это платье из-под престола, выходи вон и лови меня, я тебе половлюсь.

Вот приносит ево чорт к этому собору, – тощно, што в соборе служба идет, и взяв он кирпичь, которой поматеряя, заходит в собор и встает за печьку, штобы некто не видав ево. А чорт обвернувсе златорогой ланью и став бегать вокруг собору. Певцие увидали эту лань и остановили службу, друг по дружке и вышли все; оставсе один монах и тот смотрит в окно. Вот этот мужицок выходит из-за печьки, этим кирпичом и зашиб монаха, сняв с ево монашеское платье и надев на себя; потом достав подвинецьное платье из-под престола, сунув ево за пазуху, выходит вон и ловит эту лань. А люди ему и говорят:

– Эх, монах! где тебе поймать эту лань? – есть полутше тебя, да не могут половить!..

Он одно: пробираетце к ней да дружелюбит, а эта лань подвигаетце к нему да лашитце. Поймав эту лань и сев на ее. Народ кричит:

– Монах, вались! не то увезет тебя – а он держитце да думает, как бы скоряя уехать. Выехали на заполье, сняв с себя монашеское платье, повесив на кол, а сам сев к другу за плечи, и потащились опеть.

Приходит пастушок к царю и кладет это платье в прихожую. По утру встает Олена, прекрасная девица, и говорит:

– Ах, Боже мой! Где мое платье было, а топерь у царя в прихожей лежит.

Приходит к ней царь.

– Ну, што-жо, говорит, Олена прекрасная девица, идешь-ли за меня взамуж топерь?

– Отцево нейду, говорит, ваше царское величество, но есть-ли у вас винцельные кони и карета?

– Как-жо, говорит, у нас нет коней и кореты?

Вот он отвел ей конюшну, другу и третью; она день выбирает, другой выбирает и третий, – не могла по уму прибрать не коней, не кореты, и говорит опеть царю:

– Когда умили ваше царское величество меня достать, умили и мое подвинцельное платье достать, так умийте-жо и моих тройку коней и корету достать!

Вот царь опеть своево пастуха призывает и наказ наказывает, штобы к утру достать тройку коней и корету, а не то – голова с плечь долой! Выходит пастушок из царства и плац-от ишо тово тошняя, да и говорит:

– Эх, кабы на эту пору, на это времечько старопрежний друг-чорт!

А он тут и есть.

– О цом, говорит, друг плацошь?

Он сказав, што так и так, царь службу накинув опеть.

– Какую-жо службу накинув?

– Приказав, говорит, тройку коней винцельных достать и корету.

– Ага, говорит, – да это служба! Ну, да все-таки пойдем, можот достанем.

Вот и потащились добры молодци опеть. Эти кони и корета были у ней в синем море под каменной плитой. Приходят к синю-мory, чорт посылает этово мужицька в лафку купить две свици воску ярово. Мужицек принес две свици воско-яровых; одну свицю затеплив себе, а другую товарищу. Чорт и говорит ему:

– Вот што, друг! когда вся свиця изгорит, а меня из моря все-т нет, то и ты валейся в воду, и тебе не жира! – сказав это и укурнув в море. Этот мужицок и давай ходить по берегу и дожидает своево товарища. Вот у ево половина свици сторела, а чорта все нет; вот ужo и немножко стает, – ево все нет; и став он уж к нокотку прилипать свицюшку и заплакав горькими да горючими (слезами):

– Видно и мне не жира, думает...

Вдруг по морю волна заходила, – это чорт и идет на тройке; выехав на берег и вскрицаяв:

– Успевай садитце, друг, скоряя!

Мужицек успев вскоцить ему в карету, и понеслись добры молодци: где у дома угол захватят – угол проць, где у церквей прихватят угла – главы покривятця. Вот чорт и говорит своему другу:

– Вот што, друг! ни доидем до царства, ты их тпрруукни, а то все ваше царство разнесем.

Не доехали оне до царства, мужик и крикнув (лошадям)

«тпррру!» – кони остановились... Вот она доехали до царя. Мужичек-пастушок вышов из кореты, привел этих коней к столбу тоценому и привязав к кольцу золоценому, надавав пшеници белоярья и заходит к царю в палаты, и дает знать государю, што привел таких-то коней. Царь призывает Олену, прекрасную девицу, на лице к себе:

– Ну, што-жо, Олена, прекрасная девица! Идешь-ли теперь за меня замуж?

– Отцево-жо, говорит, нейду, ваше царское величество, – коли вы умили меня достать, и мое винцельное платье, и моих коней с коретой, ну, так ищо у этово своево верново слуги отрубите голову, – тогда я за вас иду замуж.

– Нет, девица Олена, не подымаютце у меня руки срубить головы ево, – сказав ей царь.

Вот она взяла саблю и срубила голову самому царю и взяла этово пастушка за ушка и поцеловала ево во уста:

– Пусть-жо ты мой муж, а я твоя жона!

Вот он и сев на царство. Вот ево старопрежний друг чорт и приходит (к нему) да говорит:

– Ах, друг! Сев на царство, да не на руки куделя...

Мужичек день прожив, наступила ночь, ложитце с молодой жоной спать... Эта бабка довгоноска изозналасе там, што ее внуцька увезена и за царя замуж отдана, и отпустила она своей силы три корабля, штобы это царство все пленить, головней покатить, и царя опалить. Старопрежний друг чорт приходит к нему и колотитце:

– Ах, друг, – говорит, – спишь, да свою голову проспидишь!

Вот он встав, в свою подзорную трубку поглядев (и видит:) идет морем три корабля силы; он взяв это кольцо из-под правой пазушки, с руки на руку переложив и выскоцили двенадцать молодцей:

– Цево угодно, ваше царское величество? – говорят.

– А вот что, братци, – говорит он, – эту силу всю разбить и по воде разметать!

Вот эти молодци и пошли по морю, все равно как по земле, и всю силу разбили и по воде разметали, и приходят на прежнее место. Переночевали ночь, как ницево и не было; наступает день, живут (молодые) преспокойно; наступает опеть вечер и, как только-што спать легли, эта бабка довгоноска отпустила шесть кораблей силы, надо ей царство покорить. Вот старопрежний друг чорт опеть колотитце и говорит такие слова:

– Эх, друг, спишь, да свою голову проспидишь!

Царь встает, в подзорную трубку поглядев (и видит:) идет шесть кораблей силы и тово ближе. Он торопесь кольцо с руки на руку переложив, выскоцили 12 молодцей.

– Цево изволите, ваше царское величество?

– Надо, братци, эту силу всю розбить и по воде разметать!

Вот оне эту силу разбили и по воде разметали и воротились на старое место. Переночевали (молодые) ноцьку, как нецево не бывало, живут и день преспокойно, наступила третья ночь. Вот бабка довгоноска отправила 12 кораблей силы

и сама в легкой лодочке поехала: надо ей узнать, куда сила девается. А старопрежний друг чорт опять приходит и колотитце:

– Эх, друг, спишь, да голову проспичь! – крикнув.

Царь встав, в подозрную трубку поглядев: идут 12 кораблей силы, а сзади идет и сама бабка довгоноска в легкой лодочке. Он кольцо с руки на руку переложив, – выскочило 12-ть молодцей:

– Цево изволите, ваше царское величество?

– А вот што, братци, – говорит, – надо эту силу разбить, и по воде разметать, а бабку довгоноску в гости созвать.

Оне эту силу всю разбили, по воде разметали, а бабку довгоноску в гости созвали. Вот зять ее молодой стал угощать всякими напитками, в том цисле и сам напивсе, сделавсе оцень пьян и лег спать.

– Как-жо ты у моя бабушки силу губив?

– А своей, – говорит, – русской храбростью.

– Врешь, што нибудь да есть у тебя?

Он с пьяна то и сказав, што «У меня под правой пазушкой на шовковой лентоцьке есть серебряное кольцо, – с руки на руку переложу, выскочит 12-ть молодцей, што надо, то и сделают». Вот и заснув. А жона ево возьмет да это колце и срежот и выйдет с этой бабкой вон. Бабка возьмет это кольцо с руки на руку переложила, – выскочило 12-ть молодцей:

– Цево изволите, бабка довгоноска? – спросили те.

– Это царство, – говорит, – все покорить, попленить, го-

ловней покатить и цяря опалить!

Вдруг это цярство и загорело, головней все покатило и са-
мово цяря опалило. Эта бабка со соей внуцькой села в лодку
да и обратилась в свое место. Вот старопрежней друг чорт и
приходит к своему товарищу и говорит:

– Ах, друг! Я тибe говорил, што не на руки куделя...

Взял ево, посадив на плечи и унес домой. Принес домой
и говорит своему отцю:

– Ах, батюшко! У меня што над другом-то сделалось –
всево опалило!

– А вот што, дитя, слезай-ко в подполье, у меня есть там
кувшинчик о двенадцати рыльцах – принеси.

Чорт этот кувшинчик достав и став лецить своево товари-
ща, и вылецив, тот сделавсе ищо лутше прежнево; вот и го-
ворит ему:

– А, што, друг, не желашь-ли своей жоны повидать?

А он отвицет:

– Эх, друг! Да где-жо мне теперь своя жона повидать?

– Да ежели желашь, – говорит чорт, – так садись за плечи,
сицяс посмотрим.

Вот он тут сев за плечи и потащилисе добры молодцы.
Дорогой и говорит чорт ему:

– Вот что, друг! Оне топерь с дорожки в бане моютце, а
в баню мне зайти тут можно; возьми-жо ты свою саблю и
встань в передбанье, а жона твоя из бани пойдет, ты не тронь
ее, а бабка пойдет, то как только она в двери голову покажет,

я с зади немножко подпехну, – ты не зевай, руби ей голову саблей. Приходят добры молодцы к этой бане, как есть оне с дороги моютце в ней; чорт и забравсе в баню к ним, а мужицек встав в передбанье. Вот выходит жона ево из бани, сунула в двери голову и говорит своей бабке довгоноске:

– Ах, бабушка! Русским духом пахнет!

– Што ты, дитя, – отвицеет бабка, – какой здись русский дух? Ты жила там, – тебе все русский дух и цюетце...

Вот жона и ушла из бани; бабка одна осталась в бане. Вот и она покатила водой и пошла вон; во двери только-што голову показала, чорт с зади немножко попехнув, а мужицек и отсек ей голову, взяв за нос и бросив в море; на ногу встав, другую раздернув и тожо в море бросив. Пришов он к своей молодой жоне, берет ее за руку и отправляютце в свою местность, и построив он опеть свое царство ищо лутше прежнево, и став он со своей жоной жить да царствовать, тем и сказка концентце!..

(Вельский у. Зап. со слов Матушкина. 90-ые годы)

Иван крестьянский сын и Марья царевна

Жили были старик со старухой, у них был один сын Иван. Этот Иван вздумал вить веревки. Пришел на берег реки и вьет веревки. Вдруг из воды вышел чертенюк и спрашивает:

– Чево, Иван, делаешь?

Иван сказал:

– Веревки вью, стану море моршить, да вас чертей корчить.

Чертенок сказал:

– Что тебе надо за это? – и пошел чертенок к старшему чертенку спрашивать. Старший велел:

– Перво побегайте с Иваном.

А Иван сказал:

– У меня есть маленький сивенький старичек, так ты с им побегай наперво.

На то время выскочил из кустов заяц и побежал, чертенок и кричит:

– Ой, ой, нет не угонится.

Чертенок и думает, за стариком сивым не угонится, а за молодым Иваном нечего и думать; этот чертенок испугался и убежал опять к старшему и рассказал старшему.

– Ну, ступай, покидайте палки.

Этот чертенок принес палку толстую и большую и кинул палку высоко. Иван сказал:

– Ты низко кинул, а я кину из виду вон.

Чертенок думает, что и правду кинет высоко, испугался и убежал. Пришел к старшему и сказал; старший сказал:

– Сходи и поборитесь и узнай силу.

Когда пришел к Ивану, чертенок и говорит:

– Давай боротся.

Иван сказал:

– Мне не стоит марать руки, а у меня есть дед семидесяти

пяти лет, так ты хоть с ним-то справишься.

В то время из лесу вышел медведь. Этот чертенок и схватился. Медведь все его изуродовал. Чертенок говорит старшему, когда пришел от медведя:

– Больше не пойду к Ивану.

Старший сказал:

– Сходи, что надо еще Ивану.

Чертенок пришел, а Иван тем временем выкопал яму, свою шляпу изорвал и растянул по яме, чертенок и говорит:

– Иван, моря не морши и нас чертей не корчи, что надо, то и бери.

Иван сказал:

– Вот эту шляпу наноси полную золота.

Этот чертенок обрадел, стал носить мешком золото, носит, носит, и подачи нет, и говорит Ивану:

– Какая у тебя большая шляпа-та!

Иван сказал:

– Ничего не велика.

Чертенок полную яму наносил золота и принес колечко и говорит:

– Вот тебе еще подарок, когда тебе что надо, все тебе будет, только с руки на руку перенадень.

Иван взял колечко, распрощались, чертенок ушел, Иван золото увез домой. Иван и говорит своей матери:

– Сходи сватом к царю, – а у царя было (так) дочь, звали Марьей, – не отдаст-ли за меня.

Мать пришла к царю и говорит:

– Царь, великий государь, отдай за моего Ванюшку свою дочь Марью, у его денег не меньше твоего.

Царь и говорит:

– Пусть сделает дом точно такой, как у меня, чтобы сегодня ночью, вутре я выйду на бавхон, чтобы видно было его дом.

Мать когда пришла домой и заплакала и рассказала Ивану. Иван и говорит:

– Не тужи, утро вечера мудреняе.

Мать отстала плакать и легла спать, а Ванюшка вышел на улицу, с руки на руку перенадел колечко, вдруг пришло страшно народу и стали работать, к утру дом лучше царева сделали. Мать Ивана утром встала, смотрит – все не по старому, и пошла мать к царю, пришла к царю и говорит:

– Вот, царь, экой хитрой у меня Ванюшка, в одну ночь экой дом заворотил.

Царь сказал:

– Пусть в одну ночь церковь делает.

Еще пуще запечалилась, пришла домой, сказала Ванюшке. Иван сказал:

– Не тужи.

Вышел ночью на улицу, перенадел с руки на руку колечко, вдруг сделалась церковь и зазвонили и царя разбудили. Мать пришла к царю и говорит:

– Вот, царь, великий государь, все сделано, отдай твою

Машеньку.

– Можно отдать, только с тем, чтоб от вашего дому до моего дворца были мосты хрустальные и сукнам устланы, а по ним чтобы ходила карета-самоката и всякия птицы пели.

Мать испугалась и заплакала и пошла домой, пришла домой и рассказала Ивану. Он и говорит:

– Утро вечера мудреняе, не тужи.

Когда легли спать, вышел на улицу, перенадел колечко, вдруг стали мосты хрустальные и сукном устланные и карета-самоката до самого дворца царского, и всякия птицы поют, и отдал царь за Ивана Машеньку.

Не долго после свадьбы пожили, Машенька у Ивана все выпытала, как все он устроил. Когда он уснул и положил колечко под подушку, эта Машенька колечко взяла и с руки на руку перекинула, выскочило несколько молодцов:

– Снесите меня за тридевять земель, в пятидесятое царство; – когда ее снесли и у Иванушка ничего и не стало. Когда Иван пробудился, то все стало худое, и заплакал и пошел к тестю:

– Машеньки, – говорит, – нет, не знаю, куда и девалась; – царь испугался, не знают, куда и девалась Машенька. Иванушка сходил к кузнецу, сковал три костыля и испек три просвиры и пошел разыскивать Машеньку. Долго он шел, подходит к избушке, пришел в избушку, лежит баба-яга из угла в угол и нос в потолок, когда Иван заходит в избу, и кричит баба-яга:

– Фу, фу, фу, руссаго духа слыхом не слыхала и видом не видала, а сам ко мне на дом пришел, съем-погублю, на белый свет не опуцу.

– Ишь, старая чертовка, не сердись, не ерись, а напой, накорми.

Эта старуха напоила, накормила и стала спрашивать:

– Куда пошел и куда правишься?

О(н) ей:

– Свою Машеньку розыскиваю.

Она ему говорит:

– Ой, дитяtko, трудно тебе до нее доступить, она у моей старшей сестры живет, она чему порадела, и житье-то, житье ей худое, идти-то назад нельзя, все с моим племянникам ходит.

Она дала ему скатертку-самолетку. Он пока до ее шел, так железную трость исподпирал и просвиру изглодал, и подходит к избушке, и идет в избушку, лежит баба-яга, из угла в угол и нос в потолок и говорит баба-яга:

– Руссаго духа видом не видала и слыхом не слыхала, а сам ко мне на дом пришел, съем-погублю, на белый свет не опуцу.

Ванюшка и говорит:

– Ишь, старая чертовка, ты бы с дорожки напоила, накормила.

Эта старуха встала, Ванюшку напоила и накормила, стала спрашивать:

– Откуда и куда путь-дорогу держишь?

Ванюшка бавшке обсказал все, как и как стала. Бавшка Ванюшку пожалела и дала ему меч-складенец, и говорит:

– Твоя Машенька живет у старшей сестры моей, – она его подняла, и распростилась. Ванюша пошел, долго он шел и опять просвиру изглодал и трость изподпирал; вдруг подходит к избушке, заходит Иван в избушку, лежит баба-яга из угла в угол и нос в потолок, когда зашел в избу:

– Фу, фу, фу, руссаго духа слыхом не слыхала и видом не видала, сам русский дух ко мне на дом зашел, съем-погублю, на белый свет не опущу.

Он говорит:

– Старая чертовка, ты бы не торопилась со своей поежой, а ты бы дорожнаго человека напоила и накормила и добро поучила.

Сейчас старуха соскочила, напоила и накормила Иванушка и стала спрашивать:

– Откуда и куда путь держишь?..

Он все рассказал, как что было. Старуха пожалела и сказала:

– Трудно тебе будет до ее доступить, она живет у старшей моей сестры, отсюда не далеко.

– Ну ладно, – говорит старуха, – скоро твоя Машенька придет в голове искать, а ты лезь под кровать к ей в сундук и посиди в сундуке.

Когда Иванушка залез в сундук, вдруг пришла Машенька

к старухе, и Ванюшка слышит. Машенька стала у бавшки в голове искать, бавшка и спрашивает:

– Что же бы ты, Машенька, поглядела ли бы на своего Ванюшеньку?

– Поглядела бы, хоть одним глазком да взглянула бы.

А Ванюшка сидит и слушает.

Машенька от бавшки уж ушла, Ванюшка вышел из сундука. Бавшка научила Ванюшку, что:

– Иди в сад и продавай меч-складенец, – и дала клубочик, – потом, на другой день, клубочик станут покупать мои племянницы, а ты с тем продавай, чтобы ночь спать с Машенькой, также складенец и скатертку.

Пришел в сад, расклат на скатертку меч-складенец и клубочик; пришли покупать и купили за то, что Ванюшке надобно с Машенькой ночь проспять. Они взяли Машеньку, напоили до пьяна и повалили спать. Ванюшка будил да плакал, что:

– Марья-царевна, как я до тебя доступал, три просвиры изглодал и три трости железные изподпирал, а ночь прошла.

Те девки пришли и его прогонили. Когда Иван ушел от них опять в сад, выложил скатертку-самолетку и клубочик, пришли эти девки, клубочик купили с тем, что ему с Машенькой ночь проспять. Оне Машеньку опять пьяную напоили и спать повалили и булавам у Машеньки платье к постеле приколотили, и Иванушко опять лег с Машенькой, а Машенька опять пьяная, он будил да плакал, разбудить не

мог. Опять ночь прошла, Иванушка опять прогнали, а Машенька когда разбудилась, стала допытываться. Этот Ванюшка опять в саду скатертку последнюю продавать, и пришли девки покупать скатертку, и продав Ванюшка за то, чтобы ночь с Машенькой спать. Когда Машеньку стали поить, то она будто пьет, а сама в рукав льет, она притворилась пьяная и повалили с Ванюшкой спать. Ванюшка заплакал и говорит:

– Как я до тебя доступал, три просвиры изглодал и три трости железные изподпирал, – как вдруг одна слеза попала Машеньке на лицо, она пробудилась, сразу воровски вышли и кольцо с руки на руку перекинули и оказались дома, и у Ванюшки дом опять стал хороший. Царь увидел, что и мосты хрустальные и сукном устланные и бегают карета-самоката, царь обрадел, сел на карету и приехал к зятю и дочери, и сделали пир на весь мир.

(Кадниковский у. 1907 г.)

Про покойников

Жена из могилы

Досюль играл молодец с девицей три года, и выдали эту девицу за другого молодца. Выдали в одну деревню, а за него не дали. Она жила с мужем с ним три года. Потом сделалась нездоровая, стала у ней глотка больна. Потом ее похоронили – она померла.

Она жила в земле шесть недель, потом она в земле поправилась и выстала из земли ночью и пришла к своему мужу. Ее там муж не пустил. Пришла она к отцу да к матери – и отец и мать ее в избу не пустили в ночное время. Пришла она к крестной матери – и крестная мать не пустила.

И она опомнилась:

– Пойду я к старопрежнему парочке, не пустит ли он. И пришла она против окошка. Он сидит у окна, пишет, и она <...> подавалась в окно. Он работника разбудил и пошел за ней с топорами. Работник, как увидел, пошел назад домой: испугался, что съест. А она парочке старопрежней:

– Мой парочка, возьми меня, я тебя не трону.

Он к ней пришел, ее обнял, а она ему сказала:

– Ты меня горазно не прижимай, мои косточки належа-лись.

Он взял ее в фатеру, замкнул в сенях на горнице и держал ее восемь недель там и не показывал никому, одевал и кормил.

Потом пошли они в церковь с тем парочкой. Пришли они в церковь, и все на нее смотрят: отец и мать, и муж, и крестна. Мать говорит:

– Это будто моя дочка стоит.

Все они переговариваются между дружкой, и она услышала. И вышли они из церкви на крыльцо, отсюда матери она говорит:

– Я ваша есть. Помните, как я в такую-то ночь к вам ходила, вы меня не пустили. Потом я пошла к старопрежнему парочке, он меня и взял, и кормил, и поил восемь недель, и одевал.

И присудили ей: за старого мужа не отдали ее назад, а с парочкой повенчали, который взял ее ночью.

Тут моя сказка, тут моя повесть, дайте хлеба поесть. В городе я была, мед пила, а рот кривой, а чашка с дырой, а в рот не попало.

Покойный дружок

Была девица, от родителей осталась одна и созналась с бурлаком с хорошим, слюбилася с ним. Девица даваться стала к деде да дединке, ей жить негде:

– Возьмите меня, подберите.

Они ей говорят:

– Покинь дружбу, дак мы тебя и возьмем.

Она сказала:

– Покину, возьмите только.

Они и взяли ее, а она дружбы не покинула, втай где на вечеринке сойдется. И до того доходила и долюбилися, что и в люди вышло, а дедя и дединка поругиваться стали. А молодец занемог да скоропостижно и помер. Дедя и дединка говорят:

– Слава богу, тепер с им знаться не будет.

Она ходит на вечериночку, а все по ем тоскует, все в уме держит. На вечериночку придет, да с вечериночки все с подругами порозь, ладит идти на могилу. И сходит, поревит. Придет и спать повалится, а он к ней и приходиться стал. Люди не видят, а она говорит с ним. Стала весела эдака, он говорит ей:

– Я умер, да не заболь. Сряжайся взамуж за меня.

До того дело дошло, что она платье наладила, отдала тючок подруге и говорит:

– Я сегодня взамуж пойду.

А подруга и говорит:

– Что ты, ведь его нет живого.

– Нет, он ожил.

– А пошто люди не видали никто?

Пришли с подругой на вечеринку, опять его и видать, а подруги не видят. Тут сговорились они, он и говорит ей:

– Я пойду домой, а ты приходи к моей фатерке, из фатерки пойдем венчаться.

Она пришла в его фатерку, а он лежит покоен в савану, свечка горит, образ, она тут и сробела. Тут и самой смерть пришла.

Поутру ставают дедина с дединкой – нет племянницы: «Где, где, где?» – не знают, где и взять. Подруга та и сказывает, что она взамуж сряжалася за досельного любовника. Платье посмотрели – нету. Деда и пошел на могилку, а она на его могиле лежит мертва, а платье по крестам разлеплено.

Про клады

Свиное рыло

Жили мы тогда в Онисимове. А ведь около Онисимова, сам знаешь, крутая гора, прекрутая, к Ветлуге-то. Тут есть маленький лесок. Пошел я этак раз – лет десять мне было – в лесок этот грибы собирать. Хожу, шатаюсь по косогору-то, где гриб, где два сорву.

Пришлось проходить мне около ключа. Вот и покажись мне, братец ты мой, стоит бы в косогоре-то сундук, как раз на ручье на самом, окован железом весь, около аршина ширины и аршина полтора в длину, весь обтыкан по сторонам костями, большущими костями, не знаю – чьими, так вот и торчат по бокам-то. Поиспугался я тут, да ничего. Мороз по коже подирает, а смотрю.

Вдруг покажись мне тут свиное рыло; оскалила зубы эта свинья и смотрит на меня, изо рта вода. Оторопь взяла меня тут, сам не свой сделался, волосы дыбом на голове. Взглянул на рыло-то, – ей, да унеси-ко оттуда, господи, что есть прыти домой. Прибегаю домой – на мне лица нет. Что, спрашивают, с тобой? Я в слезы. Едва-едва успокоился и рассказал, в чем дело.

На другой день ходили с крестным оба осматривать то ме-

сто, но и места-то уж не нашли, ничего похожего даже нет.

Ходят черные кошки кругом

Недалеко от Чердаклов (Самарская губерния, Ставропольский уезд) есть дуб. Под ним лежит клад.

Вот раз мужики пошли его рыть, ружье на всякий случай взяли. Пришли. Видят – около дуба (с полуночи) ходят черные кошки кругом. Стали они смотреть – глаз отвести не могут. Закружилась у них голова – и попадали мужики наземь. Очнулись, хотели рыть, а кошки опять хороводиться пошли, то влево, то вправо. Так и бросили: страшно стало. Говорят, что на этом дубе повесился тот, кто клад зарыл.

На цепях бочки с золотом

В Саратовской губернии, в Кузнецком уезде, возле села Елюзани, клад есть: в озере на цепях бочки с золотом опущены. Тут прежде разбойники жили и оставили все награбленное добро в озере, а для того чтобы никто не узнал, куда они дели золото, сносили его в воду по ключу: по нем и от озера шли и к озеру. Озеро почти все теперь илом занесло, и клад никому еще не дался.

Давай бог ноги!

Раз человек десять пошли клад рыть, в лес. С ними и свяжись один шутник. Дорогой он поотстал, а те вперед целиком пшеницей идут, тропу проложили. Он сзади шел да колосья через тропу-то и связал. Вот они пришли к месту, стали рыть, а он в стороне притаился да стонет. Те и стали переговариваться:

– Ты это?

– Нет.

– Кто-то стонет будто...

Он как заревет – они и давай бог ноги!

Побежали тропой-то, как до завязи добегут – грох об землю! Задние набегут – да через передних-то грох! Обеспамятели со страху: насилу домой пришли. А тот хохочет сидит. Уж после они его, как узнали, ругали-ругали...

Баба с рогами

В поле мужики у нас работали. Вдруг видят: баба стоит с рогами – клад это самый и был. Стоят они и смотрят, а подойти сами не смеют.

Так она и рассыпалась тут же на их глазах, пока они глядели. И стала тут груда камней. И до сей поры лежит, гово-

рят... Не умели зачурать, значит.

Про святых и библейских персонажей

Сотворение мира

<...> По досюльному окиян-морю плавало два гоголя: один бел гоголь, а другой черен гоголь. И тыми двумя гоголями плавали сам господь-вседержитель и сатана. По божию повелению, по богородицыну благословению, сатана выздынул со дна моря горсть земли. Из той горсти господь-то сотворил ровные места и путистые поля, а сатана наделал непроходимых пропастей, щильев и высоких гор. И ударил господь молотком в камень и создал силы небесные. Ударил сатана в камень молотком и создал свое воинство. И пошла между воинствами великая война: поначалу одолевала было рать сатаны, но под конец взяла верх сила небесная. И сверзил Михайла-архангел с небеси сатанино воинство, и попало оно на землю в разные места: которые пали в леса, стали лесовиками, которые в воду – водяниками, которые в дом – домовиками, иные упали в бани и сделались баенниками, иные во дворах – дворовиками, а иные в ригах – ригачниками.

Собачья доля

Давным-давно в времена незапамятные, когда людей еще было мало на свете, все хлебные растения, как-то: рожь, ячмень, пшеница и другие – родились такими колосистыми, что колос был в длину всего стебля, от макушки до земли, и такими полновесными, что несколько таких колосьев только что в подъем для одной руки человеческой. Много и теперь ленивых жниц, а тогда все женщины были лентяйки, живши в довольстве, как сыр в масле, притом их было не много, а всего родилось в изобилии.

Вышли раз в то время женщины жать такую колосистую и полновесную рожь и стали роптать на бога, что он родит рожь с такими колосьями, которые и тяжелы, и простираются в длину всего стебля, как бы только для того, чтобы они мучились, когда и в руку-то забирать такие усатистые и увесистые колосья неудобно и тяжело, а носить снопы и возить в гумны совсем не под силу.

Бог, услышавши такой ропот, решил стрясти все колосья и оставить одни стебли. Но в то время, когда он приступил к этому делу, в поле находилась собака. Смекнувши, что если очистится весь колос, то хлеба вовсе не будет, она завывала жалобно, прося бога оставить хотя небольшую часть колоса на их собачью долю. И бог внял собачьему вою и, сжалившись, очистил не весь колос, а оставил его на верху стебля

настолько, насколько он родится и теперь. И так люди теперь питаются не своею долею хлеба, а собачьею.

Чудо на мельнице

Када-то пришел Христос в худой нищенской одеже на мельницу и стал просить у мельника святую милостыньку. Мельник осерчал:

– Ступай, ступай отселева с богом! Много вас таскается, всех не накормишь! – так-таки ничего и не дал.

На ту пору случись – мужичок привез на мельницу смолоть небольшой мешок ржи, увидал нищего и сжалился:

– Подь сюды, я тебе дам.

И стал отсыпать ему из мешка хлеб-ат. Отсыпал почитай с целую мерку, а нищий все свою кису подставляет.

– Что, али еще отсыпать?

– Да, коли будет ваша милость!

– Ну, пожалуй!

Отсыпал еще с мерку, а нищий все-таки подставляет свою кису. Отсыпал ему мужичок и в третий раз, и осталось у него у самого зерна так самая малость.

– Вот дурак! Сколько отдал, – думает мельник, – да я еще за помол возьму. Что ж ему-то останется?

Ну, хорошо. Взял он у мужика рожь, засыпал и стал молоть. Смотрит: уж много прошло времени, а мука все сыпится да сыпится! Что за диво! Всего зерна-то было с четверть,

а муки намолололось четвертей двадцать, да и еще осталось, что молоть: мука себе все сыпится да сыпится... Мужик не знал, куды и собирать-то!

Чудесная молотьба

Жил да был мужичок. Жил он больно бедно, ничего у него не было, и хлебушка на год не хватало. Этот мужичок был для странников и для нищих очень милосердным: когда к нему приходили странники и нищие, он никогда не отказывал в Христовом подаянии, завсегда их принимал на ночлег, ухаживал за ними и делил с ними пополам свою скудную пищу.

Вот, ходили два странника: один – Иисус Христос, а другой – Николай-чудотворец. И они часто заходили к этому мужичку, ночевали у него и полюбили всей душой этого мужичка. И вот Николай-чудотворец стал просить у Иисуса Христа, чтобы этому мужичку дать богатство. Иисус Христос не отказал Николаю-чудотворцу:

– Ты, – говорит, – теплый молитвенник и ходатай перед богом, и как тебе отказать?

Однако не советовал Николаю:

– Что, – говорит, – из этого человека выйдет?

А все-таки согласился. И мужичок с каждым годом стал все больше богатеть и богатеть: и хлеба у него вырастет больше другого, и скотинки прибавится. И он стал форменным

богачом.

И вот опять пошли странствовать Иисус Христос с Николаем-чудотворцем. И зашли посмотреть, что из этого мужичка вышло? Пришли и опять зашли к нему. Мужичок их и не пустил сразу, как сперва, и только после настойчивых просьб странников пустил их с условием, что они пойдут завтра молотить.

Когда странники легли спать, тогда, ночью, хозяин уделал и насадил овин и пошел сушить овин. Когда высушил, тогда приходит и зовет странников молотить. Те не соглашаются, говорят, что надо им с дорожки отдохнуть. Он рассердился и одного странника, с краю, набил. А с краю-то лежал Иисус Христос. И говорит мужик:

– После приду и другого также налуплю!

Походил там около овина, посмотрел и опять идет будить странников. А тем временем, когда он ходил, Иисус Христос с Николаем-чудотворцем переменился местами и лег к стенке. Тот приходит и опять будит их. Они опять не встают. Мужик рассердился и набил, да опять Иисуса же Христа.

И третий раз то же случилось, и тоже Иисусу Христу досталось.

После третьего разу странники встали и пошли молотить. Каким-то чудом все у них – и зерно отделялось, и мякина, и пелёва, и все: не надо было переивать (на веялке). Мужичок, видя таких даровых работников, попросил их остаться и обещал хорошо платить им за работу. Те не согласились.

А когда пошли, так сказали:

– Этак же молоти, через огонь, как и мы!

На другой же день мужик захотел попробовать: как это так «молотить через огонь»? Взял, вывез из кладух весь хлеб и хотел в один день весь измолотить. Когда он зажег – так же, как делали Иисус Христос и Николай-чудотворец, – тогда у него весь хлеб сгорел. Головешки перетащило на его дом и всё спалило.

И мужик остался еще беднее, чем был прежде.

Богородица заступилась

Это было. Да вот один человек жил со своей женой. Жена была набожна и была благоразумна. Там мужичок жил богато и потом по пьянству все деньги пропил. Плохо ему зажилося.

Однажды он пришел в кабак. Весь день просидит, денег нет, а выпить охота. Так пошел, запечалился: денег нет, продать нечего.

– Кто бы, – говорит, – денег дал, дак жену бы продал бы.

Потом идет дорогой и встречает человека.

– Што, – говорит, – думал?

– А думал, – говорит, – надуть сказать по правде, кто денег дал бы, так я свою жену бы продал.

– Дам, – говорит, – только приведи жену на такое-то число. Поутру вставай на зоре, веди жену.

По указанну им в такое-то место. Он сказал:

– Где ты деньги возьмешь?

– Я тебе, – говорит, – выкопаю клад, что денег страшно много, – говорит.

Вот живут. Жена и такого дела не знает, что он так ее продал. Потом срок истек. Потом надоть вести жену на указанно место.

– Пойдем, – говорит, – жена, в одном месте есть у нас за полянками клад большой. А без тебя, – говорит, – не дается. И мы, – говорит, – получим его, много денег получим, ты сама видишь, так как нам живется плохо. Тогда будем жить хорошо.

Потом жена пошла. Хорошо, идет муж и жена за им. Такой жены кроткой жалко стало. Ну, что ж делать?

При пути была церковь, храм божий. Вот она мужу объяснила:

– Супруг, – говорит, – я схожу в церковь помолиться, а ты обожди минуточку.

Он говорит:

– Иди.

Она зашла в храм и усердно поклонилась пресвятой богородице. Молилась и плакала, да в слезах она и заснула. Потом сжалилась пресвятая богородица над женщиной, обофор на себя накинула и пошла.

Потом муж стоит, дожидается жены и дождался – думает, что жена. И пошли, где указано место, а духа злобы еще

нет. Вдруг подынулась страшная буря: начало лес ломить. И вот прилетает дух.

– Привел, – говорит, – жену.

Он в испуге молчал. Потом быстро подскочил, думает, что жена его, и она осенила его благодетей. Он отскочил от нее на много стадий.

– Ах ты, – говорит, – подлец! Ты не жену свою привел, а ты привел матери Иисуса Назаря.

Итак, это дело узнав, дух и так быстро подскочил к мужику с яростью. И потом пресвятая богородица мужика защитила, и так что свой обофор подняла, и так что дух злобы подскочил на несколько стадий, и земля разверзлась, и сделалась ущелина, подземелье. В эту яму он ввернулся и пропал. Потом и скрылась пресвятая богородица в тот момент.

Потом мужик понял, что защитила жену пресвятая богородица. Тогда мужик усердно замолился о своем прегрешении. Да пошел мимо церкви, жена выходит из церкви, так что он в испуге ничего жене не сказал. И пошли они домой и стали жить и усердно трудиться и повели благочестивую жисть. Распутную жисть мужик бросил <...>. Тем и кончилось...

Соломон премудрый

Иисус Христос после распятия сошел во ад и всех оттуда вывел, окромя одного Соломона Премудрого.

– Ты, – сказал ему Христос, – сам выйди своими мудростями!

И остался Соломон один в аду. Как ему выйти из аду? Думал-думал да и стал вить завертку. Подходит к нему маленький чертенок да и спрашивает, на что вьет он веревку без конца.

– Много будешь знать, – отвечал Соломон, – будешь старше деда своего, сатаны. Увидишь, на что!

Свил Соломон завертку да и стал измерять ею в аду. Чертенок опять стал у него спрашивать, на что он ад измеряет?

– Вот тут монастырь поставлю, – говорит Соломон Премудрый. – Вот тут церковь соборную.

Чертенок испугался, бегом побежал и рассказал все деду своему, сатане, а сатана взял да и выгнал из аду Соломона Премудрого.

Касьян и Никола

Раз в осеннюю пору увязил мужик воз на дороге. Знамо, какие у нас дороги, а тут еще случилось осенью – так и говорить нечего! Мимо идет Касьян-угодник. Мужик не узнал его и давай просить:

– Помоги, родимой, воз вытащить!

– Поди ты! – сказал ему Касьян-угодник. – Есть мне когда с вами валяндаться! – Да и пошел своею дорогою.

Немного спустя идет тут же Никола-угодник.

– Батюшка, – завопил опять мужик, – батюшка! Помоги мне воз вытащить. – Никола-угодник и помог ему.

Вот пришли Касьян-угодник и Никола-угодник к богу в рай.

– Где ты был, Касьян-угодник? – спросил бог.

– Я был на земле, – отвечал тот, – прилучилось мне идти мимо мужика, у которого воз завяз. Он просил меня: помоги, говорит, воз вытащить. Да я не стал марать райского платья.

– Ну, а ты где так выпачкался? – спросил бог у Николы-угодника.

– Я был на земле, шел по той же дороге и помог мужику вытащить воз, – отвечал Никола-угодник.

– Слушай, Касьян! – сказал тогда бог. – Не помог ты мужику – за то будут тебе через три года служить молебны. А тебе, Никола-угодник, за то, что помог мужику воз вытащить, – будут служить молебны два раза в год.

С тех пор так и сделалось: Касьяну в високосный только год служат молебны, а Николе два раза в год.

Про Егория храброго

Ехал раз мужик лесом. Дело днем было, летом. Только вдруг видит: на овцу волк кинулся.

Овца испугалась, кинулась под телегу. Волк испугался, убежал.

Мужик взял овцу и повез с собой, проехал сажень пять от

того места, стало ни зги не видно – темная ночь. Он диву дался. Ехал, ехал и сам не знает куда.

Вдруг видит огонек.

– А, – думает, – это, видно, гуртовщики. Хоть у них спросу, куда ехать.

Подъезжает и видит – костер разложен, а кругом волки сидят и с ними сам Егорий Храбрый. А один волк сидит в сторонке да зубами щелкает.

Говорит мужик, что, мол, так и так, заплутался, не знаю, где дорогу найти. Егорий ему и говорит:

– Зачем, – говорит, – у волка овцу отнял?

– Да она, – говорит мужик, – ко мне бросилась. Мне ее жаль стало.

– А чем же волки-то кормиться будут? Вот эти, видишь, сытые лежат, а этот голодный, зубами щелкает. Я их кормлю; все довольны, только один жалуется. Брось ему овцу, тогда укажу дорогу. Ведь эта овца была волку обречена, так чего ты ее отнял?

Мужик взял и бросил волкам овцу. Как только бросил, стал опять ясный день, и дорогу домой нашел.

Матушка Пятница

Когда-то одна баба не почла матушку Пятницу и начала прядиво мыкать да вертеть. Пропряла она до обеда, и вдруг сон на нее нашел – такой могучий сон! Уснула она, вдруг

отворилась дверь, и входит, вишь, матушка Пятница воочью всем, в белом шушуне, да сердитая такая! И шмыг прямо к бабе, что пряла-то. Набрала в горсть кастрики с пола, какая отлетала-то от мочек, и ну посыпать ей глаза, и ну посыпать! Посыпала да и была такова: поминай как звали! Ничего и не молвила, сердешная. Та баба как проснулась, так и взвыла благим матом от глаз, и не ведая, от чего они заболели. Другие бабы сидят в ужасьи и учили вопить:

– Ух ты окаянная! Заслужила казнь лютую от матушки Пятницы!

И сказали ей все, что было.

Та баба слушала-слушала и ну просить:

– Матушка Пятница! Взмилуйся мне, помилуй меня, грешную. Поставлю тебе свечку и другу-недругу закажу обижать тебя, матушка!

И что ж ты думаешь? Ночью, вишь, опять приходила она и выбила из глаз у той бабы костру-то, и она опять встала.

Грех великий обижать матушку Пятницу – прядиво мыкать да прясть!

Приложения

О повериях, суевериях и предрассудках русского народа. В.И.Даль

Вступление

Шиллер сказал: «и в детской игре кроется иногда глубокий смысл» – а Шекспир: «и на небе и на земле есть еще много такого, чего мудрецы ваши не видывали и во сне». Это можно применить к загадочному предмету, о коем мы хотим поговорить. Дух сомнения составляет свойство добросовестного изыскателя; но само по себе и безусловно, качество сие бесплодно и даже губительно. Если к этому еще присоединится высокомерное презрение к предмету, нередко служащее личиной невежества особенного рода, – то сомнение, или неверие, очень часто бывает лицемерное. Большая часть тех, кои считают долгом приличия гласно и презрительно насмехаться надо всеми народными предрассудками, без разбора, – сами верят им втихомолку, или по крайней мере из

предосторожности, на всякий случай, не выезжают со двора в понедельник и не здороваются через порог.

С другой стороны, если и смотреть на поверия народа, вообще, как на суеверие, то они не менее того заслуживают нашего внимания, как значительная частица народной жизни, это путы, кои человек надел на себя – по своей ли вине, или по необходимости, по большому уму, или по глупости, – но в коих он должен жить и умереть, если не может стряхнуть их и быть свободным. Но где и когда можно или должно сделать то или другое, – этого нельзя определить, не разобрав во всей подробности смысла, источника, значения и силы каждого поверия. И самому глупому и вредному суеверию нельзя противодействовать, если не знаешь его и не знаком с духом и с бытом народа.

Поверием называем мы вообще всякое укоренившееся в народе мнение или понятие, без разумного отчета в основательности его. Из этого следует, что поверие может быть истинное и ложное; в последнем случае оно называется собственно суеверием или, по новейшему выражению, предрассудком. Между этими двумя словами разницы мало; предрассудок есть понятие более тесное и относится преимущественно к предостерегательным, суеверным правилам, что, как и когда делать или не делать. Из этого усматривается, еще в третьем значении, важность предмета, о коем мы говорим; он дает нам полную картину жизни и быта известного народа.

Не только у всех народов земного шара есть поверия и суеверия, но у многих они довольно схожи между собою, указывая на один общий источник и начало, которое может быть трех родов: или поверие, возникшее в древности, до разделения двух народов, сохранилось по преданию в обоих; или, родившись у одного народа, распространилось и на другие; или же наконец поверие, по свойству и отношениям своим к человеку, возникло тут и там независимо одно от другого. В этом отношении есть много ученых указаний у г. Снегирева. Сочинитель настоящей статьи ограничился одними только повериями русского народа, или даже почти исключительно тем, что ему случилось собрать среди народа; посему статья эта вовсе не есть полное исследование этого предмета, а только небольшой сборник или собрание подручных в настоящее время запасов.²³²

Север наш искони славится преимущественно большим числом и разнообразием поверий и суеверий о кудесничестве разного рода. Едва ли большая часть этого не перешла к нам от чудских племен. Кудесники и знахари северной половины отличаются также злобою своею, и все рассказы о них носят на себе этот отпечаток. На юге видим более поэзии, более

---

²³² Я с намерением не перечитывал теперь сочинений ни г. Снегирева, ни г. Сахарова. Я даю только сборник, запас, какой случился. Праздничных обрядов я мало касаюсь, потому что предмет этот обработан г. Снегиревым; а повторения того, что уже помещено в Сказаниях г. Сахарова, произошли случайно, из одного и того же источника. Я дополнил статью свою из одной только печатной книги: Русские суеверия, Чулкова, в которой впрочем весьма немного русского.

связных, сказочных и забавных преданий и суеверий, в коих злобные чернокнижники являются только как необходимая прикраса, для яркой противоположности. Нигде не услышите вы столько о порче, изурочении, как на Севере нашем; нигде нет столько затейливых и забавных рассказов, как на Юге.

Поверия местные, связанные с известными урочищами, курганами, городами, селами, городищами, озерами и проч., не могли войти в эту статью главнейше потому, что такое собрание вышло бы ныне еще слишком неполно и отрывочно. Если бы у нас много лет сряду занимались повсеместно сбором этих преданий, тогда только можно бы попытаться составить из них что-нибудь целое. Но предания эти гибнут невозвратно; их вытесняет суровая вещественность, – которая новых замысловатых преданий не рождает.

Все на свете легче осмеять, чем основательно опровергнуть, иногда даже легче, нежели дать ему веру. Подробное, добросовестное разбирательство, сколько в каком поверии есть или могло быть некогда смысла, на чем оно основано и какую ему теперь должно дать цену и где указать место – это не легко. Едва ли, однако же, можно допустить, чтобы поверие, пережившее тысячелетия и принятое миллионами людей за истину, было изобретено и пущено на ветер, без всякого смысла и толка. Коли есть поверия, рожденные одним только праздным вымыслом, то их очень немного; – и даже у этих поверий есть, по крайней мере, какой-нибудь источник,

например: молодцевание умников или бойких над смиренными; старание поработить умы самым сильным средством – общественным мнением, против которого слишком трудно спорить.

У нас есть поверия – остаток или памятник язычества; они держатся потому только, что привычка обращается в природу, а отмена старого обычая всегда и везде встречала сопротивление. Сюда же можно причислить все поверия русского баснословия, которое, по всей вероятности, в связи с отдаленными временами язычества. Другие поверия придуманы случайно, для того чтобы заставить малого и глупого, окольным путем, делать или не делать того, чего от него прямым путем добиться было бы гораздо труднее. Застращав и поработив умы, можно заставить их повиноваться, тогда как пространные рассуждения и доказательства, ни малого, ни глупого, не убедят и, во всяком случае, допускают докучливые опровержения.

Поверия третьего разряда, в сущности своей, основаны на деле, на опытах и замечаниях; поэтому их неправильно называют суевериями; они верны и справедливы, составляют опытную мудрость народа, а потому знать их и сообразоваться с ними полезно. Эти поверия бесспорно должны быть все объяснимы из общих законов природы: но некоторые представляются до времени странными и темными.

Засим непосредственно следуют поверия, основанные также в сущности своей, на явлениях естественных, но об-

ратившиеся в нелепость по бессмысленному их применению к частным случаям.

Пятого разряда поверия изображают дух времени, игру воображения, иносказания – словом, это народная поэзия, которая, будучи принята за наличную монету, обращается в суеверие.

К шестому разряду, наконец, должно причесть – может быть только до поры до времени – небольшое число таких поверий, в коих мы не можем добиться никакого смысла. Или он был утрачен по изменившимся житейским обычаям, или вследствие искажений самого поверия, или же мы недовольно исследовали дело, или, наконец, может быть в нем смысле нет и не бывало. Но как всякая вещь требует объяснения, то и должно заметить, что такие вздорные, уродливые поверия произвели на свет, как замечено выше, или умничанье, желание знать более других и указывать им, как и что делать, – или пытливый, любознательный ум простолюдина, доискивающийся причин непонятного ему явления; эти же поверия нередко служат извинением, оправданием и утешением в случаях, где более не к чему прибегнуть. С другой стороны, может быть, некоторые бессмысленные поверия изобретены были также и с тою только целью, чтобы, пользуясь легковерием других, жить на чужой счет. Этого разряда поверия можно бы назвать мошенническими.

Само собою разумеется, что разряды эти на деле не всегда можно так положительно разграничить; есть переходы, а

многие поверия без сомнения можно причислить и к тому и к другому разряду; опять иные упомянуты у нас, по связи своей с другим поверием, в одном разряде, тогда как они в сущности принадлежат к другому. Так, например, все лицедеи нашего баснословия принадлежат и к остаткам язычества, и к разряду вымыслов пиитических, и к крайнему убежищу невежества, которое не менее, как и самое просвящение, хотя и другим путем, ищет объяснения непостижимому и причины непонятных действий. Лица эти живут и держатся в воображении народном частью потому, что в быту простолюдина, основанном на трудах и усилиях телесных, на жизни суровой, – мало пищи для духа; а как дух этот не может жить в бездействии, хотя он и усыплен невежеством, то он и уносится, посредством мечты и воображения, за пределы здешнего мира. Не менее того пытливый разум, изыскивая и не находя причины различных явлений, в особенности бедствий и несчастий, также прибегает к помощи досужего воображения, олицетворяет силы природы в каждом их проявлении, сваливает все на эти лица, на коих нет ни суда, ни расправы, – и на душе как будто легче.

Вопрос, откуда взялись баснословы лица, о коих мы хотим теперь говорить – возникал и в самом народе: это доказывается сказками об этом предмете, придуманными там же, где в ходу эти поверия. Домовой, водяной, леший, ведьма и проч. не представляют собственно нечистую силу; но, по мнению народа, созданы ею, или обращены из людей, за

грехи или провинности. По мнению иных, падшие ангелы, спрятавшиеся под траву *прострел*, поражены были громовой стрелой, которая пронзила ствол этой травы, употребляемой по этому поводу для залечения ран – и низвергла падших духов на землю; здесь они рассыпались по лесам, полям и водам и населили их. Все подобные сказки явным образом изобретены были уже в позднейшие времена; может быть древнее их мнение, будто помянутые лица созданы были нечистым для услуг ему и для искушения человека; но что домовый, например, который вообще добродетельнее прочих, отложился от сатаны – или, как народ выражается, от черта отстал, а к людям не пристал.

І. Домовой

Домовой, домовик, дедушка, старик, постен или *постень*, также *лизун*, когда живет в подполье с мышами, – а в Сибири *суседко*, – принимает разные виды; но обыкновенно это плотный, не очень рослый мужичок, который ходит в коротком смуром зипуне, а по праздникам и в синем кафтане с алым поясом. Летом также в одной рубахе; но всегда босиком и без шапки, вероятно потому, что мороза не боится и притом всюду дома. У него порядочная седая борода, волосы острижены в скобку, но довольно косматы и частью застилают лицо. Домовой весь оброс мягким пушком, даже подошвы и ладони; но лицо около глаз и носа нагое. Косматые по-

дошвы выказываются иногда зимой, по следу, подле конюшни; а что ладони у домового также в шерсти, то это знает всякий, кого дедушка гладил ночью по лицу: рука его шерстит, а ногти длинные, холодные. Домовой по ночам иногда щиплетя, отчего остаются синяки, которые, однако, обыкновенно не болят; он делает это тогда только, когда человек спит глубоким сном. Это поверие весьма естественно объясняется тем, что люди иногда, в работе или хозяйстве, незаметно зашибаются, забывают потом об этом, и, увидев через день или более синяк, удивляются ему и приписывают его домовому. Иные, впрочем, если могут опаматоваться, спрашивают домового, когда он щиплетя: любя или не любя? к добру или к худу? и устаиваются ответа, а именно: домовый плачет или смеетя; гладит мохнатой рукой или продолжает зло щипатя; выберит или скажет ласковое слово. Но домовый говорит очень редко; он гладит мохнатой рукой к богатству, теплой к добру вообще, холодной или шершавой, как щетка, к худу. Иногда домовый просто толкает ночью, будит, если хочет уведомить о чем хозяина, и на вопрос: что доброго? предвешает теми же знаками, добро или худо. Случаетя слышать, как люди хвалятя, что домовый погладил их такой мягкой ручкой, как собольим мехом. Он вообще не злой человек, а больше причудливый проказник: кого полюбит, или чей дом полюбит, тому служит, ровно в кабалу к нему пошел; а уж кого невлюбит, так выживет и, чего доброго, со свету сживет. Услуга его бывает такая, что он чистит, метет, скре-

бет и прибирает по ночам в доме, где что случится; особенно он охоч до лошадей: чистит их скребницей, гладит, холит, заплетает гривы и хвосты, подстригает уши и щетки; иногда он сядет ночью на коня и задает конец, другой по селу. Случается, что кучер или стремянный сердятся на домового, когда барин бранит их за то, что лошадь ездой или побеежкой испорчена; они уверяют тогда, что домовый наездил так лошадь, и не хуже цыгана сбил рысь на иноходь или в три ноги. Если же лошадь ему не полюбится, то он обижает ее: не дает есть, ухватит за уши, да и мотает голову; лошадь бьется всю ночь, топчет и храпит; он свивает гриву в колтун и, хоть день за день расчесывай, он ночью опять собьет хуже прежнего, лучше не тронь. Это поверие основано на том, что у лошади, особенно коли она на плохом корму и не в холе, действительно иногда образуется колтун, который остригать опасно, а расчесать невозможно. Если домовый сядет на лошадь, которую не любит, то приведет ее к утру всю в мыле, и вскоре лошадь спадет с тела. Такая лошадь пришлась *непо двору*, и ее непременно должно сбыть. Если же очень осерчает, так перешибет у нее зад, либо протащит ее бедную в подворотню, вертит и мотает ее в стойле, забьет под ясли, даже иногда закинет ее в ясли кверху ногами. Нередко он ставит ее и в стойло занузданную, и иному барину самому удавалось это видеть, если рано пойдет на конюшню, когда еще кучер, после ночной погулки, не успел проспаться и опохмелиться. Ясно, что все поверия эти принадлежат именно к числу мошенни-

ческих и служат в пользу кучеров. Так напр., кучер требовал однажды от барина, чтобы непременно обменять лошадь на другую, у знакомого барышника, уверяя, что эту лошадь держать нельзя, ее домовый невзлюбил и изведет. Когда же барин, несмотря на все явные доводы и попытки кучера, не согласился, а кучеру не хотелось потерять обещанные могарычи, то лошадь точно, наконец, взбесилась вовсе, не вынеся мук домового, и околела. Кучер насыпал ей несколько дробей в ухо; а как у лошади ушной проход устроен таким изворотом, что дробь эта не может высыпаться обратно, то бедное животное и должно было пасть жертвою злобы мнимого домового. Домовой любит особенно вороных и серых лошадей, а чаще всего обижает соловых и буланых. Домовой вообще хозяйничает исключительно по ночам; а где бывает днем, это неизвестно. Иногда он забавляется, как всякий знает, вскочив сонному коленями на грудь и, принявшись, ни с того, ни с сего, душить человека; у других народов есть для этого припадка название алец, кошемар, а у нас нет другого, как домовый душил. Он впрочем, всегда отпускает душу на покаяние и никогда не душит насмерть. При этом домовый иногда бранится чисто по-русски, без зазрения совести; голос его грубый, суровый и глухой, как будто раздается вдруг с разных сторон. Когда он душит, то отогнать его можно только такою же русскою бранью; — кто может в это время произнести ее, того он сей же час покидает, и это верно: если в сем припадке удушья сможешь заговорить, бран-

ное или небранное, то всегда опомнишься и можешь встать. Иные и в это время также спрашивают: к добру или к худу? и дедушка завывает глухо: к ху-у-ду! Вообще, он более знает с мужчинами, но иногда проказит и с бабами, особенно если они крикливы и бестолковы. Расхаживая по дому, он шаркает, топает, стучит, гремит, хлопает дверьми, бросает, чем попало, со страшным стуком; но никогда не попадает в человека; он иногда подымает где-нибудь такую возню, что хоть беги без оглядки. Это бывает только ночью, в подполье, в клети, сенях, чулане, в порожней половине, или на чердаке; иногда он стаскивает и сваливает ворохом все, что попадет-ся. Перед смертью хозяина, он садится иногда на его место, работает его работу, надевает его шапку; поэтому, вообще, увидеть домового в шапке – самый дурной знак. Перебираясь в новый дом, должно, перекрестившись в красном углу, оборотиться к дверям и сказать: «хозяин домовый, пойдем со мной в дом». Коли ему полюбит-ся житье, то станет жить смирно и ходить около лошадей; а нет, так станет проказить. Голоса его почти никогда не услышишь, разве выберит ко-го-нибудь, или зааукает на дворе, либо станет дразнить лошадей, заржав по-кониному. Следы проказ его нередко видны и днем: например, посуда вся очутится за ночь в поганом ушате, сковородники сняты с дровка и надеты на рога ухвата, а утварь сиделая, столы, скамьи, стулья переломаны, либо свалены все в одну кучу. Замечательно, что домовый не любит зеркала; иные даже полагают, что его можно выкурить

этим средством из такой комнаты, где он много проказит. Но он положительно не терпит сорок, даже мертвых, почему и полезно подвешивать на конюшне убитую сороку. В каких он сношениях с козлом, неизвестно; но козел на конюшне также удаляет или задабривает домового. В этом поверие нет, однако же, связи с тем, что козел служит ведьме; по крайней мере никто не видал, чтобы домовый ездил на козле. Иные объясняют поверие это так: лошади потеют и болеют, если в конюшне водится ласочка, которая в свою очередь будто не любит козла и от него уходит.

В иных местах никто не произнесет имени домового, и от этого обычая не поминать или не называть того, чего боишься, как напр. лихорадку, — домовый получил столько индифферентных кличек, в том числе почетное звание дедушки. В некоторых местах дают ему свойство оборотня и говорят, что он катится иногда комом снега, клочком сена, или бежит собакой.

Для робких, домовый бывает всюду, где только ночью что-нибудь скрипнет или стукнет; потому что и домовый, как все духи, видения и привидения, ходит только в ночи, и особенно пред светом; но кажется, что домовый не стесняется первым криком петуха, как большая часть прочих духов и видений. Для недогадливых и невежд, домовый служит объяснением разных непонятных явлений, оканчивая докучливые опросы и толки. А сколько раз плуты пользовались и будут пользоваться покровительством домового! Кучера, под име-

нем его, катаются всю ночь напролет и заганивают лошадей, или воруют и продают овес, уверяя, что домовый замылил лошадь или не дает ей есть; а чтобы выжить постылого постояльца или соседа, плутоватый хозяин не раз уже ночи три или четыре напролет возился на чердаке в снях и конюшне и достигал иногда цели своей. Нередко впрочем и случайные обстоятельства поддерживают суеверие о домовом. Во время последней польской войны, наш эскадрон стоял в известном замке, в Пулаве, и домовый стал выживать незваных постояльцев: в продолжение всей ночи в замке, особенно в комнате, занятой нашими офицерами, подымался такой страшный стук, что нельзя было уснуть; а между тем самые тщательные разыскания ничего не могли открыть, нельзя было даже определить с точностью, где, в каком углу или месте домовый возится, — хотя стук был слышен каждому. Плутоватый кастелян пожимал плечами и уверял, что это всегда бывает в отсутствие хозяина, которого домовый любит и уважает, и при нем ведет себя благочинно. Случайно открылось, однако же, что домовый иногда и без хозяина успокаивался и что это именно случалось тогда, когда лошади не ночевали на конюшне. Сделали несколько опытов, и дело объяснилось: конюшня была через двор; не менее того, однако же, в одной из комнат замка прихлала как-то акустическая точка, относительно этой конюшни, и топот лошадей раздавался в ней так звучно, что казалось, будто стук этот выходит из подполья или из стен. Открытие это кастеляну было очень не по

вкусу.

В народе есть поверие о том, как и где домового можно увидеть глазами, если непременно захотеть: должно выскать (скатать) такую свечу, которой бы стало, чтобы с нею просто-вать в страстную пятницу у страстей, а в субботу и в воскресенье у заутрени; тогда между заутрени и обедни, в светлое воскресенье, зажечь свечу эту и идти с нею домой, прямо в хлев или коровник: там увидишь дедушку, который сидит, притаившись в углу, и не смеет тронуться с места. Тут можно с ним и поговорить.

II. Знахарь и знахарка

Знахарь и *знахарка* – есть ныне самое обыкновенное название для таких людей, кои слизывают от глаза, снимают всякую порчу, угадывают о пропажах и проч. *Колдун, колдунья, ведун и ведунья* встречаются реже, и должны уже непременно знаться с нечистой силой, тогда как знахарь, согласно поверию, может ходить во страхе Божиим и прибегать к помощи креста и молитвы. *Волхв* означает то же, что колдун, но слово это в народе не употребительно; даже о *колдуне* или колдунье слышно уже более в сказках; *кудесники* и *доки* местами тоже известны, более на севере, и означают почти то же, что колдун. *Ворожея, ворожка* относится собственно к гаданию разными способами, не заключает в себе условие чернокнижия, но и не исключает его положительно, почему

и говорится: я не колдун, да отгадчик – то есть, знаясь с бесом, умею отгадывать. Кроме общеизвестных способов гадания на картах, на кофейной гуще, на руке, на воску, или на вылитом в воде яйце, или топлёном свинце, на бобах – отчего родилась поговорка: беду на бобах развести, – есть также гадания по священным книгам, суеверие, выходящее ныне уже из употребления. Гадают также, повесив на веревочку решето и псалтырь, причем то или другое должно перевернуться, если назовут имя виновного.

Несколько лет тому назад один кучер, подозревавший товарища своего, деньщика, в воровстве, потребовал, чтобы этот шел с ним к ворожее, жившей у триумфальных ворот, по Петергофской дороге. Пришли, ворожея еще спала; кучер просидел с деньщиком за воротами около часу, потом пошел справиться, не пора ли? Говорят: можно. Он возвращается, зовет товарища – но его нет, и нет по сей день. Струсив ворожеи, при нечистой совести, он бежал и пропал без вести. Для такой же острастки кладут на столе заряженное ружье и велят всем целовать его в дуло, уверяя, что оно вора убьет. Кто боится этого и виноват, тот признается, или, по крайности, откажется, под каким-нибудь предлогом, от целования ружья.

Святочные гаданья, представляющие более игры – также нередко принимаются в прямом значении, и суеверные им верят: строят из лучин над чашкой воды мостик и ставят его под кровать – суженый приснится и поведет по мосту; кладут

гребень под подушку, суженый-ряженный почешется и оставит волосок; ставят два прибора в бане, девушка садится о полуночи, и суженый является ужинать; ставят зеркало и две свечи, девушка сидит перед ним и должна увидеть суженого; бросают башмачок за ворота, куда ляжет носком, туда идти девушке; кормят курицу счетным зерном, насыпают перед каждым гостем овес, пускают петуха, и к кому он подойдет, тому идти замуж или жениться; накрывают приборы, по числу гостей, и подкладывают разные вещи – что кому придется; девушка выходит за ворота и спрашивает имя первого прохожего – так будут звать жениха ее; подслушивают под окнами – и из этого выводят заключения; выливают олово, свинец, воск и проч.

Гадания гороскопические, со времени познания истинной планетной системы и течения миров, сами собой потеряли всякую цену. Не отвергая связи между землею с ее жителями и между планетами, луной и солнцем, – невозможно, однако же, допустить какую-либо зависимость собственно судьбы или участи каждого из людей от взаимного *стояния* или *сосложения* земли нашей и других небесных тел. Тут нельзя найти и тени смысла.

Обо всех поименованных нами выше лицах, ворожеях и колдунах ходит столько чудес по белу свету, что они всякому известны. Если какая-нибудь Ленорман могла дурачить в нынешнем веке весь Париж, в течение десятков лет, и оставить после себя огромное состояние, то нет ничего мудре-

ного, что крестьяне наши, а иногда, может быть, и какое-либо иное сословие, наклеваются на эту же удочку. Иногда обман чрезвычайно прост и не менее того для тех, до кого относится, навсегда остается загадкой. Офицер, будучи на съемке, заступился за хозяина своего, у которого ночью были украдены деньги. Весьма основательное подозрение пало на Карпа, которого, однако ж, нельзя было уличить и заставить сознаться. Офицер собрал мужиков в одну избу, объявив им, что у него есть волшебная стрелка, которая во всякой толпе отыщет вора и прямо на него укажет. Заставив всех мужиков наперед перекреститься, сложить шапки в кучу и повернуться по солнцу, он расставил их в избе, как ему нужно было, каждого порознь, вынул и раскрыл с разными околичностями компас свой, развертел пальцем стрелку, и потом дал ей свободу; со страхом и ожиданием мужики глядели на волшебную стрелку, которая, к бесконечному изумлению их, указала прямо на Карпа, поставленного, как само собою разумеется, на север. Карп едва не обмер, пал в ноги и повинился. Надобно, впрочем, сознаться, что из посвятивших себя этому промыслу людей, попадаютя люди необыкновенные по способностям своим, и что некоторые, действуя иногда чисто наугад, по темному, безотчетному чутью или чувству, нередко угадывают истину. Бесспорно, что ложь и обман гораздо чаще ими руководят; но сила воли, навык обращать все внимание свое на один предмет, сосредотачивать напряженные духовные силы по одно-

му направлению, может быть и способность смекать, сообщать и заключать мгновенно, бессознательно, как бы по вдохновению – возвышают людей этих временно над толпою и дают им средство угадывать и знать более обыкновенного. Впрочем, не говоря здесь об уловках, коими хитрые знахари, ворожеи и другие всезнайки пользуются, – выпрашивая осторожно, окольными вопросами о том, о чем нужно гадать, узнавая о том же через лазутчиков своих, или посторонних людей, – знахари всех наименований иногда еще пользуются известными им по преданию тайными средствами, снадобьями и зельями разного рода, и тем производят мнимые чудеса. Примеры этому встретятся ниже, где, по случаю разных тайных поверий, кой-что будет объяснено. Колдуны употребляют, так говорят, сушеное волчье сердце, или медвежье мясо или сало, чтобы испортить поезд молодых, на свадьбах; лошади, весьма естественно, боятся этого духа и потому артачатся, не идут; тогда все кланяются знахарю, дарят его, зовут на свадьбу, потчуют – и он исправляет беду, не знаю какими средствами; но смешно и досадно видеть, с какою глупою важностью такой знахарь сидит в подобном случае, не ломая шалки, на первом месте свадебного стола. Одного такого знахаря умный гость прекрасно наказал за наглость и бесстыдство его. Пospорив с ним, он вызвался, по предложению знахаря, выпить ковш наговорной воды и, исполнив это при всех, сказал: ну теперь ты выпей моей водицы, из того же ковша и ведра. Знахарю нельзя было отказаться, так как

он слишком много наперед того хвастал и хвалился, что ему никто ничего не может сделать. Гость зачерпнул в ковш воды и, отошедши в темный угол нашептывать, бросил в ковш порядочную щепоть табаку. Несчастный знахарь провалялся в самом жалком положении всю ночь на соломе, к общему удовольствию поезжан, и свадьба была отпразднована как нельзя лучше.

Удивительно, до какой степени слепая уверенность морочит людей: народ не только верит, что знахарь портит свадьбу, испортив жениха, или изноровив лошадей так, что поезд не может тронуться с места, или даже оборотив всех поезжан в собак или волков; но многие расскажут вам, как очевидцы, добросовестно и в полном убеждении, случай вроде следующего: я ехал однажды с работником, говорил зажиточный крестьянин, за которым кой-что водилось. Мы случайно подъехали в деревне к свадьбе, и он попросил меня остановиться, уверяя, что тут должен быть недобрый человек, который хочет свадьбу испортить, а потому-де его надо наказать. Только что работник мой вошел в избу, как оттуда вышел препоганый мужичишка и, подошед к воротам, принялся грызть зубами столб. Кровь льет изо рта, а он все грызет; наконец работник мой вышел, а мужик взмолился ему; тогда тот, погрозившись на него пальцем, сказал: ну, на этот раз ступай. Бог с тобой; да смотри, вперед не шали. Мужик поклонился ему, утерся рукавом и пошел. В Сибири какая-то трава, прикрыт или прикрыш, избавляет молодых от

всякой порчи.

О знахарях и колдунах говорится, что, не отказав никому своего ремесла, они мучатся, не могут умереть и даже встают от этого после смерти. Надо выкопать такого мертвеца, перевернуть его ничком, подрезать пятки и вколотить между лопаток осиновый кол. Если предавшийся чернокнижию не найдет во всякое время немедленно работы чертям, кои являются к услугам его, то они его растерзают. Не знаю, впрочем, справедливо ли, будто всегда предполагается у колдуна черная книга; кажется, дело делается, по народному поверию, и без книги. Общую многим народам сказку, что кудесники иногда дают дьяволу расписку кровью своею, продавая ему душу, находим мы и в России, но более на юге и на западе.

О колдунах народ верит также, что они *отводят глаза*, т. е. напускают такую мару или мороку, что никто не видит того, что есть, а все видят то, чего вовсе нет. Например: едут мужики на торг и видят толпу, обступившую цыган, из которых один, как народ уверяет вновь прибывших, пролезает насквозь бревна, во всю длину его, так что бревно трещит, а он лезет! Вновь прибывшие, на которых не было напущено мары, стали смеяться над толпой, уверяя, что цыган лезет подле бревна, а не сквозь него; тогда цыган, оборотившись к ним, сказал: а вы чего не видали тут? Поглядите лучше на возы свои, у вас сено-то горит! Мужики кинулись, сено точно горит; отхватили на скорую руку лошадей, перерезав

упряжь, а толпа над ними во все горло хохочет; оглянулись опять – возы стоят, как стояли, и не думали гореть.

Упомяну здесь еще о заговоре змей: мне самому не удалось испытать этого на деле, но уверяют, что ясеневое дерево, кора, лист и зола смиряют всякую змею, лишают ее возможности кусаться и даже повергают вроде оцепенения. Ясеневая тросточка, или платье, или платок, вымоченные в отваре ясеневой коры, или в настое золы, также веточка этого дерева, действуют, как говорят, на змею, в расстоянии нескольких шагов, и гадина подпадает власти знахаря. Я вспомнил при этом, что читал подобное в каком-то путешествии Англичанина по Индии: там было именно сказано, что Индеец касался змеи веткою ясени.

Предоставляю на усмотрение и убеждение читателя, сколько во всех чудесах этих можно или нельзя объяснить, приняв за известного двигателя и деятеля ту таинственную силу, которую ученые называют животным магнетизмом. Об этом будем говорить по поводу сглаза.

III. Кликушество и гаданье

Нельзя не упомянуть здесь кстати мимоходом о *миряке* и *кликуше*. Есть поговорка: просватать миряка за кликушу, это значит свести вместе такую пару, которая друг друга стоит, такую ровню, где оба никуда не годятся. Кликуша известна почти во всей России, хотя теперь проказницы эти уже до-

вольно редки; это, по народному поверию, юродивые, одержимые бесом, кои, по старинному обычаю, показывают штуки свои преимущественно по воскресеньям, на погосте или паперти церковной. Они мечутся, падают, подкатывают очи под лоб, кричат и вопят не своим голосом; уверяют, что в них вошло сто бесов, кои гложут у них животы, и проч. Болезнь эта пристаёт от одной бабы к другим, и где есть одна кликуша, там вскоре показывается их несколько. Другими словами, они друг у друга перенимают эти проказы, потому что им завидно смотреть на подобострастное участие и сожаление народа, окружающего кликушу и нередко снабжающего ее из сострадания деньгами. Кликуша, большею частию, бывает какая-нибудь бездомная вдова, рассорившаяся с мужем, дурного поведения жена, или промотавшаяся со стороны нищая. Есть глупые кликуши, которые только режут и вопят до корчи и пены на устах; есть и более ловкие, кои пророчествуют о гневѣ Божиим и скором преставлении света. Покуда на селе одна только кликуша – можно смолчать, потому что иногда это бывает баба в падучей болезни; но коль скоро появится другая или третья, то необходимо собрать их всех вместе, в субботу, перед праздником, и высечь розгами. Двукратный опыт убедил меня в отличном действии этого средства: как рукой сымет. Средство это весьма не дурно, если бы даже это был род падучей болезни, которая так легко сообщается другим: один из знаменитейших врачей прошлого века прекратил этим же или подобным зельем распростране-

ние падучей в одном девичьем пансионе, где внезапно большая часть учениц, одна подле другой, впадали от испуга и переимчивости в эту болезнь. Страх действует в таком случае благотельно на нервы и мозг.

Миряк – почти то же между мужчинами, что в бабах кликуша: это также одержимый бесом, который кричит, ломается, неистовствует и обыкновенно объясняется голосом того или другого зверя или вообще животного. Миряки в особенности появляются в Сибири, и по мнению некоторых, происходят от языческих шаманов.

Поверия об *огненных змиях*, почитаемых злыми духами мужеска пола, основаны, вероятно, на явлении метеоров, сопровождаемом огнем и треском. В особенности народ полагает, что змеи эти летают к женщинам, с коими дружатся и коротко знают. Такие девки или бабы обыкновенно худеют, спадают с тела и почитаются нечистыми, а иногда и ведьмами. Сказки об этом сохранились у нас издревле, и богатырь Тугарин Змеевич и Краса Зилантовна²³³ суть исчадия такой четы, родившейся в диком воображении народа. Сказки об огненных змиях разного рода, о змиях трехглавых, двенадцатиглавых и проч., сохранились именно только как сказки, составляя или шутку, или преданье старины – все это было, да быльем поросло, а ныне таких чудес нет.

Ворожба и *гадания*, *снотолкования*, а затем и *заговоры* – принадлежат более к последнему из принятых нами разря-

---

²³³ Зилан – по-татарски змея.

дов, т. е. к таким повериям, к коим прибегает в отчаянии бедствующий, чтобы найти хотя какую-нибудь мнимую отраду, чтобы успокоить себя надеждой. Это иногда можно сравнить с мнимой помощью, подаваемою лежащему на смертном одре, в полном убеждении, что помощь эта ни к чему не послужит; а между тем, нельзя же оставаться при страдальце в бездействии, надобно, по крайней мере, в успокоение совести своей и для удовлетворения общего требования, делать, что люди велят, – тогда хоть можно сказать впоследствии: что только можно было придумать – все делали. Иногда, впрочем, суеверия эти служат только шуткой, забавой и смешиваются с играми и обрядами. Между тем ворожба, гаданья и заговоры до того близки к житью-бытью колдунов, знахарей и ведьм, что здесь будет удобнее поговорить об этом предмете.

Самая сбыточность или возможность ворожбы, гаданий и снотолкований, основанных не на обмане и суеверии, может быть допущена только в виде весьма редких исключений, а именно: в тех только чрезвычайных, выходящих из ряда случаев, где мы должны признать временное возвышение души человеческой над обыкновенным, вседневным миром и где человек сам собою (болезненно) или искусственно (при магнетизировании) входит в особенное, малоизвестное нам доселе магнетическое состояние. Несмотря на бесчисленное множество случаев и примеров, где, при подробном розыскании, или случайно, был открыт подлог, обман или ошибка

– в наше время уже нельзя отвергать вовсе чудес животного магнетизма; но вопрос состоит в том, до какой степени чудеса эти могут деяться, и где предел их, за коим следует бесконечная степь, – скрытая под маревом сказочных видений тысячи и одной ночи? Осторожность обязывает нас, не отрицая положительно всех чудес этих, верить тому только, в чем случай и опыт нас достаточно убедят; а сверх того, еще убеждаться с крайнею осмотрительностью, зная уже, что в этом деле бывало доселе несравненно более ошибок, недоразумений, умышленных и неумышленных обманов, чем истины. Не худо, кажется, во всяком случае рассудить также следующее: если и допустить, что душа может иногда находиться в положении или состоянии ясновидения, то и тогда она могла бы видеть одно только прошедшее и настоящее, – но не будущее, которого еще нет; другими словами, предложив, что душа наша иногда может быть превыше *пространства*, никоим образом нельзя допустить, чтобы она могла быть также превыше *времени*, по крайней мере, относительно будущего. Тогда должно бы верить в судьбу, в неотвратимый рок язычества и мусульманства. Тогда не было бы на свете ни добра, ни худа, ни добродетели, ни пороков, а все шло бы только вперед установленным порядком. Этому я верить не могу; я верю в судьбу другого рода: в неминуемые, неизбежные последствия известного сочетания обстоятельств и действий; даны премудрые, вековечные законы природы, дана человеку свободная воля и рассудок – все остальное есть судьба,

образующаяся из последствий действий того и другого. На таком только основании можно допустить ясновидение – где оно несомненно будет доказано на деле. Перейдем теперь опять к своему предмету.

Вообще, всякое решение, посредством ворожбы, заключает в себе: или простую ложь, сказанную наудачу; или ловкое изречение, по примеру древних оракулов, допускающее произвольное толкование; или такие сведения по предложенному вопросу, коих никто не мог предполагать в ворожее; или соображения, догадку более или менее основательную; или, наконец, бессознательное соображение и сочетание обстоятельств и условий, называемое ясновидением. Но, повторяем, последнее всегда почти крайне сомнительно и едва ли может быть наемно или продажно; сами даже ясновидящие весьма нередко бредят, как в горячке, и не могут отличить правды от лжи.

О снотолкованиях должно сказать почти то же; предоставляем всякому судить, по собственному убеждению, о возможности предвещательных снов, кои могут рождаться у сонного ясновидящего, как и наяву; обыкновенные же грезы, как всякому известно, бывают следствием думы, действий и беседы в продолжение дня, или же происходят от причин физических: от прилива крови или давления на известные части мозга, из коих каждая, бесспорно, имеет свое назначение. Связь эту и последствия ее каждый сам легко может испытать: изучите немного черепословие, дайте приятелю по-

крепче заснуть и начните осторожно нажимать пальцем – хоть например орган музыки; продолжайте, усиливая давление, до просыпа спящего; тогда спросите его, что ему грезилось? и вы услышите, к удивлению своему, что ему снилось что-нибудь весьма близкое к предмету этого органа. Это доказывает, что физическое влияние разного рода, зависящее от сотни случайных обстоятельств, рождает сон того или другого рода, изменяемый и дополняемый настроением души, – а мы ищем в сих случайностях будущую свою судьбу.

О кудесничестве, чарах, гадании разного рода, – сошлюсь на книгу Сахарова, не желая повторять однажды напечатанное.

IV. Заговоры

Заговоры – которые у нас обыкновенно совершаются с молитвой, потому что народ наш страшится чернокнижия, – хотя изредка есть люди, коим невежество народа приписывает связи с нечистым – заговоры составляют для меня самый загадочный предмет, между всеми повериями и суевериями; я признаюсь, что неохотно приступаю теперь к речи об нем, чувствуя наперед недостаточность, неполноту сведений моих и убеждений. Всякому, кто займется подобным исследованием на деле, легко убедиться, что тут кроется не один только обман, а еще что-нибудь другое. Если самый способ действия признать обманом, потому что убеждение наше от-

казывается верить тому, в чем мы не видим ни малейшего следа, смысла – то все еще остается решить, какие же именно невидимые нами средства производят видимые нами действия? Будем стараться, при всяком удобном случае, разыскивать и разьяснять их; по мере этих разьяснений, мнимые чудеса будут переходить из области заговоров в область естественных наук, и мы просветимся. Уже этой одной причины, кажется, достаточно для того, чтобы не пренебрегать, как обыкновенно делают, сим предметом; жаль, что ученые испытатели природы, копаясь по целым годам над каплею гнилого настоя и отыскивая в ней микроскопических наливняков, не посвятят средств и сил своих сему более общему и важному предмету, о коем они, не зная его вовсе, по одному только предубеждению относятся презрительно.

Заговоры, в том виде, как они иногда с большим трудом достаются в наши руки, состоят в нескольких таинственных по смыслу словах, коих образцы можно видеть в издании г. Сахарова. Ниже приложено несколько из мною собранных, для примера. В них то общее, что после обычного вступления, в коем крестятся, благословляются, поминают море-океан, бел-горюч-камень алатырь и пр., следует первая половина заговора, состоящая из какого-то странного иносказания или примера, взятого, по-видимому, весьма некстати, из дальних и неведомых стран; а затем уже заговорщик обращается собственно к своему предмету или частному случаю, применяя первое, сколько можно, ко второму

и оканчивая заклинание свое выражением: слово мое крепко, быть по-моему, или аминь. Мы видим в заговорах, вообще, невежественное смешение духовных и мирских – святых и суеверных понятий. Невежеству народа, простоте его, а не злонамеренности, должно приписать такое суесвятство и кощунство. Таковы заговоры любовные, заговоры от укушения змеи или собаки, от поруба или кровотечения, от ружья или пули, от огня или пожара и проч. – Есть еще особый род заговоров, соединяющих в себе молитву и заклятие; сюда, напр., принадлежит заговор *идуци насуд*, где заговорщик испрашивает себе всех благ, а на противников своих и неправедных судей накликает все возможные бедствия. Я очень жалею, что этот замечательный образчик смеси черного и белого, тьмы и света, не может быть здесь помещен и что вообще нельзя отыскать о сем предмете все то, что было бы необходимо, для некоторого разъяснения его.

Собственно в болтовне заговора, конечно, не может быть никакого смысла и значения, как, по-видимому, и сам народ утверждает пословицами и поговорками своими: язык без костей – мелет; собака лает, ветер носит; криком изба не рубится; хоть чертом зови, да хлебом корми и проч. Это подтверждается еще и тем, что на один и тот же случай есть множество различных, но, по мнению народа, равносильных заговоров. Но народ при всем том верит, что кто умеет произнести заговор как следует, не только языком, но и душой, соблюдая притом все установленные для сего, по таинствен-

ному преданию, приемы и условия, тот успеет в своем деле. Стало быть, народ верит в таинственную силу воли, в действии духа на дух, на незримые по себе и неведомые силы природы, которые, однако же, обнаруживаются затем в явлениях вещественных, доступных нашим чувствам. Нельзя не сознаться, что это, с одной стороны, свыше понятий наших, может быть даже противно тому, что мы привыкли называть здравым смыслом, – но что это в сущности есть то же самое явление, которое, несколько в ином виде, ученые наши прозвали животным магнетизмом. Все это отнюдь не служит ни доказательством, ни объяснением, а так сказать одним только намеком и предостережением.

Передать силу заговора можно, по народному поверию, только младшему летами; обнаружив заговор гласно, сам лишаешься способности заговаривать, а будешь молоть одни бессильные слова; у заговорщика, во многих случаях, должны быть непременно все зубы целы, иначе он заговаривать не может; если употребить заговор во зло, то, хотя бы это и удалось на сей раз, человек, однако же, на будущее время теряет способность заговаривать; но должно пояснить примером, что именно, по народному поверию, называется употребить заговор во зло: заговор от червей составлен для скотины и лошадей; если же барин принудит знахаря заговорить червей на собаке, то это на сей раз удастся, но впредь уже черви никогда этого знахаря не послушаются. Многие заговоры читаются натошак, на пороге, в чистом поле, лицом к восто-

ку, на ущерб луны, по легким дням (вторник, среда, суббота) или, наоборот, по черным дням, если заговор принадлежит к чернокнижию – дни эти поименованы ниже; другие заговоры читаются на ветер, над проточной водой, на восходе или на закате солнца, под осиною,²³⁴ под связанными сучьями двух березок (от лихорадки), над ковшом или черепком воды, над волосами, ногтями или следом (собранныю землю из-под ступни) того человека, кого надо испортить или влюбить; и все почти заговоры читаются шепотом или про себя, втихомолку, так чтобы никто о том не знал, не ведал.²³⁵ Есть,

---

²³⁴ Осина, в народных поверьях и в хозяйстве, замечательное дерево. На нем, по народному преданию, удавился Иуда – отчего и лист осиновый вечно дрожит; осиновым колом прибивают в грудь мертвеца – колдуна, ведьму, упыря, – который встает и бродит по ночам; осиновыми кольями должно бить коровью смерть, при известном ночном опаживании деревни, где действуют одни нагие бабы; в осиновый пенёк вколачиваются волосы и ногти больного, чтоб избавить его от лихорадки; разбитые параличом должны лежать упираться босыми ногами в осиновое полено; такое же полено, засунутое в куль негашеной извести, как говорят, не дает ей сыреть и портиться, равно положенное в посуду с квашеной капустой не дает ей бродить и перекисать; осиновые дрова, если ими протапливать изредка печь, уничтожают всю сажу, так что вовсе не нужно труб чистить; осина, самое мягкое и негодное дерево, дает самые прочные торцы, для мостовой, особенно на конных приводах.

²³⁵ Вот несколько образчиков заговоров, взятых из разных губерний, они много походят на заговоры, собранные Сахаровым. 1. Заговор от поруби. Встану я благословясь, лягу я перекрестясь, пойду стану благословясь, пойду перекрестясь во чистое поле, во зеленое поморье, погляжу на восточную сторону: с правой, со восточной стороны, летят три врана, три братеника, несут трои золоты ключи, трои золоты замки; – запирали они, замыкали они воды и реки и синия моря, ключи и родники; заперли они, замкнули они раны кровавая, кровь горячую. Как из неба синего дождь не канет, так бы у раба божьего N.N. кровь не канула.

наконец, сверж всего этого множество особых примет, по ко-

Аминь.2. Приворотный заговор или любжа, который читается на подаваемое питье. лягу я раб Божий помолясь, встану я благословясь, умоюсь я росую, утрусь престольною пеленою; пойду я из дверей в двери, из ворот в ворота, выйду в чистое поле, во зеленое поморье. Стану я на сырую землю, погляжу я на восточную сторонущу, как красное солнышко воссияло: припекает мхи-болоты, черные грязи. Так бы прибегала, присыхала раба Божия N. о мне рабе Божьем N. очи в очи, сердце в сердце, мысли в мысли; спать бы она не заспала, гулять бы не загуляла, аминь тому слову.3. Заговор от ружья. На море, на окиане, на острове на Буяне, гонит Илья Пророк на колеснице гром со великим дождем: над тучей туча взойдет, молния осияет, гром грянет, дождь польет, порох зальет. Пена изыде и язык костян. Как-даба-рабица N. мечется, со младенцем своим не разрожается, так бы у него раба N. бились и томились пули ружейные и всякого огненного орудия. Как от кочета нет яйца, так от ружья нет стрелянья. Ключ в небе, замок в море. Аминь, трижды.4. От лихорадки. Встану я раб Божий N. благословясь, пойду прекрестясь из дверей в двери, из ворот в ворота, путем дорогой к синему океану-морю. У этого океана-моря стоит древо карколист; на этом древе карколистисте висят: Косьма и Демьян, Лука и Павел, великие помощники. Прибегаю к вам раб Божий N. прошу, великие помощники К. и Д., Л. и П., сказать мне: для чего-де выходят из моря, океана женщины простоволосые, для чего они по миру ходят, отбивают от сна, от еды, сосут кровь, тянут жилы, как червь точит черную печень, пилами пилят желтые кости и суставы? Здесь вам не житье-жилище, не прохладище; ступайте вы в болота, в глубокие озера, за быстрые реки и темны боры: там для вас кровати поставлены тесовые, перины пуховые, подушки пересные; там яства сахарные, напитки медовые – там будет вам житье-жилище, прохладище – по сей час, по сей день, слово мое, раба Божьего N., крепко, крепко, крепко.5. От укушения гада. Молитв ради Пречистыя твоя матери благодатный свет мира, отступи от меня, нечестивый, змея злая, подколодная, гадина люта, снедающая людей и скот: яко комары от облаков растекаются, тако и ты опухоль злая разойдись, растянись, от раба Божьего N.. Все святые и все монастырские братья, иноки, отшельники, постники и сухоядцы, чудовные святые лики, станьте мне на помощь, яко в дни, тако и в нощи, во всяком месте, рабу Божьему N.. Аминь.6. Украинский заговор от-звиху (от вывиха). Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Гдесь-недесь на сынему мори лежить камень билый, на билому

им заключают об успехе предпринимаемого заговора. Список о чернокнижии считает 33 дня в году, в кои кудесники совершают свои чары: января 1, 2, 4, 6, 11, 12, 19 и 20; февраля 11, 17, 28; марта 1, 4, 14 и 24; апреля 3, 17 и 18; мая 7 и 8; июня 17; июля 17 и 21; августа 20 и 21; сентября 10 и 18; октября 6; ноября 6 и 8; декабря 6, 11 и 18; понедельник и пятница, как известно, считаются тяжелыми или черными днями, в кои ничего не должно предпринимать, а по мнению некоторых, не должно и работать. Равноденственные дни также принадлежат кудесникам, и известная воробьиная ночь на Украине посвящена ведьмам. Первая и последняя четверть луны вообще почитаются временем удобным для предприятий всякого рода, хозяйственных и других распоряжений – а полнолуние и новолуние временем менее к тому пригодным.

Большая часть заговоров начинаются словами: на море на океане – и во многих поминается бел-горюч камень алатырь. На Руси есть город Алатырь – не менее того, однако же, никто не объяснил доселе, какой это таинственный камень. Иные полагали, что это должен быть янтарь, но, кажется, это неосновательная догадка. Раз только удалось мне выпытать прямо из уст крестьянина объяснение, которое, впрочем, ровно ничего не объясняет: на Воздвиженье змеи соби-

---

камени кто-сь седьть, высижа, из жовтой кости цвиль выкликаю; жовтая кость левов дух; як у льву дух не держится, то щоб так у жовтой кости раба Божьего Н. звих не держався. Миколаю угоднику, скорый помощнику, мисяцю ясный, князю прекрасный, стань мени у помощь, у первый раз, у третий раз. Аминь.

раются в кучу, в ямы, пещеры, яры, на городищах, и там-де является белый светлый камень, который змеи лизут, насыщаясь им, и излизывают весь; это и есть бел-горюч-камень алатырь. К сказке этой, вероятно, подало повод то, что змеи залегают и замирают на зиму, почему народ и искал объяснения, чем они в это время питаются, и придумал камень алатырь; осенью же они точно собираются для приплода в кучи.

Есть много людей, правдивых и притом нелегкомысленных, кои утверждают самым положительным образом, что испытали тем или иным способом действительность того или другого заговора; а потому, откинув на сей раз всякое предубеждение, постараемся разыскать, сколько и в какой степени может быть тут правды? Утверждают, что заговор действует только на верующих: если пуститься на месмерические или магнетические объяснения, то, может быть, это покажется менее диким и невероятным, чем оно с первого взгляда представляется; но мы вовсе не намерены писать рассуждение о магнетизме и потому удовольствуемся одним только намеком и указанием на него.

Кто в деревнях не знает заговора от червей? У какого помещика нет на это известного старика, который спасает летом и крестьянскую и господскую скотину от этого бича? Заговорщик идет в поле, отыскивает траву или куст мордвинника, или будака (*carbuus snicus*, *S. Venebictus*), заходит к нему так, чтобы тень на него не пала, говорит: «ты трава, Богом создана, имя тебе мордвинник; выведи червей из

пегой (серой, бурой, черной) яловки или коровы такого-то. Коли выведешь, отпущу, а не выведешь, с корнем изжену». В некоторых местах говорят просто: «тогда тебе подняться, когда у гнедой кобылы такого-то черви из бока (уха, зада и проч.) вывалятся». Вместе с тем, привязывают верхушку будака ниткой к колышку и втыкают его в землю, так, чтобы нагнуть стебель, но не переломить его; другие же просто нагибают стебель мордвинника, подтыкая его под стебли соседних трав, так чтобы он не мог сам собою высвободиться. Дело это вообще известно под выражением: заламывать траву. На другой или третий день знахарь идет справляться, вывалились ли черви у скотины? а на утвердительный ответ, непременно отыскивает опять свой мордвинник и отпускает его, в некоторых местах еще с особой поговоркой: «ты мне отслужила, я тебе отслужу». Если этого не сделать, то трава в другой раз не послушается; а если по какому-либо случаю средство не поможет, то и не должно отпускать мордвина, «наказание за ослушание. Если червей мазали дегтем, скипидаром и проч., то их, по уверению знахарей, уже заговаривать нельзя. Довольно замечательно, что убогий мужик, как мне случилось видеть, занимавшийся этим ремеслом, взявшись с успехом вывести червей из двух скотин, отказался от третьей потому, что рану уже мазали дегтем, и ни за что не соглашался даже на попытку, хотя ему обещали значительное для него вознаграждение.

Об этом средстве я не смею сказать ничего положительно-

го; нужно повторить сто раз опыт, с наблюдением всех возможных предосторожностей, прежде чем можно себе позволить сказать гласное слово в пользу такого дела, от которого здравый смысл наш отказывается; скажу только, что я не мог доселе открыть ни разу в подобных случаях, чтоб знахарь употреблял какое-либо зелье или снадобье; а скотина нередко ночевала у нас под замком. Объяснение, будто знахари берутся за дело тогда только, когда так называемые черви – правильное гусеницы – созрели, в поре, и потому сами выползают, вываливаются и ищут нужного им убежища, для принятия образа личинки, – объяснение это никак не может меня удовлетворить; знахари не разбирают поры, не спрашивают, давно ли черви завелись – чего, впрочем, и сам хозяин обыкновенно в точности не знает; осматривают скотину издали, одним только взглядом, или даже, спросив какой она масти, делают дело за глаза. Какая возможность тут рассчитать день в день, когда черви должны сами собой вываливаться? Кроме того, всякий хозяин знает по опыту, что если раз черви завелись в скотине, то им уже нет превода почти во все лето, потому что насекомые, от яиц которых они разводятся, вероятно их беспрестанно подновляют. Первые врачи Петербурга, не говоря о множестве других свидетелей, не сомневаются в том, что одна известная дама, бывшая здесь несколько лет тому, одним взглядом своим повергала детей в сильно-судорожное состояние и творила над ними другие подобные чудеса. Если это так, то, отложив всякое

предубеждение, всякий ложный стыд, я думаю, можно бы спросить: вправе ли мы отвергать положительно подобное влияние незримых сил природы человека на животное царство вообще? Осмеять суверие несравненно легче, нежели объяснить, или хотя несколько обследовать его; также легко присоединиться безотчетно к общепринятому мнению просвещенных, несусеверных людей и объяснить все то, о чем мы говорили, вздором. Но будет ли это услуга истине? Повторяю, не могу и не смею отвергать его с такою самоуверенностью и положительностью, как обыкновенно водится между разумниками. Не верю, но не решусь сказать: это ложь.

Любовные заговоры бывают двоякие: приворот милых или желаемых людей и извод постылых. В последнем случае действует мщение или ревность. Те и другие заговоры бывают заглазные, голословные или же соединены с нашептыванием на воду, которую дают пить, или с заговором и другими действиями над волосами, отстриженными ногтями, частями одежды или над следом прикосновенной особы, т. е. над землею, взятою из-под ступни ее. Любжа вообще, т. е. изводное или приворотное зелье, бесспорно принадлежит к числу тех народных врачебных средств, кои наделали много зла; под этим предлогом нередко отравляли людей, как мне самому случалось видеть. Большею частию дают в этом случае сильно возбуждающие яды, коих последствиями иногда удавалось воспользоваться, что и служило мнимым подтверждением таинственной силы заговора. Довольно извест-

ное бестолковое средство привораживать к себе женщину заключается в следующем: нашедши пару совокупившихся лягушек, должно посадить их в коробку или корзинку с крышкой или бурак, навертев в него много дыр; бросив или закопав это в лесу, в муравейник, бежать без оглядки – иначе попадешься чертям на расправу; – через трои сутки найдешь в коробке одни кости и между ними какую-то вилочку и крючочек. Зацепив мимоходом женщину где-нибудь крючочком этим за платье и отпустив опять, заставишь ее страдать и вздыхать по себе; а если она уже надоест, то стоит только прикоснуться к ней вилочкой, и она тебя забудет. Этот вымысел праздного воображения известен у нас почти повсеместно. Другой подобный состоит в чарах над змеей; третий – над сердцами двух белых голубей, и пр. Это подробнее описано в книге Сахарова. Вообще слово любжа означает зелье для извода постылых людей, нелюбых сердцу, и для приворота любых, по коим сохнешь. Для составления любжи копают лютые корни, так же как и для клада, в Иванов день, 23 июня.

В средние века творили в Европе чары над поличием того, кому желали зла, или над куклой, одетой по наружности так, как тот обыкновенно одевался. Замечательно, что у нас на Руси сохранилось местами что-то подобное, изредка проявляющееся, кажется, исключительно между раскольниками. Люди эти не раз уже – и даже в новейшее время – распускали в народе слухи, что по деревням ездит какой-то фармасон,

в белой круглой шляпе, – а белая шляпа, как известно, в народе искон служит приметой фармасонства: – этот-де человек обращает народ в свою веру, наделяя всех деньгами; он списывает со всякого, принявшего веру его, поличие и увозит картину с собою, пропадая без вести. Если же впоследствии новый последователь фармасонщины откинется и изменит, то белая шляпа стреляет в поличие отступника и этот немедленно умирает.

Возвратимся к своему предмету, к порче любовной и любви. Это поверие, кроме случаев, объясненных выше, принадлежит не столько к числу вымыслов праздного, сказочного воображения, сколько к попыткам объяснить непонятное, непостижимое и искать спасения в отчаянии. Внезапный переворот, который сильная, необъяснимая для холодного рассудка, страсть производит в молодом парне или девке, – заставляет сторонних людей искать особенной причины такому явлению, и тут обыкновенно прибегают к объяснению посредством чар и порчи. То, что мы называем любовью, простолюдин называет порчей, сухотой, которая должна быть напущена. А где необузданные, грубые страсти не могут найти удовлетворения, там они также хотят, во что бы ни стало, достигнуть цели своей; люди бывалые знают, что отговаривать и убеждать тут нечего; рассудок утрачен; легче действовать посредством суеверия – да притом тем же путем корысть этих бывалых людей находит удовлетворение. Но я попрошу также и в этом случае не упускать из виду – на

всякий случай – действие и влияние животного магнетизма, который, если хотите, также есть не что иное, как особенное название общего нашего невежества. – Настойчивость и сильная, непоколебимая воля и в этом деле, как во многих других, несмотря на все нравственные препоны, достигали нередко цели своей, – а спросите чем? *Глазами*, иногда может быть и речами, а главное, именно силою своей воли и ее нравственным влиянием. Если же при этом были производимы таинственные заклинания, то они, с одной стороны, не будучи в состоянии вредить делу, с другой чрезвычайно портили его, дав преданному им суеверу еще большую силу и ничем не колебимую уверенность. Бесспорно, впрочем, что самая большая часть относящихся сюда рассказов основаны на жалком суеверии отчаянного и растерзанного страстями сердца.

Парень влюбился однажды насмерть в девку, которая, по расчетам родителей его, не была ему ровней. Малый был не глупый, а притом и послушный, привыкший сызмала думать, что выбор для него хозяйки зависит безусловно от родителей и что закон не велит ему мешаться в это дело; родители скажут ему: мы присудили сделать то и то, а он, поклонившись в ноги, должен отвечать только: власть ваша. Положение его становилось ему со дня на день несноснее; вся душа, все мысли и чувства его оборотились вверх дном и он сам не мог с собою совладать. Он убеждался разумными доводами, а может быть, более еще строгим приказанием ро-

дителей, но был не в силах переломить свою страсть и бродил ночи напролет, заломав руки, не зная, что ему делать. Мудрено ли, что он в душе поверил, когда ему сказали, что девка его испортила? Мудрено ли, что он Бог вещь как обрадовался, когда обещали научить его, как снять эту порчу, которая-де приключилась от приворотного зелья или заговора, данного ему девкой? Любовь, несколько грубая, суровая, но тем более неодолимая, и без того спорила в нем с ненавистью, или по крайней мере с безотчетною досадою и мезтью; он подкрепился лишним стаканом вина, по совету знающих и бывалых людей, и сделался вне себя, чему его научили: пошел и прибил больно бедную девку своими руками. Если побьешь ее хорошенько, сказали ему, то как рукой сымет. И подлинно, как рукой сняло; парень хвалился на весь мир, что он сбыл порчу и теперь здоров. Опытные душислова наши легко объяснят себе эту задачу. Вот вам пример – не магнетический, впрочем – как, по-видимому, самое бессмысленное средство, не менее того иногда довольно надежно достигает своей цели. И смешно и жалко. Не мудрено, впрочем, что народ, склонный вообще к суевериям и объясняющий все недоступное понятиям его посредством своей демонологии, состояние влюбленного до безумия не может объяснить себе иначе как тем же, необыкновенным образом. Указание на это находим мы даже в народных песнях, где например отчаянный любовник говорит своей возлюбленной, что она ему «раскинула печаль по плечам и пустила сухоту

по животу!»». Вот пример другого рода: молодой человек, без памяти влюбившийся в девушку, очень ясно понимал рас-судком своим, что она ему, по причинам слишком важным, не может быть четой – хотя и она сама, как казалось, бессознательно отвечала его склонности. Ему долго казалось, что в бескорыстной страсти его нет ничего преступного, что он ничего не хочет, не желает, а счастлив и доволен одним этим чувством. Но пора пришла, обстоятельства также – и с одной стороны. он содрогнулся, окинув мыслями объем и силу этой страсти и бездну, к коей она вела, – с другой, почитал вовсе несбыточным, невозможным, освободиться от нее. Тогда добрые люди, от коих он не мог утаить своего положения, видя, что он близок к сумасбродству и гибели, – сумели настроить разгоряченное воображение его на то, чтобы в отчаянии искать помощи в таинствах чар: «встань на самой заре, выдь, не умывшись, на восход солнца и в чистом поле, натошак, умойся росой с семи трав; дошедши до мельницы, спроси у мельника топор, сядь на бревно верхом, положи на него перед собою щепку, проговори такой-то заговор, глядя прямо перед собою на эту щепку, и подняв топор выше головы при последнем слове: “и не быть ей в уме-помысле моем, на ретивом сердце, в буйной в головушке, как не сrostись щепе перерубленной – аминь”, ударь сильно топором, со всего размаху, пересеки щепку пополам, кинь топор влево от себя, а сам беги без оглядки вправо, домой, и крестись дорогой – но не оглядывайся: станет легко». Что же? Благородная

решимость молодого человека в этом бестолковом средстве нашла сильную подпору: не веря никоим образом, при выходе из дому, чтобы стало сил человеческих на подавление этой страсти, хотя и был убежден, что долг и честь его требуют того – он возвратился от мельницы веселый, спокойный – на душе было легко: – вслед за тем он возвратил девице полученную от нее записку *нераспечатанною*. Так сильно был он убежден, что дело кончено, союз расторгнут – и с этого дня, об этой несчастной любви не было более речи!

Сглаз, притка или порча от сглазу, от глаза, недобрый глаз – есть поверие довольно общее, не только между всеми славянскими, но и весьма многими другими, древними и новыми народами. Мы ставим его сюда потому, что оно, по народному поверию, близко к предыдущему. Уже одна всеобщность распространения этого поверия должна бы, кажется, остановить всякое торопливое и довременное суждение о сем предмете; хотя всякое образованное общество и считает обязанностью издеваться гласно над таким смешным суеверием, – между тем как втайне многие искренно ему верят, не отдав себе в том никакого отчета. Скажем же не обвиняясь, что поверие о сглазе, без всякого сомнения, основано на истине; но оно обратилось, от преувеличения и злоупотреблений, в докучную сказку, как солдат Яшка, Сашка серая сермяжка, или знаменитое повествование о постройке костяного дома. Бесспорно есть изредка люди, одаренные какою-то темною, непостижимою для нас силою и властью,

поражать прикосновением или даже одним взглядом своим другое, в известном отношении подчиненное слабейшее существо, действовать на весь состав его, на душу и тело, благотворным или разрушительным образом, или по крайней мере обнаруживать на него временно явно какое-либо действие. Известно, что ученые назвали это животным магнетизмом, месмеризмом, и старались объяснить нам, невеждам, такое необъяснимое явление различным и весьма ученым образом; но, как очень трудно объяснить другому то, чего и сам не понимаешь, – то конец концов был всегда один и тот же, то есть, что мы видим в природе целый ряд однообразных, но до времени необъяснимых явлений, которые состоят, в сущности, в том, что животные силы действуют не всегда отдельно в каждом неделимом, но иногда также из одного животного, или через одно животное на другое, в особенности же через человека. Ученые называют это магнетизмом, а народ сглазом. Стало быть и тут опять ученые разногласят с народными повериями только в названии, в способе выражения, а сущности дела они согласны. Как бы то ни было, но если только принять самое явление это за быль, а не за сказку, то и поверие о сглазе и порче, в сущности своей, основано не на вымысле, а на влиянии живой, или животной, природы. Переходя, однако же, затем собственно к нашему предмету, мы бесспорно должны согласиться, что описанное явление применяется к частным случаям без всякого толка и разбора, и от этого-то злоупотребления оно обратилось в

нелепую сказку. Изюм, а может быть даже из тысячи случаев или примеров, о коих каждая баба расскажет вам со всею подробностью, едва ли найдется один, который более или менее состоит в связи с этою таинственною силою природы; все остальные были, вероятно, следствием совсем иных причин, коих простолюдин не может, или не хочет доискаться; поэтому он, в невежестве своем, сваливает все сподряд, по удобству и сподручности, на сглаз и порчу – который же кстати молчит и не отговаривается, а потому и виноват.

V. Водяной

Водяной, водовик или *водяник*, водяной дедушка, водяной черт, живет на больших реках и озерах, болотах, в тростниках и в осоке, иногда плавает на чурбане или на корчаге; водится в омутах и в особенности подле мельниц. Это нагой старик, весь в тине, похожий обычаями своими на лешего, но он не оброс шерстью, не так назойлив и нередко даже с ним банится. Он ныряет и может жить в воде по целым дням, а на берег выходит только по ночам. Впрочем, водяной также не везде у нас известен. Он живет с русалками, даже почитается их большаком, тогда как леший всегда живет одиноко и, кроме какого-нибудь оборотня, никого из собратьев своих около себя не терпит. О водяном трудно собрать подробные сведения; один только мужик рассказывал мне об нем, как очевидец, – другие большею частью только знали, что есть

где-то и водяные, но Бог весть где. Водяной довольно робкий старик, который смел только в своем царстве, в омуте, и там, если осерчает, хватает купальщиков за ноги и топит их, особенно таких, которые ходят купаться без креста, или же не в указанное время, позднюю осенью. Он любит сома и едва ли не ездит на нем; он свивает себе иногда из зеленой кути боярскую шапку, обвивает также кугу и тину вокруг пояса и пугает скотину на водопое. Если ему вздумается оседлать в воде быка или корову, то она под ним подламывается и, увязнув, издыхает. В тихую, лунную ночь, он иногда, забавляясь, хлопает ладоною звучно по воде и гул слышен на плесу издалеча. Есть поверие, что если сесть у проруба на воловью кожу и очертиться вокруг огарком, то водяные, выскочив в полночь из проруба, подхватывают кожу и носят сидящего на ней, куда он загадает. При возвращении на место, надо успеть зачурать: чур меня! Однажды ребяташки купались под мельницей; когда они уже стали одеваться, то кто-то вынырнул из-под воды, закричал: *скажитедома, чтоКузькапомер* – и нырнул, ребяташки пришли домой и повторили отцу в избе слова эти: тогда вдруг кто-то с шумом и криком: ай, ай, ай, соскочил с печи и выбежал вон: это был домовой, а весть пришла ему о ком-то от водяного. Есть также много рассказов о том, что водяной портит мельницы и разрывает плотины, а знахари выживают его, высыпая по утренним и вечерним зарям в воду по мешку золы.

VI. Моряны

Моряны, огняны и ветряны есть у других славянских племен; но русские, кажется, ничего об этом не знают. Праздник Купала и другие в честь огня или воды суть явно остатки язычества и не представляют ныне, впрочем, олицетворения своего предмета. *Лад, Ярило, Чур, Авсен, Таусен* и проч. сохранились в памяти народной почти в одних только песнях или поговорках, как и дубыня, горыня, полкан, пыжики и волоты, кашей бессмертный, змей горынич, Тугарин-Змеевич, яга-баба, кои живут только еще в сказках или изредка поминаются в древних песнях. Народ почти более об них не знает. О бабе-яге находим более сказок, чем о прочих, упомянутых здесь лицах. Она ездит или летает по воздуху в ступе, пестом погоняет или подпирает, помелом след замечает. Вообще это создание злое, несколько похоже на ведьму; баба-яга крадет детей, даже ест их, живет в лесу, в избушке на курьих ножках и проч.

Кикимора также мало известна в народе и почти только по кличке, разве в северных губерниях, где ее иногда смешивают с домовым; в иных местах из нее даже сделали пугало мужеска пола, когда как это девки-невидимки, заговоренные кудесниками и живущие в домах, почти как домовые. Они прядут, вслух проказят по ночам и нагоняют страх на людей. Есть поверие, что кикиморы – младенцы, умершие некреще-

ными. Плотники присвоили себе очень ловко власть пускать кикимор в дом такого хозяина, который не уплатил денег за срубку дома.

Игоша – поверие, еще менее общее и притом весьма близкое к кикиморам: уродец, без рук без ног, родился и умер некрещеным; он, под названием игоши, проживает то тут, то там и проказит, как кикиморы и домовые, особенно, если кто не хочет признать его, невидимку, за домовика, не кладет ему за столом ложки и ломтя, не выкинет ему из окна шапки или рукавиц и проч.

Жердяй, от жерди – предлинный и претоненький, шатается иногда ночью по улицам, заглядывает в окна, греет руки в трубе и пугает людей. Это какой-то жалкий шатун, который осужден век слоняться по свету без толку и должности. Об нем трудно допроситься смыслу; но едва ли поверие это не в связи с кашеem бессмертным, которого, может быть, тут или там пожаловали в жердяи. Чтобы избавиться от всех этих нечистых, народ прибегает к посту и молитве, к богоявленной воде, к свечке, взятой в пятницу со страстей, которою копят крест на притолке в дверях; полагают также, вообще, что не должно ставить ворота на полночь, на севере, иначе всякая чертовщина выживет из дома.

VII. Оборотень

Оборотень, – на Украине *вовкулака* – какой-то недобрый

дух, который мечется иногда человеку под ноги, или поперек дороги, как предвестник беды. От него крестятся и отплеваются. Он никогда не является иначе, как на лету, на бегу, и то мельком, на одно мгновение, что едва только успеешь его заметить; иногда с кошачьим или другим криком и воем, иногда же он молча подкатывается клубком, клочком сена, комом снега, овченой и проч. Оборотень перекидывается, изменяя вид свой, во что вздумает, и для этого обыкновенно ударится наперед об землю; он перекидывается в кошку, в собаку, в сову, петуха, ежа, даже в клубок ниток, в кучу пакли и в камень, в копну сена и проч. Изредка в лесу встречаешь его страшным зверем или чудовищем; но всегда только мельком, потому он никогда не даст рассмотреть себя путем. Нередко он мгновенно, в глазах испуганного насмерть прохожего, оборачивается несколько раз то в то, то в другое, исчезая под пнем или кустом, или на ровном месте, на перекрестке. Днем очень редко удастся его увидеть, но уже в сумерки он начинает проказить и гуляет всю ночь напролет. Перекидываясь или пропадая внезапно вовсе, он обыкновенно мечется, словно камень из-за угла, со странным криком, мимо людей. Некоторые уверяют, что он-то есть коровья смерть, чума и что он в этом случае сам оборачивается в корову, обыкновенно черную, которая гуляет со стадом, под видом приبلуды или пришатившейся, и напускает порчу на скот. Есть также поверие, будто оборотень – дитя, умершее некрещеным, или какой-то вероотступник, коего душа нигде на том

свете не принимается, а здесь гуляет и проказит поневоле. В некоторых местах, на севере, оборотня называют кикиморой; ведьме и домовому иногда приписывают также свойства оборотня. Из всего этого видно, что если мужик видел что-нибудь в сумерки или ночью и сам не знает *что*, — то это бесспорно был оборотень.

VIII. Русалка

Русалка — также *чертовка*, или *шутовка*, или *водява*, что означает почти то же, потому что тут у мужиков говорится именно взамен недоброго слова черт. Русалка почти всюду вытеснена людьми; а она любит пустые и глухие воды. Нигде почти не найдете вы теперь такого места, где бы, с ведома жителей, поныне водились русалки; или они были тут когда-то и перевелись, или вам укажут, во всяком месте, на другое — а тут-де нет их. На Украине их считают девочками, умершими без крещения; в других местах полагают, что каждая утопленница может обратиться в русалку, если покойница была такова при жизни; или когда девка утонула, купаясь без креста, причем полагают, что ее утащил водяной; опять иные считают русалок вовсе не людского поколения, а нечистыми духами или даже просто наваждением дьявольским. На юге у нас русалка вообще не зла, а более шаловлива; напротив великорусская русалка, или шутовка, особенно же северная, где она и называется не русалкой, а просто

чертовкой, злая, опасная баба и страшная неприятельница человеческого рода. При таком понятии о них, их представляют иногда безобразными; но вообще русалки большею частью молоды, стройны, соблазнительно хороши: они ходят нагие или в белых сорочках, но без пояса, с распущенными волосами, зелеными, как иные утверждают; живут дружно, обществами, витают под водой, но выходят и на берег; резвятся, поют, шалят, хохочут, качаются на ближних деревьях, вяют плетеницы из цветов и украшаются ими, и если залучат к себе живого человека, которого стараются заманить всеми средствами, то щекочут его, для потехи своей, до смерти. Иные утверждают, что у русалок между перстов есть перепонка, как у гуся; другие даже, что у нее, вместо ног, раздвоенный рыбий хвост. Они манят к себе прохожего, если он ночью подойдет к ним – днем они почти не выходят – иногда гоняются за ним, но далеко от берега реки или озера не отходят, потому что боятся обсохнуть. Если при русалке есть гребень, то она может затопить и сухое место: доколе она чешет мокрые волосы, дотоле с нее все будет струиться вода; если же на русалке и волоса обсохнут, то она умирает. Следы этих шаловливых подружек остаются изредка на мокром песке; но это можно только видеть, застав их врасплох: в противном случае они перерывают песок и заглаживают следы свои. Где верят в водяного, там считают его атаманом русалок. Но они, бедненькие, очень скучают без мужчин, и все их затеи клонятся к тому, чтобы залучить человека и защекотать его

насмерть. Сказывают, что они иногда от скуки перенимают заночевавшее на воде стадо гусей и завертывают им на спине, как шаловливые школьники, одно крыло за другое, так что птица не может сама расправить крыльев; они же, сидя в омутах, путают у рыбаков сети, выворачивают мотню и скатывают их с речной травой. Вообще, полная власть шаловливым русалкам дана во время русальной недели, которая следует за Троицыным днем и до заговенья. Первое воскресенье за Троицей также называется русальным. Это время, по народному мнению, самое опасное, так что боятся выходить к водам и даже в леса. Кажется, несправедливо – как иные полагают – будто русалки хозяйничают до Петрова дня и будто они, по народному мнению, девочки лет семи: этих повериев я не встречал нигде. На юге, русалка взрослая девушка, красавица; на севере, чертовка стара, или средних лет и страшна собой. На Украине, в продолжение клечальной недели, есть разные игры в честь русалкам, кои в это время бегают далече в леса и поля, топчут хлеб, кричат, хлопают в ладоши и проч. Г. Сахаров напечатал песни русалок, бессмысленные слова или звуки, отзывающиеся украинским или белорусским наречием.

IX. Ведьма

Ведьма известна, я думаю, всякому, хотя она и водится собственно на Украине, а Лысая гора, под Киевом, служит

сборищем всех ведьм, кои тут по ночам отправляют свой шабаш. Ведьма тем разнится от всех предыдущих баснословных лиц, что она живет между людьми и, ничем не отличаясь днем от обыкновенных баб или старых девок, кроме небольшого хвостика, ночью расчесывает волосы, надевает белую рубашку, и в этом наряде, верхом на помеле, венике или ухвате, отправляется через трубу на вольный свет, либо по воздуху, либо до Лысой горы, либо доить или портить чужих коров, портить молодых, девок и проч. Ведьма всегда злодейка и добра никогда и никому не делает. Она в связи с нечистой силой, для чего варит травы и снадобья в горшке, держит черную кошку и черного петуха; желая оборотиться во что-либо, она кувыркается через 12 ножей. Ведьма не только выдаивает коров, но даже, воткнув нож в соху, цедит из нее молоко, а хозяйская корова его теряет. Если сорока стрекочет, то беременной женщине выходить к ней не должно: это ведьма, которая испортит или даже выкрадет из утробы ребенка. Из этого следует, что ведьма перекидывается также в сороку, и, может быть, от этого сорока противна домовому, для чего и подвешивается в конюшне. Ведьме, для проказ ее, необходимы: нож, шалфей, рута, шкура, кровь и когти черной кошки, убитой на перекрестке, иногда также и трава тирлич. Ведьма варит зелье ночью в горшке и, ухватив помело, уносится с дымом в трубу. Ведьма иногда крадет месяц с неба, если его неожиданно заволакивает тучами или случится затмение; она крадет дожди, унося их в мешке или

в завязанном горшке; крадет росу, посылает град и бурю, и проч. Есть на Украине предание, взятое, как говорят, из актов: злая и пьяная баба, поссорившись с соседкой, пришла в суд и объявила, что та украла росу. По справке оказалось, что накануне росы точно не было и что обвиняемая должна быть ведьма. Ее сожгли. Проспавшись, баба пришла в суд каяться, что поклепала на соседку, а судьи, услышав это, пожали плечами и ударили об полы руками, сказав: от тоби раз!

Ведьме удается иногда оседлать человека, и он, увлекаемый чарами ее, везет ее на себе через трубу и возит по свету до упаду. Есть и обратные примеры, то есть что осторожный и знающий человек выезжал на ведьме, как мы видим из рассказов Гоголя. Все это приближает ведьму к разряду знахарок, ворожей и колдунов, давая ей иное значение, чем повериями дано прочим баснословным лицам. Ведьма есть олицетворенное понятие о злой и мстительной старухе, и злые бабы пользуются суеверием людей. Много было примеров, что вместо мнимой ведьмы ловили злую соседку на том, как она перевязывает вымя у коровы волоском, или выходит ночью в одной рубахе, без опояски, босиком, распустив космы, пугать, с каким-либо намерением, суеверных. Много страшного рассказывают о последнем смертном часе ведьм, и в этом отношении, они также сравниваются со знахарями и кудесниками: душа не может расстаться с телом, и знающие люди принимают тут различные меры – вынимают доску из потолка, раскрывают угол крыши. Есть также по-

верие, что ведьмы встают и бродят после смерти, как и колдуны; что ведьму можно приковать к месту, притянув тень ее гвоздем; что ее должно бить наотмашь, т. е. от себя, оборотив ладонь, и наконец, поверие смешивает ведьм иногда с упырями, известными исключительно на Украине и у южных славян, и говорят, что ведьмы также по смерти сосут кровь из людей или животных и этим их морят. Для этого с ними поступают так же, как с колдунами: перевертывают в могиле ничком и пробивают насквозь осиновым колом между лопаток. Ведьму отчасти смешивают также с вовкулаками или оборотнями, рассказывая, что она иногда подкатывается под ноги клубком, или перекидывается в собаку, волка, свинью, сороку, даже в копну сена. Ведьмы же и сами портят людей и делают из них оборотней. Есть рассказы о том, что, снимая шкуру с убитой волчицы или с медведицы, к общему изумлению людей, находили не волчью тушу, а бабу в сарафане, или в юбке и запаске. Если найти черную кошку, без единого белого волоска, сварить ее и выбрать все кости, то можно найти кость, невидимку, которая служит ведьме: сядь против зеркала и клади сподряд все косточки попеременно в рот; как попадешь на невидимку, так и сам исчезнешь в зеркале. Иные велят вместо этого просто варить кости черной кошки по ночам, покуда все истаят, а одна только невидимка останется.

Известны неистовства, которые в прежние времена происходили по случаю обвинения какой-либо бабы в том, что

она ведьма; это в особенности случалось в южной Руси. Нет той нелепицы, какую бы не придумывали люди, от злобы, глупости, с отчаянья или с хитрым умыслом, для искоренения ведьм и для исправления настроенных ими бед. В старину народ верил, что ведьмы или другого рода колдуньи могут держать обилие, т. е. заключать в себе и хранить огромные запасы денег, жита и даже зверков, доставлявших промышленникам богатый пушной товар; на Украине подобное суеверие встречается иногда поныне, в особенности же относительно дождей и урожая.

Трава чернобыльник, по народному поверию, противна ведьмам и охраняет от них двор и дом.

Общее и единоголасное поверие утверждает, что в Москве нет сорок. По этому поводу ходит много разных преданий: говорят, что сорока выдала боярина Кучку, убитого в лесу на том месте, где теперь Москва, и что сорока за это проклята была умирающим; другие рассказывают, что митрополит св. Алексий запретил сорокам летать на Москву, потому именно, что под видом сорок залетали туда ведьмы; и наконец, есть предание, будто они прокляты за то, что у одного благочестивого мужа унесли с окна последний кусок сыра, которым он питался.

Таинственные песни ведьм, состоящие из вымышленных, бессмысленных слов, находятся в известном издании г. Сахарова. На Украине же переходит по преданию счет, будто бы употребляемый ведьмами: одион, другиан, тройчан, че-

ричан, подон, лодон, сукман, дукман, левурда, дыкса; одино, попино, двикикиры, хайнам, дайнам, сповелось, сподалось, рыбчин, дыбчин, клек.

Х. Порчи и заговоры

Если мы затем, независимо от сказанного, разберем некоторые поверия о порче и сглазе, то найдем, что они принадлежат вовсе к иному разряду, и именно, к повериям, где, как объяснено было выше, полезный обычай усвоил себе силу закона, посредством небольшого подлога. Например: новорожденное дитя без всякого сомнения должно держать первое время в тепле, кутать и сколько можно оберегать от простуды; существо это еще не окрепло; оно должно еще научиться дышать воздухом и вообще витать в нем. Но такой совет не всяким будет принят; ничего, авось и небось – у нас великое дело. Что же придумали искони старики или старухи? Они решили, что ребенка до шести недель нельзя выносить, ни показывать постороннему, иначе-де его тотчас сглазят. Это значит, другими словами: дайте новорожденному покой, не разворачивайте, не раскрывайте, не тормозите и не таскайте его по комнатам, а накрывайте слегка совсем, и с головою. Вот другой подобный случай: не хвалите ребенка – сглазите. Неуместная похвала, из одной только вежливости к родителям, бесспорно, балует ребенка; чтобы хозяину раз навсегда избавиться от нее, а с другой стороны уволить

от этого и гостя, не совсем глупо придумали настрашать обе стороны сглазом.

Средства, употребляемые знахарями от сглазу или порчи, относятся большею частью к разряду тех поверий, где человек придумывает что-нибудь, лишь бы в беде не оставаться праздным и успокоить совесть свою поданием мнимой помощи. Прикусить себе язык, показать кукиш, сплевывать за-просто или в важных случаях, с особыми обрядами, слизывать по три раза и сплевывать, нашептывать, прямо или с воды, которую велят умываться или дают ее пить, надевать белье наизнанку, утаивать настоящее имя ребенка, называя его другим, подкуривать волосом, переливать воду на уголь и соль, отчитывать заговором и пр., – во всем этом мы не можем найти никакого смысла, если не допустить тут, и то в весьма редких и сомнительных случаях, действие той же таинственной силы, которая могла произвести самую порчу. Вспомните, однако же, что бессмысленное, в глазах просвещенных сословий, нашептывание на воду, которой должен испить недужный, в сущности близко подходит к магнетизированию воды, посредством придыхания, чему большая часть ученых и образованных врачей верят, приписывая такой воде различные, а иногда и целебные, свойства.

Относительно порчи вообще, уроки, извода, изуроченья, притки должно сказать, что простолюдин всякое необыкновенное для него явление над человеком, как напр., падающую болезнь, пляску св. Вита, параличи разных родов, косно-

языкие, дрожание членов, малоумие, немоту и пр., называет порчей или изуроченьем. Не зная причины таких припадков, не постигая их и отыскивая, по природному побуждению, ключ к загадке, народ все это приписывает влиянию злых духов или злых людей. Но поверие, что в человека заползают иногда гадины, змеи, лягушки, жабы – поверие это, как в последнее время дознано вполне положительными и нисколько не сомнительными опытами, не есть суеверие, а основано на довольно редких, истинных случаях. Я имел случай наблюдать сходное с этим явление: солдат проглотил две или три пиявки, напившись ночью из какой-то лужи, и эти животные спокойно жили, вероятно, в желудке человека, несколько недель, покуда их не извели ложкою соли, и их выкинуло рвотой. Несколько лет тому, не говоря о множестве других примеров, в Ораниенбаумском госпитале пользовали человека, наблюдая за ним строжайшим образом, и болезнь кончилась тем, что его, в присутствии посторонних свидетелей, вырвало змеей, которая, вероятно, до сего дня сохраняется в спирте; весьма недавно в Киевской губернии один жид, напившись болотной воды, стал чувствовать различные припадки, в продолжение нескольких месяцев; страшную боль в животе, движение, царапанье в желудке и пр., и между тем живот вздувало. Наконец, от постоянного употребления простокваши и скипидара, в течение трех месяцев вышло рвотой 35 лягушек, разной величины и всех возрастов; свидетелей было при этом много, неоднократно, и между прочим

сам врач. Лягушки принадлежали к одному обыкновенному виду, но отличались бледностью и нежностью кожи.

Заговор от крови, от поруба, или вернее, от кровотечения, по моему мнению, объясняется всего проще тем, что почти всякое кровотечение из кровяной (не боевой) жилы, изо всех подкожных и вообще мелких сосудов, останавливается через несколько времени самую природою, и что это именно делается тогда, когда на рану ляжет кровяная печенка, а под нею клейкая пасока, которая, сгустившись, затянет всю поверхность раны. Опасно только кровотечение из разрезанных крупных боевых сосудов, кои вообще лежат довольно глубоко и потому редко подвергаются такому насилию. Из них алая кровь брызжет перемежающейся струей, согласно с ударами сердца. Кто не знает этого во всей подробности, у кого нет в этом деле достаточной опытности и верного взгляда – тот в испуге готов верить, что каждая рана угрожает смертельным кровотечением, а потому он и готов приписать чудесному средству обыкновенную и естественную остановку крови. На это можно только возразить, что многие сведущие и опытные люди, хотя может быть и негласно, утверждают, будто они сами были свидетелями успешного заговора крови; но мы все-таки еще вправе, вполне доверяя их добросовестности, не доверять, однако же, их опытности и верности взгляда. Впрочем, если допустить, что глаз, придыхание, известное движение рук или пальцев и сильная воля человека могут возмутить равновесие или вообще направле-

ние жизненных сил другого, то не вижу, почему бы считать положительной сказкой применение магнетизма и к этому частному случаю, т. е. к кровотечению? Я не утверждаю, чтобы это было так; я даже думаю, что нужно еще много добросовестных и весьма затруднительных розысканий на деле, для решения этого вопроса; но я предостерегаю только от лжепросвещенного отрицания всезнайки, которое всегда и во всяком случае вредно. Не верю, покуда меня не убедят; но самую возможность отрицать не смею. Я с крайнею недоверчивостью буду следить за действиями знахаря, заговаривающего кровь; но не менее того, буду наблюдать и разыскивать, полагая, что предмет этот достоин внимания и розыскания.

Есть также поверие, что при сильном течении из носу должно взять замкнутый висячий замок и дать крови капать сквозь дужку: кровь должна остановиться. Это, вероятно, придумано, чтобы успокоить человека, дать ему более терпенья, дав забаву в руку, и усадить спокойно на одно место. Другие советуют, вместо того, взять в каждую руку по ключу и по куску мелу и стиснуть кулаки; или подсунуть кусочек бумажки, или дробинку под язык и проч. Кажется, все это придумано для того, чтобы не быть в это время без дела и без совета, а подать хотя мнимую помощь; равно и для того, чтобы угомонить человека и успокоить его. При кровотечении из носу делают также следующее: рукою противной стороны, из которой ноздри идет кровь, достают под локоть другой руки, поднятой кверху, мочку уха; вскоре, как уверя-

ют, кровь останавливается. Само собою разумеется, что все средства эти тогда только могли бы быть признаны дельными, если бы они, при опасных или продолжительных кровотечениях, оказались действительными, в чем, конечно, нельзя не усомниться.

На заводах уральских есть особый способ заговаривать кровь, если во время работ кто-нибудь по неосторожности бывает сильно ранен. Способ этот относится до известных во всей Европе симпатических средств, о коих частию будет говориться ниже, а частию уже говорилось выше. Если кто порубится или порежется сильно при работе, то на заводах есть для этого так называемая «тряпка»: это простая, белая ветошка, напоенная растворами нашатыря; ее немедленно приносят, напояют кровью из раны и просушивают исподволь у горна или печи, на огне. Как тряпка высохнет, так, говорят, и кровь должна остановиться. При этом наблюдают только, чтобы сушить тряпку *некруто*, чтоб с нее пар не валил: иначе-де рана будет болеть, рассорится.

По случаю этого страннообразного средства, нельзя не вспомнить поверие наших предков, которое творило разные чудеса и чары над человеком, посредством крови его, волос или других частей. На этом основано и у нас поверие, особенно в простонародьи, чтобы волос своих никогда и никому не давать и даже на память не посылать. Волосы эти, как говорят в народе, могут-де попасться во всякие руки. Иные даже собирают во всю свою жизнь тщательно остриженные

волосы и ногти, с тем, чтобы их взять с собою в гроб, считая необходимым иметь все принадлежащее к телу при себе; иначе потребуется в том отчет. Суеверные раскольники делают это и с другою, еще более бессмысленною целью, о коей будет говориться в своем месте. Врачи прежних времен предостерегали, не ставить кровь, после кровопускания, на печку или на лежанку, утверждая, что тогда жар или воспаление в больном усилится. Я впрочем и ныне знал образованного и опытного врача, который был того же мнения и уверял, что делал неоднократно опыты, которые его в истине этого дела вполне убедили. По ныне известным и общепринятым законам природы, все это ни с чем не вяжется и не может быть допущено. В наше время кудесничество этого рода также известно кой-где в народе, и именно в северных губерниях: Арахангельской, Вологодской, Олонецкой, Пермской, Вятской; оно едва ли не перешло к нам от Чуди, от финских племен, кои сами в течение веков обрусели. Там беспрестанно слышишь о чудесах, о порче, по злобе или мести, посредством клока остриженных волос или чар над поднятым с земли следом человека или над частицею крови его.

Близко к тому поверие, или вернее суеверие, заключается в заломе или закруте хлеба на корню. Эту штуку злого знахаря, делаемую из мести, не должно смешивать с заломом травы, для заговора червей, о чем уже говорено было на своем месте. Злой знахарь берет в руку горсть стеблей хлебных и, произнося заклятие на хозяина этой нивы, ломает хлеб в

правую сторону, а закручивает его в левую. Обыкновенно в самом узле залома находят немного золы, которая берется из печи того же хозяина; иногда кладут под закрут, кроме золы, также соль, землю с кладбища, яичную скорлупу, распаренные хлебные зерна, уголь. Закрут может быть разведен, по суеверию народа, только хорошим знахарем; в противном случае хозяина нивы постигнет всякое бедствие: домовины вымрут, дом сгорит, скот падет и проч. В особенности опасно, по мнению народа, сорвать или скосить закрут; если его недосмотрят вовремя и это сделается, то беда неотвратима. Мне самому случалось успокаивать мужика, на ниве коего сделан был закрут; я взял на себя развести его, уверив испуганного мужика, что знаю это дело хорошо, а когда я вырвал весь кустик и зарыл в землю золу, уголь и соль, то все кончилось благополучно. Если некому развести закрута, то осторожные хозяева обжинают его.

Заговоры от ружья, от орудия вообще не могут заключать в себе никакого смысла. У стрелков, ловцов, у охотников есть, однако же, как у всех промышленников, особого рода приемы и поверия, кои довольно трудно исследовать, потому что сущность их обыкновенно скрывается под каким-нибудь гаерством. Травой Адамова голова окуривают, в Великий четверток, силки и сети, коими ловят птиц и самое ружье окуривают травую клюквы (или колюки), уверяя, что оно тогда не боится заговора или порчи. Капканы вытирают дегтем или конским навозом, с разными наговорами – и если в этом

пошептывании нельзя признать толка, то навоз и деготь бесспорно служат к тому, чтобы зверь не причул человеческого духа. Не только простолюдины, но люди образованные рассказывают иногда, как очевидцы, престранные вещи, близкие к предмету настоящего нашего рассуждения; например: у одного грека землепроходца, путешествовавшего, по словам его, ко Св. местам, была какая-то ладанка, спасавшая от всякой пули. Надев на себя, он вызывал присутствующих офицеров стрелять по нему; а когда никто не согласился, то он надел ладанку на лошадь, просил стрелять по ней и отвечал хозяину цену лошади. И на это не согласились, а избрали жертвою петуха. Затем, петуха привязали и сделали по нем, почти в упор ружья, около десятка или более выстрелов дробью и пуль: петух вскрикивал, подлетал, метался, но на нем не было крови; он издох уже в следующую ночь, а ощипав его, нашли, что он весь покрыт сине-багровыми рубцами.

Охотники и промышленники в Сибири, в особенности на выездах, боятся недоброй встречи. Если кто, не пожелав охотнику добра, проговорит встретив его: едет поп, не стрелец – несет крест, не ружье, – то уже никакой удачи на промысле не будет. Поэтому там всегда выезжают тайком, до свету, и прячут ружье. Сам скажи о том, что ружье бывает с чертиком; это значит, как станешь целиться, так нечистый стоит прямо перед тобой и держит утку за крылья, растопырив их врозь; выстрелишь, убьешь – он бросит и пойдет себе своим путем. Вообще заговор от ружья бывает различный;

один спасает человека от всякого оружия, другой портит известное оружие, лишает только то или другое оружие средства вредить, делает его негодным. В числе множества рассказов об этом предмете, находим между прочим также объяснение, для чего заговоры эти так многословны; некто заговорился от ружья, от пули свинцовой, медной, железной, чугунной, стальной, крылатой, пернатой – а от серебряной и золотой позабыл, это узнали, да и убили его серебряной пулькой. Излишне кажется упоминать здесь, что заговор ружья или пистолета фиגляров состоит в том, что они искусно подменяют оружие, или вынимают из него заряд. Есть также поверие, что от пули, облепленной воском, никто заговориться не может.

Заговор и нашептывание употребительны при вывихах, переломах и многих болезнях. Тут также доселе еще вовсе ничего не исследовано, в каких случаях это только обман с одной стороны, а лежковерное воображение с другой, и в каких случаях кроется что-нибудь более: т. е. действительное влияние физических или животных сил. Это такое дело, которое уже явно смешивается с народным врачеванием и потому только косвенно касается нашего предмета. Но весьма нередко мы находим, под видом и названием заговора от болезни, лечебные средства, коим народ охотнее верит под таинственной личиной заговора: например, от криков младенцев, должно вытряхнуть из маковки все зерна, налить туда теплой воды, взять ребенка, отнести его на чердак, под на-

сест, где сидят куры, нашептать заговор, перевернуть ребенка через голову, воротиться и дать выпить воду. Явно, что здесь ребенку дается легонький сонный напиток; а чтобы он не перестоялся и не сделался слишком крепким, то придумали определить время прогулкой на чердак, под насест и обратно. Собственно от вывихов и переломов, конечно, подобные штуки представляют самую ненадежную помощь – и если с заговором не соединяется работа костоправа, что нередко бывает – то нашептывания эти приносят, конечно, много вреда, оставляя людей без помощи или устраняя всякое разумное пособие.

Заговоры *от зубной боли* принадлежат к числу весьма распространенных и находят много заступников, кои, по словам их, столько раз на себе испытали силу их, что готовы положить за правду эту голову на плаху. Скажем то же, что о так называемых симпатических средствах вообще: если тут кроется что-нибудь, то ученые наши объяснят это со временем, причислив сие явления к животному магнетизму. Я бывал свидетелем тому, как заговоренная бумажка, или нашептывание, или наложение руки на щеку мгновенно укрощали боль; но собственно на меня это не действовало и жестокая зубная боль продолжалась. Бабы говорят, что если кто разувается, всегда начиная с левой ноги, то у него никогда не будут болеть зубы; целый ряд подобных поверий помещен нами ниже в разряд шуточных. В число средств, кои даются от зубной боли с наговорами, помогают иногда по естествен-

ным причинам, принадлежит следующее: положить на больной зуб два обрубка круглого корешка или прутик обыкновенного корня дикой земляники, и держать их, стиснув легонько зубы, чтобы палочки лежали одна на другой и не перекатывались. Усилие это и однообразное напряжение нередко доставляют скорое облегчение. Иные верят, что должно задушить крота, чтобы приобрести силу исцелять зубную боль одним прикосновением руки. По опытам моим, это не подтвердилось.

Заговоры разного рода *на пчел* относятся до так называемого пчелиного знахарства, изложенного довольно подробно у Сахарова. Но об одном предмете можно бы написать целую книгу, в коей дельные замечания, основанные на многолетнем опыте, но укутанные в таинственные и суеверные обряды, путались бы попеременно с затейливыми или вовсе глупыми вымыслами праздного воображения. Есть, между прочим, поверие даже о том, что можно делать пчел, нажав всякой всячины в закупоренную бочку и поставив ее, с известными обрядами, на зиму в омшеник.

Весьма близки, по значению своему, к заговорам, а часто вовсе с ними сливаются, и притом не более их исследованы, так называемые *симпатические средства*. Сюда же принадлежат подвески, привески, подвязки, талисманы, амулеты, ладанки и проч. Суеверие об особенном значении и силе каждого из самоцветных камней пришло к нам с Востока, из области поэзии. Конечно, не может настоять в том ни-

какого сомнения, что большая часть поверий этого разряда так же пусты и вздорны, как мнимое волшебное действие самоцветных камней; но с другой стороны, нельзя произнести приговор этот над всеми сюда относящимися повериями, хотя мы и не всегда находим удовлетворительное объяснение загадки. Некоторые из сих средств только по странности своей и причудливому способу употребления принадлежат, с виду, к симпатическим средствам, между тем как самое их действие основывается на давно известных законах природы. Так, например, повязки на руках и ногах от лихорадки не только признаны действительными, но даже употребляются иногда врачами. Помощь их основана, по-видимому, на законах обращения крови: повязки на руках и ногах останавливают возврат крови к сердцу через поверхностные кровяные жилы (вены), и кровь не может скопиться, во время озноба, во внутренностях, отчего и происходит перелом болезни. Для этого берется обыкновенно красная тесьма или гарус, коего девять ниток на шее служат также предохранением для детей от скарлатины и краснухи. Есть ли тут еще и своеобразное действие собственно красного гаруса, который преимущественно для сего употребляется в этом, конечно, должно усомниться. Я знал человека, который раздавал привески от лихорадки, нашептывая их наперед, и хотя они мне самому и некоторым другим не помогали, но зато, под личным моим наблюдением, много раз немедленно прекращали болезнь, по крайней мере, упорная лихорадка без всяких ви-

димых причин, с того же дня, как таинственная ладанка была привешена, не возвращалась. Это был корень неизвестного растения, указанный знахарю, по словам его, одним ссыльным, которому он на пути следования оказал какую-то услугу. Замечательно было для меня вот что: испытав несколько раз силу этого корешка над больными и призадумавшись над ним поневоле, я мог искать разрешения загадки в одном только воображении больных. Итак я взял другой, первый попавшийся мне корешок, и стал его привешивать, выдавая за полученный от знахаря, к лихорадочным. Я повторил это, как нахожу в записках своих, на пяти различных больных, но без всякого успеха; все они неохотно и без доверенности дозволили повторить опыт, привескою настоящего корня; после чего у двух из них лихорадка немедленно отстала. Когда же у меня у самого была лихорадка, то мне не помогла ни яичная пленка, ни привески, хотя я брал их непосредственно от знахарей, исполняя строго все их предписания. Привеска от лихорадки, нетопыри, лягушки и проч., вероятно, действует наиболее посредством настроенного воображения, надобно одолеть обычное отвращение от этих тварей, и нравственное волнение также производит физический перелом. Привеска написанных на клочке бумажки таинственных слов, или абракадабры, или прием бумажки этой внутрь, в виде пилюль, если только лихорадка испугается этого и покинет больного, по всей вероятности, также обнаруживают силу свою посредством воображения, этого довольно могучего рычага. Не

иначе действуют, кажется, окачивания холодной водой через оглоблю, или в лесу через березку; привеска птичьего гнезда, бечевки, на которой удушена собака; последовательный прием, прямо с реки и натошак, нескольких ложек воды, начиная в первый день с одной; также прием замятой в хлебном мякише вши; впрочем насекомое это, как уверяют, действует врачбно и употребляется также для принуждения последа, после родов. Варят также в моче больного три куриных яйца, выносят их, с горшком, в муравейник, разбивают и зарывают все вместе. Когда муравьи уничтожат яйца, то лихорадка должна пропасть. Или больной должен проносить несколько хлебных зерен в рукавице, на голой ладони, во время приступа; потом сеют их, а когда взойдут, больной должен их раздавить и растоптать. Завязывают в лесу над головой больного два сучка березы, приговаривая: покинешь – отпущу, не покинешь – сама сгинешь. Пишут на бумажку абракадабру известным треугольником, или имя больного, молитву, или другие таинственные слова и привешивают к больному; или остригают волосы и ногти больного, просверливают в осине дыру, затыкают ее этим и заколачивают камешком; нечаянно, с молитвой, окачивают во время озноба водой, сажают лягушку за пазуху и проч. От судорог носят в кармане медный грош, кусочек серы и ржаного хлеба, или зашивают в подвязку серый цвет.

XI. Симпатические средства

От лихорадки народных средств вообще чрезвычайно много; и это потому именно, что болезнь эта, поселяясь в брюшной полости, исцеляется противодействием на головной мозг. Зернистый перец, шубий клей, паутина, яичный белок и тому подобные снадобья не принадлежат впрочем вовсе к средствам симпатическим и сила их давно уже признана врачами. Болезни этой дано множество названий: лихоманка, трясучка, трясавица, комуха, кумаха; иногда ее убажают, величают лихоманкой Ивановной, чтоб не обиделась, или боятся ее назвать; на Украине различают 99 видов лихорадок, смотря по тому, от чего она прикинулась, называя ее: *пидтынныця*, если она человека застала сонного под тыном, на сырой земле; *веретенныця*, если баба допрялась до лихорадки; *гноевая*, если напала на спящего на навозной куче; *степоная*, если на переночевавшего в поле и проч. Есть и в России поверие, что лихорадок 9 крылатых сестер, коих по временам нечистый спускает с цепей. Если одна из них пролетом поцелует человека, то или губы обмечет, или же нападёт трясавица. Покидая одного больного, чтобы потрясти другого, сестры эти дают каждому временный покой. Иные мажут себе лицо сажей и переодеваются в чужое платье, чтобы лихорадка, воротившись, не узнала. Поэтому и скорый отъезд в другое место, как народ толкует, иногда спасает от

лихорадки; она потеряет человека и не найдет его. От болезни этой, по мнению народа, спасает, между прочим, также восковой шарик, слепленный из 12-ти крошек воску, снятых в 12 раз во время чтения Страстей, от свечки, которая в продолжение службы зажигается, как известно, 12 раз. От лихорадки же и вообще от злых духов и порчи, выкапчивают в страстную пятницу крест на притолоке и над дверьми у входа, и притом свечой, принесенной со Страстей. Но вот еще народное средство, которое я испытал раз 30 и в чрезвычайном действии коего всякому легко убедиться, хотя и не так легко объяснить его и добиться до желаемого смысла: перед приступом лихорадки, за час или более, обкладывают мизинец левой руки, а в некоторых местах большой палец, внутренней пленой сырого куриного яйца; кожица эта вскоре прилипнет плотно и присыхает, а чтобы уберечь ее, обматывают палец слегка тряпичкой. От этого средства лихорадка, не всегда, но большею частью, покидает недужного. В самое то время, когда бы ей следовало быть, в мизинце появляется боль, иногда довольно жестокая, и начинает стрелять вдоль локтя, иногда до самого плеча. Вместо вторичного приступа бывает опять то же, но только гораздо слабее, а за третьим разом все кончено. Замечу, что по опытам моим над самим собою и над другими: 1) плена эта не оказывает ни малейшего действия над здоровыми; 2) иногда и у лихорадочных, без явной причины, бывает не действительна, и тогда озноб и жар идут своим порядком и боли в мизинце

нет; 3) или же дело принимает обратный ход: мизинец рвет и болит во время промежутков лихорадки, а приступы идут своим чередом, и притом боль на это время утихает; 4) изредка боль в мизинце, в локте и плече бывает так сильна, что хворый не в силах перенести ее и срывает плену; тогда боль исчезает, а лихорадка вместо того появляется; 5) также в редких случаях, по излечении сим способом лихорадки, мизинец бывает покрыт кровяницами и даже образуется нарыв около ногтя, в виде ногтеоды. Я был однажды свидетелем случая, где весьма опытный и ученый врач приходил в отчаянье от недействительности хинина и других аптечных средств противу злой лихорадки, грозившей ударом – а яичная пленка спасла больную! Бывшие этому свидетелями врачи, без сомнения, основательно утверждали, что средство это не есть симпатическое, а должно действовать иначе; но как именно и от чего, этого доселе никто не мог мне объяснить. Вот пример такого явления, взятого из опытности простонародья, которое и не могло бы, кажется, заслуживать никакой веры; множество разумников готовы при первом слове закричать: «вздор»; но я попрошу изведать дело на опыте, а потом судить и писать приговор!²³⁶

Народному поверию, что сердце лежит под грудной костью, под ложечкой – сердце болит, отвечает по крайности и

---

²³⁶ Кто бы поверил, что деревянная дощечка с тремя магнитами на одном конце, свободно обращающаяся на игле, поставленная в комнате и накрытая стеклянным колпаком, показывает, за полчаса вперед, направление ветра! А между тем это верно, открыто случайно и теперь занимает всех ученых.

ученое, латинское название этого места (*sevobiculum cordis*); а поверию, что душа сидит немного пониже, в желудке, соответствует положение брюшных нервных узлов, называемых также брюшным мозгом и седалищем животной души. Кровь ходит, приступает, говорит простолудин; а ученый врач называет это конгестиями и оргасмом. Во сем этом есть смысл; мы иногда не понимаем народа, он нас; но речи его не всегда так бессмысленны, как с первого взгляда кажутся.

У лекарок есть симпатические средства *от бородавок*: разрезать яблоко ниткою, натереть бородавку обеими половинками, сложить и связать их тою же ниткою и закопать в навоз. Когда сгниет яблоко, тогда, говорят, пропадут и бородавки. Натирают также бородавки сырым мясом или свиным салом и закапывают его или отдают собаке; делают на щепочке столько зарубок, сколько у человека бородавок, прикоснувшись к каждой соответствующею ей зарубкой; или вяжут на ниточке, на алой шелковинке, узелки, обмеряя каждую бородавку вокруг, и бросают на дорогу; кто поднимет щепку эту или шелковинку, на того перейдут бородавки. Во время убыли луны, поводят рукою по стене, на которую падает лунный свет, а потом поглаживают бородавку тою же рукою. Это повторяется в продолжение целой недели, и бородавка должна пропасть. Иные обводят пальцем сучок в деревянной избе, куда падает лунный свет, а потом водят по бородавке. Обмывают также бородавку, три раза, дождевой водой, скопившейся в лунке, ямке большого камня; иные смазывают

бородавку пеной или накипом от горящих сырых сосновых дров.

От докучливого *ячменя* есть множество симпатических средств: уколоть ячмень зерном ячменя и отдать его курице; обвести ячмень обручальным кольцом и прочесть молитву, подавить ячмень кольцом, поцеловать глаз и сплюнуть; повесить иглу на нитке перед глазом и смотреть на нее. Довольно забавно видеть в доме барском старуху, няню, у которой весь день болтается перед глазом игла, привешенная к головному платку. От ячменя же, перво— или последнерожденный из братьев и сестер должен показать кукиш больному глазу, но чтобы никого при том не было; иные советуют говорить при этом: ячмень, ячмень, вот тебе кукиш, что захочешь, то себе купишь; купи себе топорок, переселись поперек; проговаривая это трижды, провести по ячменю пальцем. От *лишай* есть также много средств; наприм., взять поту с окна, или слюней, обвести сучок в бревне избы, а потом лишай, и сказать: ни шире, ни доле, тут тебе и быть, на сем месте тебе и пропасть.

От *желтухи* берут в руки живую щуку и глядят на нее, покуда она уснет. От *курячейслепоты* сидят над паром вареной воловьей печени и едят ее, и это средство было одобряемо некоторыми врачами; но, испытав его много раз, во время Турецкого похода, я, однако, же никогда не видал от него помощи. От детского недуга *собачьстарость*, вероятно, сухотка хребтового мозга, *перепекают* ребенка, т. е. са-

жают его на лопату и трижды всовывают наскоро в затопленную печь. В трудных детских болезнях, где родители отчаиваются в жизни ребенка, должно, по народному поверию, подать его нищей в окно: если она примет его Христа ради, то он выздоровеет. Это, конечно, поэтическое поверие, без всякого другого значенья. Изгнание полунощника, или полунощницы, семью прутиками или сорочкою ребенка, которую меряют взад и вперед и накрест ниткою, всучивают между двух прядей ее и потом кладут под порог, чтобы народ ее топтал; лечение переполоха выпивкой, – все это должно почитать баснями, как и еленье костоеды, ногтоеды и зубной боли вызовом, посредством кипятка, на хлебный колос, каких-то волосатиков или червей; кладут по 3 пучка ржаных колосьев по нескольку раз на больное место и обливают щелоком гречишной соломы. Откуда тут взяться волосам, или волосатикам, коих, по нашим понятиям, нет и быть не может в больных членах – этого нельзя постигнуть. Все это или невинные грезы, или необъясненные доселе тайны, или, вероятнее, последнее убежище беспомощного отчаянья. Переполох (кажется, неправильно пишут: переполог), от переполошить, испугать почитается следствием испуга ребенка, которому от переполоха надевают рубашонку задом наперед. Переполох от собаки почитается не так опасным, потому что она *вылает* его сама же впоследствии; но переполох от злого и молчаливого гусака, кинувшегося на ребенка, почитается несравненно опаснее. Известно, что укушение гусака бы-

вает иногда ядовито и очень долго не подживает. Если кто поперхнетя или подавится, то советуют класть ломоть хлеба на темя, или тереть переносье указательным пальцем правой руки. Утверждают, что сверчки пропадают, если в комнате повесить живого рака за клешню, покуда он начнет портиться; что сим же способом, повесив рака на дереве, можно согнать с него всех гусениц; известно, что самая близость серных ключей отнюдь не дозволяет разводить пчел; что газ, употребляемый для освещения комнат, хотя бы он, по хорошему устройству снарядов, не распространял ни малейшего запаха, вредит, однако же, цветам и вообще растениям, кои блекнут и листья с них обваливаются; что, сохраняя или перевозя в бочках и ящиках живых раков, надобно остерегаться встречи со свиным стадом; иначе раки внезапно все засыпают. Все это намеки такого рода, кои должны предостеречь нас быть крайне осмотрительными в приговорах своих. Но чтобы сверчки, тараканы, мыши ползли и бежали из дому *перед пожаром* – этому конечно здравый рассудок отказывается дать веру. Или мыши и тараканы выбирались уже вследствие гари, т. е. их выкурило, а через сутки или более пожар вспыхнул, или же злые люди когда-нибудь воспользовались этим поверием и сожгли дом, из злобы, для грабежа, или просто для потехи, когда народ заметил, что насекомые выбираются из него и что быть худу. Говорят, если корова обнюхает подойник, то молоко будет тягучее и легко ссядется; чтобы исправить это, должно напоить из подойника бы-

ка. Соленые огурцы должно встряхнуть в кадке или бочонке, в день Воздвижения, тогда они лучше держатся; солить же их на молодой месяц, как и вообще об эту только пору делать все заготовления впрок. Об этом обстоятельстве необходимо сказать несколько слов. Странно, что некоторые общеизвестные истины упорно оспариваются или не признаются учеными нашими, тогда как господа ученые были бы обязаны наставлять народ, указывать ему путь к истине и пользоваться для этого всеми случайными открытиями, поверяя их на опыте и объясняя их затем умозрением, которое во всяком случае тогда только строится не на ветер, когда ему неоспоримый опыт служит основанием. Все хозяйки, хозяйева и в особенности мясники и солельщики в целом свете, в Англии, Франции, Бельгии, Германии, заготавливающие солонину в большом количестве для флотов, знают очень хорошо, что солонина, приготовленная во время полнолуния, никуда не годится и очень скоро портится. Это есть неоспоримая истина, которую всякий может испытать на деле; он будет наказан за неверие свое и выкинет вскоре весь запас. Как и почему, этого мы не знаем; но я не вижу, почему бы этому не быть, когда разнообразное влияние солнца, луны и других небесных тел на землю нашу и ее произведения вообще давно признано, хотя доселе еще удовлетворительным образом не объяснено. Скажем то же об отношениях известного женского периода к разным веществам, в особенности же к таким, кои находятся в брожении; между прочим, женщине

в это время не должно подходить к бочонку, в коем делается уксус; иначе он испортится, не удастся. То же самое говорят и о хлебной квашне. Уверяют, что печеный хлеб легко и скоро плесневеет, в то время, когда хлеб на корню цветет; что вино поэтому о ту пору легко портится и за ним нужен особый надзор; что об эту же пору пятна красного вина, только не подкрашенного, гораздо легче вымываются из столового белья, без употребления к тому особых средств; что о ту пору, когда хлеб цветет, нельзя белить холстов; словом, много есть в народе и у хозяек наших подобных чудес на примете, и я, не советуя никому верить всем им на слово, не думаю, однако же, чтобы было справедливо и благоразумно отвергать положительно все это, как нелепость, не удостоверившись в том из многократного опыта.

К числу симпатических привесок принадлежат, как упомянуто, ладанки, в кои зашивают, для охранения от уроки, порчи, ладан и другие вещи и снадобья, иногда наговоренные бумажки и проч. Туда же зашивают так называемую природную сорочку младенцев, родившихся в рубашке. Случайное обстоятельство это, заключающееся в том, что плена или кожа яйца, по крепости своей, иногда не прорывается во время родов, а выходит цельная, содержа в себе ребенка, почитается особенным счастьем и предзнаменует новорожденному всякого рода благополучия. Смыслу в этом, конечно, нет и быть не может; не менее того, от этого поверия произошла и поговорка о счастливом человеке: он родился в сорочке.

ХII. Приметы

В древней рукописной книге «Иконопись», может быть частью переведенной с греческого или позаимствованной у греков, вставлены тут и там, между описаниями постановки, положения и одежды, любопытные заметки о тайнах живописи, вроде следующих:

«Подзолотой пробел краски творить на яйцо, а яйцо бы свежее было, желток с белком вместе сбить гораздо, да тут закинуть соли, ино краска некорчитца, на зубу крепка. И первое разбить, процедить сквозь плат».

«Вначале тереть мягко со олифою вохры, в которой при-мешать шестую часть сурику. И истерши вложить в сосуд медной и варить на огне и прибавить малу часть скипидару, чтоб раза 3 или 4 вскипало кверху, потом пропусти сквозь трепицы, чтобы не было сору, а как будет варитца, то хотя прибавить смолы еловой чистой пропускной».

«Трава на реке на берегу растет прямо в воду. Цвет у нее желт, и цвет от нее отщипать да ссушить. Да камеди положить и ентарю прибавить да стереть все вместе и месить на пресном молоке. Пиши, что хошь, будет золото».

«Взять яйцо свежее от курицы молодушки и выпусти из него белок чистой и положи в желток ртути и запечатать се-рою еловою и положить под курицу, которая б по три цып-ленка высиживала, и выпарая взять яйцо из-под курицы и

смешать спичкою чистою и будет яко золото и пиши на чем хочешь, пером или кистью».

Обратимся теперь ко второму разряду поверий, изобретенных первоначально для того, чтобы застрашать человека, заставить малого и глупого, окольным путем, делать то, чего напрямик добиться от него было бы несравненно труднее.

Эти поверия каждый мальчишка затверживает с тятьей и мамой, повинуется им безответно и следует им безотчетно. Например: не сорить, не ронять ни одной крошки хлеба, иначе будет голод и неурожай; другими словами: хлеб дорог, береги его и уважай его, как нужнейший нам Божий дар. Если кто за обедом, не доев своего ломтя хлеба, возьмется за другой, или отломит кусок от другого, то кто-нибудь из близких оголодает или будет терпеть нужду. Это, как поверие, глупо; но как правило житейское, хорошо и полезно. Не макать хлеба в сольницу, потому что крошки туда падают и соль, вещь покупная у мужика, засорится, не класть испеченый, особенно горячий хлеб на горбушку, потому что она тогда легко отстает и хлеб в промежутке этом легко плесневеет; кто ест хлеб с плесенью, будет хорошо плавать; другими словами: не прихотничайте, дети, ешьте сподряд хлеб, каков ни есть. Скорлупу от выеденных яиц должно давить на мелкие части, иначе, если она попадет на воду, то русалки построют себе из нее кораблик и будут плавать, на зло и смех крещеным людям; а если скорлупа останется на дворе и в ней накопится дождевая вода, да сорока напьется, то у того, кто

выкинул скорлупу, будет лихорадка. Сущность дела, вероятно, та, что скорлупа, выкинутая целиком, поваживает собак таскать яйца и даже учит кур и уток наклевывать и выпивать их. Кто, не разбирая постов, ест скоромное, у того будет рябая невеста; почитая большим грехом не соблюдать постов, старики выдумали острастку эту для легкомысленных ребят. Маленьким ребятишкам говорят также в пост, что молочко улетело на березку, и указывают на первого веселенького воробья. Муха во щи залетела – счастье, придумано, конечно, для успокоения брюзгливых и прихотливых. Есть и читать в одно и то же время не годится; память проглотить; и врачи наши дают то же наставление, подкрепляя его только более дельными доводами. Свистать в комнатах почитается или грехом, или дурным предзнаменованием; вероятно потому, что в жилом покое, где люди есть, не всякому приятен свист шалуна, который этим многим досаждаёт; чтобы застрашать его, говорят, что от этого дом пустеет. Поверие моряков, что в тихую погоду можно насвистывать ветер, который от свиста мало-помалу свежеет, должно отнести к тому, что в безветрие от скуки и нетерпения морякам нечего делать, и надо чем-нибудь позабавиться. Порожней колыбели не качать, а то дитя жить не будет; этим унимают старших баловней, от которых и без того в тесной избе некуда деваться. Новорожденную должно купать в белом белье, чтобы бела была и нежна. Это недурно придумано, для того, чтобы заставить неопрятную мать или мамку не мыть ребенка

в грязном белье, от которого и вода вся делается грязною; хотя многие этого не понимают. Через порог не здороваться; поссоришься, либо дети немые будут. Невежливость здорованья через порог, не дав гостю войти, противна русскому хлебосольству; почему и придумали острастку. Нехорошо возвращаться, идучи от людей из дому, когда уже совсем собрался, оделся, простился и ушел, потому что это попустому тревожить хозяев; а если что забудешь и воротись, то значит скоро опять свидеться. Не заставляй пришивать пуговицы на себе, или зашивать платье, которое надето; пришьют тебе память. Это явно выдумка хозяек наших, которым весьма неловко чинить платье на нетерпеливом супруге, если он не хочет раздеться и еще торопит. Кто свищет в ключ, занятие не для всех слушателей приятное, тот просвищет память, позабудет, где что положил. Кто сидя от безделья ногами болтает, тот черта качает; этим просто отучают от дурной привычки. Ребенка до шести недель никому не показывать, т. е. не раскрывать и не выносить; ребенка до году не стричь, и притом стричь в великий четверток, раз в год! и многие врачи советуют то же, полагая, что стричь ребенка должно только на весну, а не когда попало. Беременной не велят заготовлять белья для младенца, а то он жить не будет.²³⁷ Это значит: так как ей работать и шить тяжело, то ей

---

²³⁷ Общее и повсеместное поверье, что встречный предмет, особенно неприятный, имеет влияние на роды беременной женщины и даже на наружность ребенка, существует также в России и притом во всех сословиях.

обязаны помогать другие, а кто помогает обшивать невесту, тот помолодеет – и это придумано с добрым расчетом. Кто, выстригшись, кинет куда-нибудь волоса, у того голова будет болеть; должно собрать их в кучу, свернуть и заткнуть под стреху или в тын, подальше: это, при неопрятности крестьян наших, недурное правило; иначе, может быть, по всей избе и по двору валялись бы кучи обстриженных волос. Впрочем, о повериях, касательно соотношений разных частиц, взятых от плоти нашей, к живому телу и об основанных на этом чарах, – было говорено выше. Коли домовою завьет у лошади по-своему гриву, то не трогать ее, а то он рассердится и испортит лошадь: правда, космы в гриве – это болезнь, род колтуна, и если их остричь, то лошадь всегда почти захворает, Порядочным людям грешно купаться после Ильина дня (20-го июля); а после Ивана постного (29-го августа) грешно уже всякому, даже и сорванцу; потому что в конце июля вода дрогнет, как говорится, и зацветает; а в конце августа она холодна и ребятишки, набегавшись наперед, легко простужаются. Яблоки грешно есть до Спаса, а орехи прежде Воздвиженья; это основано на том, что до сих сроков яблоки и орехи редко вызревают и что ребятишек трудно удержать от незрелого, нездорового лакомства, если не настрашать их и не уверить, что это грешно. Слово грешно, в народном предании, отвечает известному *табу* островитян Южного океана и заключает в себе понятие о строгом запрещении, не входя в смысл, значение и причины его. Если кто бьет до-

машних своих лучиной, как иногда привыкли делать злые старухи, тот сам иссохнет как лучина; недурно, если бы все этому свято верили. Кто в большой праздник проспит заутреню, того купают, бросают с размаху в воду, или обливают – обычай старинный, запрещенный даже особым указом 1721 года апреля 17-го. Вдова не должна быть в церкви, когда венчают; потому что в такое время вдова напоминает молодым неприятное и тем нарушает общее веселье. Ключей не класть куда попало на стол, иначе выйдет ссора в доме, а класть их всегда на определенное место, в стороне. Это поверие удивительно полезно и справедливо: как только хозяйка станет раскидывать ключи по столам, куда попало, то непременно вслед за тем станет искать их, обвинять и подозревать других, и выйдет брань и ссора. Перебираясь на новое жилье, в старом не покидать сору, тряпья, черепков и проч. Во-первых, это-де подаст повод обвинять вас в колдовстве, а во-вторых, и вас можно над этим изурочить. В сущности же, полезное поверие это велит всякому, выбираясь из дому, выметать хоть сколько-нибудь жилье, где доведется вслед за тем жить другому. Корова с подоином продается, а лошадь с недоуздом: это должна быть выдумка дешевых покупателей и хозяйственных скопидомов, и дело вошло в обычай; продавцу, взяв деньги, можно придать к скотине такую безделку, притом и необходимую при самой покупке, а покупателю все годится, как Осипу Хлестакова. Не должно спрашивать хозяйку, сколько у нее дойных коров, сколько кур несет-

ся, сколько насекомых; это значит, кажется: не заботься о чужом хозяйстве. С кладбища, с похорон, ни к кому не заезжать; привезешь смерть в дом; или же, возвратившись, приложить ладони трижды к печи: это не есть поверие простолюдина, а изобретение наших старушек, которые боятся смерти и не любят об ней вспоминать. Покойника должно как можно скорее снять с постели и положить на стол; душа его мучится за каждое перышко в перине и подушке; это крайне дурное, бесчеловечное поверие, которое причиною тому, что у нас весьма нередко человека еще заживо стаскивают с постели и тормозят на все лады, также придумано досужливыми вещуньями, коим везде и до всего дело и которые не могут дождаться часу, где до них дойдет очередь распорядиться. В некоторых местах бессмысленная и наглая услужливость их доходит до того, что они стаскивают умирающего с одра смерти и торопятся обмыть и одеть его, покуда он еще не остыл, может быть, покуда он еще дышит. Первоначально все обычаи, относящиеся к этой торопливости, возникли, вероятно, от желанья кончить, как можно скорее, печальные обряды и дать осиротевшим покой; но это употребили во зло, самым непростительным, бесчеловечным образом. Поверие, что у грешника ангелы душу сквозь ребра вынимают, чтобы она только и досталась сатане, принадлежит к числу вымыслов поэтических и также к числу суеверных остроток; подробный рассказ о том, как это делается, может быть удержит многих от дурного поступка.

Если гости уйдут домой, после обеда или ужина, прежде, чем скатерть снята со стола, то женихи откажутся от хозяйских невест; у нас говорят вместо этого просто: невежливо бежать от стола, как от корыта, и это выходит на то же. Какое-то естественное приличие требует посидеть, поблагодарить хозяйку, дать ей время управиться немного с хозяйством и не принимать такого вида, будто пришел с тем только, чтоб накушаться и уйти. Разбить посуду, стекло во время какого-нибудь пира или празднества, свадьбы, крестин и пр., хорошая примета. Без сомнения, это хорошее поверие сочинено для того, чтобы разбитая рюмка или стакан не нарушили спокойствия и удовольствия хозяйки, а с тем вместе не лишили бы гостей веселого расположения. Кто змею убьет, тому прощается 40 грехов. Это поощрение, конечно, изобретено бабами, которые боятся змей. Кто 40 покойников проводит, тому отпускается три тяжких греха; выдумка охотниц до кутейных пирушек. Не годится прощаться и уходить, если у хозяйки не допита чашка чаю, и точно, не годится, можно обождать, покуда она ее допьет. Бабе грешно резать или колоть птицу, а четвероногое животное и подавно; это должен делать мужчина. В этих повериях обычай, приличие, взаимные правила житейской вежливости соединяются в суеверии; оно заставляет народ исполнять то, что другими способами трудно было бы завести. В последнем по мере мы видим отговорку или оправдание женщин, коих чувство противится нанесению смертного удара, или у коих рука не

поднимается на утку или курицу.

Обратимся к *третьему разряду* поверий, к таким, кои в сущности своей основаны на опыте, на замечаниях, но которые при всем том к каждому частному случаю применены быть не могут, потому что в них есть только общий смысл. Сюда относятся замечания о погоде, об урожае, или так называемый календарь земледельца. Зима без трех подзимков не живет. Через 6 недель после первого снега с морозом, становится зима; в день Благовещения и Светлого Христова Воскресения бывает одинаковая погода; в день Алексея Божьего человека, 17-го марта, разверзаются все подземные источники; в день Преполовения и в день Казанския Богоматери, 22 октября, всегда идет дождь: в день Илии Пророка всегда бывает гром – а к этому уже досужие толкователи прибавляют: а если не будет грома, то в этот год *кого-нибудь* убьет грозою или зажжет дом. Реки вскрываются, когда дня бывает 14 часов, это поверие со средней Волги, и там оно подходит довольно близко к истине. Если беляк-заяц рано белеет, и когда зайцы с осени жирны, когда хомяк таскает рано большие запасы, – то будет внезапная и холодная зима. Если пчелы рано закупориваются, то будет ранняя и строгая зима, и наоборот: когда они заводят в другой раз детку, то будет продолжительная и теплая осень. Не знаю, до какой степени все эти приметы верны, но нельзя утверждать, чтобы у животных не было какого-то, для нас вовсе непонятного, предчувствия относительно погоды. Известно, напри-

мер, всякому, что скотина глухо мычит перед дождем и бурей, дышит и роет землю; собака скучает и ест траву; петухи кричат взапуски с лягушками; воробьи и утки купаются в пыли, на сухой земле; галки с криком вздымаются высоко, роями; ласточка ширяет низко; на море морская свинка играет, бурная птица является внезапно и скользит по волнам; на этом и основаны живые барометры; зеленая лягушка, пиявица, рыба выюн предвещают довольно верно погоду, если держать их в склянке с водою. Нередко человек предчувствует ведро и ненастье: мозоли болят, пальцы горят, ломота появляется в раненых или ушибенных членах и проч. Есть люди, кои безотчетно, по какому-то темному, но верному чувству, угадывают близость кошки, как бы она не спряталась. Если солнце красно заходит, то на другой день будет ветрено; если пасолнца является, то это на мороз. Перед ненастьем, табак льнет к крыше табакерки, как замечают табачники; перед ведром крышка ослабевает. Горничные наши знают, что после дождя и перед ветром подушки и перины делаются, как они говорят, легче, выше вздуваются. Таким образом, рассматривая собственно поверия, основанные на правильных замечаниях, но не всегда верно применяемые, мы невольно опять возвратились к повериям сочувственным или симпатическим, как мы и вперед оговорились, сказав, что все принятые нами разряды незаметно друг в друга переходят. Если лучина трещит, когда горит, и мечет искры, то будет ненастье. Это довольно верно; значит, лучина отсыре-

ла более обыкновенного и воздух вообще сыр. Если кошка спит, подвернув голову под брюхо, то это зимой на мороз, а летом к ненастью. Сюда же принадлежат поверия и приметы относительно ожидаемого урожая, и между ними есть такие, кои достойны всякого внимания; например: крестьянин замечает, как колос зацветает: снизу, со середины, или сверху; чем ниже, тем дешевле будет хлеб, а чем выше, тем дороже. Другими словами: здоровый и обильный колос всегда должен зацвести снизу; тогда можно надеяться урожая, если град не побьет и червь не поест, и тогда хлеб будет дешев; а чем выше колос зацветает, тем менее он даст, потому что плевелки ниже цвета всегда бывают пусты и не дают зерна, и, стало быть, тем дороже будет хлеб. Зимняя опока на деревьях обещает, как говорят, хороший урожай на хлеб; урожай на орехи обещает обильную жатву хлеба на грядущий год, по крайней мере замечено, что сильный урожай на орехи и на хлеб никогда не бывает вместе; что кроме того никогда не бывает большого урожая на орехи два года сряду; стало быть, при обилии в орехах, их на следующий год не будет, а вероятно будет урожай на хлеб. Когда рябина сильно цветет, то будет, говорят, урожай на овес; много ягод на рябине предвещает строгую зиму, может быть, если предположить, что природа заготавливает на этот случай корм для птицы. Посему и заготавливают тогда рябинный квас, слабительный и прохладительный, предсказывая на зиму воспалительные болезни, неразлучные со строгою зимою. Если день Богоявления (ян-

варя б) теплый, то хлеб будет темный, т. е. густой; если ночь звездистая, то будет много ягод; а если, во время посева, у жуков под брюхом много яичек (вшей), то будет урожай; если они на передних лапках, то должно сеять ранее, если на средних, то позднее, а если на задних, то еще позже. Последние приметы, вероятно, одна только шутка. На средокрестной неделе великого поста, пост преломляется пополам, пекут кресты, а ребяташек покрывают решетом или кадкой и бьют сверху палкой, чтоб слышали и помнили, как пост переломился пополам. Судя по ценам в день Ксении полужимницы или полухлебницы (января 24), заключают об урожае и о ценах на хлеб во весь предстоящий год. С этого дня остается ждать нового хлеба столько же времени, сколько ели старый. Февраль – широкие дороги – 4-го марта Герасима Гречевника. В день 40-ка мучеников, 9-го марта, прилетают сойки и жаворонки, почему и пекут 40 жаворонков. Марта 17-го, Алексия Божьяго человека: Алексея с гор потоки, с гор вода, а рыба со стану, т. е. рыба трогается с зимовья и трется под берегами. Марта 19-го Хрисанфа и Дарии; Дарии, желтые проруби, замарай проруби; Марта 25-го, Благовещение, если мороз, то будет много огурцов. Апреля 1-го, Марии Египетской, зажги снега, или заиграй-овражки. Апреля 3-го ап. Иродиона: уставь или заставь соху, пора пахать под овес; когда заквакают лягушки, то пора сеять овес; когда рожьются крылатые муравьи, сеют хлеб. Овес сеять хоть в воду, да в пору; а рожь, обожди часок, да посеи в песок. В вели-

кий четверток мороз, так и под кустом овес; а озимь в засеку не кладут, т. е. не верь всходам с осени. Снегу много, хлеба много, говорит народ. Апреля 16-го, Ирины разрой берега. Апреля 25-го, Великомученика Георгия выгоняют скотину. Если дождь, то в этот год скот хорошо пойдет. Георгий везет корму в тороках, а Никола (9 мая) возом. Мая 5-го, Ирины рассадницы: сеют капусту. Это же время считается ветреным и потому удобным для палов, для выжигания полей, потому что пал, для безопасности, всегда пускается по ветру туда, где не опасно. Мая 13-го, муч. Гликерии, Лукерья-комарница, появляются комары. Мая 14-го Исидора, садят огурцы. Мая 18-го, семи дев: веют первый лен. Мая 21-го Константина и Елены: ранний лен и поздняя пшеница. Мая 29-го, Феодосии волосяницы: рожь колосится. Мая 31-го, Еремия повесь-сетевое: т. е. кончай посев. Июня 13-го, Акулины гречушницы: сеют гречиху. 1-го июля, Казанския Богоматери, лучший день для сбора касмахи или червца, который будто собирается изо всей окружности под один куст; кто найдет его, найдет много вдруг. Июня 20, пророка Илии: если дождь, то будет мало пожаров; всегда бывает гром и где-нибудь убивает человека. В иных местах говорят еще, что в этот день дана воля всем гадам и лютым зверям, а потому и нельзя выгонять скотину в поле. Иные верят также, что в день Рождества Христова скотину не должно выпускать из хлевов. В Стефанов день поят лошадей через серебро. Августа 1-го, происхождение св. Древ: первый Спас; можно есть яб-

локи. Августа 13-го, Флора и Лавра, кончай посев ржи. Августа 23, св. Луппа, морозом овес лупит; первые утренники. Без воды зима не станет; дожди, потом следуют подзимки, а там морозы, которые разделяются на Никольские, рождественские, крещенские, афанасьевские, стретенские, и наконец мартовские заморозки. Оттепели должны быть: Михайловские, 3-го ноября; введенские, 21-го ноября и проч. Августа 29-го, Иоанна Предтечи: не варят щей, потому что кочан капусты напоминает усеченную голову. Сентября 1-го, бабье лето, начало женским сельским работам; сентября 14-го Воздвижение, кафтан с шубой сдвинулся. Октября 22-го, Параскевии-льняницы; пора мять лен. Ноября 26-го, Егорий с мостом, а Никола с гвоздем, декабря 6-го. О зимнем пути говорят: либо недели не доедешь до Благовещенья, либо неделю переедешь. Первый прочный, постоянный снег выпадает ночью, а денной сходит; это довольно верно. 12-го декабря, солнце поворотилось на лето, а зима на мороз. Если в день Рождества Христова много инею, опоки на деревьях, то будет урожай на хлеб. В день Наума, 1-го декабря, в Малороссии отдают детей в школу, полагая, что они тогда более ума наберутся.

В южной Руси частью те же, частью и другие поверия, о погоде, урожае и проч., и в особенности замечается игра слов или созвучий подающих повод к поверию; наприм., 23-го июня, Иоанна Предтечи, смешивают с Крестителем и с Купалою языческим и называют день Ивана-Купалы; Панте-

леймона (27-го июня) называют Палий и боятся в этот день грозы; празднуют, мая 11, обновление Царяграда, иначе хлеб выбьет градом; июня 24, Бориса и Глеба, называют *барыш* день, и празднуют его для получения во весь год барышей; если июля 19, в день Макрины, ясно, то осень будет сухая, а если *мокро*, так ненастная. 26-го января, Ксении полухлебницы или полузимницы, замечают цены на хлеб: если поднялись, будет дорог, если нет, то наоборот. Февраля 9-го, в день Сретения Господня, лето встречается с зимою; коли снег метет через дорогу, то будет поздняя весна, а коли не метет, то ранняя, и проч.

К сему же и частью к предыдущему разряду принадлежат и следующие поверия, не относящиеся до календаря земледельца: если выкинет из трубы, то должно опустить в нее живого гуся: распутив в испуге крылья, гусь, при этом падении, может иногда погасить пламя. Известные пятнышки на лице, вроде веснушек, появляющиеся временно у женщин, называют *метезами*, и говорят, что внезапное появление их есть верный признак беременности. В этом поверие есть истина; но она отнюдь не безусловна. Телятину есть считают грехом; вероятно, это произошло от хозяйских расчетов: во-первых, деревенские коровы перестают доиться без телят; во-вторых же, не расчет съесть телят, из которого через 2–3 года выйдет полнорослая скотина. Кроме того, почитают грехом есть голубей, как священную птицу; не едят зайцев и всех вообще слепорожденных животных и однокопытчатых,

т. е. с нераздвоенными копытами, вероятно, на основании Ветхого Завета. Угря не едят, не признавая его рыбой; а как, по пословице, в поле и жук мясо, то разрешают есть угря, когда в семи городах нельзя будет найти рыбы. Сом не едят, потому что сом чертов конь; рыба эта жирна, не вкусна и не здорова, кроме плеса, который идет в пирог. Раков не везде едят; уральские казаки называют их водяными сверчками и выкидывают из сетей. Зато во многих местах простолюдины не брезгуют грачами, галками и воронами; но сорок нигде не едят; а по уверению бывалых людей, в некоторых местах России запекают в пироги полевых мышей, под названием *житничков*. Очень умно, если это делается; но я нигде толком не мог о том доспроситься.

Ямщик, если вы нанимаете его на протяжных, ни за что не повезет барыню с кошкой, уверяя, что от кошки лошади худеют; от табаку, напротив, по уверению извозчиков, лошади добреют, и потому табак для них кладь желанная. Извозчики, с коими рядились для отвоза из Ромна шерсти и табаку, за провоз последнего делали маленькую уступку. Если верить другому поверию, что чепрак из барсовой кожи вреден для лошади, то можно допустить также однородное влияние кошки; я говорю только, что подобное дело сбыточно, хотя и совсем вероятно. Так, например, известное влияние кошки же на змею весьма замечательно: змея не боится самой злой собаки, напротив, самая злая и смелая собака сильно пугается змей; но лишь только подойдет к ней кошка, как змея

мгновенно свертывается в клубок и, схоронив голову, лежит не смеядохнуть, не бежит, не защищается, и кошка смело ее грызет. Индюшки также заклеывают змей, преследуя их с остервенением; овцы пожирают ядовитых тарантулов, от укушения коих другие животные умирают, по крайней мере, долго хворают.

Суеверие, будто у скопы ядовитые когти, вероятно, вышло просто из того, что скопа довольно странная птица, соединяющая в себе свойства хищных и водяных птиц; она питается рыбой, хватая ее не клювом, а когтями.

Выше говорили мы об остатках язычества; христианство вытеснило их из области веры, и они нашли приют в повериях или суевериях.

Нельзя не отнести сюда всех суеверных обрядов, соединенных у простолюдинов с обрядами веры; их много; все пересчитать трудно. Обращаются, например, в известных случаях, с молитвою исключительно к тому или другому св. угоднику, полагая, что тогда молитва будет лучше услышана; молятся от слепоты – Казанской Богородице; от глазных болей – Мине Египтянину, Лаврентию Архидиакону, Логину сотнику; от болезней вообще – Богородице Всех Скорбящих; от головной боли – Иоанну Предтече; от зубной боли св. Антипию; от лихорадки – св. Марою, также Фотинии или Василию Новому; от грыжи – Артемию; от бесчадия – Роману чудотворцу, также св. Ипатию; от трудных родов – Богородице Феодоровской или св. Екатерине, если муж вознена-

видит жену – св. Гурию, Самону и Авиве; о согласии супругов – св. Евангелистам; о здравии младенцев – Богородице Тихвинской, Симеону Богоприимцу; от родимца – св. Никите; от оспы – Конону Саврийскому; о просвящении разума на грамоту – Козме и Демиану; на иконное писание: Иоанну Богослову; о сохранении от смерти без покаяния – св. Палсию; об изгнании лукавых духов – св. Нифонту, или Марофу; о сохранении целомудрия – Мартимиану, Иоанну многострад., Моисею Угрину, Финаиде; от запоя – Вонифатию, также Моисею Мурину; от грозы – Богородице Неопалимой Купины, также Никите Новгородскому; о ведренной погоде – св. Илии; от потопа и беды на войне и на море – св. Николаю Чудотворцу; от скотского падежа – св. Медосту, также Власию; от конского падежа – св. Флору и Лавру; о сохранении скота от зверя – св. Георгию; он же защитник девиц и покровитель сельских работ; об овцах, св. Мамонту, или св. Анастасии; о свиньях – св. Василию Великому; о пчелах – св. Зосиме и Савватию; о курах – св. Козме и Демиану, или св. Сергию; о гусях – св. муч. Никите; о рыболовстве – св. Ап. Петру; о добром сне и грезах – девяти мученикам; от вора и обидчика, Иоанну Воину; о обретении покражи и бежавших рабах – Феодору Тирону; о укрощении гнева человека – Прор. Давиду; от очарования – св. Киприану и Устинии, – и проч.

Многие из принадлежащих сюда повериев до того тесно связаны с народной поэзией, что настоящий их источник не

всегда может быть указан, особенно при малых сведениях наших о дохристианском русском мире, в существе своем также поэтическом. Сюда принадлежат обычаи, поверия и обряды в различные праздники, столь подробно описанные г. Снегиревым. Наприм., игры и обряд на Ивана Купала, колядованье на Рождество, щедрованье на Новый год, семик и проч. Сюда же принадлежит поверие, что в пятницу грешно работать, а наши субботники, или русские жида, шабашат в субботу; также обычай опахивать в полночь деревню, впрягая девок в соху, чтобы избавиться от мора, от скотского падежа, бабы и девки едут верхом на помелах и лопатах, и убивают до смерти первую попавшуюся навстречу живую тварь; это неистовые вакханалии, шабаш ведьм, где в прежние времена нередко случались убийства, для избавления околотка от чумы. Вместо того заливают также в одну ночь во всей деревне огонь, а там разносят по всем дворам древесный или живой огонь, добытый трением; для него устраивают род деревянного точила, которое после хранят в тайном месте. Этим же огнем поджигают разложенное в разных местах курево. Это средство известно по всей южной и восточной границе России, начиная с Черного моря до Китая. Есть еще иное средство от падежа на скот: должно согнать с вечера внезапно весь скот на один двор и обставить его строго караулом; с рассветом хозяева должны сами разбирать скотину, каждый свою, выпуская ее осторожно по одной из ограды; останется одна корова лишняя, ничья: это-то и есть са-

мая моровая, или коровья смерть, и ее должно взвалить на поленницу и сжечь живьем. Эти поверия постепенно переходят к поэтическим вымыслам, в коих видна игра воображения, или дух времени, или просто иносказание и народная поэзия, принимаемая ныне нередко в прямом, насущном смысле за наличную монету. Например: в Благовещенье птица гнезда не вьет; если же она завьет гнездо или проспит заутреню, то у нее на время отымаются крылья и она делается пешею. К последнему поверию, вероятно, подали повод подлины, птица, у коей правильные перья вылиняли и которую тогда можно ловить руками. В день 40-ка мучеников, 9-го марта, когда пекут жаворонков, уверяя, что они непременно в этот день прилетают, говорят также, что сорока положила уже 40 палочек в гнездо свое. В южной России, ласточка есть представительница чистоты христианской; воробей же, напротив, представитель жидовства. К поверию, что птица в Благовещенье не вьет гнезда, присовокупляют; кроме окаянного воробья, который не знает праздника. В день Благовещенья и в Светлое Воскресенье, между заутреней и ранней обедней, солнышко от радости играет, в чем нетрудно убедить кого угодно, заставив его смотреть прямо на солнце, оно заиграет в глазах. В Петров день, 29-го июня, солнце играет радугой на восходе, то выказывается, то опять прячется; в ночь Иоанна Крестителя, на 6-е января, вода в проруби играет и плещет. Если курица снесет яйцо в Благовещенье и его подсунуть наседке, то непременно выйдет урод. Во все время

между рождеством и масленой, где целый ряд праздников, грешно прясть. Если девка, или баба шьет, работает в заговенье, или по праздникам, то у нее будут заусеницы и ногтотод. Кто в ночь родительской субботы, после трехдневного поста, придет с молитвой на погост, тот увидит там тени тех, кому суждено умереть в течение года. Поверие это принадлежит южной России и Украине. Есть много преданий о том, что испытали и видели на том свете обмиравшие и очнувшиеся впоследствии люди: страшные, для суеверов, рассказы эти обыкновенно оканчиваются тем, что трех слов нельзя сказать, нельзя выговорить; это было им запрещено и язык отымается при всякой к тому попытке; в этих-де трех словах и заключается все главное и существенное. На Украине, каждый человек, отговев, покупает вязанку бубликов (баранков) и делит ее со всеми приятелями, чтобы увидеться с ними на том свете. При первом ударе колокола, во время благовеста, мужик не перекрестится; за вторым перекрестится, за третьим поклонится. Коли звезда падает, то это ангел за душой усопшего полетел; а если успеешь, не дав угаснуть этой искорке, пожелать чего-нибудь, то оно исполнится; ангелы на этом перелете никому ни в чем не отказывают. Остриги ногти, собирать обрезки в одно место; на том свете придется по крутой горе лезть и ногти пригодятся. Это поверие принадлежит раскольникам. Для той же причины не велят бить кошек; они тогда снабдят из дружбы своими когтями. Когда убирают под венец невесту, то почетная, счастливая

супруга должна ей вдеть серьги; тогда молодая будет счастлива. Исстари водилось, что брат невестин или другой мальчик должен в продолжение девишника укладывать жениховы подарки, на дому у жениха, который привозит их невесте; мальчик же должен обуть невесту под венец, подвязать ей подвязку и продать жениху косу ее; молодая, в знак покорности, разувает молодого, у которого в сапогах плетъ и деньги; ударив жену слегка, он ее награждает. У крестьян, новобрачных укладывают не в жилой избе, а пустой клетки или другом месте; стелют постель из снопов, и кладут именно 21 сноп; дарят младенца на зубок, дарят и родильницу, подкладывая тайком деньги под подушку. Во время венца кто первый из новобрачных ступит на подножие, тот будет властвовать; у кого свеча длиннее остается, или у чьих дружек, тот долее проживет; если венец, для облегчения не надевают на голову невесты, то народ считает такой брак недействительным, незаконным, и предсказывает беду; если же над головою уронят венец, то и подавно. Молодых иногда осыпают деньгами, хмелем и хлебом; впрочем, большая часть сих и множество других, сюда относящихся обычаев не принадлежат собственно к повериям, а именно к обычаям и к числу празднеств. В иных местах кладут под порог замок, в то время, когда молодые идут к венцу, и лишь только они перешагнут порог, как вещи старухи берут замок, запирают его и хранят, а ключ закидывают в реку; от этого молодые будут жить хорошо. Если баба заспит младенца, то он, по народ-

ному поверию, делается оборотнем, или по крайней мере не будет принят в число праведников. Кроме того, мать должна идти на покаяние и стоять 3 ночи в церкви, очертившись кругом; в первую ночь бесы будут только дразнить и казать ей младенца; во вторую будут его мучить и приглашать ее, чтобы она вышла из круга и взяла его; в третью замучат его в глазах матери до смерти, а сами исчезают с первыми петухами, покинув труп. Мать должна вынести все это; если же она перешагнет заветный круг, то сама сгинет. В старину родители иногда скрывали крестное имя дитяти, его называя вовсе иным, в уверенности, что человека нельзя испортить, изурочить, не зная имени его. Есть изредка также обычай, особенно когда дети не долговечны, чтобы вслед за народившимся младенцем выйти на улицу, дать ребенку имя первого встречного человека и даже звать этого человека в кумовья. В прощенный день (воскресенье, перед чистым понедельником) дарят друг друга куличем, или огромным пряником (фигура), с солдатиками или надолбами по краям и с чашкой посредине; такой же пряник везут молодые, на другой день брака, к родителям, которые им кладут деньги или подарки на пряник. Если смочит поезд свадебный, то это счастье, как и вообще дождь означает благодать, обилие. Усопших младенцев непременно подпоясывать: во-первых, для того, чтобы их на том свете по первому взгляду можно было распознать от татарчат и жиденят; во-вторых, чтобы малюткам, гуляя по вертографам небесным, можно было собирать

за пазуху виноград. Если ребенок умирает, то подать его нищенке Христа ради в окно; коли та, ничего не зная, примет его, помолится и посадит под избой, то будет жив. Затмения, как известно, предзнаменуют, в глазах народа, бедствия, чему верили невежды почти во все времена и во всех землях. Явления эти весьма приноравливались к событиям настоящим, будущим или прошедшим и по необычайности своей всегда поражали умы народа и настраивали их на ожидание чудес или бедствий.

У раскольников есть много странных поверий, нередко порождения довольно дикого, необузданного воображения, кои иногда основаны на безграмотной игре слов: кто пьет чай, отчаивается от Бога; кто пьет кофе, налагает ков на Христа; хмель и табак произросли на могиле знаменитой блудницы, — хмель из головы, а табак из чрева. На этом основании вероятно хмель считается у них благороднее табака, многие раскольники не чуждаются его, тогда как табаку все они не терпят, называя его смертельным грехом. Раскольники в особенности настоятельно требуют, чтобы остриженные ногти класть с ними вместе в гроб, и даже носят обрезки эти в перстнях. Земля, по народному поверию, лежит на трех рыбах, китах или даже на четырех; но один из них умер, отчего и последовали потоп и другие перевороты; когда же перемрут они все, то последует преставление света. Между тем, когда киты эти, отлежав бока, начинают оправляться да повертываться, то бывает трясина, землетрясение. Иные, напротив

того, утверждают, что свет стоит на трех слонах. Прежде нас жили на свете волоты, великаны, после нас будут *пыжики*, т. е. карлы. Народное поверие волотам назначает место жительства в вологодской стороне; вероятно этому подало повод одно только сходство звуков. Народ ожидает преставления света непременно в одну из великих суббот, перед Троицей. Если по торной дороге подымается столбовой вихрь, то это чертова свадьба, ведьма с сатаной венчается, или, по крайней мере, возится; а потому, если кинуть в вихорь этот нож, то он будет в крови. Чума летает уткой, а голова и хвост у нее змеиные. Не садиться по 13-ти человек за стол и не подавать другому соли; эти два поверия, как всякому известно, напоминают измену Иуды. Не дарить ни ножа, ни ножниц, не принимать булавки, разве уколоть слегка передателя, или отдать грош, т. е. купить вещи эти. Взяв от соседа прививку плодовую, или отводок, также должно положить около дерева копеечку, чтобы ветка хорошо принялась. Молодых супругов сажают на мохнатую шубу, в ознаменование привольной жизни; велят также стричь ребенка на шубе: богат будет; когда ребенок впервые пойдет, то черкнут ножом по земле между ног, что и называется перерезать путы. Если у ребенка долго зубы не режутся, то проколоть черному петуху гребешок, костяным или деревянным гребнем, и кровью помазать десны. Это поверие, принадлежа отчасти к разряду симпатических средств, конечно, придумано для того, чтобы успокоить встревоженную мать, при таких обстоятельствах,

где человеческая помощь невозможна. Советуют также надевать ребенку ожерелье из рачьих жерновинок, носить фиалковый корень и проч. Пожар от грозы заливать парным молоком от черной коровы. Коли черная корова свечера впереди стада идет на село, то день будет ненастный, коли белая, ясный. Коли корова перестанет доиться, то кто-нибудь из счастливых в семье, обыкновенно девушка или ребенок, должны выкупить ее у хозяйки или у коровницы за грош; корова называется с того времени собственностью покупателя и будет опять доиться. Коли корова доится с кровью, что между прочим случается-де оттого, когда, под брюхом у нее пролетит невзначай ласточка, то подоить ее сквозь обручальное колечко хозяйки; ласточка же пролетает под короной в наказание за то, когда кто разорит у нее гнездо. Чтобы предупредить порчу свадьбы от недоброго кудесника, который-де не только сделает, что кони не пойдут со двора, но, пожалуй, оборотит и гостей и молодых в волков, все гости и поезжане опоясываются, сверх рубахи, вязаным, а не плетеным, пояском, в котором тьма узелков. Колдун ничего не может сделать, не развязав сперва всех узелков или не сняв с человека такой пояс. Крестьяне рассказывают, что такие оборотни, т. е. волки, бывшие когда-то свадебными гостями, попадают; если подобного зверя убьешь, то на нем, к крайнему удивлению всех крещеных людей, найдешь под шкурой красную рубаху, – но только без опояски! Так дорого можно поплатиться иногда за небольшую оплошность!

Есть поверие, что ворон купает детенышей своих в великий четверг и приносит для этого воду в гнездо свое в выеденном яйце. Ворон, ворона, грач, сыч, сова, филин, пугач, иногда также сорока и кукушка, – почитаются зловещими птицами, и притом не только у нас, но почти повсюду. Если ворон и филин кричат, сидя на кровле, то в доме быть покойнику. Ночные птицы получили прозвание зловещих, конечно, за дикий, неприятный крик, который, среди глухой ночи, иногда чрезвычайно неприятен; так наприм., пугач, большой лесной филин, завывает точно как человек, зовущий отчаянно на помощь; а иногда, как ребенок; иногда хохочет, стонет или ржет. Нет сомнения, что пугачу надобно принять на свой счет большую часть того, что рассказывают о лешем. Суеверы носят при себе когти филина, чтобы отвратить от себя зло. Ворон, ворона, сорока, грач, вероятно, попали в этот разряд, как полухищные, жадные к падали и до нестерпимости крикливые, вешуньи. Иногда загадывают, сколько лет кому жить, и считают, сколько раз кукушка кукукнет. Отчего вообще птица, залетевшая нечаянно в покои, особенно воробей, предзнаменует бедствие, смерть в доме и проч., этого объяснить не умеем; но птичка, залетевшая в чистом поле прямо в руки, а равно и гнездо, свитое где-нибудь в доме, бывает, как думают, к добру. Не велят бранить пойманного сома, хотя это для рыбаков не находка, страшая тем, что водяной черт за такую брань отомстит. Ласточку, голубя, пигалицу и синичку, по мнению народа, бить грешно, за

это бывает падеж на скот. Есть еще поверие, что если собаки ночью воют или когда они роют норы, то будет в доме покойник. Много раз уверяли тут и там люди, что собаки, лошади или другая домашняя скотина предчувствовали, предугадывали смерть хозяина, и что животные показывали это воем, мычаньем, ржаньем, ночным топотом, необычайною пугливостью, страхом и проч. Там, где подобное предчувствие относится до внезапной, насильственной, смерти, оно во всяком случае необъяснимо, а потому уже слишком невероятно; но нельзя оспаривать возможности того, чтобы какое-либо животное не могло чувствовать, не знаю каким чутьем или чувством, невидимой для нас перемены, происшедшей с таким человеком, который по состоянию своего здоровья не может прожить более известного и весьма короткого срока, который обречен уже тленью, носит в себе ничем не утлимый зародыш смерти, и поэтому самому может быть в испарине своей, или Бог весть как и где, представляет для некоторого рода животных нечто особенное и неприятное. Я не утверждаю всего этого; я только не отвергаю такую возможность. Опытные врачи, фельдшера, сиделки и хожалки видят иногда по первому взгляду на больного, что его спасти нельзя. Иные утверждают даже, что слышат это чутьем, по испарине; почему же другое существо, или животное, не может видеть или слышать то же самое, но только еще гораздо ранее, может быть, накануне, или даже несколькими днями прежде нас? Как объяснить себе чутье, которое безошибоч-

но указывает собаке, что на таком-то месте пробежал заяц, причем собака еще знает, до какой степени след этот свеж, и что всего мудренее, в какую сторону заяц пробежал, взад или вперед?

Есть чисто шуточные поверия, или лучше сказать, просто шутки, в кои, однако же, иные свято верят; наприм., когда стоят жестокие морозы, то должно с вечера насчитать 12 лысых, поименно, назвав последним самого лысого, у которого голова как ладонь, от бровей до затылка: на нем мороз лопнет. Когда в бане моют барчонка, то приговаривают: Шла баба из-за моря, несла кузов здоровья; тому, сему кусочек, тебе весь кузовочек; а когда окачивают водой: С гоголя (гуся) вода, с тебя худоба; вода б книзу, а сам бы ты кверху; сороке б тонеть, а тебе бы толстеть, и проч. Девиц умывают с серебра, чтоб была девушка бела и богата; это называется умывться водой, в которую, при первой весенней грозе, брошена серебряная ложка. Чтоб быть белой и чистой, девушки моются также первым снегом, с кровли бани. Если все девочки родятся, то в этот год войны не будет; если ребенок наперед станет говорить папа, а также если младенец родился с косичкой, то вслед за ним родится сын; а если заговорит мама, то дочь. Сидеть между двух сестер или братьев, значит вскоре жениться, или замуж выйти. Правая ладонь чешется – отдавать деньги, левая – получать; локоть чешется – на новом месте спать; переносье чешется – о мертвом слышать; кто щекотлив, тот и ревнив; за первым вешним гро-

мом выбежать умыться дождевой водой, с золотым кольцом на пальце, или ухватиться за карман, в котором деньги, что делают также, увидав молодой месяц, и сказать, при деньгах! – богат будешь. Если зеркало поднять над головой, так, чтоб в нем отразился молодой месяц, то увидишь столько лун, сколько луне дней. Эта шутка основана на том, что при таком косвенном отражении месяц в зеркале точно двойт и, пожалуй, иногда семерит. Если волосок из ресниц вывалится, положить его за пазуху, будет подарок. У кого редкие зубы, не будет долго жить. Если забывшись ляжешь спать в одном чулке, то приедет тот, кого ждешь. Если булавку на полу увидишь к себе головкой, то это хорошо, а к себе острием, худо. Если брови свербят, будешь глядеть на потных лошадей, т. е. принимать гостя; выщербленные деньги обещают прибыль, и поэтому их должно хранить в кошельке. Когда у детей падают зубы, то велят стать тылом к печи, закинуть зуб через себя и сказать: мышка, мышка! на тебе костяной зуб, а мне дай железный; или: на тебе репяной зуб, а мне костяной. Смешное и глупое поверие, что икота есть беседа души с небом, вероятно, также было сначала неуместной шуткой; кому икается легко, того добром поминают, а при тяжелой икоте, за глаза бранят. Когда лошадь дорогой распряжется, то что-нибудь дома нездорово, либо жена изменила, если сам хозяин в дороге. Если мышь попортит часть свежего товара, то купцы утешаются тем, что товар от этого скоро и хорошо с рук пойдет. Если кто в беседе скрестит незаметно но-

ги, нога на ногу, то от этого последует всеобщее молчание. Если кто плюнет себе на платье, то это означает, что скоро будет обнова. В новый год должно надеть обновку; тогда их много будет в течение года. Другие толкуют, что плюнуть на себя, значит терпеть напраслину. Кто ущемит платье в дверях, выходя из дому, тому скоро в этот же дом возвратиться. Если из вязанки дров вывалится полено, то будут гости. Кто поперхнетя в разговоре, тот хотел соврать; кто поперхнется первым глотком, к тому спешит обеденный гость. Обнову предвещает и то, когда собака, став перед кем, потянется. Если уши горят, то заглазно над тобой издеваются; если в ушах звенит, то загадывают что-нибудь и спрашивают: в котором ухе? когда отгадают, то загаданное сбудется. Если в беседе чихнешь, то это подкрепляет истину того, что говорится. Кроме того, иные говорят, что чихнуть в воскресенье, значит в гостях будешь; в понедельник, прибыль будет; во вторник – должники надоедят; в среду, станут хвалить; в четверг, будешь сердиться; в пятюк, письма или нечаянная встреча; в субботу, о покойнике слышать. Если у женщины, при одевании юбки, подол случайно загнется, то предсказывают ей роды. Если каша или пирог-баба подыметя из горшка и наклонится в печь, то к добру; если же из печи, то к худу. Если кузнечик кует в доме, то иные уверяют, что он выживает из дому. Счастливый сын походит на мать, а счастливая дочь на отца. Самовар играет, гостей зазывает, кто мимо пойдет, зайдет. Невзначай свечу погасить – неожиданный

гость. Булавочка из наряда молодой хранится подругами и обещает счастье, а девушке скорое замужество. Свеча грибом нагорела – будет письмо, и с той стороны, куда нависла. Если шутка эта не в связи с повериями о ведьме, то она просто придумана для потехи; но я знал помещиц, кои читали Сю и Занда, а строго придерживались помела и кочерги. Кто невесел, с утра брюзжит, встал левой ногой с постели. Кто утрет лицо первым яичком рябенькой курицы, у того не будет веснушек. Руки горят – бить будешь; руки стынут – кто-нибудь тебя злословит; если мужчина белоручка, то невесте его не быть красавицей; нагорела свеча – долгоносая невеста; кошка умывается, сорока у порога скачет, самовар поет, полено дров из беремени повалится, нечаянно свечу погасить, все это значит: будут неожиданные гости. Теплая или холодная лапа у кошки, означает добрых или недобрых гостей. Чулок или рубашку наизнанку надеть, потерять подвязку, остегнуться пуговкой – пьян или бит будешь. Не строить нового дома под старость, не шить обновы, в особенности белья, иначе скоро умрешь; эти поверия, может быть, частью придуманы наследниками, чтобы удержать стариков от безрассудного мотовства, а может быть, возникли и оттого, что, затеяв житейское, старику и старушке поневоле приходит в голову близкий конец их, а это, для многих, воспоминание неприятное. Кроме того, весьма нередко случается, что, затеяв под старость обшиваться и строиться, человек умирает, не покончив дела, и это в таких случаях служит подтвержде-

нием суеверью. Я знал в Москве старушку, богатую вельможу прошлого века; она уже лет 20 не шила на себя белья, ни за что не соглашалась к этому, считала всякого, кто ей о том говорит, смертным врагом своим, и ходила в таком белье, на котором, кроме подновляемых по временам заплаток, не оставалось ровно ничего.

ХІІІ. Басни, притчи и сказки

Поэтические поверия переходят непосредственно в басни, притчи или иносказания; не менее того, по невежеству иногда принимаются в прямом смысле и многие верят слепому, что придумано было для одной забавы. К этому числу принадлежат: поверие о том, что медведи были некогда людьми, к чему, конечно, подала повод способность медведя ходить на двух ногах и поступь его, всей плюсной, по-человечьи; люди эти жили в лесу, ни с кем не знались и были не хлебосольны, не гостеприимны. Однажды зашел к ним какой-то благочестивый старец, постник и сухоядец, и, постучавшись, тщетно сподряд у всех ворот, прошел все село из края в край, отряс прах с ног своих и проклял недобрых хозяев, велел им жить отныне в берлогах. Собака, по такой же сказке, так же была человеком; но обращена в пса за обжорливость свою. Пчела просила себе смертоносное для человека жало; оно дано ей, но только с обратным условием: оно смертоносно для нее же самой. Известный древний мудрец,

начальствовавший всеми животными, послал ворону, которая случилась у него на вестях, чтобы она привела лучшего певчего: старику хотелось уснуть под сладкие песни. Но он уснул, не дождавшись песен, и проснулся в испуге от страшного карканья; ворона привела ему целое гнездо вороненков, извиняясь тем, что лучших певчих нельзя было сыскать во всей поднебесной. Есть даже несколько длинных и довольно складных сказок, принадлежащих сюда же, как, напр., сказка о Георгии храбром и о волке; Езопова басня о курице и лисе, которая известна едва ли не у всех народов; равно и сказка о Лисе Патрикеевне, которая морочит волка, медведя и многих других животных, промышляя на их счет. Эта замечательная сказка, отысканная в древних рукописях на французском и немецком языках, живет донныне в преданиях всех почти европейских народов и пересказывается между прочим также у нас, на Руси и на Украине, с небольшими только отменами против той, которую обработал Гете.

Есть поверие или рассказ о том, что означают видимые на луне пятна: туда посажены навсегда братоубийца и жертва его, в том самом положении, как преступление было совершено: и воображение народа видит на луне двух людей, из коих один закалывает другого вилами. Другие уверяют, что это Каин и Авель.

О ласточках говорят, что они чириканьем своим предостерегали Спасителя от преследователей Его, а воробьи продали Его, крича: *жив, жив*, за что у воробьев ноги связа-

ны невидимыми путами и птица эта не может переступать, а только прыгать. Есть также предание, что ласточки крали у Римлян гвозди, коими распинали Христа, а воробьи отыскивали их и опять приносили. Поэтому ласточек, по народному мнению, грешно бить или разорять их гнезда.

О громе говорят, что это Илья пророк ездит по небу в огненной колеснице, поражая стрелой диавола, а тот прячется за людей. Суеверие это подтверждается частью находимыми в песчаных местах громовыми стрелами, похожими с виду на минерал, известный под названием *чертовпалец*. Дело в том, что от удара молнии в песок действительно он сплавляется, в виде сучковатых сосулук. Стрелы эти между прочим окачиваются водой, коею поят больных, от колотья.

Зеркало, как дивная для простолюдина вещь, подало раскольникам повод к особой сказке: какой-то пустынный, не устояв противу соблазна диавола, возмечтал о себе столь нелепо, что вздумал свататься на какой-то царской дочери. Царевна, по девичьим причудам, отвечала: если он доставит мне ту вещь, которую по всему царству не могли найти, вещь, в которую бы я могла видеть себя чище, чем в воде, то выйду за него. Пустынный пошел стараться и наткнулся путем на порожнюю избушку, в которой черт отозвался ему, сказав, что попал в рукомойник, заперт и заговорен в нем каким-то стариком, и что готов отслужить какую угодно службу тому, кто его выпустит. Порядившись с ним на ту затейливую вещь, которую требовала царевна, путынный снял де-

ревянный крест, которым накрыт был глиняный висячий рукомойник; черт выскочил, встряхнулся, сделал и подал старику зеркало, которое этот отнес царевне. По словам некоторых, он женился на ней, но был наказан тем, что видел всюду двойника своего, который не давал ему ни днем, ни ночью покоя и замучил его до смерти; а по словам других, старик покаялся до свадьбы, смирился и ушел навсегда опять в пустыню. По сей причине у раскольников и поныне зеркало есть вещь запрещенная, созданная дьяволом.

В местах, где есть мамонтовые кости, жители не знают и не могут постигнуть, чтобы это были остатки допотопного животного; а потому и сложили повесть о подземном слоне, который живет и роется всегда под землей, как крот, никогда не выходит наружу, а только по смерти своей случайно попадает, потому что земля изрыгает кости его. Предание о волотах или великанах и о находимых костях их, без всякого сомнения, также основано на ископаемых костях различных животных.

Беда не по лесу ходит, по людям, а как пойдет беда, растворяй ворота, никогда-де одной бедой не кончится. Это поверие основано на случайностях, служивших поводом к изобретению его. Но есть, кроме того, поэтическое поверие в *бедовиков*, несчастных на все руки, или *бедокуров*; к чему бы такой человек ни прикоснулся, от этого ожидают только худого; его жалеют, его не хотят обидеть, но всяк сам себе ближе, и бедняка не менее того выпроваживают за порог, ес-

ли он куда пойдет, не держат в одной рабочей артели, не дают никуда приткнуться, даже не смеют подать помощи, опасаясь вреда для себя и для других. Жалкое заблуждение это так упорно, что его иногда ничем нельзя победить.

Привязанность к прадедовским обычаям, от коих так трудно отстать народу, и страсть рядиться и красоваться, подавали в купеческом сословии нашем повод к забавным явлениям: так напр., купчиха, не устоявшая противу искушения одеваться заживо в немецкое платье, успокаивала совесть свою завещанием, чтобы ее похоронили в русском сарафане.

В числе сказок о нечистом находим также определение различия между многими именованьями его: черт *смуцает*, бес *подстрекает*, дьявол *нудит*, сатана *творит лживые чудеса*, для соблазна.

Есть сказка о блаженных островах Макарийских, где сытовые реки, кисельные берега, или молочные реки, медовые берега; девка выйдет, одним концом коромысла ударит, готовый холст поденет; другим зачерпнет, нитки жемчугу вытянет; стоит там и береза золотые сучья; и корова, на одном рогу баня, на другом котел; олень с финиковым деревом на лбу, и птица сирий, иначе райская, перья непостижимой красоты, пение обаятельное, лик человеческий, и пр.

Поверие о неразменном или неизводном рубле, который можно достать у нечистого, продав ему на перекрестке в полночь жареного в перьях гусака, рассказывается различным

образом и принадлежит к тем же сказочным вымыслам, принимаемым тут и там за наличную монету, и также распространено у различных народов, напр., в Германии.

В числе так называемых лубочных картин, которые ныне уже начинают делаться редкостью и без цензуры не печатаются, есть, кроме изображения помянутого сирина, известная *космография*, где расписаны все баснословные, сказочные страны, люди с песьими головами, блаженные острова Макарийские и много других чудес. Об этом листе была помнится когда-то статья в «Телеграфе». На другом листе находим мы изображение людей дивных или диких, найденных Александром Македонским внутри гор Рифейских: это люди одноногие, трехрукие, одноглазые, двуносые и пр. Все они выходят навстречу герою-победителю, коему предшествует пеший ратник в полном вооружении.

Всем известно довольно загадочное явление, что в Москве нет сорок; народное поверие изгнало их за 40 верст из Москвы; но они есть гораздо ближе, хотя, сколько мне известно, никто не видал, чтобы сорока залетала в самую Москву. На это сложено несколько поэтических сказок; Москва основана на том месте, где убит боярин Кучка; его предала сорока неуместным стрекотаньем своим, когда он спрятался под кустом; он ее проклял умирая, и сороки исчезли оттуда навсегда. Другие говорят, что сорока унесла с окна последний кусок сыра у одного старца, угодного небесам; он ее проклял за это и изгнал из округа.

Третьи сказывают, и это предание сохранилось в народных песнях, что Маринка Мнишек, будучи ведьмой, перекинулась в сороку, когда пришлось ей худо, и вылетела из окна терема своего; за это сорока была проклята в то время и не смеет явиться в Москву.

Есть еще довольно сложное и старинное поверие о *василиске*, который рождается из петушьего яйца. Заметив, что курица иногда сдуру силится запеть петухом, люди из этого заключили, что и петух может иногда прикинуться курицей и снести яичко. Это яйцо кругленькое, маленькое, называется *спорышок*, и в сущности есть не что иное, как выносок куриный, т. е. уродливое яичко, как говорят, последнее, когда курица перестает нестись. Народ иногда утверждает, не знаю по каким приметам, что это яйцо петушье: что петухам во сто лет разрешено снести одно только такое яйцо; а если девка поносит его шесть недель под мышкой, то из него вылупится василиск. Об этом василиске есть множество рассказов: он делается оборотнем, или соединяется с злым человеком, с колдуном, и невидимо в нем живет; он вообще исполняет все приказания мачехи своей, выносившей его под мышкой, приносит ей золото, мстит за нее тем, на кого она зла, дает ей разные вести и пр. Может быть, поверие или сказка эта в связи с преданиями о сожительстве женщин с нечистым духом, со змиями огненными, летучими и другого разбора. Ведьма, по мнению некоторых, есть именно плод подобного супружества, а сказка о Тугарине Змее-

виче и ей подобные суть уродливые порождения разгула народного воображения, настроенного на этот лад. Кириша Данилов рассказывает один из подобных случаев, о рождении Волхва Всеславича такими словами: «По саду саду, по зеленому, ходила, гуляла Молода княжна Марфа Всеславична. Она с камня скачила на лютаго на змея – Обвивается лютый змей около чобота зелен-сарафьян, Около чулочка шелкова, хоботом бьет по белу стегну... А в ту пору княжна понос понесла... А и на небе просветил ясен месяц. А в Киеве родился могуч-богатырь, Как бы молодой Волхв Всеславьевич: Подрожала мать-сыра земля, Стряслось словно царство индейское, А и сине море всколебалось Для ради рожденья богатырского...»

У нас осталось еще предание в поговорке: *обвести мертвою рукою*. Суеверие говорит, что если сонного обвести рукою мертвеца, то человек спит непробудным, мертвым сном. На этом основании, воры нашивали с собою руку мертвеца и, вломившись тихонько в избу, усыпляли этою рукою, по убеждению своему, тех, кого хотели обокрасть. К сожалению, даже и новейшее суеверное мошенничество прибегало изредка к этому средству, и воры разрывали для этого могилу.

Русские литейщики, собираясь отлить какую-нибудь значительную вещь, напр., колокол, стараются отвлечь внимание праздной и докучливой толпы от своей работы какою-нибудь новостью, выдумкой или вестью, которую мол-

ва пускает по городу. Мастера уверены, что отливка от этого лучше удастся и в колоколе не будет пузырей. Таким же точно образом тщательно скрывают день и час родов, отвлекая иногда внимание соседей какими-нибудь сказками и заставляя даже домашних отлучиться на это время, под произвольно придуманными предлогами. Этот обычай впрочем полезен, потому что всякий лишний человек при подобном деле помеха. По той же причине родильниц уводят тайком в баню, чтобы избежать в тесном доме помех и свидетелей; но топить в это время баню и душить роженицу на полке, в страшном жаре, есть обычай невежественный и вредный.

XIV. Привидения

Все поверия о привидениях, мертвецах и вообще о взаимных сношениях двух миров, видимого и незримого, вещественного и духовного, составляют смешанный ряд преданий и рассказов, принадлежащих, может быть, ко всем видам принятого нами разделения поверий. Эта статья до того обширна, что из нее можно бы составить десятки томов; постараемся объяснить на нескольких страничках.

Под словом *видение* разумеем мы такое явление, такой видимый предмет, который предстал глазам нашим необыкновенным, сверхъестественным образом, т. е. необъяснимым, по известным нам доселе законам природы. Подразумевается, что человек видит явившееся не во сне, а наяву; что

сверх того, видение это, по крайности, большею частью не вещественно, неосязаемо для рук, хотя и видимо для глаз; словом, что оно занимает какую-то неопределенную средину между плотским и бесплотным миром. Видения эти большею частию основаны на явлении тени или духа, как выражаются, т. е. человека, уже отошедшего в вечность и снова принявшего плотский, видимый образ, и в этом-то смысле видение получает более точное, определительное название *привидения*. Впрочем, есть и видения другого рода, бесконечно разнообразные, как самое воображение человека.

Ум, разум и рассудок наш решительно противятся тому, чтобы допустить возможность или сбыточность видений. Частного, таинственного свидетельства небольшого числа людей, слишком недостаточно для изнасилования нашего здравого ума и для вынуждения из нас веры, вопреки убеждению; мы слишком хорошо знаем, что чувства наши и воображение несравненно легче и чаще подвергаются обману, чем здравый смысл наш и рассудок. В деле такого рода, конечно, вернее видеть и не верить, чем верить не выдавши. Мы не смеем утверждать, чтобы душа наша ни под какими условиями не могла войти в духовные связи с бесплотным миром, не смеем потому, что у нас нет к тому достаточных доказательств. Но спросим, могут ли сношения эти сопровождаться признаками вещественными? Каким образом душа, коей брэнная плоть несомненно давно уже истлела, может облечься снова в ту же плоть, уничтоженную всевечны-

ми законами природы? А каким же образом плотское око наше может принять впечатление от чего-либо не вещественного, т. е. для него не существующего? Если допустить даже, что душа может быть приведена особыми обстоятельствами в восторженное состояние, в коем делается независимою от пяти чувств и превышает времени и пространства, что она в ясновидении своем созерцает в настоящем и прошедшем и будущее, то все-таки этим еще не будет разрешена загадка: каким образом являющийся нам дух может вызвать из праха истлевшую плоть свою, или облечься в ее подобие?

С другой стороны, мы видим, что чувства наши беспрестанно подвергаются обманам. Например: не слышим ли мы иногда внезапно звук, звон, свист, даже имя свое, между тем как все около нас тихо, спокойно и никто не звал нас и не свистал? Не видим ли мы иногда, под дрему, или впотьмах наяву, или забывшись и крепко задумавшись, такие предметы, каких около нас нет? Это происходит от двояких причин: какая-нибудь причина произвела волнение, переворот в крови нашей, от которого последовали на нервы зрения или слуха впечатления, сходные с действием зримого предмета или слышимого звука; тогда орган слуха или зрения передает впечатление это в общее чувствилище, и сие последнее бывает обмануто. В этом случае действие основано на вещественной, плотской половине нашего существа; но может быть и противный случай: воображение с такою живостью и убеждением представит себе какой-либо звук или предмет, что

впечатления идут обратным порядком из общего чувствилища и до самых орудий чувств, производят там те же перемены, как и явления действительные, и мы опять-таки бываем обмануты.

Что сила воли и воображения производит в нас вещественные перемены, это доказать не мудрено, потому что мы видим это беспрестанно и на каждом шагу: вспомните только мнимобольных; кроме того, каждый из нас в состоянии силою воображения значительно участить биение сердца, если настроить себя умышленно, вообразив живо радость, гнев, беспокойство и пр. Также легко играть зеницей своей, расширяя и суживая ее по произволу, если, глядя на один и тот же предмет, воображать попеременно, что напрягаешь зрение для рассмотрения в подробности самого близкого предмета.

Бесспорно, что воображение наше сильно участвует во всех видениях. Вот почему люди нервические, или не привыкшие обуздывать своего воображения более дельным направлением, склонны к видениям. Вот почему мрак, или полусвет, опутывая зрение наше непрободаемыми тенетами, бывают всегдашними спутниками видений. Ночная тишина, где каждый малейший шорох раздастся иначе и громче, нежели днем; покой и сон, потемки, сумерки, одиночество, настроенное воображение, неприятное и непривычное положение человека, временно лишенного одного из главнейших чувств своих, зрения; наконец следующий за напряжениями

тела и духа прилив крови к мозгу и к самым орудиям зрения, все это в совокупности олицетворяет перед нами безличное и неодоушевленное, переносит картины воображения в окружающую нас туманную сущность. В других случаях, мы обращаем грезы в видения; душа не распознает, при живости впечатления, минувшего от настоящего и также бывает обманута. Это в особенности часто встречается у детей, прежде чем они научаются различать сон от действительности; а как и взрослые весьма часто в том или другом отношении походят на детей, то и они нередко поддаются тому же обману.

Если видения, привидения, духи во плоти тени, призраки, живые мертвецы и пр. возможны, то многие из нас дали бы дорого за то, чтобы увидеть их и созерцать спокойным духом. Людей, кои постоянно видят разные видения или призраки, называют духовидцами. Есть особый род видений по сказанию очевидцев, это *двойники*, т. е. человек видит самого себя, и тут народное поверие наше о домовом, который-де иногда одевается в хозяйское платье, садится на его место и пр., совпадает с распространенным по всей Европе, особенно северной, поверием о двойнике. Иногда видят его также другие люди, но обыкновенно видишь его только сам; для прочих он невидимка. Если двойника застанешь у себя в комнате, или вообще, если он предшествует человеку, идет наперед, то это означает близкую кончину; если же двойник идет следом за хозяином, то обыкновенно на-

мерен только предостеречь его. Есть люди, кои, по их уверению, почти беспрестанно видят своего двойника, и уже к этому привыкли. Этот непонятный для нас обман чувств чаще встречается между людьми средних и высших сословий, чем в простом народе.

Загадочная вещь, в царстве видений, это вещественные призраки, сопровождающие, по уверению многих, такие явления. Сюда принадлежат, например, трещины, кои старая, сухая деревянная утварь дает внезапно, в предвещание бедствия, особенно смерти, или собственно в то мгновение, когда является призрак. В трещины эти, как в предвещание беды, верят почти все народы, и легко было бы набрать целые томы рассказней о подобных происшествиях. Вероятнее всего, однако же, что внезапная и неожиданная трещина, иногда среди тихой и спокойной ночи, подает собственно повод к тем рассказням, кои сочиняются бессознательно разгоряченным воображением. Допустив возможность предчувствия в животных, в том смысле, как это было объяснено выше, мы однако же, до крайности затрудняемся найти какую-либо связь между усыхающим от погоды стулом или шкафом и долгою дней его хозяина. Недавно еще я видел разительный пример такой случайности: старинная мебель прошлых веков, простояв столько времени спокойно, внезапно и без всякой видимой причины, начала лопаться с ужасным треском. Без всякого сомнения, воздушные перемены были причиной этому явлению, и если бы наблюдать за

сим внимательно, то, вероятно, это могло бы служить указаниями метеорологическими, имеющими одну только общую и отдаленную связь с долголетием человеческого рода.

Я видел однажды милое, желанное видение, которое не стану ближе описывать, видел очень ясно, и не менее того, не только теперь, но даже и в то самое время очень хорошо понимал, как это случилось, и не думал искать тут ничего сверхъестественного. Воображение до того живо представило себе знакомый лик, что бессознательно олицетворило его посредством обратного действия на чувства, и очи узрели снаружи то, что изваялось на глубине души...

Я еще два раза в жизни своей видел замечательные привидения, и оба случая стоят того, чтобы их пересказать. Они пояснят несколько то, что сказал я об этом предмете вообще, то есть, что должно всякую вещь десять раз примерять и один раз отрезать!

Будучи еще студентом, я жил в вышке или чердаке, где печь стояла посреди комнаты, у проходившей тут из нижнего жилья трубы. Кровать моя была в углу, насупротив двух небольших окон, а у печки стоял полный остов человеческий – так, что даже и в темную ночь я мог видеть в постели очерк этого остова, особенно против окна, на котором не было ни ставень, ни даже занавески. Просыпаюсь однажды за полночь, во время жестокой осенней бури; дождь и ветер хлещут в окна и вся кровля трещит; ветер, попав видно где-нибудь в глухой переулок, завывает по-волчьи. Темь та-

кая, что окна едва только отличаются от глухой стены. Я стал прислушиваться, где завывает так жестоко ветер, в трубе ли или в сенях, и услышал с чрезвычайным изумлением совсем иное: бой маятника от стенных часов, коих у меня не было и никогда не бывало. Прислушиваюсь, протираю глаза и уши, привстаю, одно и то же; кругом все темно, холодно, сыро, буря хлещет в окно, а где-то в комнате, по направлению к печи, мерно ходит маятник. Одумавшись хорошенько и сообразив, я встал и начал подходить на слух, медленно, шаг за шагом, к тому месту, где ходит маятник. В продолжение этого перепутья, короткого по расстоянию, но долгого, если не по времени, то по напряжению чувств, я еще положительнее убедился в том, что слышу не во сне, а наяву, что маятник ходит, мерно, звонко, ровно, хотя у меня стенных часов нет. При едва только заметном сумеречном отливе против окон, ощупью и на слух, дошел я до самой печи и стоял еще в большем недоумении, носом к носу с костяком своим, коего очерк мутно обозначился против белой печи. Что тут делать и как быть? Маятник явным образом ходит в скелете; из него отдавались мерные удары, но движения незаметно никакого. Ближе, ближе носом к лицу его, чтобы рассмотреть впотьмах такое диво, как остов мой, с кем я давно уже жил в такой тесной дружбе, внезапно плюнул мне в лицо... Невольно отшатнувшись, я обтерся рукою и удостоверился, что все это было не воображение, а существенность: брызги, разлетевшиеся по лицу, были точно мокрые. Этим следова-

ло бы кончить исследования, и я попросил бы вас переуверить меня, что я ошибся, что все это было не то, и не так! Я стоял, все еще сложа руки перед постоянным товарищем, пялил глаза и прислушивался к мерным ударам маятника, который, однако, же вблизи стучал несколько глуше; но подумав еще немного и не видя ни зги, я безотчетно протянул руку и погладил череп по лысине: тогда я вздохнул и улыбнулся, все объяснилось. В кровле и потолке, подле трубы или печи, сделалась небольшая течь капля по капле, на лысую, костяную, пустую и звонкую голову моего немого товарища!

Другой случай состоял в следующем:

Сидя вечером в кругу товарищей, я сказал, как пришлось к слову, что робость и пугливость не одно и то же: первое может быть основано на опасении, поселяемом в нас здравым рассудком; второе, напротив, есть склонность к страху безотчетному, а потому иногда и безрассудному; что, может быть, я иногда робок, но не пуглив, и не могу робеть, страшиться, или опасаться чего-нибудь, если опасение это не оправдывается моим рассудком. «Ну, ты в мертвецов веришь?» Верю в мертвых. «А в живых?» Нет, не верю. «Стало быть, и ни боишься их?» И не боюсь; впрочем, если бы я и верил в мертвецов по-твоему, то и тогда еще не вижу, для чего их бояться. «А пойдешь ли ты в полночь на кладбище?» Пожалуй, пойду. «Нет, не пойдешь!» Нет, пойду! За спором дело стало, и решено было, чтобы мне идти, как пробьет полночь, одному на кладбище, отстрогнуть щепочку от креста и

принести ее, и завтра всем вместе идти и примерить щепочку, для поверки дела.

Ночь была темная, до кладбища версты две, дорога под конец едва заметная; я сбился немного и не счел за нужное отыскивать торную дорогу, а пошел знакомым путем вперевал, по направлению, где против неба темнела едва заметно кладбищенская церковь. Прихожу ко рву, окружающему кладбище, перескакиваю его; ножичек у меня в руках и я хочу уже отстрогнуть щепочку от первого пошатнувшегося в сторону креста, но мне показалось, что завтра осмеют меня, скажут: рад, что добрался, небось, не прошел дальше! – и я стал подвигаться ощупью вперед, спотыкаясь между могил, ям, кустов, камней и разрушенных памятников. В это время, помню, родилось во мне двойное опасение, ускорившее, при таких обстоятельствах, биение сердца и дыхание: первое, чтобы товарищи не вздумали подшутить надо мною и не сделали какой-нибудь глупости; второе, чтобы какой-нибудь сторож не принял меня за вора и не вздумал бы, выскочив внезапно сбоку, прежде всего поколотить меня порядком, чтобы, может быть, потом уже, за вторым приемом, допросить, кто я и зачем пришел. Первое опасение устранилось, однако же, тем, что сидевшие со мною товарищи не могли опередить меня на этом пути, а второе тем, что сторожа, конечно, теперь все спят и мне только не должно шуметь. Во всяком случае, я, скрепив сердце, дал себе слово быть спокойным, рассудительным и хладнокровным, не пугаться, что

бы ни случилось. Глупое сердце продолжало стучать вслух, хотя, право, не знаю о чем и по что. Вдруг я слышу подземный глухой стук, удара два, три сряду. Я остановился: через несколько секунд повторилось то же, потом еще раз, а потом раздался слабый подземный стон или вздох. Все это, сколько я мог заключить, полагаясь на слух свой, происходило в самом близком расстоянии от меня и притом именно «под землей». После нескольких секунд молчания и нескольких шагов моих вперед, повторилось опять то же; но подземные удары были звучнее и до того сильны, что мне показалось, будто земля подо мною дрогнула; стон, довольно внятный, исходил из земли и бесспорно от мертвеца. Если бы я кончил похождение свое на этой точке, то уже и этого было бы довольно, и я бы, конечно, поныне мог бы вам только божиться по совести, что все это точно святая истина и действительно так со мною случилось... но дело зашло еще дальше: я опять подвинулся несколько шагов вперед, по тому направлению, откуда звук до меня доходил, прислушивался и все подвигался ощупью вперед, внезапно стук этот очутился почти подо мною, у самых ног; что-то охнуло, закашляло; земля вскрылась и расступилась; меня обдало, обсыпало землей, и мертвец в белом саване медленно потянулся из могилы, прямо передо мной, никак не далее двух шагов... Кончим на этом; примите от меня совестливое уверение, что все это случилось точно таким образом, как я описываю, и скажите после этого, есть ли привидения и живые мертвецы, или их нет?

Я остановился и глядел во все глаза на мертвеца, у которого в руках увидел я, несмотря на потемки, заступ. Я не думал и не мог бежать, а стоял, растерявшись и не зная, что именно делать. Помню, что я хотел завести разговор с покойником, но по незнакомству с ним не знал, с чего начать, чтобы не сказать ему какой-нибудь глупости. К счастью, он вывел меня из этого тягостного положения, спросив сам первый: «Кто такой ходит тут, зачем?» Эти слова возвратили мне память и объяснили вдруг все. – Да я, любезный, не попаду на дорогу, сбился, от берега, где и канавы не заметил, и не знаю, куда выйти. – «А вот сюда ступайте, вот!» – Да ты что же тут делаешь? «Известно что, копаем могилу». – Для чего же ночью? «А когда же больше? Как с вечера закажут, чтобы к утру готова была, так когда же копать ее, как не ночью?»

Вот все, что я по собственному опыту могу сказать об этом предмете. Я бы мог рассказать еще кучу подобных приключений, наприм., как один офицер искрошил в ночи саблей, вместо привидения, белый канифасный халат свой, висевший на гвозде, на который надета была еще и шапка; как привидения ходят за любовными приключениями, или просто на какой-нибудь промысел, пользуясь робостью хозяина; но все это известно и притом, конечно, ничего не доказывает; надобно каждому предоставить веру в собственное свое убеждение, которое, однако же, тогда только может иметь место, когда оно основано на собственном, безошибочном опыте, и когда опыт этот, как в приведенных мною случаях,

доведен до конца.

Недавно еще рассказывали мне, поставив и свидетелей, следующее: хозяин, прохаживаясь в сумерки в зале, услышал и увидел в окно, что на дворе прикатила карета четверней. Он заглянул в гостиную и сказал жене: приготовься принять гостей: кто-то приехал. Но как все оставалось по-прежнему тихо и спокойно и никто не входил, то хозяин выглянул в переднюю: покойная бабушка его стояла там у дверей, но исчезла в ту же минуту; пол под нею треснул, а карета покатила со двора, по направлению к кладбищу. Иные прибавляли еще к этому, что посторонние люди видели, как карета исчезла в самой ограде погоста. Что прикажете сделать из такого рассказа? Если бабушка могла воротиться с того света, то где и как успела она собрать всю упряжь свою, карету, лошадей и кучеров, которые, конечно, не были ею взяты с собою на тот свет? Не короче ли предположить, что добрый хозяин, внук или сын, задумался о бабушке, которой с недавнего времени не стало в доме, и что он увидел ее не плотскими глазами своими, а оком души?

О двойниках, предвещающих кончину, говорят почти всюду и во всех землях. Известно, что горным шотландцам приписывают способность видеть двойников в высшей степени. Если объяснить явление это языком магнетизеров, то явление двойника значит, что душа наша получила возможность, как бы отделившись от тела, созерцать его вне себя, со стороны. Это довольно темно, и хотя и несколько понятнее,

чем явление покойников.

Может быть, некоторые читатели слышали, что рассказывают многие из современников наших, как очевидцы, о смерти довольно известного в кругу своем человека. Он был начальник учебного заведения; дети, в хороший зимний день, кажется, в сочельник перед Рождеством, бегали по саду, где лежал глубокий снег и были расчищены только три дорожки, в виде П. Несколько молодых людей сидели на скамье и, увидав подходящего к ним со стороны здания начальника, привстали; он прошел, но не успели они оглянуться, как увидели его вторично, идущего тем же путем, по тому же направлению, тем же мерным шагом и точно в таком же положении. С крайним изумлением они снова ему поклонились; он поздоровался с ними и обошел кругом дорожек. Двойники так быстро прошли один за другим, что не было никакой возможности допустить, будто старик сделал круг и обошел вторично. Дети изумлялись и перешептывались весь день; что происходило в душе старика, никому не известно; но он на другой же день в каком-то припадке лишил себя жизни. Случай этот весьма замечателен тем, что несколько посторонних свидетелей единогласно утверждают сказанное нами и убеждены в том, что сами видели двойника. При таких обстоятельствах остается только пожать плечами и предоставить дело на совесть каждого.

XV. Клады

Сюда же, к этому же разряду поэзии народной и игры воображения принадлежит целый рад сказок и поверий о цвете папоротника, который-де цветет ночью на Иванов день. Этот небывалый цвет (папоротник тайникового, бесцветное растение) почитается ключом колдовства и волшебной силы, в особенности же для отыскания кладов: где только зацветет папоротник в полночь красным огнем, там лежит клад; а кто сорвет цвет папоротника, тот добыл ключ для подъема всякого клада, который без этого редко кому дается.

Предмет этот, о кладах, богат повериями всякого рода. С суевериями о кладах связывается и много сказок и преданий; у каждого края свой герой или разбойник прежних лет, ко- ему приписываются все находимые и искомые клады. В восточных губерниях клады принадлежат Пугачеву, на Волге – Стеньке Разину, на Украине – Гаркуше, в средней России – Кудеяру и проч. Клад вообще не всякому дается; хозяин клада, по смерти своей, бродит тихо вокруг и бережет его сторого и чутко: либо вовсе не найдешь, либо и найдешь, да не возьмешь, не дастся в руки; не подынешь по тяжести; обмираешь, как тронешь, ровно кто тебе руки и ноги пере- бьет; кружишь на этом месте и не выйдешь, ровно леший обошел, поколе не положишь клад опять на место; или, если клад под землей, в подвале, глубокой яме, то взявший его не

вылезет никак, перед тобою земля смыкается, железные двери с запорами затворяются; либо выскочит откуда ни возьми невидимка, схватит и держит на месте, покуда не выпустишь из рук клада; либо навалится на плечо ровно гора, так что и языка не повернуть; либо ноги подкосятся, либо станут, упрутся, словно приросли к земле; или, если и возьмешь клад и унесешь, то сколько ни носишь его домой, берешь золото, а принесешь черепки; или же, наконец, возьмешь, да и сам не рад; вся семья сподряд вымрет. Все это оттого, что клад кладется со свинцом или с зарокотом, что клад бывает всегда почти заповедный и дается тому только, кто исполнит зарок; избавляет же от этой обязанности только цвет папоротника или разрыв – прыгун – скакун – плакун – или срыг – трава, железняк или кочедыжник; папоротнику и плакуну повинуются все духи, а прыгун ломает замки и запоры, побеждая всякое препятствие. Иногда клад бродит не только свечой, огоньком, но даже каким-нибудь животным или человеком; если, догадавшись, ударить его наотмашь и сказать: аминь, аминь, рассыпья, то перед тобою очутится кубышка с деньгами. Во время выемки клада всегда приключаются разные страсти, и черти пугают и терзают искателя, брать взаймы у клада иногда можно, если он даст, но к сроку принеси, иначе постигнет беда большая. Можно также менять деньги у клада и при этом даже иногда обсчитывать его, положив то же число монет, меньшей ценности.

У нас почти всюду есть много рассказов и преданий о кла-

дах, а Саратовская губерния, где волжские вольницы зарывали когда-то свои награбленные богатства, едва ли не богаче прочих подобными воспоминаниями. Мы упомянули, что клад кладется «со словцом» или «по завету:» это значит, что кто его зарывает, тот должен во все время причитывать вслух, какой зарок на него кладет: напр., семидневный пост, а затем рыть голыми руками на молодой месяц; или на разрыв-траву и проч. Один человек зарывал клад, приговаривая: «на три головы молодецких»; стало быть, клад не дастся никому, если не поклонится ему тремя головами молодецкими; а другой бродяга, сидя случайно тут же в дупле, подслушал его и переговаривал каждый раз: «на три кола осиновых». Клад слушается всегда последнего заговора; посему, когда хозяин ушел, а подсевший его вырубил три осиновые кола и поклонился ими кладу, то и взял его преспокойно. Есть также заговоры, во всем похожие на прочие заговоры, как для укладки клада, так и для развязки его.

В одном месте Рязанской губернии, где исконное поверие искало кладов, уверяя, что целовальник рязанский встретил земляка в Сибири, в ссылке, и узнал от него тайну нескольких кладов, получив и запись с приметам, где они лежат, люди с седыми бородами рассказывали вот что: «Я рубил в лесу жерди, привязав лошадь к дереву; вдруг вижу под деревом высыпан из земли и уже порос травой и мохом крест; я вспомнил, что это была одна из примет, и выхватил топор, чтобы натюкать на деревьях зарубки; вдруг как понесет моя

лошадь, сорвавшись, как загремит, я за ней, за ней, а она дальше, дальше, затихла и пропала; я воротился, а она стоит привязанная, где была, а места того, где высыпан крест, не нашел, хоть сто раз был опять в лесу да искал нарочно». Другой рассказывал так: «И я по дрова ездил, да нашел на знакомом месте, где сто раз бывал и ничего не видел, погреб: яма в полчеловека, в пояс, а на дне устлана накатом, который уже порос травой и мхом, да кой-где доска прогнила, провалилась. Подумав немного и оглянувшись, да спознавшись еще раз на месте, я спустился в яму; только что я было припал, да стал заглядывать в провалы, как меня хватит кто-то вдоль спины хворостиной, так я насилу выскочил да бежать, а он все за мной, до самой дороги! Я на другой день показывал хозяйке своей синевицы на спине».

Третьему рязанцу посчастливилось лучше: он без больших хлопот у себя дома под углом нашел съеденный ржавчиной чугунок, в коем было с пригоршню серебряных монет. Их купил г. Надеждин, а описал г. Григорьев, в Одессе; это были замечательные арабские монеты IX—XI века.

Весьма нередко клад служит защитой для скрываются важных преступлений. В одной из подмосковных губерний у помещика был довольно плохой, в хозяйственном отношении, крестьянин, один из таких, кому ничего не дается: хлеб у него всегда хуже, чем у прочих; коли волк зарежет телят, либо порвет жеребенка, так, верно, у него же; словом, и скот не держится, и счастья нет, и ничем не разживется. По это-

му поводу, помещик посадил его в постоянный двор, или в дворники, для поправки хозяйства. Впрочем, это был мужик смиренный, трезвый, и худа никакого за ним не слышать было.

Вскоре он точно поправился, и даже слишком скоро. Он уплатил долги, купил скота, стал щеголять, наряжать жену в шелк и проч. Помещику это показалось подозрительно, и, после строгих допросов, на основании разнесшихся слухов, дворник признался, что ему дался клад: «Я вышел ночью, услышав проезжих извозчиков, и увидал за оврагом, по ту сторону ручья, в лесу небольшой свет. Я спустился, подошел тихонько и вижу, что два человека с фонарем делят меж собою клад. Увидав меня нечаянно, они было хотели бежать, после хотели убить меня, а, наконец, поделились со мною, отсыпав мне полную шапку целковых, с тем, чтобы я никому ни слова не говорил». Все это, конечно, много походило на сказку, тем более, что мужик сбивался и не мог дать толком отчет, когда заставили его показать на месте, где именно вырыть клад; но других подозрений не было, молва уверяла, что дворник разжился от клада, сам он сознался в том же, и дело было оставлено.

К осени барин хотел перестроить постоянный двор, который был плох и, в особенности, тесен и неопрятен, но дворник под разными предлогами отговаривал барина, да и вперед, когда об этом заходила речь, убеждал его не трогать двора, каков он есть. «Что мне, говорил он, в господах – я господ не люблю пускать; за ними только хлопот много, а выго-

ды нет никакой: стаканчик сливок возьмут, да раз десять воды горячей поставить велют, да целую половину и займут; я, благодаря Бога, разжился от извозчиков, которые берут овес да сено; а с них будет и этой избы; им где ни свалиться, только бы лошадь накормить».

Удерживая такими уловками барина от перестройки двора, мужик через год или два умер. Весь околодок знал, что он разбогател от клада, и во всякой деревне рассказывали по-своему, как это случилось; но барин приступил к перестройке избы и совсем неожиданно нашел клад другого рода: под печью, едва прикрытые землей, лежали два человеческих остова с проломленными черепами.

Русская демонология Из этнографических работ

Очерк демонологии крестьян Шенкурковского уезда.²³⁸ А. Харитонов

<...>

Крестьяне здешнего уезда вообще весьма суеверны; те же из них, которые живут в отдалении от почтовых трактов, еще более верят проказам нечистой силы, которую большая часть крестьян называет *неприятной силой*.

Из воображаемых героев этой *неприятной* силы примечательнее прочих: дворовый, лесной и водяной; ведьм и русалок здесь не знают, но зато означенные три представителя здешней неприятной силы, более или менее разнообразными качествами, приписываемыми им, почти вполне заменяют последних.

Прошу прощения читателя в небольшом отступлении. Как жалки крестьяне в своем упорном невежестве, крестьяне в других отношениях умные, сметливые; тем более они достойны жалости, что предположения свои относительно существования и проказ неприятной силы, основывают на сло-

---

²³⁸ Отечественные записки, т. LVII, СПб., 1848 (отд. VIII), с. 132–146; 148–149.

вах св. писания, и если вы вздумаете разуверять их в том, что они ложно понимают высокие истины Евангелия, они решительно не поверят вам и главным защитником своих глупых верований представят какого-нибудь деревенского грамотея, который, бегло читая церковные книги, нередко отправляет должность приходского чтеца.

Это – одна причина ложных его верований; другая, не менее важная, по-моему, та, что крестьянин, быв мальчиком, свыкается с мыслию о существовании сильных, нечеловеческих сил, помогающих крестьянину-отступнику в его нуждах, силе, о которой даже родители его (образец и пример всего для ребенка) говорят с уверенностью и страхом. Нужно ли прибавлять здесь, как чутко ухо ребенка ко всему, что говорят при нем, и если придать к этому открытую настроенность детской души, неопытную, мягкую восприимчивость всего чудесного, то выйдет, что крестьянин начинает запутываться в этой сети чуть ли еще не в зыбке. Кто ж тут виноват?

Однажды вздумал я уверить крестьянина в том, что земля есть шар и что она обращается на своей оси. После многих с его стороны вопросов, разрешенных мною наприм., о том, почему, при вседневном обращении земли на своей оси, ветер дует постоянно с одной и той же стороны, положим, с северной нередко по целой неделе, и почему иголка в матке,²³⁹

---

²³⁹ Матка – компас очень малого объема; иголка в матке – две намагниченные иголки, приклеенные к листу бумаги, на лицевой стороне которой означены

при ежедневном обращении земли, не переменяет своего положения?» Мне наконец удалось уверить его в моей теории. Желая уверить того же крестьянина в ложности его мнений относительно нечистой силы, я напрасно употреблял все возможные доказательства, напрасно утверждал, что подобные предрассудки противны религии, и потому уже грешны, — он был непобедим. На последнюю попытку мою он сказал: «я дивуюсь, ваше благородие, вы знаете такие хитрости об нашей земле, а не знаете того, что всякому мужику известно с малолетства!»»

Сведения, почерпнутые ими из глупых слов какого-нибудь доморощенного грамотея, они стараются распространить между собою: отсюда многое множество анекдотов, которым все верят, начиная с рассказчика до последнего слушателя. Все это сказано с тою целью, чтоб показать читателю, до какой степени здешние крестьяне утвердились на своих предрассудках, и как трудно разуверить их в ложных понятиях.

Обращаюсь к предмету статьи.

Прежде, чем стану описывать *дворового*, скажу несколько слов о том, каким образом крестьяне знакомятся с ним,

---

положения стран света; иголки тупыми концами упираются в медную шляпку, вставленную в средину бумаги, которою, шляпкой, бумага надевается на стальной шпенек, воткнутый в центр дна коробки; очевидно, что северный конец иголки обращает бумагу с условным знаком N к северу. Довольно значительная тяжесть бумаги в намагниченных иголках не производит почти никакого колебания: это очень удобно для крестьян-охотников. А.Х.

т. е. какие средства употребляют для того, чтоб заслужить его знакомство и милость. Крестьянин, желающий пользоваться помощью *дворового*, разумеется, прежде всего, должен его увидеть; для этого знахари советуют ему стараться как можно скорее, даже, если можно, первому получить от священника по окончании заутрени на св. Пасху красное яйцо; свечку, которую он будет держать в руках в продолжение службы, по окончании оной велят унести домой, вместе с красным яйцом.

Если оба эти условия выполнены, т. е. яйцо и свечка унесены мужиком в свою избу, ему остается только ночью, до петухов, взять в одну руку зажженную свечу, а в другую красное яйцо и, став пред отворенной дверью хлева, сказать следующие слова: «дядя дворовый, приходи ко мне, не зелен, как дубравный лист, не синь, как речной вал, приходи таким, каков я – я тебе христовское яичко дам!» После этих слов, как утверждают истые суеверы, из хлева выйдет мужик в таком же *лопотье*, как и спрашивающий, наружность, приемы его будут совершенно такие же, как и у спрашивающего, одним словом, к нему придет домовый предупредительный, услужливый для первого знакомства, в образе его двойника.

Тут начинается сцена условий.

Взамен всех требований крестьянина, домовый требует от него одной только тайны их свидания и знакомства, чтоб ни в сонной грезе, ни в пьяном виде, ни отцу, ни матери, ни попу не говорил он об этом свидании. Если крестьянин не вы-

полнит этого условия, предупредительный домовый сожжет избу, переведет весь скот у мужика и, наконец, доведет до такого отчаяния крестьянина-обманщика, что он сам «наложит на себя руки», т. е. застрелится, зарежется или удавится.

Это условие, предварительно сказанное знахарем, спасет многих суеверных крестьян от грешных и нелепых искательств.

«Есть трава на земли св. Глава, растет по раменским местам кустиками, высотой в пядь, цвет багрян и рудожелт; расцветает вельми хорошо, *что кукишницы*, всяким видом . . . . а коли хошь диавола видеть, или еретика,²⁴⁰ корень этой травы освяти св. водою, после возьми и носи при себе и узриши водяных, воздушных и домовых».

Есть еще способы, которые, благодаря таинственности здешних колдунов, неизвестны крестьянам и которые, к несчастью, сопряжены с таким фанатическим отвержением от всего святого, что даже самый отчаянный атеист заткнет уши, чтоб не слышать этих страшных заклинаний. Теперь, благодаря распорядительности мудрого правительства, после учреждения приходских училищ, прежние предрассудки мало-помалу исчезают; но это дело времени.

Постараюсь описать здешнего домового таким, каким представляют себе его наши колдуны. Разборчивость во вкусах, вот одна из отличительных черт здешних домовых. Если домовому не понравится черный цвет, то хозяин дома

---

²⁴⁰ См. ниже, описание еретика. А.Х.

напрасно будет заводить черных коров, баранов: разборчивый домовый переморит весь скот, имеющий цвет шерсти, ему противный; крестьяне, покупающие для домашних нужд скот и птиц, принуждены подчинять себя этим воображаемым причудам домового. Если кто-либо из крестьян имеет случай продать корову выгодному покупателю-соседу, он прежде сообразуется с положением домового того дома, в который продает, к цвету шерсти продаваемой коровы (подобные склонности домового он узнает от старух); если цвет шерсти продаваемой скотины домовому покупателю люб, дело слажено и продавец в барышах; в противном случае, он, сознавая всю справедливость этого поверия, отправляется к другому, менее выгодному покупателю. Цвет шерсти, противный домовому, здесь зовут *цветом не по двору*; цвет же, приятный ему, называют *любым*.

Крестьянин купил на ярмарке вороную лошадь; лошадь была нездорова; через месяц она околела; случай привел вместе с лошастью околеть и черной корове; крестьянин, твердо уверенный, что это проказы домового, спешит задешево распродать черных баранов, кур и пр., боясь повторения тех же странных для него лишений.

Здесьний домовый живет семьянином; о жене его крестьяне ничего не знают, дочерей же его воображение их наделило всеми возможными прелестями. Они вечно юны. Дочь домового живет в состоянии ребенка до тех пор, пока отец ее не войдет в сношения с человеком; дождавшись этого, она по-

лучает возможность любить человека; эта возможность усиливается и обращается в страсть слепую, безусловную; но предметом страсти ее может быть только человек, живущий под одною крышею с знакомцем отца ее. Если знакомец этот, т. е. крестьянин, дружный с домовым, живет *одинком*, тогда дочь домового по-прежнему будет ребенком; если же с ним живет кто-либо из родных его: племянник, внук или др., то на него обрушится вся беда: если он будет так слаб, что голубые глаза чародейки очаруют его и он бросится на роскошную грудь ее, тогда он погиб: но лучше я поясню это примером.

Живет в деревне мужик-вдовец, сам-друг с сыном: и хозяин бы, кажись, тароват, и дома бы хорошо, да одно худо: знается, старый, с неприятной силой, слывет за колдуна, ведуна. У кого пропадет корова, лошадь, обокрадут ли кого, – всяк идет к дяде Якову с поклоном: отговорить неминуемую, поставить на след в покраже; Яков побирает с мужичков и живет весело. Сын у Якова уже работник: навалит бревно в зимнюю пору, съездит за сеном, срубить в день комлей десятков семь смолья считает он безделицей; да и сам он мужик осанистый, плечистый, ростом отца назади оставил, в лице кровь да молоко, а зовут его Савельем. Забродила у него на уме Анна, дочь *денежного* соседа Фомы, девка статная, *топивая* (тонкая), глаза голубые и косы до икры.

Призарила девка Савелья, да так призарила, что в ту же пору, хоть камень на шею да в воду; и сватов позасылал он к

отцу Анны, и сам-то плакался ей, «пойди, да пойди за меня: тебе хуже не будет!» Нет: девка шутит, хохочет, а пути нет: и к знахаршам-то ходил, что в неделю пересвадьбают свадьбы, за *присуиными* зельями, – ничто не берет: по-прежнему, перед ним как свеча горят два голубые глаза девки-соседки, и вся она, как птица, носится над ним, а взять нечего.

Одним днем обедает старик Яков с сыном Савельем, на дворе резкий ветер поносит мелкий снег; дядя Яков, кончив обед, обращается к сыну:

– А что, Савка, пошел бы ты, да наколол ношу, другую дров: заутре огреть избы нечем!

Пошел Савелий по подоконью искать кряжей; несколько раз брякнул об дрова топор и все смолкло; глядит Яков в окно, а сын стоит, опустив руки и голову и топор глубоко улеплен в древесину.

– Савка! С этой поры прибился, руби, говорят!

Парень снова тюкнул раз полдесяток и опять все смолкло, а он, бедный, наклонил голову; думает думку, мучит душу его дочь соседа, Анна.

– Да, вишь, мы бедны, говорят, отдают ее в утрях за Фрола, он богат, говорят! – пробормотал Савелий, опять замолчал, а топор в старом *щану* улеплен и не вынуть.

Встрепенулся Савелий, наскоро поправил шапку; прежде тусклые глаза его заблестели и лицо, недавно пасмурное, прояснилось радостью: он увидел дочь денежного соседа – Анну.

– Всю ночь грезился ты мне, Савелий, тошно мне идти за старого Фрола; побеги завтра около ночи в станок, что на Нюнеге,²⁴¹ я прийду, а теперь недосуг, прости!

На другой день, после полдня, Савелий говорит отцу:

– Батюшка, *морды* по Нюнеге давно не смотрены, пойдти сегодня, не попадет ли рыб на варю?

– Пойди, не то, посмотри, да *трутоношу*²⁴² захвати: не узанешь, что почему пойдет, бывает и обночуеться!

Недолго снаряжался Савелий: за пазуху сунул трутоношу и ломоть хлеба, на голову шапку и – пошел. Пришел в станок, не знает, как день скоротать: сходит подерет на лапти бересты, дров прибросит в очаг, а ее все нет! Наконец, когда уже приметно стемнело, Савелий уснул; в очаге потух огонь, и только синее пламя инде скакало из угольев. Дверь без шума отворилась и явилась она, желанная.

Он пробудился от легкого прикосновения, пробудился – и перед ним голубоокая красота севера сверкает, распаленная бесстыдством вакханки; ненасытимый, глядит он на эту русую косу до икры, любиться сокрушительным блеском очей, его заранее обдает жарким паром девической груди, а кармин весенних уст ее так и просит поцелуя. Он стиснул зубы, крепко сжал пальцами горячую свою голову: он чуть не

---

²⁴¹ Незначительная речка в Шенкурском уезде, один из притоков Ваги. А.Х.

²⁴² Трутоноша, нач. трут, кожаная сумочка, в которой носят мужики огниво и трут для разведения огня, отправляясь из дома надолго. В просторечии трутоноша. А.Х.

обезумел от одного взгляда на эту красоту. По привычке, он шепчет молитву: видение исчезает и он опять один, в прокоптевшем дымом станке, с ужасом прислушивается к отдаленному хохоту незваной соседки Анны, а больное сердце тоскует: от него оторвали что-то, без чего он – сирота!

Спешу прекратить мой трескучий, риторический рассказ, боясь утомить внимание читающего, который, конечно, ищет в статье не набора слов, а дела коротко и ясно изложенного.

Если мужик, или Савелий до того слаб, что не на шутку полюбил эту гостью, в которой, вероятно, уже все узнали дочь домового, то она старается поддержать эту страсть, являясь ему во сне; опутывая таким образом любовника, она наконец является ему явно и тогда уже начинается между ними страшная для всех мужиков связь. Ненасытимая, она ревнива в высшей степени; для нее страсть не гаснет; она в любви к нему постоянна. Она просит и умоляет у него тайны их сношений, и, вместе с тем, она – страшный, неотступный его соглядатай; где б ни был он: в гостях ли, в церкви ли, она постоянно с ним, невидимая никому.

Если мужик, наскуча этой страшной любовью, бросит ее, она отомстит ему: любовника, изменившего ей, она так очарует, являясь к нему во сне, что он, тоскуя по ней, после мучительного месяца одиночества *ошалевает*, т. е. сойдет с ума; если же он кому-либо скажет про свои связи с нею, она доведет его до крайнего несчастья: он будет *трус-самоубийцей*

(самоубийца).

Если же мужик до того тверд, что в состоянии противиться прельщениям чародейки, то, разумеется, она страдает и ищет себе друга уже между лешими. Я ничего не слыхал про плод, который должен произойти от сожигания мужика с дочерью домового.

Кроме прежде описанных качеств домового, должен упомянуть я о необыкновенной, всепоглощающей деятельности его. Предавшись мужику в нижайшие рабы, он ежечасно требует от него работы; когда тот, по необходимости, должен будет отказать ему в этом, он, домовый, неумолимо следит за ним, в ожидании получить от него какое-либо дело, и, собственно для того, чтоб наблюдать за молчанием своего господина, то есть за тем, чтоб тот не открыл кому-либо сношений своих с ним.

Если мужичок-колдун захочет выпить с собратами штоф другой вина, он заранее удаляет от себя домового, как опасного и скучного, но тайного свидетеля, заняв его какою-либо нечеловеческой работой: «свей из песка веревку, аршина в два длины и принеси в избу», или: «поставь листовницу вершков девяти вершиною в землю, а комлем вверх» и пр. Докучливый и опасный домовый удален, и мужик беззаботно пьет и веселится, не боясь ужасного надсмотрщика. Трудолюбивый домовый, из охоты услужить своему повелителю, не бросит этой работы по крайней мере в продолжение трех дней, им тогда уже, видя совершенную невозможность

окончания дела, он, с повинною, идет к мужику и снова просит дела: мужик рассыпает по всему двору (двор здешнего мужика, это месиво грязи) своему решета три льняного или конопляного семени: – старик-домовой подбирает все это до последнего семечка включительно и мужик снова свободен в действиях и разговорах.

Крестьянин, подружившийся с домовым, постоянно скупен, таинствен в своих действиях; между тем, удачи за удачами мужику: соседи на базарах продают муку свою вдвое дешевле против него; соседи в продолжении двух недель наловят рыбы в *морды*²⁴³ с полпуда; крестьянин, дружный с домовым, это же количество достанет в день. Самые стихии гораздо благосклоннее к этому мужику, чем к его собратам: у соседей расцветшая рожь побита градом, рожь на его полосе спокойно цветет, помавая колосьями по ветру.

Теперь скажу несколько слов о лешем.

Крестьянин, желающий снискать милость лешего, должен в ночь пред Ивановым днем отправиться в лес и, найдя осину, срубить ее так, чтоб она вершиною упала на восточную сторону; на пне срубленной осины, став лицом на восток, он должен нагнуться и, глядя в отверстие, образовавшееся меж ногами, говорить следующее: «дядя леший, покажись, не серым волком, не черным вороном, не елью жаровую: покажись таким, каков я!»

После этого окло мужика зашелестят, как от легкого вет-

---

²⁴³ Мешок из ивовых ветвей для ловли рыбы. А.Х.

ра, листья осины и леший, в образе мужика, является на призыв.²⁴⁴ Затем следуют сделки: этот, более взыскательный, чем домовый, требует за свои услуги душу мужика по его смерти; он не требует, подобно домовому, хранить в тайне их знакомство, но не позволяет ему и хвастать его услугами пред своими собратами.

Подружась с мужиком, он дает ему заклятие делать все, что он в состоянии сделать по приказанию мужика: «нагнать ли тебе стада лисиц, куниц, заставь и – готово; *украсть* ли у недруга в лесу дорогу, – собью с пути, и он погинет под *выскорью*; показаться ли тебе елью мохнатою, или разлечься белым мохом по земле, навести ли тебя на стада лесных птиц, – все я сделаю для тебя, только не хвастай моим умением, не кажи меня твоим товарищам; если ты меня и при товарищах позовешь, я прийду, а после тебе спасибо на дам: *наведет волюшка на неволю!*» – Вот все, или почти все, что леший в состоянии сделать для мужика, предавшегося ему.

Здесь леший, как говорят, живет почти так же, как и мужики, в селах; если он, ходя по лесу, до темна захочет спать, то он спокойно отправляется в станок (лесная избушка) и ночует там. В здешних лесах нередко на расстоянии 25, 30 квадратных верст господствуют два, три леших; каждый из них занимает какую-либо избушку и живет, не зазнаваясь пред товарищами. Слышал я от многих, что наши север-

---

²⁴⁴ Снова повторяю сказанное: есть много средств для снискания дружбы «неприятной силы», но они отвратительны и ужасны. А.Х.

ные лешие не прочь иногда и гульнуть: об этом напоминают оставшиеся в памяти народа названия некоторых из лесных избышек; так *изба под кружалом*, *изба под кабачком*. На вопрос мой: откуда эти названия? один старожил отвечал: «да не знаю, батюшка, правда ли, нет ли, а толкуют, что тут из веков был кабак, да не наш, а кабак для неприятной силы, для леших; здесь они пировали свои поганые свадьбы, здесь и кумились и братались; кабы покойник отец жив был, он бы все расклат тебе, а я и не так, чтобы вовсе стар: с петрова-поста на восьмой (десяток) пошло, да, поди ты, память заорало, что будешь?»

– Ты говоришь, что постом ты вступил на восьмой десяток, и при всем том, не хочешь назваться стариком!

– Какая это старость, семьдесят годов: покойный дед мой девяносто лет в пору санные завертки завертывал; санные полозья гнул до той поры, пока не отемнел (ослеп). Да нынче, барин, все стало не по-старому: и лес-то прежде был крепче; посмотри, дед Якова оставил избу лет тридцать тому, я и на окладинах был, – и теперь стоит, как новая, а у Семена в конце (деревни) четыре года, как поставлена, а все утлы огнили; да что говорить, ребята, и камень-то хилее старого стал: прежде каменцу в бане складешь, – два года лежит крепкая, а теперь попробуй – сложи, и полугода не пролежит. Ох, ребята, не те времена пошли, Бог видит, не те! Хоть про рыбу скажу, прежде, вот Степан жив, не даст соврать, прежде Нюнега-матушка, что день, то пуд рыбы дает, а теперь, ска-

зывает, ребята, много ли надобывано, а?

А знаете ли вы, что такое свадьба леших? Здешные лешие празднуют свадьбы свои шумно, разгульно.²⁴⁵ Если вы увидите в лесу полосу вырванных с корнями деревьев, непроходимую от множества валежника, знайте, что на этом месте была свадьба лешего с лешухой. Ни один мужик не осмелится лечь в летнюю пору, для отдыха, на лесной дороге: он побоится случая лесной свадьбы; если он, лежа на дороге, будет препятствием этому веселому поезду, то его уходит будущий счастливец-жених, или он будет растоптан. Удар грома во время свадьбы превращает всю честную компанию леших и лешух в росомах, оттого этого зверя здесь считают проклятым. Плод, происшедший от соития этой четы (лешего и лешухи), какое-то чудище, имеющее человеческий вид; обжорливость и безобразие, вот главные качества новорожденного. Родители младенца-лешего употребляют все средства к тому, чтоб подменить этим ребенком какого-либо христианского младенца, еще не крещеного, над крещеным они не имеют власти. Если им это удастся, они будут воспитывать украденного как своего, и впоследствии он будет таким же лешим; тот же, которого они покинули на чужих руках, будет жить, есть, спать и – только. Он не обнаружит до одиннадцати лет никаких признаков разума; никакой работы, сколько-нибудь требующей разумения, сметки, он не в состоянии

---

²⁴⁵ Я не мог разведать от крестьян подробностей об этих свадьбах; вероятно, поверье это потеряно между ними. А.Х.

сделать; между прочим, он силен, как конь: он держит двадцать пять пудов, как мы десять фунтов. В народе зовут его обменом, обмененным, усилок.²⁴⁶ Я сказал, что до одиннадцати лет в нем не видно ничего человеческого, кроме наружности: после этого времени он скрывается: он убегает в леса, к родителям; воспитатели же его богатеют: благодарный *усилок-обмен* по временам приносит им кошель звонких рублей. Мужик в синем армяке, левая пола наверху,²⁴⁷ на голове плисовая с бельковым околышем шапка, строченые рукавицы и сапоги устюжские с выпуклыми закаблучьями, на которых хитро-прехитро прострочены всякие узоры – вот он, их воспитанник; узнаете ли вы его, в этом наряде, его, которого недавно все от мала до велика в деревне называли пухлым налимом и облезлой сукой.

Леший по природе зол; он, в противность домовому, любит смотреть на несчастья людей; он любит ни с того, ни с сего пошутить над человеком, т. е. любит заставить его походить лишних часов семь по лесу, отыскивая дорогу; для этого он пускается на всякие уловки. Он например, превращается в сосну, ель, и при этом превращении принимает нена-

---

²⁴⁶ Усилок – имеющий необыкновенную силу, силач. Обмен – подмененный, обмененный – употребляется в народе, как брань.

²⁴⁷ Здесь говорят, что леший, домовый и водяной, приняв на себя образ человека, отличаются от него тем только, что, вопреки крещеному люду, носят армяки, сукманники, шубы и полушубки, запахивая их левою полою наверх; неприятную силу потому и звать.

туральное положение в отношении к странам света;²⁴⁸ заблудившийся смотрит на дерево, поверяет себя, оглядывается на прочие деревья; впереди его ель, с северной стороны и сучков, почитай, нет, а кора, как войлоком, обтянута с севера мохнатой *шастой* (мох на коре ели); зайдет к ели с другой стороны, с южной, – кора гладка, как бумага и сучья шатром свесились к земле. «Что за причина?» думает мужик: «шел я, кажись, ладно на север, а теперь, посмотрел по ели, север назад остался; дай, пойду куда гласит дерево», и продолжает кружиться около одного места, а леший, вдоволь натешившись над мужиком, отправляется восвояси, хохоча во все горло.

Два охотника-промышленника, с наступлением вечера, приходят в *станок* перемокшие, озябшие; они едва в состоянии добыть из кремня огонь, для отопления избы. Один из них кладет в *каменку* сухие дрова, держа в зубах зажженную лучину и дрожа всем телом. Огонь пылает в каменке, горшок с водою, в который брошено несолько ячменных круп и насыпано толокно, начал закипать, и мужики, обогревшись, сидят, и, весело поговаривая, снимают шкурки с белок, которых они настреляли в продолжение коротенького осенне-

---

²⁴⁸ Мужики, промышляющие в здешних бесконечных лесах, ходят без компасов, некоторые же из них, начинающие, носят с собой компасы; первые узнают положение стран света по известным им приметам: сосна, например, с северной стороны имеет сучья редкие и короткие, тогда как с южной они часты и длинны; ель с северной стороны имеет на коре мох, защищающий древесину от жестоких северных ветров, и проч.

го дня; *обсыманных* белок они кидают собакам и те с жадностью поглощают эти лакомые куски.

Одного из мужиков я назову хотя Васильем, другой пусть будет Петр. Петр пошел из избы с котелком к реке зачерпнуть воды и увидел у порога избы, освещенной месяцем, полный штоф вина: «эй, Василий, слышь, Василий, поди, говорят» закричал он, отворяя дверь избушки: «глухой, не слышит! Смотри, да не знаю, вино ли; посмекай-ко, я, той порой, сбегая к реке».

Прошло немного времени. В полухолодной избе мужички весело поговаривают, между разговорами они попевают песни; из полного штофа половина убыла; они продолжают подноситься, вино убывает приметно: мужички уже почти пьяны. *Дымник* заперт (закрыт); в избе тепло, как в бане: все спят, только иногда еловый уголь, с треском выпрянув из тлеющей каменки, прервет тишину. Уголья погасли, в дымной избушке совершенная темнота. Проглянул месяц и маленькое оконце в станке отпечталось на полу светлой решеткой. Ветерок потянул с болота, и Нюнега заплескалась.

В освещенное оконце кто-то сильно стукнул костлявым пальцем, собаки охотников подняли морды и заворчали, мужики проснулись. В стекло еще несколько раз стукнули с *вонной* стороны, мужики переглянулись и спросили стучащего: «кто там, не рано?» В окне избы показалось лицо, белое как береста; большие, тусклые, свинцового цвета глаза, ничего не выражая, глядели в избу.

«Кто там, скажись, кто там, жив человек?» спросил полупьяный Петр.

– Какой тебе жив человек: полуночники только, да еретики²⁴⁹ ходят в эту пору; вишь, какая нелюдская рожа устави-лась, гляди-ко, Петр!

– Ребята, раздался голос с улицы: – чем грать над человеком, позвали бы его в избу, да поспрошали бы ладом: за-чем пришел он по вас; не подстрелил, а теребишь, дружок Василий; лучше одевайтесь-ко, да пойдем со мной: не про-дайте, ребята, при бедности! Мы, вдвоем с женкой, рубили комелье, порешили работу и пошли ночевать – *ночлеговать* в эту избу, да что будешь делать: шли по Михалевскому Бо-лоту, после дождя мостовины смокли: жена одной ногой ока-тилась, а другой ульнула меж мостовины, – лежит и теперь, только ногу не выставила ли.²⁵⁰ Поспешите, братаны, посо-бите притащить до избы; гляньте в окно: выяснело и ветерок с обедника, на часу замерзнет; давай, выходите, ребята!

– Да кто ты? спросил Петр.

– Захар, с Рогова! ответил человек за окном.

– Что, Василий, разве пойдем?

– Пойдем, не то; да в посуде-то, небось, осталось от *ве-чершнего*, дохлебнем на дорогу; теплее будет идти в болото!

Если бы кто-нибудь в это время поглядел на лицо в окне, он увидел бы, как по лукавым губам ночного гостя проползла

---

²⁴⁹ Об этом несколько слов ниже.

²⁵⁰ Выставить какой-либо член – вывихнуть, выломить.

радостная улыбка.²⁵¹

Мужички выпили на дорогу стакана по два и, перекачиваясь, вышли из избы.

– Эй, ты, Прохор, или как тебя? сказал более хмельной Петр.

– Какой Прохор? Захар! оговорил Василий.

– Ну, Захар, что ли, бормочет пьяный Петр: – да, вот что, Василий, дело надо говорить: пошли мы без трутоноши... ну, метет (живет) и так, давай, правься, Василий!

– Воротись, шальной, шапку оставил!

– Ах, да! ответил пьяный Петр, махнул рукой, сходил за шапкой, и отправились молодцы, предводимые Захаром с Рогова.

– Слышь, ты, дворянин, куда круто? окричал передового Петр.

Вожак пошел вольнее. Назвавшийся Захаром с Рогова был мужик высокий, статный, только бледный и худощавый донельзя; белый нагольный полушубок на нем был запахнут, левою полою наверх: пьяные, они не догадались посмотреть на эту приметку. Идут они, а дорога лежит гладкая, как столешница: идти походно. Не прошли двух верст, Петр снова крикнул передовому: – Захар! мы идем ровно по почтовой, куда ты повел: мест опознать не могу; сколько ни хаживал я

---

²⁵¹ По рассказам мужиков, леший охотнее шутит над пьяными мужиками; пьяный – это для него клад! Кто не смекнет, что штоф, найденный Петром, подкинут лешим.

здесь, а такой торной, забитой тропы не по приметил.

– Я огибаю болото по гривам! ответил вожак и пошли дальше.

Месяц покрылся облаками, начал крапать дождь; вдруг страшный, оглушительный удар грома прокатился по небу, сверкнула молния, и молодцы перекрестились и – стали, как пни. Петр, осмотревшись, увидел себя на обрывистом берегу какого-то широкого озера, еще шаг – и он бы упал в него; Василий, шедший сзади, увидел впереди себя сучковатую колоду, сзади выскорь, сажени в две вышиною, выдавшиеся корни которой переплели и перекрутили ноги его, а с боков у него чаща такая, что и палки не пропихнешь; он поотстал от двух передних и совершенно смешался, увидев себя в таком месте: притча, подумал он, шел, как по скатерти, а попал в такое, прости Господи, непохожее место; Петр, эй, Петр, где ты? закричал он, чуть не плача. После этих слов раздался по лесу резкий, перекастистый хохот; это веселится леший, насмеявшийся над ними.

Кой-как сошлись молодцы: у обоих волосы в шапки не убираются, так перепугал их дядя Захар с Рогова.

– Где мы, Петр? Что это рассветилось впереди, по молнии? спросил Василий.

– Нюнежское!²⁵² отвечал Петр и потащил товарища в избу, где они спали и которая теперь была от них в двенадцати

---

²⁵² Озеро Нюнежское от устья реки Нюнеги верст 70; в него течет означенная речка; площадь его около 200 десятин. А.Х.

верстах.

– Не надо было пить нам, брат Петр!

– Ну, молчи, до дела: в пору гром грянул, в пору и перекрестились!

Во время осенних *листопадов* сбежала у мужика лошадь, мужик был работающий по казенным подрядам, вывозил из леса к реке мачтовые деревья; попеньщины брал хорошие, работа посильная, не постылая, денежки горячие: что дерево представишь, то подставляй кошель – и отсчитывают; сбежала, повторяю, у этого мужика лошадь. Мужик побегал, поахал: чем бы идти по дальним уходам, да по горячим следам, опятнывать²⁵³ ее, мужик наш с горя пошел к соседям советоваться об лошади: «как скажешь, Иван, другой день коня во дворе нет; надобно деревья вывозить по подряду, да без лошади куда попал, не на себе повезешь!» Тут поведутся разговоры, рассказы и кончится тем, что Иван посоветует ему подать в приказ объявление о потере.

– Как же, Иван, пока ходят по разным местам бумаги-то, куда я без лошади-то, а ведь это дело не часом повершат!

– Ну, как знаешь!

Наговорившись с ним, мужичок отправляется к другому соседу – Фоме: опять та же история, смотрит мужик – и день к вечеру: «куда теперь пойдешь, на половине дороги отемнешь!» Придет мужик в свою избу, а там жена напустится на

---

²⁵³ Опятнать коня – найти сбежавшего коня по его следам на земле: допятнывать, пятнать – идти по направлению конских следов, в надежде найти коня. А.Х.

него: «ходишь, старый, по соседям что тебе взять у соседа? У него из двора силом лошади не выведешь: пошел бы с утра на дальние пожни, как знать, бывает и опятнал бы где; и мы бы не тужили: на дело пошел!»

Прошло еще дня два, – мужик взвалил на плечи кузов су-харей и пошел за лошадью; отошел он от жила верст восемь, видит: близ дороги, на колоде, сидит мужик, около него винтовка и кузов с хлебом.

– Путь-дорога! Куда снялся, почтенный? спросил мужик с винтовкой.

Мужик наш, обрадованный тем, что встретил человека, которому может высказать горе и который, с участием ли, без участия ли, а выслушает рассказ его о потерявшейся лошади, сложил с плеч кузов и сел подле мужика с винтовкой. Рассказав ему подробно о своем несчастье, он глядел на него, в ожидании ответа.

– Шерстью ворона была, говоришь, сказал незнакомый: – не было ли у ней над правым глазом *проседины*?

– Родимый!..

– Да и ухо правое не с изьянцем ли, не рассечено ли?

– Так и есть, кормилец, рассказал, как прочитал; моя самая, настоящая моя; и проседина над глазом, и ухо рассечено, все, как у живой; как теперь, вот, право, гляжу; не покинь, кормилец, научи, где взять?

– Пойди в согру, что за Дресвянкой, держись направо, орелки (см. это в словаре г. Борисова, в От. Зап.), на средину

не забирайся, сегодня шел я по *путику* и видел ее около того места; убежала, так *следья* (следы) оставила; опятнаешь, доберешься и до самой! сказал мужик и хотел идти.

– Да погоди, дядя, как тебя? За Дресвянкой, говоришь; да погоди же: тем часом в деревне не будешь, хоть табаком на нюхаю. Словоохотливый мужичок вынул из-за пазухи берестяной *пермень*, открыл и подносит незнакомому: «возьми, дядя, сам с ярмарки привез, у знакомого брал; за Друсвянкой, говоришь, а лошадь-то была, без хвоста скажу, на всю волость!» Незнакомый взял из берестяной табакерки, понюхал, простился с мужиком и пошел к жилу, а мужик все еще стоял и хвалил табак, табакерку и лошадь; наконец, и тот отправился по дороге.

Прошел мужик Дресвянку, приблизился к согре – лошади нет; пошел дальше в согру, глядит: – мелькнуло что-то между деревьями, подходит ближе: «вот куда леший занес, проклятую! Птру, птру!..» кричит он, увидев и опознав свою вороную, – куда! Лошадь вертится и скачет по согре, как по *беломоху*: подпустит его к себе на сажень и скакнет в сторону, потом, будто играя, пойдит ступью; мужик, раздосадованный неудачею, направится за нею, вот, кажется, у рук, вот и схватил: «ну, слава Богу...» смотрит: ни лошади, ни согры; он один ползет к медвежьему *слонцу*; одно робкое движение и – он собьет настороженные палочки, и толстые кряжи рухнут на него всею тяжестью. Отполз мужик от ловушки, смотрит вдаль, за рекой большая деревня, из труб поднимается

дым, утро, а перед ним вертится доброжелатель-незнакомец, и нюхает табак, и сверкает глазами, и скалит зубы.

Крестьянин в лесу ночью не посмеет свистнуть: этим свистом он боится разбудить спящего лешего. Проснувшись от свиста мужика, он спешит откликнуться ему. Если страшный свист лешего послышался с запада, напуганный мужик, разумеется, идет в противную сторону; прошедши версты полторы, в мертвой тишине ночи слышит около себя этот вещий, оглушающий свист; вдосталь уничтоженный, он продолжает плутать по лесу до тех пор, пока не зайдет в место, совершенно незнакомое ему; тогда, достигнув цели, леший идет в избушку и уже крестьянин слышит не свист, а громкий, перекатный хохот.

Леший, проснувшись утром, заранее назначает какую-нибудь лесную избушку местом своего будущего ночлега; если охотник-промышленник прежде его займет эту отмеченную лешим избушку, тогда леший, ошибившийся в расчете, начинает *мутить* над мужиком, в надежде выгнать его из избы: он то ветром пройдет над избушкой и пошатнет ее хилую кровлю, то, выдернув дверь, метнет ее далеко в лес, то забуровит водою в реке, дунет ветром, потряхнет лесом и поднимет такой шум, какого бедному промышленнику, oprичь этого случая, и не слыхивать бы веком. Если мужик, совершенно потерявшись, струсит до такой степени, что даже не в состоянии будет убежать из этой проклятой избы, тогда он счастлив: леший, вдоволь натешившись над ним и видя же-

лания свои выгнать его из избы не сбывшимися, отправляется, раздосадованный, на другой ночлег. Если же более смелый охотник захочет во что бы то ни стало оставить нечистую избушку, он или заблудится, или утонет, заведенный лешим в озеро, где его принимает с рук на руки друг и побратим лешего – водяной.

Между здешними черношерстыми собаками есть такие, которые имеют над каждым глазом по белому пятну; расположение этих пятен относительно одно другого, довольно правильно. Пятна эти крестьяне зовут *другими глазами*, а собак, имеющих над глазами эти пятна – *двоглазками*. Поверье говорит о них, что настоящими глазами они видят предметы, всем нами видимые, вещественные; глазами же пятнами видят «неприятную силу». Некоторые из здешних лесников, более других напуганные «неприятной силой», имеют совершенное отвращение от собак – двоглазков, и как бы они ни были полезны в охоте, он из одного страха не согласится промышлять с *двоглазкой*. Эти собаки у мужиков слынут *ретивыми*. Если кто-нибудь, ночуя с собакой-двоглазкой в станке, услышит, без видимых причин, внезапное ворчанье ее, он спешит унять ее, боясь дальнейшим ворчанием собаки раздражить присутствующего здесь лешего; он, по рассказам мужиков, не терпит лая собак вообще, и собак-двоглазков в особенности. Мужик, дружный с лешим, пошел с соседями на свадьбу: там был он зауряд дружки; на свадьбе, как водится, подпили, подгуляли и вечером веселые отправи-

лись по домам. Пьяный дружка захотел своим умением похвастать перед товарищами: «ребята, чего мы не видали идти пешком, лучше поедем!» Отошел в сторону, свистнул и колымага, запряженная четверкой породистых лошадей, мчится к ним по дороге; гайдуки соскочили с запяток и с поклонами приглашают пьяных мужиков в экипаж. Те, разумеется, перепугались; дружка снова свистнул: колымага, лошади и гайдуки – все пропало! Идут мужики вперед по дороге. Дружка снова захотел подшутить над товарищами: «показать ли вам, ребята, куклу? За посмотренье недорого, завтра утром купите полуштоф на опохмелку!» Мужики переглянулись, не успели перемолвиться, глядят: на красной полосе гаснувшей зари отпечаталась пред ними огромная, темная, движущаяся фигура человека; фигура эта, или, как ее назвал дружка, кукла, приближалась к ним; вот она уже близко, уже ясно различают мужики движение глаз и мускулов этого огромного лица; она остановилась: одну руку положила на вершину лиственницы, а другая висит в натуральном положении. *Мертво* испуганные, они упали без движения на дорогу; поутру просыпаются, глядь: колдуна нет между ними; тут только они вспомнили вчерашние фокусы дружки. Осмотревшись, они увидели, как он висит на той лиственнице, на которую леший-кукла накладывал руку. Оправдались слова лешего: «если ты меня призовешь и при товарищах, я покажусь, только спасибо тебе за это не дам: наведет волюшка на неволю!» Вот как опасно шутить дружбой этого

владыки лесов.

Крестьянин, дружный с лешим, уважается между своими собратами; всякий, кто потеряет корову, лошадь, идет к нему с поклоном, разумеется, взяв с собою предварительно несколько денег, которые и отдает колдуну, с просьбою вернее показать место, на котором можно отыскать пропавшую. Найдет свороб, найдешь и когти. Тут открывается широкое поле обманов, плутовства, которыми опутывают деревенские маги своих собратьев: но должно заметить, что как бы ни были грубы обманы знахаря, он всегда найдет случай оправдать себя, и всегда вина будет на стороне простака-просителя.

Леший весьма высоко ценит услуги свои: заставить попусту пробегать его несколько десятков верст, значит раздражить его.

Мужик приказал лешему пригнать под окно лесной избышки стадо лисиц; исполнитель отправился, а мужик той порой поджидал к себе жену, которая должна была прийти к нему в эту пору с хлебом из деревни. Дождался мужик жены: сидят оба в избе и беседуют о домашнем. Вдруг под окном избы раздалось: «стреляй!» Мужик с женою посмотрели: под окном штук десятка три лисиц и между ними несколько отменных, чернобурых.

«Стреляй, не то убью!» закричал голос.

Испуганный мужик бросился от окна; жена его, более смелая, машинально спустила курок винтовки, и три подстре-

ленные лисицы завертелись. Леший доволен: труды его не пропали даром. Если б и жена, подобно мужику, струсила от угрозы, леший задавил бы его.

Вот все, что говорят здесь о лешем.

Водяной в здешней демонологии играет самую мелкую, незначительную роль, Мужики представляют его себе холостым стариком-домохозяином. Всякий водяной имеет у себя стада лошадей, коров, которых изредка ночью выгоняет для паствы на смежные луга; мужик, увидев это, спешит за добра ума убраться в избу; в противном случае, водяной завербует его пастухом своего стада.

Некоторые омуты в речках и озерах крестьяне называют темными; это, по рассказам их, те самые омуты, в которых живут водяные и переплыть кому-нибудь это место в реке значит рискнуть.

Если труп утонувшего чрез несколько времени будет вытасен посинелым, раздутым и вообще безобразным, крестьяне говорят, что это водяной подменил крещеного человека безобразным «обменом», а тело взял к себе, и всякий пренебрегает трупом утонувшего, а жалеет того человека, который, по их понятию, остался у водяного.

Рассказывают анекдот об одной утонувшей девушке; она, в продолжение нескольких лет, жила с водяным. Однажды, в ясный, летний день, подплыв к берегу, она услышала колокольный звон, свет солнца, зелень берегов, цвет неба; все это живо пробудило в ней воспоминание о том времени, когда

и она могла свободно топтать эту зелень лугов, без боязни войти в Божью церковь. Грустная, поплыла она в чертоги водяного и плачет, и проситися из воды посмотреть, как живут люди. Водяной отказал, утешил ее и – все забыто.

Снова, в солнечный день, подплыла она к берегу: тот же церковный звон, то же солнце сверкает в листьях березняка, тот же стоголосный гул насекомых. Опять, рыдающая, приплыла она к водяному и снова отказ с крепким наказом не подплывать к берегу.

В третий раз подплыв к берегу, она не утерпела; выскочила на берег, и, опознав разные места, пустилась к отцу. Дома ее не признавали и дичились: «побеги от нас, мы тебя не знаем: дочь наша давно утонула».

Вечером одного дня возвращалась она от священника по берегу в деревню; выпрянувший из воды водяной схватил ее и через два дня мужики стояли около безобразного трупа, выкинутого волнами на берег, и разговаривали про чудесное возвращение и про скорую смерть утонувшей, а река шумела и волновалась в берегах: это водяной тосковал и плакал о невозвратной потере своей подруги.

В Петровском Правлении есть деревня; крестьяне зовут ее Монастырем; выстроена она на берегу озера, имеющего в окружности версты две. Рассказывают, что давно тому мужики этой деревни, неводя рыбу, вытащили из озера сетью ребенка; ребенок резвился играл, когда опускали его в воду и плакал, томился, если вносили его в избу. Мужик-ры-

болов, поймавший ребенка, сказал ему однажды: «слушай, мальчик, больше тебя томить я не буду, пушу к отцу в озеро, только послужи и ты мне: я по вечеру расставлю сети, наго-ни, дружок, в них побольше рыбы». Ребенок, сидевший на шестке, задрожал и глазки его засверкали.

Мужик расставил крепкие сети на озере, посадил ребенка в ушат и вынесши на берег, бросил в воду.

Поутру приходит мужик осматривать сеть: полна рыбы! Мужичок обогатился рыбной ловлей.

Водяной, так же как и леший, гневается на того, кто ночью свистом побеспокоит его сон; если свистящий плывет в лодке, он опрокидывает лодку и увлекает пловца на дно; если он идет по берегу, водяной хватает его с берега. Здешний крестьянин боится купаться после заката солнца: «*какое теперь купанье, теперь водяной зажил*», самым опасным временем для купанья здешние мужики считают неделю пред праздником Илии пророка: рассказывают, что в это время водяной ищет себе жертв и разве отчаяннейший мужик решится купаться на ильинской неделе.

Некоторые из мужиков, проснувшись ночью от жажды, не позволят себе до *вставальной* поры утолить ее. Начало этого предубеждения следующее: мужик думает, что если он, *ночью*, выпьет ковш воды, то должен будет поплатиться за это здоровьем; он не потому опасается ночью пить воду, что она в состоянии испортить его медный желудок, нет, он этого не думает; настоящая причина страха его – какая-то темная, са-

мому ему непонятная дума об этой воде... «Как я стану пить воду ночью, может, с этим питьем прильнет ко мне *красная* (водяная)! «Вот, по их верованию, корень водяной болезни. Смотря на одержимого водяною, мужичок самоуверенно говорит: „верно испил ночью, не благословясь, мудро пособлять“. Покачает головой и пойдет.

Кстати о болезнях: знаете ли вы, что такое болезни во сне у человека и скота? Здешние мужики говорят, что всякий человек бывает одержим во сне различными болезнями: водяные, горячки лихорадки и все эти легкие болести необходимо должен претерпеть всякий из людей, как наказание Божие, за грехи наши. Но Бог, по милосердию своему, посылает эти болезни человеку во время сна и если кто-нибудь претерпевая во сне недуг, будет разбужен прежде окончания его, тогда разбуженный делается болен тою болезнью, которая посетила его во сне и которая необходимо кончилась бы, если б больной проснулся сам. Веря этому, крестьяне боятся будить на заре собратьев своих; если же какая-нибудь необходимость заставит непременно разбудить спящего, тогда они с величайшею осторожностью начинают его беспокоить, как будто тем самым желают ускорить действие воображаемой болезни и привести ее к благополучному концу.

Водяной, по рассказам мужиков, иногда любит пошутить.

Мужики деревни Заватья рассказывают, как они ежедневно, в продолжение двух недель, были свидетелями игры водяного. Смотрят на реку: тихо; вдруг вода заклубится, запе-

нится и из нее выскочит что-то такое, чего нельзя назвать ни человеком, ни рыбой, чудо скроется и опять все тихо, а в полверсте от того места клубится и пенится вода и выскакивает опять то же чудо. Мужики хотели поймать в сети эту чудную рыбу, но какой-то *бывальи́й* старик, бывший свидетелем этого, отговорил их пускаться на такое смелое дело.

Два мужика *лучат* рыбу. Один, стоящий в носу с острогою, снял шапку, перекрестился набожно и махнул товарищу рукою грести от этого места прочь. Когда они отплыли с полверсты от места, носовой, обращаясь к гребцу, спросил:

– Видел?

– Нет. А что?

– Да разве не видел человека: лежит на дне, и руки распустил; не мертвое тело – шевелится! Кому быть, oprичь водяного!

Пришли мужички в деревню: «видели водяного, в озере нечисто» и рассказам нет конца.

Дня через два, некоторые из рыболовов посмелее, отправились досматривать чудо. Носовой, увидя что-то, действительно похожее на человека, лежащее на глубине двух сажен, сильно *тял* острогою. На остроге необычайная тяжесть, вынули, смотрят; огромная щука²⁵⁴ держит в зубах лебедя. Плывшего лебедя она схватила зубами и, после упорной с обеих сторон борьбы, обессилевшая, она, наконец, упала на

---

²⁵⁴ Это был. Кому неизвестна щука-исполин, пойманная когда-то в одном из множества озер Сийского монастыря св. Антония. А.Х.

дно; а распущенные крылья лебедя в легко волнующейся воде, при свете огня, показались мужикам за движущиеся руки человека. Вот и все!

<...>

Гуменники живут в гумнах, *банники* в банях. О них так редко говорят мужики и все, что говорят они, так противоречит одно другому, что и писать об этом, по-моему, не должно бы. Про *гуменника* говорят, что он мужику, дружному с ним, заправляет, Бог весть откуда, хлеб, так что мужик в течение зимы и весны, не прибегая к купле, сам еще продает лишний хлеб на базарах; говорят, что он в своем владении, в гумне, не любит *ночлежников* и ни один благоразумный мужик не согласится один ночевать в овине, боясь быть задавленным. Покорное слово, как мы видели из рассказа про мужика, скрывшегося от еретика в овине, приятно и любо ему.

Про *банника* говорят, что он не любит того, кто позднее двенадцати часов ночи моется в бане; если этот моющийся один в бане, то банник убивает его камнем; в противном случае он выжидает случая, когда тот один будет мыться после двенадцати часов. Вообще, нужно заметить, что здешние крестьяне весьма боятся слишком поздно оставаться наедине в банях. Иногда *банник* любит подшутить над женщинами: ужасное храпенье, вой за каменкой, или хохот и свист внезапно выгоняют их с воплем и визгом из бани, в одежде прародителей до грехопадения.

Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии.²⁵⁵ П. С. Ефименко

<...>

Народ сильно уверен в существовании духов в человеческом образе.

По понятиям жителей здешних, черт является и исчезает невидимо.

От верования в чертей – жители имеют ужасную боязнь, не только от призраков, но и от рассказов.

Суеверие в демонов поддерживают лубочные, нецензурованные картины: страшного суда, с огненными змеями, драконами, геенами, сковородами, огнем, с изображением чертей и сатаны; также картины с изображениями искушений святых злыми духами в лицах. Такие картины охотно покупаются на ярмарках. Да их и привозят очень много, и продаются они очень дешево. В редком доме нельзя увидеть подобных картин.

Жители верят в чертей: *домового, байнушка, овинушка, гуменного, водяного, лесного*. Под такими же названиями, по народным повериям, водятся: *домовихи, байниччи, овинниччи-*

---

²⁵⁵ Известия Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии. Т. XXX, Труды этнографического отдела, кн. V. М., 1877, вып. 1, (ч. 1), с. 163–166, 186, 188, 189, 193–194, 196.

хи, водянники, лешачихи.

Из таких верований можно заключить, что значит у чертей есть и семейства; из рассказов уже видно, что выдают лешачих с ребятами.

Общий образ чертей обозначается: человеческий вид, весь покрыт мохнатой шерстью, на голове рога, назади хвост, у пальцев когти.

Чертаться или *лешкаться*, т. е. упоминать слова: черт, леший, водяной и пр. почитается великим грехом и *притча-ми болезней*. При произношении слова «черт», многие крестятся, а когда в ругани говорят *черт с тобой* или *леший тебя возьми* – другой отплевывается.

Лучше скверное слово сказать, чем лешего поминать, который везде льнет.

От того-то, из боязни, и верят, что если не оградишь крестом при позеве рта, то вселится нечистый дух и будет мучить.

Сверх верования в названных чертей жители верят:

1. *В оборотней*, т. е. что злой дух превращается в животных: кошку, собаку, и лесного зверя и исчезает невидимо. От этого и происходит: если кошка, собака, крыса или мышь что-нибудь *обнюхала*, так то уже *поганое*, и потому все находится в *заперти*. Также, если подержать что-либо съестное пред кошкою или собакою, в отдалении от их морд – того нельзя есть самому человеку, потому что оно осквернилось.

2. *В ведьм*, что будто бы они могут принимать на себя вид

животных: кошки, волка и др. Ведьм почитают хитрыми и злыми. Слово *ведьма* употребляется в брани в применении к злым женам.

Орудиями против нечистой силы у крестьян служат:

а) *Крест*. Кресты ставят в избах, над окнами, над воротами, над дверями, на разных местах: около дорог, при въездах, по краям улиц, на перекрестках, на пожнях, на высоких берегах, над могилами и пр. Крест на гайтане носят жители на шеях, начиная с детства до – смерти; такое распятие на груди иногда называют *чертогоном*. Крест с кружком наклепляют на праздничном или свадебном пироге; это принято в обыкновение даже и образованными людьми. Крестом ограждают себя в различных случаях: при порыве, при произношении слова черт, при испуге и т. под. О кресте, в старинной рукописи (отосланной мною в Губернский Статистический Комитет) написано так: «Крест – хранитель всей вселенной, крест – красота церковная, крест – царем держава, крест – верным утверждение, крест – ангелом слава, крест – бесом язва» (См. заклинания).

б) *Талисманы*. Они зашиваются в тряпках, в мешочках, или в костяных пуговицах, пришиваемых на один гайтан с крестом на шею; талисманы даются родителями детям тогда еще, когда бывает первое возложение креста на шею ребенка. – Талисманы эти будто бы ограждают от всякой порчи в здоровье человека, с которой непременно связано участие *нечистой силы*.

в) *Пояс*. Он считается и теперь священным предметом и талисманом против нечистой силы и не снимается ни днем, ни ночью, исключая тех случаев, когда нужно идти мыться в баню. Говорят, что еще лучше носить около живота, вместо тесемчатого пояса, вязанные сеточки, так как из ниток их вызываемы бывают молитвы.

г) *Головня*. Головня и теперь, по верованию жителей, имеет силу против дьявола. Ее носят по полям пред севом хлебов. Головню очертываются при гаданиях на расстаньях; черти не могут перейти черты круга.

д) *Пастушеская палка*. Она и теперь имеет то значение, что если перебросить ее через скотину – она не будет уходить от дому далеко, куда уводит леший.

е) *Молния*. О силе ее сообщено ранее.

ж) *Звон* (звук) колоколов. Заслышав звон церковных колоколов, дьявол бежит прочь от человека. Замечают еще, что если выйти из дому, войти в него, кончить что-либо в самое начало звона – есть предвестие добра.

з) *Пение петуха*. Если петух запоет ранее полуночи, т. е. ранее обыкновенного, то значит, что он видит дьявола и пением своим прогоняет его.

и) *Иконы*. Их вносят в дома и обносят вокруг деревень, чтобы отогнать злых духов. Священники окропляют водою в домах и на улицах тоже для того.

Леший. Тот же дьявол, называется еще *лесным*, *лесовиком*, *лешаком* и *полевиком*.

Леший – хозяин лесов. Он живет в лесной труппе и непроходимой чаще.

Раздается по лесу эхо, т. е. отдается голос на голос, значит *откликается леший*.

Народ верит, что если человек сбился с известного пути, то значит *его обвел леший*; он будто бы затмевает память.

Леший похож на человека.

Он старается лишить путешественника разума и ввести его в заблуждение.

Леший показывается иногда выше леса.

Обманув человека, леший хлопает в ладоши и громко смеется.

Говорят, что заплутавшегося человека *зверь не тронет* потому, что его охраняет *леший*, которому *захотелось пошутить*. Чтобы избавиться от блужданий, заплутавший должен выворотить свое платье и надеть его на изнанку.

Леший – злой. Он садится в сани к проезжающим, особенно к пьяному ямщику, правит лошадьми и завозит туда, откуда трудно выдраться. Или когда промышленники находятся в промысловых избушках, приходит к ним посмотреть, и если ему не понравится там, ломает, бьет что попало и шутит.

Что леший гонит зверей – и теперь в то веруют. Так, если появляется много рыщущих волков – значит *волк идет на войну, а леший потешается*.

Рассказ о лешем (подлинные слова): «Человек около ше-

сти или семи собирали на лесном болоте, знаете, ягоды; все были мужики, нужно знать. Собирали они долго и набрали ягод множество, а время стало эдак на сумерках. Черту жалко что ли стало, вот он и явился. Так таки человек да и только, худо и различить, но уж большой и в каком-то красном невиданном наряде. Он не шел, а ехал на вороном большущем коне, да и очень скоро. Но, только поровнялся с огородами, не поехал ведь в ворота, а они были отперты, – отворотил и конь перескочил через огороду, знать потому, что пораньше немножко проехал старый старикашка, тутошний крестьянин, да перед самыми воротами перекрестился, – был он, знаешь ли, больно набожной».

Злых духов боятся особенно ночью.

Запаху ладана приписывают силу отгонять духов. Вследствие этого и курят ладан в известные дни, случаи и праздники, нося курящиеся кадила по всем комнатам и в сени.

Домовой еще называется *дворовиком*, *хозяйнушкой* и *дедкой*.

Нет дома без него, без его призора и ухода.

Он не считается злым. Он делает хозяйствам пользу в несчастьях.

Домовой дает знать о каком-нибудь счастливом или несчастном приключении тем, что давит кого-нибудь из односемьян во время ночного сна. – Он если любит хозяина:

1) Ложится на грудь поперек длины человека, давит и душил так, что тот не может поворотиться (это – кашемар, бо-

лезнь); чтобы узнать – о предстоящей ли радости или печали извещает домовой, нужно спросить домового *к добру или худу он давит*, или же можно узнать потому, теплый или холодный он: теплый – к радости, а холодный – к худу.

2) Извещает так: если на подволоке, амбаре или хлеву будет реветь хозяйнушко, то он этим дает знать, что в доме приключится несчастье.

3) Перед бедою: перед пожаром, перед смертью извещает тем, что будит хозяина ночью своим воем или сильно ущипнет.

4) Кого любит, тому дворовик навивает ночью на голове и в бороде кины (косы) из волосьев, так что их не расплетешь.

Домовой смотрит за хозяйским скотом. Которое животное любит хозяйнушко, то бывает здорово, гладко, чисто, – тому он навивает в гриве *космы* (тоже косы). Но когда свистят *в жилой хоромине*, чего не любит *домовой хозяин*, случается, что и любимая скотина заболевает; значит, что хозяйнушко откладывает попечение о ней. Когда домовой не любит домашнюю скотину, например лошадь – гоняет ее по двору всю ночь, так что она потеет и фыркает; у ней он крадет корм и подкладывает его той, которая *ко двору*; последняя ежедневно жиреет, а первая постепенно чахнет, и напоследок остается только одна кожа да кости и, наконец, умирает.

Еще есть поверие, что лошадей *заговаривают*, так что хотя купивший ее жил за 300 верст, она прибежит к старому

хозяину, пренебрегая всякими опасностями. Веруя в это, покупающий старается через знахаря снять с лошади уход.

Но есть особого рода нечистая сила, вселяющаяся в дома, называемая *нежить* (злой дух).

Народ думает, что черти всего более обретаются в пустых, нежилых домах, особенно в тех, в которых случились несчастные случаи, как-то убийство, повесившиеся; говорят, что в них *пугает*. Но есть и такие дома, мимо которых в темное время боятся ходить многие. Да и вообще, воображение суеверит наиболее среди темноты и тишины.

Жители также думают, что плотники имеют секрет в постройке, т. е. могут построить здание к худу и к хорошему, как им захочется. Так чтоб закласть дом *начью-нибудьголову*, т. е. чтоб кто-нибудь умер из хозяев нового дома, стоит зодчему только поставить кверху комлем то дерево, которое считается в основании дома *главным*.

Замечают, что если в доме нередко бывают покойники, тот дом несчастный, в нем пребывает *нежить*, хозяйнушко не любит живущих. В таком доме опасаются жить.

Если по ночам кто-нибудь постукивает на чердаке, то думают, что в доме *завозилась нежить*. Это же означает, что *домовой* выгоняет жильца из дому, что уже нет больше жиры.

Когда появится в доме много крыс и мышей – квартирант не уживается долго в нем. Это тоже означает, что *напущенная* тварь домовым выживает жильцов.

Байнушко. Бани совершенно считаются нечистыми здани-

ями. Но ходить в баню мыться должен всякий. Кто не моется в них, тот не считается добрым человеком.

В бане не бывает икон и не делается крестов.

С крестом и поясом не ходят в баню, они снимаются и оставляются в домах. То же делается женщинами пред мытьем полов.

Да и вообще все, из чего моются, считается нечистым: та-зы, кадки, ушаты, шайки, ковши в банях.

Пить в бане воды, приготовленной для мытья, хотя бы она была чистая – нельзя. Также вода в рукомойниках почитается нечистой и ею нельзя даже выполаскивать посуду, а не только что пить.

Говорят, что если есть охота увидеть черта в бане, надо зайти в нее в ночное время и, заступив одной ногою за порог, скинуть с шеи крест и положить его под пяту ноги. Жители не ходят в баню в *третий пар*, т. е. после двух раз мытья безвыходно после каждого приготовления бани, потому что третий пар оставляется *байнушку*, который будто бы тоже и моется, и парится. Иные оставляют для этого воду и веники.

В бане нельзя стучать и говорить громко. Иначе, байнушка рассердится и напугает.

По выходе из бани благодарят так: «*спасибо те, байнушко, на парной байночке*».

Баня называется испорченно *байною*.

Водяной, такой же черный и мохнатый, как и леший. Водяниха имеет большие отвислые груди и длинные волосы.

Рассказывают, что многие видели, как водяника выходит на камень расчесывать длинные волосы свои.

Водяной живет в глубочайших ямах, в озерах или реках. Над теми ямами *вертит воду*. Такие места называются *чертовыми домовищами*. Следственно водяной живет домом, т. е. имеет семейство.

Водяника из воды выходит нагою в полночь и садится на камень; тут она расчесывает свои волосы большим гребнем.

Народ верит, что утонувший утонул не сам собой, нечаянно постигнув смертью, а *стащил его водяной*. Говорят, что и тонут люди более там, где есть домовища. Водяной сперва утягивает человека в воду, потом *заверчивает* до смерти. Иногда же всовывает в хворост, в верши, под камень, сдирает кожу, свертывает голову и т. под. В конец же всего, *натешившись*, водяной выбрасывает мертвого.

Народ представляет изуродования предсмертной агонией утопленника в истерзании водяным.

Водяной играет, т. е. дурачится более летом в Ивановскую и Ильинскую недели. Тогда он *ради шутки*, – ждет всяческих жертв.

Доказывают, что случаи утонутья больше всякого времени случаются в эти недели.

В старину, в случае бури, для умилоствления, бросали людей по жребию. Ныне этот суеверный обычай заменили *перечетом* известных *плешивых*, число их означают зарубками на палочке, и палочку эту с припевом бросают в реку или

озеро, где застигла буря.

Баба-яга. О ней водится в народе следующая *перегудка* (прибаутка).

Баба-яга,
Поротая нога,
Она спит, пердит,
Колесом вертит, —
Лишь пуговицы рвутся,
Прорехи дерутся.

Баба-яга почитается воровкою детей, поэтому и пугают детей: «у! у! хам-те ..... баба-то яга ..... схватит ..... подико, поди ..... вот она, тут и есть за дверями». Или путают ребят и просто *букою*, ее считают черною, оборванною женщиною; — у молдаван же *букою* называются полевые крысы (Северная Почта № 117. 1862 г.)

Малороссийскую пословицу: баба да черт, то собе ридня, — здесь заменяет пословица: *муж да жена — одна сатана.*

<...>

Вихрь-черт. Вихрь — есть нечистая сила, которая, увидевши, что поднимается гроза, бежит от нее дальше, чтобы не поразила стрела. Желающий видеть нечистую силу — вихрь, как учат старики и старухи малых детей, должны, снявши с себя крест, смотреть в наклонном положении меж ног. Смотрящие таким образом, будто бы, видели вихрь в виде огромнейшего человека, машущего руками и бегущего *как мог* ....

Эхо – отклик нечистой силы – в лесу лешего, около домов – домового, около бань – банника или банного, мельницы – мельника, овинов – овинника.

Видения. Блазнит и чудится – происходит также от нечистой силы и есть предсказание чего-либо будущего. Между ними различия почти не существует в народе. Преимущественно блазнит и чудится народу с Николина дня (6 декабря) до Крещения (6 января), так как в этот промежуток времени сатана повелевает своим слугам ходить по земле и предсказывать людям их судьбу, чтобы больше и лучше любил их народ.

<...>

О духе нечистом народ говорит то, что он, как дьявол, – некрасивый, черный, с рогами, когтями и хвостом; ростом выше лесин, пугает людей криком и рукоплесканием – это леший; черный, с длинными волосами, играет с себе подобными в карты, и, если проиграется, дерется с обыгравшим его, засыпает его жилище песком, и берет скот – это черт. Нечистые духи, по мнению народа, обитают в лесах, реках, домах, банях, овинах, полях и друг. местах, от которых они и носят свое название, напр. нечистый дух, живущий в лесу, называется лешим и лешаком; в воде – водяным и чертом; в бане – банником, в овине – овинником. Все эти нечистые духи выдаются народом, что видно из рассказов не старух, или малых детей, но людей здравомыслящих. Слышал я рассказ о видении черта и его скота. В Тугласском приходе про-

текает речка Туглас, от которой приход получил свое название. Выше от прихода по реке Тугласу есть мельница, принадлежащая крестьянину Ивану Гагарину. У этой мукомольни год назад крестьянин села Кузьминского, теперь умерший, Алексей Скорняков видел целое стадо бурого скота, пасомого самим чертом – человеком толстым, с длинными черными, как смола, волосами. Только что черт заметил этого крестьянина, очень скоро начал гонять скот в воду. Через несколько минут стадо бурого скота и черт скрылись в воде. – Разница между чертом, бесом, сатаной, дьяволом, лешим и другими та, что черт и леший не искушают людей; а бес или дьявол, по приказанию начальника своего, сатаны, прилетают в мир для искушения рода человеческого и делания ему разных пакостей. Все означенные нечистые духи прогнаны с неба Архангелом Михаилом за восстание против Бога; они имеют способность производить детей, почему народ верит, что у всех нечистых духов есть жены, которые называются – чертихой, лешухой, дьяволицей; а дети – чертенки, лешенки, дьяволенки и бесенки.

К категории нечистых духов принадлежат – Яга-Баба, Полудница, или Ржица. Яга-баба – нечистая сила женского пола, не имеющая мужа, ростом большая, собой столь корпусна, что, как говорится в сказках, сидит в избе на печном столбе, ноги на лавках, груди на полках, голова на кожухе; ездит в ступах и пожирает людей. – Полудница есть та же Ржица. Ржицею называется потому, что живет во ржи; а полудницею

– ходит во ржи в полдень ..... Рок и судьба одно имеют значение у народа, а понятия об них народ решительно не имеет никакого .....

<...>

Поверье об огненных змеях в народе есть такого рода, что были они когда-то и жили не на земле, а над землей в своих царствах. Поверье это вошло в народ и поддерживается в настоящее время посредством сказок, в которых огненные змеи изображаются царями подземных царств, выходящими на землю для хватания только и пожирания людей.

<...>

О суевериях и предрассудках народа в Курейско-Сергиевском приходе, Холмог. уезда.

Трудно обозреть все многообразные виды суеверия и предрассудков у народа. – По понятию его, вся природа, все стихии и явления ее олицетворяются в живых образах – существах, и имеют непосредственное, роковое влияние на судьбу человека, в руках которых находится счастье и горе людей. Каждое из этих таинственных существ, называемых духами, имеет свою определенную сферу действия и влияния. А потому народ верует в различных духов, и куда бы ни пошел, в поле, в лес, к реке, к озеру или на гору, – везде воображению его представляются эти невидимые мифические существа, от которых он не может никуда уйти. Веря в могучую силу этих мифических существ и боясь гнева их, суеверный народ всегда старается не раздражать их, уго-

дить им, умилоствивить их, и чувствует их поклонами и, пожалуй, курением. Так, построил хозяин дом, и при входе в него накрывает стол, и раскланивается во все четыре угла с произношением слов: «хозяинушко господин, прими нас на богатый двор, на бытѣе, на житѣе, на богачество». И когда нравятся хозяинушку жильцы дома, – все обстоит благополучно, хозяинушко смирен, его не видать, не слышать; а когда жильцы не нравятся, тогда он застучит, загремит в сенях, покоях, на чердаках (говорят: завязалась нежить – нечистая сила), и выживает хозяев из дома. Быть скоро беде в доме, – хозяинушко заревет на подволоке, в амбаре, в хлеву.

Купил хозяин скотину (коня, корову) и при вводе во двор приговаривает «мохнатой зверь на богатой двор; пой, корми, хозяинушко, рукавичкой гладь». И смотрит: если скотина тогда не гладка, то не ко двору, – хозяинушку не любя, и старается скорее, хотя бы за полцены, продать ее.

Моется хозяин в бане: остерегается громко стучать и говорить, чтобы не оскорбить байнушка, и не навлечь на себя неприятностей и гнева его; вымывшись, оставляет ему веник и воду, чтобы он попарился и помылся. По выходе же из бани благодарит: «спасибо тебе, байнушко, на парной баничке».

Купается хозяин в реке: боится хозяинушка вод (водяного), которого он видел в реке со всем его семейством играющим на воде, расчесывающим длинные волосы и проч.; в Ивановскую и Ильинскую недели ни за что не будет купаться в реке, потому что тогда играет водяной и жаждет всяче-

ской жертвы.

Зашел хозяин в лес: в чаще его видит жилище духа лесов (лешего), остерегается громко смеяться и особенно свистать, чтобы не раздражить этого сильного-могучего богатыря, который чрез реки и озера шагает, и, в гневе, все, что попадает ему на дороге, ломает и уносит; при вихре говорят: «леший идет».

Идет хозяин из гостей и сбился с пути-дороги, вместо «Соломбалы» очутился у городской заставы, говорит: «леший пошутил».

Собирается хозяин хлеб молотить, скромно метет овин и курит в нем ладаном для умилоствления хозяинушка гугменного.

И этих мифических духов хозяин видит и во сне, и наяву, и всегда гадает о милости или гневе их.

Сбились в клок волосы в бороде или голове; это дело хозяинушка, – знак любви его.

Улегся спать хозяин, и что-то душит его (чрез необычайное нажимание на грудь); этим способом хозяинушка извещает о предстоящей ему (хозяину) радости или печали, и если домовый – теплый, то будет радость, если холодный – к богатству, а голый – к бедности.

Ночью при входе на поветь (сенник) видит в сарафане своей жены хозяинушка, который кормит и холит его чернуху, и морит пеструху (корову), или поутру во дворе находит своего бурка (коня) всего мокрого в пене, и верит, что всю ночь

хозяинушко мучил его.

Расскажет: «у такого-то хозяина бывало хозяинушко по ночам поил скот, и на себе возил воду, а однажды, в гнев на хозяина, передалил весь скот».

– «В бане с бабы, которая бранила и посылала своих детей к черту, байнушко сорвал кожу с ног до головы».

– «Годов пятнадцать назад, водяной три дня поутру и по-вечеру гилил (играл) в реке пред головою нашего Николы».

– «Один леший влюбился в бабу, и от любви так измаялся, что не мог делать ничего, и женился на ней. Старуху Маланью он возил на себе бабить новорожденного у него сына, за труды бабке разделался честно».

– «В прошлом году ходила я в лес по ягоды. Настиг меня мой муженек; собирали мы с ним ягоды в одно место, и пошли домой; вдруг муж мой захохотал, да и прыгнул в лес, а в коробу очутились сосновые шишки».

– «Дядя Андрей срубил жильё лесного (вековую елку), и не рад был; над ним долго гилился леший и провожал его до деревни, а на другой год овин сжег у него».

Подобными этим анекдотами опутан в своей жизни народ, и долго, кажется, не освободится от них. Почти все несчастья в доме, в лесу, в пути и проч. он приписывает шуткам или гневу одного из мифических существ, или известному классу людей, которые, находясь в сообществе с злым духом, приобрели через то волшебную способность, или сверхъестественное искусство, при произнесении некоторых слов

и проч., разрушать по произволу имущество и все пожитки человека, расстраивать здоровье его и т. п.; их называют колдунами, знахарями, колдуньями и знахарками.

<...>

Почти все жители Хаврогор не отрицают бытия *леших, домовых, банных, водяных* и других, с назначением местожительства всякому из них в своем, определенном самой природой круге. В предании особенно при собраниях много рассказов передается от одного к другому, и в настоящее время есть очевидцы и испытатели действий над ними самого лешего, который, как выражаются обыкновенно, в такое-то время пошутил надо мною таким-то образом, и начинается рассказ. Более всего шутки лешего осуществляются тогда, когда человек в лесу бывает один. Если случится ему ночевать в лесу в избушке,²⁵⁶ и, войдя в оную, он не спросил позволения у хозяйнушка, то непременно должен встретить пытку за дерзновенный вход, каковая состоит из ворожания крыши на избушке, отверстия дымника, дверей и других беспокойных действий. Но не менее сего леший высказывает свои шутки над человеком, встречаясь с ним в виде знакомого, водит по лесу, занимаясь тем же предметом с ним, оставляет на незнакомом месте, с вихрем и смехом удаляясь, так что весь лес затрещит. Такие же и подобные рассказы есть и о других духах; но домовому дается назва-

---

²⁵⁶ Избушка в лесу строится для промышленников маленькая, без печки, вместо оной каменка; вместить в себя для ночлега может человек пять.

ние дедка: заметится что-либо в доме над скотом, или в доме произойдет беспорядок и нестроение, то говорят и уверены, что над всем этим дедка шутит, или не любит.

Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии.²⁵⁷ Н. Н. Харузин

Если подобных архаизмов мы мало и очень мало находим в юридических воззрениях населения, в его внешней обстановке и быте, то в области верований это не так. Легче было разрушить правовое воззрение, изменить быт, костюм, пищу, ввести в язык массу чуждых населению слов, чем поколебать, ниспровергнуть верования, которыми жила, дышала так много веков Пудожская земля.

Молодое поколение многим из отцовских верований не придает значения; затемняются верования подчас в головах и у средних лет мужиков, но они живы еще и в полной силе среди женского населения уезда. Женщины, более консервативные и в своей одежде, и в своих песнях, оказались таковыми же по отношению и к верованиям. И теперь еще в праздничные дни крестьянка надевает парчевую душегрейку на шелковый сарафан, украшает голову повязкой уни-

---

²⁵⁷ Известия Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии. Т. LXI, Труды этнографического отдела, кн. IX. М., 1889, вып. 1., с. 123–138.

занной жемчугом, на шею нацепляет прабабушкины жемчужные нитки, а в уши вдевает жемчужные серьги. Женщина-пудожанка сохранила и древние верования подобно тому, как она сохранила свой древний костюм и в настоящее время является по-преимуществу носительницей прежнего культа. Этим и объясняется, почему большинство сведений о верованиях мы слышали от крестьянок. Мужское население уезда мало их умело передать нам.

Религиозные верования Пудожских крестьян, взятые в общих чертах, мало чем отличаются от верований большинства населения великорусского племени. Оригинальных, характерных фактов – мы здесь не встретим. Те же великорусские домовые населяют дома, тот же водяной живет в глубине озер, тот же леший пугает и заводит путника в дремучих пудожских лесах. Мало оригинального имеют в себе и представления о молнии; затемнилось, как это мы видим почти повсюду, воззрение на светила. Бедно и как-то невиданно празднуется тут Иванова ночь; в иных местах на Иванову ночь не происходит никакого праздника и т. д. Одним словом, повторяю, эти верования, взятые *в общих чертах*, мало дадут нам новых данных, – данных, которые обогатили бы наши сведения о верованиях великоруссов.

Но и тут по некоторым остаткам мы увидим, что это лишь обломки некогда развитых религиозных представлений, узнаем в них остатки прежнего развитого культа. Эти робкие переживания сохранились в народе так долго, устоя-

ли лучше других в общей ломке, не поддались напору могучей волны новых идей – главным образом потому, что они принаровлены к быту пудожанина, относятся к тем божествам и святым, которые явились населяющими и правящими в той природе, среди которой приходилось преимущественно жить крестьянину этого уезда, бороться для охранения собственной жизни.

Естественно, что и в древние времена культ именно этих святых и божеств должен был более всего развиваться, запечатлеться в умах пудожан и, раз запечатлевшись, устоять, сохраниться все-таки цельнее, чем другие религиозные воззрения, не имеющие такой связи с природой и с главными средствами существования пудожанина.

Пудожский уезд, по крайней мере в северной и северо-восточной частях своих, покрыт лесом, выросшим преимущественно на болотистых низинах и отчасти по вершинам и склонам гор, песчаная почва которых благоприятствует развитию хвойных деревьев. Среди этих дремучих лесов, растянувшихся подчас на десятки и сотни верст, раскинуты, словно зеркала, озера, разнящиеся, как размерами, так и глубиной. По берегам более или менее значительных озер стоят деревни, окаймляющие их словно изгороди.

Если не большинство, то многие из этих деревень (как и урочищ, лежащих на всем протяжении уезда) сохранили несомненно финские имена, как напр.: Кулна-волок, Конза-наволок и т. д. В именах рек и озер, мы также встречаем

явные следы финского языка, напр. Водл-озеро с рекой Водла, река Шала, Сар-озеро, Тяг-озеро и т. п.

В иных местах и самые местные жители помнят, хотя и смутно, свое финское происхождение; так напр. на Водлозере они сами говорят, что одни деревни происходят от Шведов (шведами называют здесь финляндцев), другие от Чуди, а некоторые были заселены беглецами, «ворами и разбойниками» русскими, и положили тем основание русской колонизации. Жители дер. Гость-Наволоок происходят, по словам крестьян, от купцов, гостей, которые приходили торговать сюда и впоследствии остались здесь жить. Другие деревни имеют чисто русское происхождение. К таким относится большинство деревень и поселков, лежащих по берегам Купецкого озера, так наприм.: дер. Авдеевская, Алексеевская, Воробьевка и т. п.

Интересно то, что даже для человека, не занимающегося антропологией, бросается в глаза, что в большинстве селений, носящих финские имена, тип населения носит явные признаки финской расы (так напр., редкость бороды, небольшой рост, белокурость и т. д.) и наоборот в тех деревнях, которые носят русские названия, тип у жителей совершенно другой. Это по преимуществу люди высокого роста, с густой бородой, цвет волос преимущественно темно-русый или черный. Особенно бросается это в глаза, когда направляешься к Купецкому озеру.

Не доезжая 15 верст до последнего, вы проезжаете Саро-

зеро с деревней того же имени. Если б не русский язык, которым говорят сарозеры, можно было бы их принять за несомненных финнов, приезжаете в дер. Авдеевскую и вы чувствуете себя в другой местности. Тип крестьян похож в общем на тип жителей беломорского побережья.

Загнанный в свои леса и дебри пудожанин поддерживает свое существование рыболовством, хлебопашеством и скотоводством. Значение двух первых из этих занятий колеблется по местностям. В иных местах главное занятие крестьянина рыболовство, и хлебопашество отходит до известной степени на второй план; в других, наоборот, хлебопашество является главным занятием, и рыболовство имеет лишь субсидиарное значение. Что всегда идет параллельно – это хлебопашество и скотоводство.

Где более развито хлебопашество, там развивается и скотоводство. Это и понятно: земля у пудожанина очень плоха, она даже при хорошем удобрении не может обеспечить крестьянина на год, а без удобрения почти ничего не дает. Этой неплодородностью и объясняется необходимость иметь больше скота, чтобы как никак, а обрабатывать землю. Неплодородностью земли объясняется также необходимость обращаться к так называемому лядинному, подсечному хозяйству, которое, доставляя местным жителям много трудов и лишений, которые являются подчас невыносимыми даже для привыкшего ко многим невзгодам пудожанина, дает ему все-таки возможность обеспечить себя хлебом на круглый

год.

Итак, борьба с лесом, с бурными озерами поглощает главным образом деятельность крестьянина.

Неудивительно поэтому, что из разрушившихся верований наиболее уцелели те, которые стоят в связи с лесом, с озерами и со скотоводством, как главным подспорьем в хозяйстве крестьянина.

Начну с описания верований, связанных с лесом; верования эти наиболее целно сохранились до сих пор, так как все-таки подсечное хозяйство встречается в разных степенях на *всем* протяжении уезда.

Лесовик, обитатель леса, представляется не одинаково. Обыкновенно, впрочем, он представляется ростом с дерево, является людям то в виде военного, то в виде плохо одетого старика. У лесовика свои собачки, маленькие, пестрые, которых, однако, увидеть не легко. В народном представлении он является то добрым, то злым. То он заводит людей в чащах, держа их у себя по несколько дней, то наоборот оказывает заблудившимся благодеяния. Повстречаться с лесовиковой свадьбой обыкновенно считается опасным. Так, рассказывают в Авдеевской, что один мужик, повстречав лесовикову свадьбу, сделался, по выражению крестьян, «глупеньким»... «Целый вечер, прости Господи, просмеялись над ним, передавала рассказчица: говорит, Бог знает что: Я в окошко пойду, да на Вытегру попаду». Но по мнению других, «лесовик праведный, так без причины не подшутит». И если кто будет

иметь несчастье повстречаться с его свадьбой, того он оборонит. Вот рассказ одной крестьянки о том, как девушка повстречала лесовикову свадьбу, поехав в лес.

«Едет их много, много, как люди точно, только что почернее наших будут. Старик один соскочил и отвел ее лошадь в сторону. Так и держал все – а они ехали. Кто помоложе из них зашучивал даже с девушкой-то, – теребят ее. А как проехали все, вывел старик ее лошадь на дорогу и уехал сам». Вот это то представление о лесовике, как о существе благодетельном, получает полное развитие и ясность в представлении о лесном царе. Лесной царь – есть глава и управитель лесом; он с своей женой, лесной царицей, правит в своем царстве и ему повинуются все остальные духи (лесовики, боровики, моховики.²⁵⁸ Этот лесной царь является по существу своему добрым, но согрешивших по отношению к нему он карает. Его, однако, можно смягчить просьбами и жертвами.

Вот что передавала одна баба из собственной жизни (Купецкое оз.): в жаркий летний день, утомившись в лесу от работы по приготовлению места для лядины, эта баба выкупалась в лесном прудике, от чего она скоро заболела. За помощью она обращалась и к местному фельдшеру и к знахарке; но ни лекарства, даваемые фельдшером, ни тайные слова, произносимые знахаркой, нисколько ей не помогали. Зна-

---

²⁵⁸ Деятельность этих божеств почти тождественна; представления о них у крестьян обыкновенно смешиваются, разнятся друг от друга лишь ростом: лесовики самые большие, моховики самые маленькие.

харка, наконец, убедила больную идти к прудику, где последняя выкупалась, «прощаться» т. е. просить прощения. Придя к прудику, знахарка велела рассказчице повторить громко за нею следующие слова: «Царь лесовой и царица лесовая и лесовые малые детушки, простите меня в чем я согрешила». Она повторила эти слова три раза и после каждого раза они клали по земному поклону. После третьего раза послышался около них шум, словно выстрел. Обе вернулись домой. Знахарка стала лечить больную и в скором времени ей удалось вылечить ее.

Это лишь частный случай. Но рассказчица не представляла исключения из общего уровня баб и мужиков. Очень часто, если кто захворает в лесу, то, приписывая болезнь лесовику, больная отправляется в лес. Она несет яйцо и, став на перекрестке, кладет яйцо на левую руку и в лесу произносит следующую молитву:²⁵⁹

«Кто этому месту житель, кто настоятель, кто содержавец – тот дар возьмите, а меня простите во всех грехах и во всех

---

²⁵⁹ Считаю долгом отметить, что упомянутое обращение к лесовику самими крестьянами называется молитвой. Дело в том, что население в обращении своем к духам, населяющим природу, делает резкое различие между молитвой и заговором, который называется просто «слова». Последний имеет обязательную силу: заговор, произнесенный без ошибок, обязывает к совершению или несвершению известных действий духа, к которому заговор относится. Молитва имеет лишь просительное значение. К таким относится и воззвание к лесовику. Оно не обязывает лесовика ничем: он волен или неволен исполнить просьбу просителя. Этого отделения заговора от молитвы, установленного самими крестьянами, я буду придерживаться и в дальнейшем изложении.

винах, сделайте здраву и здорову, чтобы никакое место не шумело, не болело». Яйцо оставляется на перекрестке. Если лесовик услышит эту мольбу – болезнь пройдет.

Но будучи по существу добрым, этот лесной царь наносит не мало вреда местным жителям, похищая у них скот, либо сам для себя, либо насылая дикого медведя на стадо. Иногда поручение похитить скотину у мужика лесной царь передает одному из подчиненных ему духов. Взяв к себе скотину, он, однако, поддается известным просьбам потерпевших и иногда возвращает взятое им. Для этого нужно рано утром на заре пойти к лесу и на перекрестке принести жертву, о которой я скажу ниже, для того чтобы лесовой царь вернул похищенную у крестьянина скотину. Хотя, по убеждению населения, идти к лесу с этой целью тяжкий грех, хотя ему и становится страшно при принесении такой жертвы, так как лесной царь не всегда является милостивым к просителю, тем не менее редкий крестьянин, из неутративших еще прадедовские верования, способен противостоять искушению. Скотина ему слишком дорога, слишком большое подспорье в его хозяйстве, требующем от него так много хлопот и жертв, чтобы не решиться совершить ради нахождения ее и грех, чтобы не побороть свой страх, который он испытывает, подходя к лесу, с целью жертвоприношения лесному царю.

Понятие о лесном царе очень часто смешивается с понятием о простом лесовике; вот почему в тех местах, где место лесного царя занимает лесовик – жертвоприношение совер-

шается этому последнему. Во всяком случае этот вид отношения крестьян к лесовику или лесному царю заслуживает внимания оттого, что это один из редких остатков, прежде, быть может, и более развитого культа.

Да и в настоящее время, когда христианство заставило побледнеть прежние представления о духах, населяющих лесную чащу, крестьянин все-таки относится к лесовику с прежним суеверным страхом своих отдаленных предков: это жертвоприношение *не* является, так сказать, симпатическим средством, способствующим нахождению скотины, обрядом, перешедшим от далеких времен, значение которого не вполне ясно крестьянину. Напротив того, он верует в действие этой жертвы так же сильно, так же убежденно, как веровали его, быть может, непросвещенные христианством предки.

Как не могуществен лесной царь или лесовик, но против козней его существуют средства, которыми можно его сделать бессильным. Это особый заговор. Каждый хороший пастух знает его. И одно из условий, которое предъявляют крестьяне при найме пастуха – это знание заговора. Когда около Николина дня отпускают скот на пастбище, пастух три раза обходит скот с заговором. Этот заговор называется «отпуском».

Если он неграмотен, то достаточно молча обойти с отпуском стадо. После этого зверь не тронет скота. Приведу заговор, который нам удалось достать в уезде: «Выйду в чистое

поле, в широко раздолье, обойду около широкаго двора и обнесу свой приданный образ и свою зажженную свечу восковую около своего широкаго двора, около своей милой береженной скотинушки, около любимых конюшек, около своих дойных коровушек, около своих маленьких овечушек, чтобы черные медведи и серые волки, злыя росомахи, чтобы они на мою милую боженую скотинушку, чтобы они глазом не глядели и ухом не слышали, воню не воняли, носом не слышали; около моей скотинушки будь огненна река и каменна стена и железный тын и Миколин замок, чтобы эта скотинушка была бы цела и сохранна, а вы, черные медведи и серые волки и злыя росомахи, идите к синему морю, у синяго моря бейте и копайте черный сонотливый пень и черную глиную колоду и отныне бы и до веку и от веку и до повеку. Аминь».

Другой заговор, оказывающий то же действие, гласит так: «Стану я, раб Божий, благословясь, выйду я, перекрестясь, из избы дверьми, из сеней воротами, в чистое поле, принимая милый скот, крестьянский живот, на свои на белыя руки и пойду около своего скоту и около своего стада и за тот ли железный тын, замкну тридевять замками, тридевять ключами и снесу эти ключи Пречистой Божией Матушке. – Пречистая Божия Матушка, Пресвятая Богородица, закрой своей ризой нетленною мой милый скот и крестьянский живот от зверя широколапаго и кажись мой милый скот, крестьянский живот, дубьем-колодьем и серым камнем, и как народ

сходится, собирается в одну Божию Апостольскую Церковь, так солнце пойдя на запад, как весь милый скот и крестьянский живот, сходишь, собирайся к своему двору и кто буде завидовать, осужать переговаривать, и тому лесы считать и с лес хвоя вырубать и в море воду вынимать и около моря песок вызубать».

Позволю себе привести еще один вид заговора скота, доставленный мне учителем Водлозерского училища, при Ильинском погосте, М.С. Стратонниковым, и найденный им у Водлозеров. Это старинная рукопись, находящаяся в большом употреблении у местных жителей. Заговор носит на себе несомненные следы раскольничьего влияния. Привожу заговор буквально: слова, которые за ветхостью рукописи нельзя было разобрать, отмечены точками.

«Во имя Отца и Сына и Свягаго Духа. Аминь. Стану я, раб Божий, пастырь (имя рек) благословясь, пойду перекрестясь, отцом своим прощен и матерью благословен, выду на белый свет, стану на мать сырую землю на восток лицом и на запад хребтом, помолюсь я, раб Божий пастырь (имя рек), Господу Богу Саваофу Иисусу Христу Сыну Божию и Приснодевы Марии, Иоанну Предтечу Крестителю Христову, Михаилу Архангелу, грозному воеводе небесных сил, Петру и Павлу, верховным апостолам, и святому Николаю Чудотворцу, преподобным отцам Зосиме и Савватию, соловецким чудотворцам, и святому великому мученику Георгию храброму и святому священномученику Власию, епископу Севастин-

скому и всем небесным силам со умилением припадаю молюся Вам, Господи, пособите и помогите и благословите и на путь спроводите меня, раба Божия пастыря (имя рек), с моим милым скотом, с крестьянским животом, с коровьим стадом почти... во все теплое лето и до белое снегу, закройте и защитите и заградите и закрепите святыми своими божественными ризами ходячи волови по скотине посеку по тропам и поухожам моим меня, раба Божия пастыря (имя рек), и мой милый скот крестьянской живот, коров и быков, кладенных и не кладенных ... и малых и подтелков комолых и рогатых, домокормленных и новоприведенных, белых и черных, бурых и красных, и пестрых и всякую разношерстную скотину, от черного звиря и от бураго звиря ширококолапаго мидведя, от опрокидня от пакостнаго от перехожалаго от волка и от волчицы рысучей и от всякой змии скорпии и от всякаго злого и лихого человека пытощика и порченника, от пострелу ... и поветрия и от всякаго ... силы дьявольскаго нечистаго духа от ... тушаго от постигающаго ... видящаго от пола от старца от мужа от жены от парня от девки от черноволоса от беловолоса от всякаго разнаго чина людей и от всякаго дьявольскаго нечистаго духа, и закреплю я, раб Божий ... (имя рек), и заговорю свое вышеписанное коровье стадо, сколь крепко и твердо основание земное и ничто с места двинути не может и коль крепко гроб Господень на воздухе во святом граде Иеросалиме и сколь крепок и жесток синий камень в окияне море не крошится и не колется и не

родится и не котится и не родится и столь крепок и жесток сей мой буде вышеписанный заговор кругом моего вышеписанного коровья стада век по веку. Аминь, аминь, аминем заключается, о пречистая госпоже Богородице Мати Христова, как заграждала закрывала сына своего господа Иисуса Христа в граде Вифлиеме Иудейстем от Ироды ... безбожного и так закрой и защите и загради и закрепи Святой Своей ризою нетленную меня, раба Божия пастыря (имя рек), и мой милый скот, крестьянский живот, любимое мое коровье стадо коров и быков и нетелей и малых подтелков, комолых и рогатых кладенных и не кладенных, домокормленных и недомокормленных и новоприведенных, бурых и красных и пестрых и всякую ... ходячи в мире и по скотам и тропам и по ухожам моим от черного зверя от белаго зверя широколапаго мидведя ... пакостника переходня и от волка и от волчицы рысучей и от всякой змии скорпии и от всякаго злаго и лихаго человека ... и от всякаго дьявольскаго нечистаго духа ... по веку Аминь Аминем залечуся ... О пречистый царь Господи, сошли, Господи, с небес святаго пророка Божия Илию на огненной колеснице с громом и молниею и со стрелою кременною, чтобы жгло и ранило и стрелою отстреливало из моей поскотины, и от моего вышеписанного коровья стада черным и дивным и разным разношерстным зверям и мидведям моего вышеписанного коровья стада век по веку не видать. Аминь, Аминь Аминем заключается. О пресвятый царь Господи, нашли, Господи, злых лютых тридевятъ мяе-

денских кобелей – с острыми ногтями с железными зубами
чтоб прогоняли ... от скотины и осеку от моего ... коровья
стадо старожилы ... и разных разносильных и разношерст-
ных зверей и медведей ... синем море на дикой лес тамо ...
зеленую ту реку ... болотную воду сломайте и ворочайте пе-
нье ... и дикое камень, а у меня, раба Божия пастыря имя
рек, в моей поскотине и осеку нет вам килатую кидяры век
по веку акажись мой милый скот ... вышеписанное мое ко-
ровье стадо в моей поскотине и осеку по тропам и по урожам
моим черным и диким и различным зверям и медведям ...
лесом, при горе горой, при камени камением, при траве тра-
вой, при воде водой, при грязи грязь век ... Аминь Аминь
Аминем заключается. Собирайся, мил народ православный,
к звону колокольному к пенью церковному, к отцу духовно-
му и как собираются Муравьевы дети со все четыре стороны
к всякой ночи к Царю своему Муравью, служат ему и слу-
шают его всегда, и как летаются медовые пчелы по гнездам
своим и к детям ко всякой ночи и гнезд своих не забывают
и детей своих не покидают и как стекаются ... источники со
всей святой русской земли в одно синее море и так бы мой
вышеписанный скот любимый мое коровье стадо ... меня ра-
ба Божия пастыря имя рек шли-б ... и в одно место стека-
лися ... и на трусья ... из лесов, из мхов, из болот и рек, из
ручьев ... черных грязей ... вконец в ветх в переходное ме-
сяца и в меженные дни и во всякое время шли-б дружка от
дружку не останавливаясь безопасно ... ко всякой ночи к до-

мам, к хозяевым и к деткам своим, век по веку аминь, аминь, аминем заключается. Да будет на меня, раба Божия пастыря имя рек, и на мой милый скот, крестьянский живот, любимое мое коровье стадо какой злой и лихой человек подумает зло лихо ... или какое врожденное и у того бы порченника ... язык воротило, жилы со лба спрыгнули б и подколенное жильё рвало, чтобы ему супостату порченнику и пытащику в день покоя а в ночь усыпу не было и до смертного его часу буди, Господи, во веки веков аминь, аминь, аминьем заключается, о пресвятый Господи ... с умилением припадаю ... постави, Господи, меня раба Божия пастыря имя рек, и около моей поскотине и около моего милаго вышеписаннаго коровья стада и коров и быков и нетелей и малых подтелков, комолых и рогатых и домокормленных и новоприведенных, белых, черных, бурых и красных и пестрых и околь всякой разношерстной скотины и около всего моего вышеписаннаго закрепною ... вору ... постави еси стену каменную глубиною три сажени в землю а вышиною до небеси а кругом стены завали, Господи, землю матерью а кругом валу землянаго проведи, Господи, реку огненную глубиною ... и повели, Господи, те вышеписанныя ... и стену каменную и замкнуть заложить стену ... Петру златыми его ключами да нести ... ключи к самому Господу Иисусу Христу Сыну Божию на престол, под святую его нетленную одежду и как сего замки ... люди не видят в моей поскотине и осеку моего вышеписаннаго коровья стада черным ...

Этот обычай обходить скотину с отпуском очень распространен среди крестьян Олон. губ., не только Пудожского, но и других уездов. Так, в уезде Вытегорском, по словам В. Реброва,²⁶⁰ пастухи покупают отпуск и тщательно хранят его, чтобы чужие руки не коснулись этой рукописи: вследствие такого прикосновения отпуск может потерять свою силу. Они прячут его либо в своей свирели, либо в фуражке, либо в глубине дремучего леса, вместе с шерстью от каждой головы пасомого ими скота.

Само чтение этого отпуска сопровождается еще лишним обрядом: скот окропляют водой, взятой из трех ключей. Если пастух безграмотен, то в Вытегорском уезде приглашается для этого грамотный, который и обходит стадо, читая заговор, и окропляет скот. «По прочтении молитвы²⁶¹ и окроплении стада, пастух принимает остатки воды и рукопись от чтеца и в свою очередь тоже кропит его водою, боясь, чтобы он чего-либо не похитил из молитвы, удаляется в лес и там прячет принадлежащую ему молитву, где вздумается; остатки же воды или выпивает, или же изливает на землю под камень».

Этих интересных подробностей мне не удалось узнать в Пудожском уезде. И обычай окропления скота водой, взятой из трех ключей, и боязнь, что чтец, не окропленный той же водой, как и обойденный им скот, может похитить часть си-

---

²⁶⁰ «Олонецкий Сборн.», вып. 1886 г.

²⁶¹ В. Ребров не делает различия между заговором и молитвой.

лы молитвы, дышат такой отдаленной эпохой, такими свежими воспоминаниями того времени, когда вода считалась священной, что как-то невольно переносишься в гораздо более отдаленные от нас времена; эти обряды рисуют случайно сохранившееся переживание очень далекого от нас быта и я поэтому позволил себе подробнее остановиться на них.

В Пудожском уезде, в некоторых его частях, по крайней мере, соблюдаются при обходе скота следующие обряды: в тех местностях, где читается первый из приведенных мною заговоров, наблюдаются при обходе скота следующие формальности: скот загоняют во двор или в загородку и с иконой и зажженной восковой свечой в руках обходят скот по солнцу 3 раза. Затем из свечи делают три шарика и, по прочтении заговора, приклеивают из-за ворот, затем бросают.

Там, где употребителен второй заговор, пастух также делает три шарика из воска и приклеивает их к иконе; за иконой же хранится и отпуск. В иных случаях каждая домохозяйка делает это для себя и своего скота. В шарики закатывается подчас немного шерсти, срезанной от каждой выгоняемой на пастьбу коровы. Эти восковые шарики домохозяйки хранят за иконами и, по окончании пастьбы, спускают либо в реку, либо в озеро. Там, где шарики катает сам пастух, спускание шариков в воду производится им самим по окончании пастьбы.

Когда читают третий вид заговора, то, по словам рукописи, следует при прочтении отпуска «взять от всякой скотины

из уха серы в чистый воск закатать да ключ с замком, да с муравейника земли, с которой четыре дороги, и около скота ... да кругом обойти... трижды по солнцу на все на то наговаривать трижды; воску положить на обе стороны ворот, ключ на сторону: на другую – замок, на обе стороны ворот земли положить: на сторону ворот; на другую ножик (конец рукописи испорчен).

Хотя в этих обрядах мы и не видим тех архаизмов, как в обрядах, употребляемых в Вытегорском уезде, так как здесь влияние христианства по-видимому отразилось сильнее на изменении суеверных обрядов населения, тем не менее и здесь мы замечаем также остаток мышления первобытного человека: вера в то, что собранная часть шерсти, закатанная в шарики из воска и сберегаемая за иконой, спасет все стадо, что отданная под непосредственное покровительство иконы *pars pro toto*, что шарики и шерсть, сберегаемые и от дурного глаза и влияния злого человека самой иконой сохраняет достояние крестьянина, – дышит таким архаизмом, такой далекой эпохой, что как-то странно встретить его среди сравнительно развитого населения Пудожского уезда.

Как отдаленное воспоминание культа воды, сохранился обряд бросания этих шариков, по окончании пастьбы, в воду. Это может быть, впрочем, объяснено двумя способами: либо как вещь священную, лежавшую за иконами, шарик нельзя выбросить просто на улицу и во двор, где его могут попирать ногами; либо эти шарики являются предме-

том, с которым связано какое-то суеверное представление. Взгляд, что вещь священную нужно уничтожить либо посредством огня, либо воды, либо погребения в землю, одним словом, при помощи так назыв. «чистых стихий», как известно, очень распространен в народе. Известно, что, например, испортившиеся иконы не бросают, а либо сжигают, либо погребают, либо спускают в воду.

Об обычае спускать старую ненужную икону упоминают и древние писатели о России. В самой Москве этот обычай сохранился до последнего времени. Тоже делают с просфорой, высохшей и неудобосъедаемой: ее даже в Москве до последнего времени бросали в колодцы. Подобно тому, как во всех этих обрядах сохранилось, как переживание, темное воспоминание о воде, которая наиболее достойна принять священный предмет, так, быть может, это же воззрение лежит в основании обряда бросанья упомянутых восковых шариков в озеро.

Быть может, и другое соображение обуславливает вышеупомянутый обряд: известно по народным повериям, что для того, чтобы «испортить», погубить человека или животное, нужно, чтобы желающий погубить имел в своих руках кусок одежды обрекаемой на погибель жертвы, или вообще что-нибудь, что составляло-бы необходимую принадлежность данной личности или животного. Естественно, что человек, находящийся на низкой степени развития, боится, что, если шерсть животного или кусок одежды или часть во-

лос кого-либо, порчи которого он не желает, попадется в руки человека, могущего «навести порчу», что таким образом все его достояние, самое дорогое из всего его имущества, даже, он сам, может подвергнуться опасности быть испорченным. Отсюда и обычай сжигать или бросать в воду, напр. срезанные волосы, ногти и т. д.

Будучи брошены в воду, они затериваются и для колдуна, для человека злого нет возможности получить их. Этим, быть может, также объяснен обычай бросать шарики с шерстью от коров в воду, чтобы никто не мог их найти и заклятиями и заговорами над ними, причинить вред находящемуся в доме скоту.

Как-бы то ни было, но ни молитва, которой начинается «отпуск», ни такие предосторожности, как положение отпуска и шариков за иконы, не считаются жителями Пудожского уезда достаточными, чтобы «оберечь» свой скот от лесовика или лесного царя. Маленькая упущенная формальность, случайно неверно произнесенное слово может уничтожить всю силу заговора, и лесной царь, гневаясь на лиц, желавших силой заговора и обрядов ограничить его власть над скотом, найдет намеренно больше диких зверей на стадо и большее количество коров заведет в глубину леса, к себе. Поэтому-то лучше дружить с лесным божеством. Благодаря этому пастухи предпочитают заключать договор с лесовиком, по которому ему предоставляется право взять к себе известную часть скота (обыкновенно, впрочем, не больше одной, двух коров).

За это лесовик обязан оберегать стадо. Этот договор с лесовиком считается очень греховным, но и на него соглашались крестьяне, лишь бы их стадо оставалось целым. Договор заключается при посредстве строго определенной формулы – заговора, из которого нельзя выкидывать ни слова.

Действительно не все пастухи знают как это сделать; а те, которые знают, хранят эту тайну и не всегда решаются говорить об этом односельчанам. Некоторые крестьяне так же знают слова заговора, но боятся рассказывать его. Этим-то страхом сообщить вещь, которая считается столь греховной, и объясняется, что до сих пор этот заговор не проникал в печать; этим же объясняется, что крестьяне, сообщавшие нам об этом договоре с лесовиком, все, поголовно, отзывались незнанием слов заговора, ни за что не соглашались открыть нам слова его.

В виду возможности заключить с лесовиком подобный договор и является существенно необходимым при пропаже скота из стада узнать, пропала-ли она по «шалости» лесовика или была пропавшая скотина ему завещана. Чтобы узнать это, обращаются к лицам, которые, по мнению населения, «знаются с лесовиком», – «есть такие люди», прибавляют обыкновенно при этом.

Эти люди обыкновенно отправляются в лес, становятся не перекрестке и свищут. Лесовик приходит на свист. «Человек, который знает с лесовиком», спрашивает его, что пропавшая скотина была ему завещана или нет. Если она бы-

ла завещана, то хозяину пропавшей скотины остается лишь примириться со своим горем: ничто не может помочь ему вернуть скотины (корову или лошадь), уведенную лесовиком. Другое дело, когда лесовик похитит у него скотину ему не завещанную.

Потерпевший, узнав от того, «кто с лесовиком знается», что он может вернуть пропавшую скотину, так как она лесовику завещанной не была, совершает то жертвоприношение, о котором я уже говорил выше. Хозяин пропавшей скотины, взяв завернутое в тряпку или бумажку яйцо, отправляется в лес на перекресток и, положив на левую руку яйцо (иногда и ржаные лепешки), произносит следующие слова: «Кто этому месту житель, кто настоятель, кто содержавец, тот возьмите дар, возьмите и домой скотинку спустите, нигде не задержите, не за реками, и не за ручьями, и не за водами»; он оставляет яйцо на перекрестке для лесного царя. Скотина после этого должна найтись.

Таков в общих чертах культ лесного божества. Не останавливаясь на некоторых чертах лесовика, которые мы можем встретить почти во всех местностях, населенных великорусским племенем, отмечу лишь то, что в наиболее развитой форме этот культ является среди жителей, населяющих берега оз. Купецкого и в близлежащих от него деревнях. Этот культ сохранился здесь наиболее цельным не оттого, что леса, окружающие это озеро, более дремучи, чем в остальных частях уезда, не оттого, что городская культура здесь оказа-

ла меньшее действие, чем в других деревнях. Напротив того, во многих частях уезда лес заполонил большее пространство земли, более дремучим растянулся он по берегам озер и по кряжам гор. Городская культура более чем в большинстве других частях уезда оказала свое действие. Вернее будет искать причину сохранения культа лесовика в самой жизни крестьянина, поселившегося издревле на Купецком озере.

Главное занятие его хлебопашество; рыболовство уступает ему первенство, так как само Купецкое озеро с прилежащим к нему Тягозером не велики (первое 4–5 в. шир. и приблизительно такой же длины; второе 6–7 вер. длины) и не в состоянии обеспечить жителей рыбой. Хлебопашество, как я уже сказал, требует от местного крестьянина усиленной борьбы с лесом. Проводя почти все лето в лесу, крестьянин невольно сживается с ним. Дело в том, что в виду того, что лядины отстоят иногда верст за 15–20 от деревни, крестьяне, запасшись провизией на неделю, отправляются утром рано в понедельник, пребывают в лесу целую неделю и лишь в субботу вечером возвращаются домой. И так почти все лето.

Неудивительно поэтому, что лес должен был оказать наиболее сильное влияние на воображение крестьянина данной местности, что из духов, населяющих, по верованиям крестьян, землю, – лесовик, как наиболее близкий, должен был пользоваться и наибольшим почетом, что культ его наиболее развился.

Понятно поэтому также, что в иных местах где рыболов-

ство занимает первое место в экономическом быту крестьянина, где ему приходится не столько проводить время в лесу, сколько на волнах озер, что в таких местностях культ лесного духа должен был отойти на второй план.

К таким относятся жители берегов оз. Водлозера. Близость этого последнего, имеющего 60 в. длины и 40 в. шир., изобилующего при этом рыбой, должно было повлиять на занятия местных жителей, которые и являются с давних времен рыболовами, и лишь отчасти хлебопашцами. Поэтому естественно, что культ духа лесного не мог здесь развиваться, но зато также естественно, что именно здесь, где большая часть дня крестьянина проходит на озере, которое, как и все озера севера, крайне непостоянно, должен был развиться культ ветра и духа воды. То стоит тишь и лов идет удачно, то вдруг подует северик и рыбы не станет. «Северик подует – из котла рыбку повынет», говорят водлозеры, желая указать зависимость главного источника их дохода от случайных перемен ветра.

Поэтому здесь, на Водлозере, является антропоморфизация ветров, если и не всех, то, по крайней мере, главного и самого опасного для крестьянина – северика. Это старик, и старик суровый. Ветры то помогают, то препятствуют плавающему на озере рыболову. Они едут на тройках и дуют, поднимая то попутный, то встречный ветер. Употребительно у водлозеров заклинание ветра, которое мне не приходилось встречать в других местностях Пудожского уезда. Если ветер

попутный, но дует слишком вяло, так что парус не надувается, водлозеры произносят следующее заклинание:

Сивушки-бурушки,
Вещие вороняюшки
Пособите, дружки,
Помогите.
Как моего дедушку слухали,
Как моего батюшку слухали
Послужите и мне
Верю-правдою, силою крепкою.

Если попутный ветер дует слишком сильно, то начинают его просить дуть потише: «Перестань, ишь разгулялся: что ты! потише!» Снимают шапку, просят и, если ветер случайно не ослабеет, грозят ему кулаком и грозно прибавляют: «Говорят тебе перестань! Не смей!»

Но гораздо страшнее для водлозера водяной. В отношениях к божествам воды следует также отличать водяного царя от простого водяного. Этот последний стоит в тех же отношениях к царю водяному, как простой лесовик к лесному царю. Он также подведомствен ему. Но понятие о лесном царе гораздо определеннее, чем представление о царе водяном. Первый господствует над лесом, окружающим селение, водяной же менее определен. То он является главным начальником и управителем озера, которому служат и которого слушаются водяные рек и ручьев, втекающих в это озеро,

и водяные мелких озер, сообщающихся посредством рек с большим озером. То в одном озере их оказывается несколько. Нечего и говорить, что понятие о водяном царе подчас смешивается с понятием о простом водяном. Простых водяных часто выдают: они выходят на берег, где сидя у воды расчесывают себе волосы. При появлении человека они обыкновенно бросаются в воду.

В общих чертах водяной, царь водяной, в отношении своей деятельности, в отношениях своих к людям мало чем отличается от водяного наших средних губерний. В виду этого, я на нем останавливаться не буду. Отмечу лишь тот факт, что в Водлозере живут, по преданию, два водяных: один у Пречистенского погоста, другой у Ильинского.

Дело в том, что все население, ссевшееся по берегам и островам Водлозера, делится в церковном отношении на два прихода: Пречистенский (ближе к южному берегу озера) и Ильинский в 15 верстах от первого (по озеру), ближе к северному берегу. О построении церквей в том и другом погосте ходят у жителей сказочные предания, впрочем того характера, который очень распространен по всем местностям России. Рассказывают, что Ильинскую церковь хотели прежде построить на другом месте и привезли для этой цели лес на место, предназначенное для постройки церкви. Невидимая сила снесла его на остров; лес снова привезли на место, предназначенное для постройки; но невидимая сила вернула лес снова на тот остров, где он был найден после первого раза.

И так несколько раз. После этого жители решили, что сам Бог назначает место, удобное Ему для постройки храма. И церковь во имя Св. Ильи была воздвигнута на том острове, где она стоит до сих пор. Такое же предание, с незначительным лишь вариантом, ходит и о построении церкви в погосте Пречистенском.

Хотя этого рода предания очень распространены в народе, но на этот раз, касаясь положения водлозерских церквей, они останавливают на себе внимание. Дело в том, что тот и другой погост расположены на островах, причем узкий пролив отделяет Пречистенский погост от материка, а Ильинский погост отделяется узким проливом от другого острова. В проливах, по преданию жителей, помещаются водяные.

Впрочем для Пречистенского погоста водяной иногда помещается и в другом проливе, отстоящим от погоста в нескольких верстах и называемого железными воротами. Один водяной называется поэтому пречистенским, а другой – ильинским. Это обстоятельство, именно что местожительство водяных означаетя около погостов, заставляет думать, что сами церкви построены в местах, на которых в давние времена, быть может, стояли священные рощи, остатки которых сохранились и до сих пор в разных местах Пудожского уезда; о них я буду иметь случай говорить ниже. Как бы то ни было, но на мой взгляд, сближение жилища водяного с местом нахождения церкви едва ли случайное. Вероятнее, во всяком случае, что христианская святыня лишь заменила

собой языческую, и освятила своим присутствием место, где прежде, быть может, приносились жертвы языческим богам; что места, на которых в настоящее время стоят церкви, были прежде языческими святилищами, и вновь прибывшее христианство лишь заменило божество языческое храмом Св. Ильи, изменило, так сказать, предмет, но не место поклонения... Во всяком случае можно предположить, что культ водяного здесь очень древен и, быть может, унаследован русскими от финнов. Постройка же церкви на этих местах тем более вероятна, что, как известно, вообще постройка церквей на всех тех местах и урочищах, с которыми соединялись древние религиозные представления населения – была в большом ходу в древней России, так напр., городище под Москвой в Кунцеве, называемое обыкновенно проклятым местом. Окрестные жители, как известно, и теперь еще питают к этому месту суеверное уважение и бросание в реку венков в семик производится именно против городища, хотя многим деревням приходится для этого идти несколько верст. На этом месте стояла некогда церковь, упраздненная по сведениям И.Е. Забелина в XVII столетии.

В настоящее время, когда оба эти проливы освящены присутствием церквей, место жительства водяных все-таки указывается около них. Ни сила православного креста, ни близость церкви не были в состоянии изгнать, по преданию живущего именно здесь, водяного; он только утратил часть своей силы, но все-таки остался и не убоился креста. Это может

объясняться отчасти консерватизмом народных представлений, отчасти и тем, что по понятиям водлозеров водяной и не особенно злой дух.

Он действительно подчас и утащит человека к себе, но в общем он не зол: мирно сидит он себе в своем проливе и редко без нужды вредит людям. Вид его определяется различно: по одним – он является совсем схожим с человеком; по другим – он похож на человека, лишь, как и лесовик, *«почернее наших будет»*, третьи, наконец, рисуют его снабженным гусиными руками и ногами. Все эти представления сходны в одном – водяной старец. Объяснить то обстоятельство, что в то время как в других известных мне местах каждое озеро находится под управлением одного водяного или водяного царя – на Водлозере их два – я не решаюсь. Но в качестве предположения можно было бы объяснить это следующей причиной. Тут, на Водлозере столкнулись два племени или, быть может, два рода, быть может, еще до заселения края русскими.

За редкими исключениями все деревни на Водлозере носят финские названия, как и само озеро и вытекающая из него река Водла. Нет невероятного, что два племени или два рода, быть может, еще финские столкнулись здесь: одно, шедшее с севера к югу, другое, направляющееся с юга на север; причем каждое из этих племен имело свое святилище: одно в современном Пречистенском погосте, другое в современном Ильинском погосте. Быть может, что рода, из кото-

рых один был оттеснен другим дальше на север, или наоборот к югу, *перенес* свое святилище и обособил свой культ. Не вдаваясь в догадки, укажу лишь на то, что смутное предание о происходившей здесь на Водлозере борьбе сохранилось до сих пор среди водлозеров.

Как я указал уже выше, среди жителей сохранилось довольно ясное воспоминание о своем происхождении: одни называют себя потомками шведов (т. е. финляндцев), другие – русских насельников, третьи – Чуди. Сохранилось наряду с этим и предание о панах, которые приходили к берегам Водлозера, причем у деревни Козна-наволок происходила большая битва с ними, и некоторые семьи считаются потомками панов; наконец, рассказывают, что один Каргопольский князь, отправившись за данью на Водлозеро из Повенца, приказал для проезда в лодках зимой пропешить лед, но, благодаря непогоде, потонул в озере со всей дружиною.

Как видно из этого у местных жителей лучше, чем во многих местностях России, сохранились воспоминания о прошлой их исторической жизни: в памяти их сохранились не только упомянутые воспоминания о своем происхождении и принадлежности, как данников к Каргопольскому княжеству, но даже и воспоминания о сражениях и спорах, бывших в давнее время у жителей разных селений между собою. Это живучесть воспоминаний об историческом прошлом и заставляет с большим доверием относиться к сохранившимся среди водлозеров преданиям о населявшей некогда берега и

острова озера – Чуди, с которой предки их вели жестокую борьбу.

До сих пор показывают Кинг-остров, на котором, по преданию, были уничтожены остатки разбитой Чуди, спасшейся на этот остров; тут и легла вся Чудь.²⁶² Этот остров считается священным: он порос лесом и рубить этот лес считалось греховным и опасным, так как, если сама убитая Чудь и не вступится непосредственно за свои права, то она впоследствии так или иначе должна была отомстить оскорбившему ее святыню. Как ни украшено это предание о Чуди поэтическими арабесками, все-таки, за рядом вымыслов, мы можем заметить, что основанием этого рассказа послужило воспоминание о бывшей здесь некогда битве, и вероятно битве с народом мало знакомым с предками современных водлозеров, так как остальные воспоминания о битвах деревни с деревней или союза нескольких деревень с другим подобным же союзом ярко запечатлелись в памяти жителей.

---

²⁶² Что касается названия Чудь, то позволю себе заметить, в виду сказочного значения, которое ей придается очень часто самим народом, что в данном случае это название племени некогда здесь жившего, быть может, имеет за собой историческое основание. Известно, что кроме названия Эстов Чудью и финских насельников Заволочья – заволоцкой Чудью – этим названием означает еще финское племя Вепсов (Wepsalaiset), населяющих частью Новгородскую губернию, частью Олонецкую, в Вытегорском уезде, на юг от Онежского озера, на истоках реки Ояти. Это и в настоящее время довольно многочисленное племя (около 20 000 душ), быть может, некогда заселяло и весь современный Пудожский уезд и было вытеснено новыми пришельцами, быть может, так же финского или русского происхождения.

Как бы то ни было оба водяные являются совершенно самостоятельными господами, каждый в своей части озера. Они то дружат друг с другом, то враждуют. В настоящее время оба водяные породнились. Вот как рассказывает об этом предание: у водяного ильинского была дочь; за ней сватались водяной пречистенский и водяной – владелец Кенозера, которое в ту отдаленную эпоху было соединено с Водлозером. Как пречистенский, так и кенозерский водяные часто навещали ильинского. Кенозерский водяной первый посватался и ему отказали. Посватался затем пречистенский водяной, и старик – Ильинский отдал за него свою дочь. Кенозерский рассердился, ушел к себе в озеро и, чтобы никогда не ходить больше в Водлозеро, засыпал большими камнями дорогу; с тех пор Кенозеро не сообщается больше с Водлозером. Отправляя свою дочь к зятю, к пречистенскому погосту, ильинский водяной дал ей в приданое много золота и драгоценностей и, наконец, целый остров из своих владений послал вместе с дочерью в ее новое жилище. Этот остров лежал прежде недалеко от реки Илексы и, ведомый петухом, прибыл к деревне Большой Кул-Наволоку, недалеко от которой он остановился. Вещий петух затем улетел, а остров стоит до сих пор и прозван в память того, что его привез петух, Петуньим островом.

Кстати заметить, что понятие о петухе, как о птице вещей, сохранилось у народа, на протяжении всего Пудожского уезда, довольно ясно. Он, между прочим, помещается в разряд

птиц, есть которых грешно.

Что касается жертвоприношений водяному, то мне не удалось открыть их; но не безынтересен тот факт, что водлозеры, проезжая через проливы, в которых живут водяные, отвешивают глубокие поклоны водяному царю, снимая шапку. Большинство проезжает с суеверным страхом и радостно крестится, когда проезд совершился благополучно.

Но указывая и оттеняя, что водяной особенно чтится в тех местах, где жизнь жителя тесно связана с этой стихией, а культ лесовика, там, где подсечное хозяйство является *главным* подспорьем в жизни крестьянина, я отнюдь не хочу сказать, что культ водяного отсутствует у последней категории крестьян, а культ лесовика у крестьян первой категории. И то, и другое божество чтится повсеместно, но в разных степенях.

Так, на Водлозере, где развит особенно культ водяного, чтится и лесовик. Последнему, так же как и на озере Купецком приносят жертвоприношения в случае пропажи скота. Это понятно: водлозеры также занимаются хлебопашеством в лесах и до последнего времени оно являлось все-таки важным подспорьем в их хозяйстве. За несколько лет жители стали обращаться главным образом к рыболовству. Поэтому культ лесовика не исчез, но он отступил лишь на второй план; культ же водяного занимает первое место в верованиях крестьян, поэтому-то водяной пользуется меньшим почетом у жителей озера Купецкого, чем у водлозеров, и наобо-

рот, водлозеры меньше почитают лесовика, чем обитатели Купецкого озера.

Лучшим подтверждением того, что даже на Купецком озере, где роль водяного низведена до *minimum*'а – воспоминание о водяном царе все-таки очень сильно, служит следующая молитва, которую читают всякий раз, когда берут воду для лечения ею больного.

«Бережок батюшка, водушка матушка, *царь водяной и царица водяная с малыми детьми, с приходящими гостями*, благословите воды взять не ради хитрости, не ради мудрости, но ради добра и здоровья рабу Божию». На Водлозере, где культ лесовика стоит сравнительно с озером Купецким очень низко, молитва, которую читают при черпании воды для больного, гласит так:

«Царь земной и царица земная и царь водяной и царь лесной, благословите водушки взять не ради хитрости, не ради мудрости, для добраго здоровья раба Божия». Обе эти молитвы важны, как доказательства того, что в общем боже-ства у всех жителей уезда одинаковы, лишь степень поклонения каждого из них зависит от условий быта. Поэтому, хотя в молитве, читаемой на Купецком озере, и не поминается царь лесной, а в той, которая читается на Водлозере, он поминается, – все-таки культ водяного занимает главное место у водлозеров, а культ лесовика на Купецком озере. Приведенные выше слова молитвы интересны для нас еще тем, что здесь встречается упоминание о земном царе и земной

царице. Понятие об этих двух божествах земли, об их деятельности и отношении к людям, у крестьян тех местностей по крайней мере, где эти молитвы записаны, нам не удалось открыть.

По-видимому, в настоящее время эти представления о божествах земли совершенно исчезли из народной памяти и лишь в виде переживания их имена сохранились в молитвах, свидетельствуя о древности их также, как это делают и олицетворения берега и воды, встречающиеся в этой молитве («бережок-батюшка, подушка-матушка»). Что касается этих последних олицетворений, то и они для современного пудожанина утратили истинное свое значение и служат в настоящее время лишь формой, значение которой крестьяне не понимают. Но бесспорно, что в те отдаленные времена, когда культ языческих божеств был еще крепок, эти олицетворения имели для крестьянина свое буквальное значение.

Не останавливаясь более на водяном, перейду теперь к тем божествам и духам, которые связаны с жилищем пудожанина как с его очагом, так и постройками, так или иначе необходимыми ему в его хозяйстве; к этим духам относятся: дворовой, подполянник, запеченник, жихарь, овиняник, хлевный и баенник. Из них четыре первые живут в доме; хлевный – в хлеве, овиняник – в овине, и баенник – в бане. Подробно на этих домашних духах я останавливаться не буду как по малому количеству данных, имеющихся у меня под руками, так и благодаря безынтересности этого культа

у пудожан. Все домашние духи, как дворовой (иногда назыв. домовым), подполянник и запечник имеют, как известно, в своем происхождении связь с домашним очагом, но эта связь в настоящее время утратилась и утратилась при том настолько, что мы почти-что лишь по аналогии можем судить, что современные верования в этих домашних духах – не более, как слабые следы древнего поклонения предков. Дворовых поселяют в подполье. Их число бывает равно числу членов семьи; они управляются большаком; есть у них большуха, есть и дети. Дворовые живут, как обыкновенные люди: они едят, пьют, женятся. Одним словом, проводят в своем подполье время так же, как крестьянин в избе. Большак-дворовой, обыкновенно называемый «избенный большак» пользуется в своей подпольной семье таким же объемом власти, как и крестьянский большак: «что он прикажет делать, то и делают».

Дворовой является людям, и вид его описывается либо как обыкновенный человеческий, либо также «почернее» обыкновенных людей. С ним можно вступать и в разговор. Вот, например, рассказ одной крестьянки, деревни Авдеевской: «мужик раз лежит себе ночью. Видит вдруг вошла баба с зыбкою. Повесила зыбку, а сама у печки греться стала: А-а-а! говорит, холодно! а сама зыбку качает. Испугался мужик, взял да и зажег спичку. Она сейчас в дверь и зыбку с собой взяла. Потушил мужик огонь – лежит. Вошел сам-то дворовой – говорит: „жалко тебе избы стало, что-ли? не пустил

бабу обогреться“. Он муж ея был, знать. Мужик опять зажег спичку и тот в ход пустился». Этот рассказ, ярко рисующий нам дворового, интересен между прочим тем, что и он и его жена как-бы боятся света, словно они не совсем «чисты» и как духи нечистые от зажигания огня мгновенно удаляются.

Но это представление о дворовых, как о существах не совсем чистых, является лишь обезображением древних верований, обезображением, которое мы нередко встречаем в отношении к домашним духам почти повсеместно в Великой России, где домовый также чаще представляется злым, чем добрым. Но в других местах Пудожского уезда, как, например, на Кенозере, дворовой является скорее духом светлым, которого боится нечистая сила. Там, как впрочем и во многих местах уезда, при входе в лесную избушку для ночевки считается необходимым произнести следующую молитву, как сами крестьяне называют это обращение к дворовому лесной избы:

«Большачек и большушка, благословите ночевать и постоить раба Божия (имя рек)». Уже то, что при обращении к дворовому употребляют слова «раб Божий», доказывает, что дворовой не считается местным населением в числе, так называемой, «нечистой силы». Кроме того существуют и рассказы, из которых явствует, что он, дворовой, охраняет от давшихся под его покровительство лиц от вторжения нечистой силы и наоборот отказывает в покровительстве тем, которые упомянутой молитвы не читают.

Приведу для примера один из таких рассказов: «Мужик один вошел в избушку лесную ночевать, да не благословясь. Лежит он себе, а в углу у печки видит стоит себе леший – большой такой, согнулся в избушке, греется: „А-а-а“. Мужик, зная, печку-то не благословясь затопил. Ведь, как никого нет в избушке то, так они и налезут туда, нечисть-то». Из этого рассказа следует, что благословись мужик, т. е. прочитай он упомянутую молитву дворовому, тот оградил бы его от вторжения в избу лешаго, который в местности, где записан этот рассказ, именно Кенозеро, дер. Вершинине, считается в разряде нечистой силы. И так, в данном случае мы видим, хотя и отдаленное воспоминание о дворовом, как о благодетельном духе, покровителе жилища – воспоминание, которое в большинстве местностей уезда окончательно уступило место другому воззрению на дворового, как на духа сурового, на духа не совсем «чистого».

Кстати, отметить при этом известную странность. Между тем как в лесной избушке живет, по-видимому, один дворовой с женой – в избах населенных их столько, сколько членов семьи, хотя крестьянам и неизвестно, умирает ли дворовой по смерти одного из членов семьи.

Объяснения соотношения числа дворовых с числом членов семьи также нет никакого. Вообще в этом представлении царствует какая-то неопределенность, какое-то смешение понятий. Мне кажется, что в виде гипотезы, это соотношение числа дворовых с числом членов семьи, в виду ее

неопределенности, могло бы быть объяснено следующим путем: вера в дворовых, как они являются повсюду, произошла, как известно, от верования, что души умерших предков продолжают жить в доме: чем больше предков умерших, тем больше и дворовых; предок, основатель рода и является в таком случае большаком своих, пришедших к нему после смерти потомков.

Таково первоначальное верование и, быть может, впоследствии, когда вера в предков утратилась, явилось необъяснимым для крестьянина произвольное и неодинаковое у всех домохозяев число дворовых и он, стремясь выйти из этого затруднения, определил число дворовых равным числу членов семьи, так что каждый из членов семьи имеет своего покровителя.²⁶³

Лишь с течением времени, под влиянием христианства, дворового стали считать силой «нечистой», «черной». Если кто пожелает увидеть дворового – стоит ему лишь надеть хо-

---

²⁶³ Не безынтересен следующий факт, сообщенный мне П.М. Богаевским, касающийся собственно Сарапульских Вотяков, но могущий до известной степени подтвердить только что высказанное мною предположение: Когда Вотяки устраивают поминки, они уверены, что покойники их присутствуют на пиршестве; после пиршества Вотяки приглашают их гулять, в баню и т. д. Вовремя поминального пиршества каждый из присутствующих живых родственников находится под особым покровительством одного из умерших предков, следовательно, они полагают, что присутствующих родственников-покойников столько, сколько родственников живых принимают участие в пиршестве. Верование, которое может до известной степени осветить верование пудожских крестьян о соотношении числа дворовых с числом членов семьи.

мут на себя, причем этим способом можно узнать о будущем. Вот рассказ одной крестьянки о том, как лицо, ей знакомое, видело дворового. Передаю ее рассказ вкратце. Одна из двух подруг-девушек села в большой угол, между тем как другая влезла на печку и стала смотреть сквозь хомут. Вдруг она увидела двух страшных «черных» мужиков, которые несли гроб: они поставили гроб в большой угол. Это и были дворовые. Девушка так испугалась, что упала с печки. «А та девушка, прибавила рассказчица, что в большом углу сидела, в тот год умерла».

Более интересным является другой способ увидеть дворового: надо спуститься на 3-ю ступень внутренней лестницы, ведущей в хлев, и нагнувшись посмотреть промеж ног. Девушки делают это обыкновенно на святках, чтобы в лице дворового увидеть своего суженого. При помощи этого же способа можно увидеть и подполянника, с которым очень часто смешивают дворового. Он также живет в подполье; их также несколько в доме и подпольная жизнь их ничем не отличается от жизни крестьянской семьи. Это сходство подполянника с дворовым невольно наводит на мысль, не являются ли оба домашних духа тождественными и лишь обозначаемыми разными именами. В рассказах крестьян они часто смешиваются, хотя подполяннику, когда говорят о нем собственно, приписывают больше дурных, чем хороших черт. Он вообще не добр. Как пример смешения дворовых с подполянниками, позволю себе указать, что крестьянка, пере-

дававшая о том способе, которым можно видеть *дворового*, в доказательство правды своих слов привела следующий рассказ: «Мать свою дочь прокляла. *Подполянник* и затащил ее к себе в подполье. Так она там и замуж выйти успела и стала уж сына женить, да и пришла к матери просить сыта:

«Матушка, говорит, коли хочешь видеть как я живу, сойди три ступени в подполье (именно по лестнице, ведущей в хлев) и гляди промеж ног своих». Ну и увидела их, мать-то. Сидят они все, как наши мужики. Так она и сыта принесла дочке и рубашку».

Средство смотренья с третьей ступени промеж своих ног, чтобы увидеть *дворового* или *подполянника*, – обратившееся в настоящее время в простое поверие, быть может, имеет в своем основании связь с глубокой древностью, когда умерших предков хоронили под очагом, под порогами, под полом. Быть может то, что в настоящее время пудожанки проделывают из любопытства увидеть своего суженого или узнать знакомый им лишь по рассказам быт подпольных обитателей родительского дома, – их прабабушки-язычницы делали с целью увидеть действительно похороненных здесь прежде своих предков...

К числу домашних духов принадлежат еще: *хлевный*, *жихарь* и *запеченник*. Про этих духов крестьяне немного умеют рассказать. Первый живет в хлеве, отличается своей добротой, помогает содержать хлевы.

Второй – *жихарь* – злой дух; где в доме он живет, в точ-

ности неизвестно, но он опасный для матери сосед: в отсутствии матерей он крадет детей из зыбки, но в присутствии матери он сделать это не решается. Если мать бывает вынуждена уйти из избы, то для предохранения от покушений жихаря украсть ребенка в отсутствие матери, принимаются следующие меры: мать кладет в зыбку ножницы и веретяной камень, а под зыбку, на пол, кладут старый веник. Если принять эти меры предосторожности – жихарь оказывается бессильным. Наконец, запеченник, живущий за печкой, дух веселый, любящий шутить. Пропадет ли у хозяйки ухват, разобьется ли внезапно посуда – все это шутки запеченника.

Наконец, чтобы покончить с домашними духами, скажу еще несколько слов об овиняннике и баеннике. Как известно, во многих местах, даже средних губерний России, наиболее упорно, наиболее живуче сохранился культ духа – покровителя овина, которому даже до настоящего времени приносят в определенные дни жертвоприношения. Но в Пудожском уезде, на основании тех данных, которые нам удалось узнать, культ именно этого духа развит до крайности слабо и лишь бледные отблески древних верований мы встречаем здесь у крестьян. Действительно овин служит жилищем овиняннику, отличающемуся, по мнению крестьян, большим ростом. Крестьяне знают, что овинянник дух добрый, «милосливый». «Он, батюшка, говорят про него крестьяне, чужому не выдаст, только помолиться ему». Ночевать в овине можно совершенно безопасно, если только произнести сле-

дующую молитву: «Овинный батюшко, побереги, постереги от всякаго зла, от всякаго супостата раба Божия». И так, на основании этих малочисленных данных можно лишь вывести то, что овиняник принадлежит к числу светлых духов, что он является покровителем своих, если они к нему обращаются с молитвой, защитником их от нечистой силы как и дворовой, в некоторых частях уезда по крайней мере. Больше подробностей об этом духе мне открыть не удалось. Ходит только ряд рассказов о доброте «овиннаго батюшки» «достоверныя истории» о случаях, где эта доброта проявлялась. Позволю себе привести один из таких рассказов: «сошлась раз беседа (местное название для посиделок). А тут как раз старуха перед этим помри. И стали холостые (т. е. молодые люди) дразнить одного парня: явится ему старуха. А он все смеялся. Вышел он с беседы, старуха и пристань к нему. Так он бежать от нея, а она за ним. Взмолился он тут овинянику. Так он, батюшка, вышел, да со старухой до самых петухов дрался, а парня сберег».

Что касается баенника, или баенного, то это в противоположность овинянику дух злой, от которого добра ждать нечего. Ночевать в бане никто, даже из самых храбрых пудожан, ни за что не решится. Даже днем страшно идти в баню одному, и женщина или девушка, посланная вперед, чтобы приготовить баню, идет туда с замиранием сердца. В банях не вешают образов и с грудным крестом в нее не входят. Подробностей об этом духе узнать не пришлось, но до-

стоверно то, что он считается «нечистым». Чтобы уяснить себе хоть скольконибудь значение баенника, позволю себе отметить, что обыкновенно каждая семья имеет свою баню и реже встречаются, что две, три семьи складываются вместе для постройки бани: поэтому каждый баенник является духом, имеющим отношение главным образом лишь к той семье, которой баня принадлежит: он является также, как и упомянутые выше домашние духи – духом семейным, домашним.

Эта обособленность баенников для каждой отдельной семьи является интересной и невольно рождается вопрос: не имеет ли представление о баеннике какой-нибудь связи с культом предков, быть может, там похороненных. Вопрос, который я решить не берусь.

Таковы домашние духи пудожан. Как видно культ их почти что изгладился вовсе, оставив за собой лишь бледные следы. Нового он ничего не дает нам: мы не обогатим благодаря этим остаткам, наших сведений о древних верованиях русского народа. Тем не менее, я счел невозможным обойти его молчанием: эти домашние духи все-таки слишком близки пудожанину, слишком тесно связаны с его жизнью, и даже в этом разбитом виде составляют слишком видный отдел в представлениях населения, чтобы не изложить их здесь, хотя бы вкратце, в самых общих чертах.

Материалы по народным верованиям великорусов.²⁶⁴ Д.Н.Ушаков

<...> Домовой

Духи, населяющие жилища, в огромном большинстве случаев носят название домового или домового деда; кроме этих в нашем материале встречаются имена: доможил, хозяин, домовик и жена его домовичка, дворный (дворной) или дворовый (дворовой). Два последние названия предпочтительно перед другими употребляются в Калужской губ., причем в одной местности Мещовского уезда название «домовой», употребленное вместо «дворовой», считается оскорбительным. Других названий, известных в Великороссии, как напр, подполяник, запеченник, гуменник и т. п., в нашем материале не встречается.²⁶⁵ Иногда домовому духу не дается названия, и, не упоминая о нем, крестьяне говорят: «он» или «тот-то»; это, конечно, не характерно именно для домового, так как избегать произнесения имени духа – явление весьма распространенное (и не только в России); но этот обычай в данном случае мешает выяснению вопроса о том, населяло ли первоначально «двор» несколько духов

---

²⁶⁴ Этнографическое обозрение, XXIX–XXX. М., 1896, № 2–3, с. 149–164, 183–191.

²⁶⁵ Есть, впрочем, одно неясное упоминание об «овинщике». (27, Вязем. у. Смол. г.).

с различным местом жительства (изба, хлев и проч.), которые впоследствии слились в одном «домовом», или, наоборот, различные стороны деятельности одного сберегателя домашнего очага и хозяйства получили в народном представлении каждая своего представителя. Домовой находится в *каждом* доме, и в каждом доме по *одному* домовому. Больше одного домового не уживается в одном доме; а сталкиваться двум домовым приходится в том случае, если при переходе дома во владение другого лица новый домовый уже успел вместе с новым хозяином переселиться, а прежний домовый еще не приглашен своим хозяином следовать за ним на новое жилье; домовые разных дворов обыкновенно враждуют между собою, так как им в заботах о своем дворе часто приходится действовать в ущерб соседнему двору (о чем ниже).

Итак в большинстве местностей, откуда мы имеем ответы, известен лишь один дух жилья, которого мы далее и будем называть вообще «домовым».

Что касается в частности Медынского уезда Калужской губернии, где, как сказано выше, наиболее употребительным названием является «дворный» или «дворовый», то в одних местностях уезда дух, носящий это имя, признается тождественным с «домовым», в других же – «домовой» и «дворовый» считаются различными духами: первый живет в доме и имеет, по-видимому, большее отношение к людям, второй живет на «дворе» и ведаёт скотину. И тот и другой находят-

ся опять-таки в *каждом* дворе.²⁶⁶ Из того же Медынского уезда сообщается между прочим, что дворный находится в «каждом доме, где есть скотина»; к сожалению, в этом именно сообщении ничего не говорится о различии «дворного» от «домового», так что остается неизвестным, существует ли «домовой» в том доме, где нет скотины, между тем как знать это было бы важно для определения различия между «домовым» и «дворовым» и их взаимных отношений.

Своим местопребыванием домовый указывает на преимущественные отношения к скоту: живет на дворе, чаще всего в лошадином хлеве, где любит сидеть на перемете. Но в числе мест его пребывания указываются и строения, имеющие другое назначение в хозяйстве: овин, клуни, рига. На жительство домового в самой избе нет указаний: известно лишь, что иногда он стонет в подполье (избы). Кроме того известно, что при сношениях с домовым обыкновенно даже оставляют избу, напр., в случае его гнева умиловительную жертву (о чем ниже) ему выносят в сени, – факт, заставляющий видеть в современном духе жилья именно «дворового» духа в более узком смысле термина (т. е. если «двор» понимать не в смысле всей крестьянской усадьбы).

В большинстве случаев домовый одинок или, по крайней мере, о семье его ничего неизвестно. В нашем материале есть только одно косвенное указание в этом роде, где сказано, что

---

²⁶⁶ «Кроме домового, при каждом доме есть «дворовой, который ухаживает за всем, находящимся на дворе».

домовые «плодятся», и одно вполне ясное, идущее из Смоленской губернии, свидетельство о том, что домовый (там он называется хозяином) женат, что жена его называется домовичкой и что они имеют детей, плач которых иногда можно слышать.

Что касается образов, в которых является домовый, то их можно разделить на два разряда: или домовый имеет вид человека, или вид животного. В первом случае домовый представляется частью «старым-престарым» стариком и притом иногда лохматым, частью же домовый – человек среднего роста, сутуловатый, широкоплечий, коренастый; оброс длинной шерстью (по цвету шерсти: гнедой, вороной, белый или пегий); одет в старый зипун и лапти.²⁶⁷

Кроме роста обыкновенного человека, домовый может иметь и огромный рост, напр. выше дерева, с сосну ростом.

Помимо образа человека вообще, преимущественно старого, домовый является и именно чаще всего в виде какого-либо *известного* человека, принадлежащего к той семье, на дворе которой он живет. Так, в нашем материале мы встречаемся или с представлением домового в виде *отсутствующего* члена семьи (мужчины), или с наиболее распространенным и известным в науке представлением домового в образе хозяина дома, старшего члена семьи, как живущего,

---

²⁶⁷ Иногда домовый является одетым в непривычный для него костюм, который он получил, очевидно, вполне случайно, а именно – черный фрак, лаковые ботинки и черную шляпу.

так и умершего. Похож на хозяина он цветом волос, одеждой, ростом и может явиться в таком виде самому же хозяину.

Наряду с человеческим видом домовой может принимать образы кошки, собаки, зайца. Насколько естественными являются представления духа, имеющего столь близкое отношение к домашнему очагу, в образе домашних животных, настолько мало понятным представляется упомянутый образ зайца. Надо заметить, что этот последний образ домового является один только раз в нашем материале на всю массу случаев первого рода (т. е. образов домашних животных). Домовой, как кажется, должен был уже утратить в народном представлении характерные черты своей физиономии, чтобы явилась возможность заподозрить домового в зайце, выбежавшем с одного двора и пропавшем на другом дворе, как это было в рассказе, который я здесь имею в виду.²⁶⁸ Как в человеческом виде домовой имеет волосы одного цвета с хозяином дома, так и цвет шерсти собаки или кошки, в виде которых он является, одинаков с хозяйскими волосами. Может быть, в связи с представлением домового в виде собаки существует поверие о дружбе его с собаками.

Что касается способов увидеть домового, то в нашем материале сообщается следующее. Домового обыкновенно

---

²⁶⁸ «Два брата разделились: один переселился на новое жилище. Вскоре после этого соседи заметили,» что из прежнего дома выскочил заяц, ударился бежать по «порядку» и пропал на новом жилище. Это был, по их мнению, хозяин-домовой. Брат, который остался на старом месте, скоро овдовел и переселился к брату, уже отделенному».

можно видеть через хомут или через хомут и борону, наконец, – с небольшим, но характерным видоизменением первого способа – через хомут, при котором непременно есть гужи: «чтоб вышел крест». Можно также увидеть его на святой неделе, смотря по углам со свечой от светлой заутрени. от этой свечи домовый не может укрыться. Днем домовый не виден. Стараться увидеть его вообще не следует, потому что он очень страшен и потому еще, что он не любит любопытных, «гладит» их, обдирая лицо или спину, или, наконец, толкает их в яму, погреб, сталкивает с лестницы, с сеновала и т. п.; поэтому, из боязни рассердить домового, не следует высказывать излишнего любопытства и выходить, напр., из дому на шум, если при этом не лают собаки, друзья домового.

Так или иначе, а увидеть и даже ощупать²⁶⁹ его все-таки удастся; так, каждый хозяин знает своего домового.

Теперь обратимся к занятиям домового и его отношению к дому и семье. Выше уже было упомянуто, что домовый по современным представлениям имеет больше отношения к скотине, чем к людям. Из скотины особой любовью его пользуются лошади. Но у него есть также и нелюбимая скотина, именно, несходная с ним самим по масти.

Любимый скот он чистит, кормит, поит, выбирая для него корм у нелюбимого; любимой лошади он заплетает гриву, которой обыкновенно и не расплетают хозяева, чтоб не про-

---

²⁶⁹ Каким способом, неизвестно.

гневить домового. Если он не полюбит какого-либо животного, то может известить его: он гоняет нелюбимых лошадей, так что те оказываются на утро все в мыле, отнимает у них овес, наконец, заваливает их даже в корыто или чан, из которого их с трудом приходится освобождать. Таковую, пришедшуюся не ко двору или «не в руку», скотину спешат продать и справляются у домового, какой масти ему нужно; при этом нужно смотреть через хомут, и домовый, говорят, иногда дает ответ с указанием желаемой масти. Кроме своих, так сказать, специальных забот о скоте, домовый не чужд забот о благосостоянии всего дома вообще: охраняет дом, бережет от беды семью и даже посылает ей счастье. Являясь сторожем хозяйского добра, он в случае кражи ходит в дом вора и воет там в переднем углу до тех пор, пока вор не возвратит похищенного. Наконец, в случае пропажи скота, он иногда отправляется на поиски в лес, поля и пригоняет его домой.

Домовой между прочим является и предвестником будущего (обыкновенно будущего несчастья), что делает или по своей собственной инициативе, или же бывает вызван на это. Так, когда он ночью «наваливается» на спящих, то его можно спросить: «к добру или к худу?» и получить тот или другой ответ. Отвечает он или прямо, человеческим голосом, или условно: если ему надо ответить «к добру» – он молчит,²⁷⁰ в противном случае – издает звук «х». Перед бедою, напр., перед покойником, пожаром, он окликает хозяев, плачет и сто-

---

²⁷⁰ Или дышит теплым воздухом на спящего, как мне известно.

нет под полом. Самое появление домового в некоторых местностях считается предвестием беды, большею частью смерти; в этом случае он является в виде хозяина, или умершего деда, или хозяйского сына. Знанием домовым будущего можно воспользоваться и следующим образом. Иногда в различных частях жилья вдруг слышится – и слышится всегда только одному лицу – плач ребенка: это плачет дитя домового; в этом случае можно покрыть платком то место, откуда слышится плач (скамью, стол, куст, если дело происходит вне избы), и «домовичка», мать, не находя скрытого ребенка, отвечает на задаваемые ей вопросы, лишь бы открыли ребенка; спрашивать в этом случае можно все, что угодно.

До сих пор домовый являлся у нас более или менее добрым существом, расположенным к людям; но он не всегда добр. В перемене же отношений его к людям виноваты бывают обыкновенно последние. Обидеть его можно, между прочим, божбой, бранными словами, произносимыми за едой и т. п. Обиженный домовый или вымещает свою злобу на скотине²⁷¹ или чаще, по своему миролюбивому характеру, просто уходит из дому и уходит на беду семье и дому: обитатели дома по его уходе болеют, умирают, на здоровых людей находит уныние, скотина худеет и мрет. Кажется, единственная неприятность, которую он причиняет людям без видимой причины, это то, что он наваливается на них во время

---

²⁷¹ Каким образом, указано выше.

сна и душит,²⁷² причем принимает вид кошки или лохматого старика.

Так как обида, причиненная домовому, не влечет за собой ничего хорошего, то его стараются всячески ублажать и в случае ссоры – восстановить с ним добрые отношения тем или иным способом. В Медынском у. Калуж. губ. в чистый четверг втыкают на дворе можжевельник, под вереву льют святую воду, курят ладоном, – все это домовый очень любит; в Мещовск. у. той же губ. перед масленицей в заговенье ему выносят остатки скоромной пищи и оставляют их под комягой; в Рыльском у. Курской губ. после ужина в «хороших семьях» на столе всегда оставляется на ночь «харч» для домового. Рассерженного домового умилоствивляют обыкновенно тем, что отправляются во двор с хлебом-солью. В Ельнинском у. Смоленской губ. это называется «относить относы», причем там названный обряд совершается следующим образом: берут кусок хлеба, посыпанный солью и завернутый в чистую белую тряпку, прошитую красной ниткой, выходят в сени или на улицу (на перекресток) и, положив на что-нибудь хлеб-соль в тряпке, кладут четыре земных поклона на все стороны, читают Отче наш, а также заклинания, призывающие «хозяина» возвратиться в дом и переложить гнев на милость; белая тряпка с красной ниткой, как объясняется, изображает рубаху, жертвуемую домовому; для исполне-

---

²⁷² Для домового, наваливающегося на спящих, мне известно, между прочим, название «постен».

ния этого обряда приглашаются обыкновенно люди, которые «знают» или «шупят»; кроме Отче наш ими читаются еще молитвы к Б. Матери, Миколe, Прасковее-Пятнице, а также к семи сестрицам, к бел-горюч-камню; текстов этих молитв и заклинаний не удалось записать.

Кроме таких просительных средств, в случае, если рассерженный домовый начинает тревожить домочадцев или мучить скотину, прибегают также и к принудительным средствам, обращаются к каким-то другим силам, которые заставляют его смириться. Интересных фактов такого рода можно привести только три: чтобы усмирить домового, хозяин машет по всему двору лутошкой (липовой палкой без коры), или втыкает нож над дверью, или, наконец, его усмиряет бабка с помощью наговоренной воды. В тех же случаях прибегают также к изображению мелом крестов на потолке, притолках и проч., или к служению в доме молебна, окуриванию ладаном скотины, кроплению ее святой водою.

Итак, для благополучия семьи весьма важно иметь домового в доме и сохранять с ним дружественные отношения. Поэтому при перемене жилища хозяева всегда зовут его с собою с хлебом-солью. Приглашение производится в таких выражениях: «иди, хозяин, с нами жить», или: «дворный, дворный, иди со мной», или: «мой домовый, пойдем со мной» и т. п. При этом в некоторых местностях обходят три раза вокруг дома, взяв в руки часть навоза. В Курской губ. при приглашении домового ставят в трубу водку и закуску для домо-

вого, или берут первую ковригу хлеба, испеченную в новой избе и, вынеся ее на двор перед полночью и обратившись к востоку, зовут: «хозяин, пожалуйте ко мне на новоселье!» Хлеб этот вместе с солью ставят на ночь на припечке или на столе в избе; если все это будет тронуто, то, значит, домовый являлся.

Без приглашения домовый не покидает вполне старого дома, и потому ему приходится вступать в спор с вновь пришедшим домовым. Неприглашенный домовый жалобно плачет и нередко мстит как прежнему, уже выехавшему, так и новому хозяину дома. Месть его выразится в том, что он переведет всю скотину на новом месте; новых же хозяев он щиплет по ночам до синяков или швыряет в них, чем попало, наваливается на них, душит у них скот, разбрасывает ночью по избе дрова, растворяет на морозе двери, прячет разные вещи, – словом, старается выжить новых хозяев, чем бы то ни было.

В области поверий об отношениях домового к семье я должен отметить несколько весьма архаических черт, указывающих косвенным образом на происхождение верования в домового или, точнее сказать, подтверждающих наиболее достоверную теорию его происхождения. Мы уже видели, что в трогательных заботах о своем доме домовый доходит до того, что ворует с чужого двора корм для своего скота. Приведу еще факты, указывающие на то, что чужой домовый

считается врагом.²⁷³ От чужого домового втыкают над воротами чертополох. Домовой чаще тревожит по ночам гостей, чем своих (в этом случае для избавления от него втыкается нож над дверью). – На теснейшую связь домового с семьей указывает также поверие о том, что голос и привычки домового бывают похожи на голос и привычки одного из прапрадедов (особенно любивших хозяйство); напр., если предок любил коров, то и домовой любит рогатый скот. Здесь интересно припомнить название «домовой дед» и поставить его в связи с названием известного белорусского поминального обычая «дзеды».

В заключение изложения материала о домовом приведу еще черту его характера. Являясь духом не злым, он большой шутник и любит поугать, особенно девушек, занятых гаданьем. Кроме того, он является (один лишь раз) даже сластолюбцем и «не стесняется пользоваться чужими (?) женами, на что, впрочем, последние не особенно претендуют». Эта черта является мне непонятной.

---

²⁷³ Ср. Ковалевский. Происх. семьи и собственности, 58 стр.